V ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

«ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ»

тезисы докладов

7 – 9 апреля 2011 года

г. Красноярск

УДК 341
ББК 67
П78

Проблемы современной юридической науки и практики [Электронный ресурс]: тезисы докладов V Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (7-9 апреля 2011 года, г. Красноярск). – Электрон. дан. (2,01 Мб). – Красноярск : ЮИ СФУ, 2011. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования : Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей) 1 Ггц ; 512 Мб оперативной памяти; привод CD-ROM ; операц. система Windows 2000 / XP / Vista; Adobe Reader 7.0 и выше (или иной аналогичный продукт для чтения файлов формата pdf). – Загл. с этикетки диска.

© Сибирский федеральный университет, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Секция
Теория государства и права **17**

Мураускас Д.
РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ РЕШЕНИЙ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЛИТВЫ 18

Казакова П.А.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 21

Калюжнов Е.Ю.
ЛОКАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ:
К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ФУНКЦИЯХ И О СУБЪЕКТАХ ПРАВОТВОРЧЕСТВА 24

Кардашевский А.В.
ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ 28

Кравченко Е.А.
ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ 31

Кривохижина А.А.
НЕТИПИЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ 34

Лебедь П.О.
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДВОКАТУРЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ 37

Мингазов Р.Ш.
К ВОПРОСУ О ТЕОРИЯХ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ 40

Молчаков Н. Ю.
ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ИХ РЕШЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 44

Петрова Н.В.
СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ 48

Подлобникова Е.В.
СТРУКТУРА ПРАВОВОГО РЕЖИМА 50

Теплякова А. В.
ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНА «О ПОЛИЦИИ» 53

Толстых А. С.
К ВОПРОСУ О ПОТЕРПЕВШЕМ В ПРАВЕ 56

Чендырев А. А.
К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ 59

Шарно О. И.
К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ 62

Юрышев С. С.
КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА 66

Секция
Проблемы теории и истории государства и права **69**

Дробышевский Д. С.
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕЗАВИСИМЫХ ДЕРЕВНЯХ ИНДЕЙЦЕВ ЮРОК (СЕВЕРНАЯ КАЛИФОРНИЯ) КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА 70

Журавлев Е.В.
КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ 72

Лапердина И. С.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНОЙ ЮСТИЦИИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ 76

Политова О. А.
ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 80

Талашкевич Н. Н.
ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ 83

Секция
Актуальные проблемы теории и практики конституционного права **87**

Азаров Е.О.
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДХОДОВ И ПРЕДМЕТОВ ФЗ «ОБ ОСНОВНЫХ ГАРАНТИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ ГРАЖДАН РФ» И ПРОЕКТА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РФ (ПРОЕКТ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ А.Е. ЛЮБАРЕВА) 88

Аносова Л. С.
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА 93

Белобрагина Н.А.
УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ 96

Бороздин М. С.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ 100

Верещагина К. О.
ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ НОРМ КОНСТИТУЦИИ РФ КАК ПРАВОВОГО РЕГУЛЯТОРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА 104

Гусева А.О.
ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЕТЕНЦИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА 107

Попова С.В.
ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 110

Проскурин А.С.
СООТНОШЕНИЕ ОБНАРОДОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СВЕТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ 113

Раткина Д.М.
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 116

Чапайкина И. Г.
ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ: ОПЫТ РОССИИ И США 119

Секция
Актуальные проблемы гражданского законодательства **122**

Дашиева С. В.
ЛИЧНЫЕ СЕРВИТУТЫ В РИМСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ 123

Канцер Ю. А.
ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА: АСПЕКТЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ 127

Колодуб Г. В.
РОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ В СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ 131

Комлевая О. В.
ГРАЖДАНСКИЙ БРАК: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА 135

Литвинова Н. О.
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОННОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ 138

Молчанова М. С.
К ВОПРОСУ О ПРЕЗЮМИРОВАНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА 142

Свинцов И. А.
ИНСТИТУТ ОПЕКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 146

Фахрутдинов М. В.
ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЕ КАК ФАКТОР БЕССРОЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ 149

Чернышёв В. И.
К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ 153

Чикун М. А.
ВЕЩНЫЕ ПРАВА В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 156

Секция
Коммерческое и предпринимательское право **159**

Сидельников М. А.
ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕДПИСАНИЯ О ПЕРЕЧИСЛЕНИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ ДОХОДА, ПОЛУЧЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА 160

Секция
Уголовное право **163**

Багляриду М. Ф.
ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 164

Галкин В.В.
ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЯМОГО УМЫСЛА, СВЯЗАННОГО С НАСТУПЛЕНИЕМ ПОСЛЕДСТВИЙ 167

Гибадуллин А.А.
ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 142 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 171

Гончаров Е.В.
СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ 175

Завьялов А.С.
РЕЙДЕРСТВО – ОТДЕЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ 179

Захарова О.А.
ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (СТ.171 УК РФ) ПРИ РАССОГЛАСОВАННОСТИ НОРМ УГОЛОВНОГО И «РЕГУЛЯТИВНЫХ» ОТРАСЛЕЙ ПРАВА 184

Караваева Ю.С.
О СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ ГРАЖДАНСКОГО ЛИЦА И ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В СОВЕРШЕНИИ ВОИНСКОГО НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ 187

Куликов Е.А.
СОДЕРЖАНИЕ ОБЩИХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ В СОУЧАСТИИ 190

Куренёв Д.С.
УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ГРУППОЙ ЛИЦ И ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН 194

Марченко А.М.
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА 198

Медведев Е.В.
СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РАБОТ 200

Москалев Г.Л.
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГЕНОЦИД 203

Попов А.И.
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В СТРАНАХ СНГ 207

Секция
Проблемы современной криминологии **210**

Алибеков М.Д.
ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ 211

Бембеева Д.М.
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 213

Бондарчук К.С.
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ 217

Гутник С.И.
НЕОБХОДИМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАНИНА 221

Ершова Е.В.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ДРУГИМИ СУБЪЕКТАМИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ 225

Пагурец А.С.
ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ИЛИ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ? (ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ) 228

Секция
Актуальные вопросы теории и практики российского уголовного процесса **232**

Брестер А.А.
ПОНЯТИЕ ВСЕСТОРОННОСТИ, ПОЛНОТЫ И ОБЪЕКТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ 233

Бухранова Т.С.
К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛУШАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИССЛЕДОВАНИЕМ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛУ 236

Иванова О.Г.
АНАЛИЗ ПРАКТИКИ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В СВЕТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТ.97 УПК РФ 240

Исаченков С.Б.
ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЛОКИТЫ, ДОПУСКАЕМОЙ ПРИ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРКАХ СООБЩЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ НАСИЛИИ, ПРИМЕНЯЕМОМ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ 244

Максимова А.А.
ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА 248

Пестрецов П.А.
ПОЛНОМОЧИЯ АДВОКАТА ПО ОБЖАЛОВАНИЮ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА 252

Прокопьев М.В.
РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ 255

Ряполов В.С.
УЧАСТИЕ ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ 258

Суслова Е.В.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДАНИЯ СУДУ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ 262

Секция Криминалистика **265**

Богдановский Д.О.
НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 266

Никифорова Д.Ф.
ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА 269

Секция Компаративистика **271**

Боженова М.В.
ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛКИ НЕУПРАВОМОЧЕННЫМ ОТЧУЖДАТЕЛЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И ФРГ 272

Бокова О.Н.
FORMATION OF GUBERNIYAS ADMINISTRATIVE UNITS OF THE RUSSIAN SOVIET FEDERATION REPUBLIC IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET RULE: THE CASE OF TSARITSYN GUBERNIYA 276

Gabow A.A.
DIE ORGANISATION DER VERWALTUNG IM BILDUNGSBEREICH IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND 279

Korolyeva O.E.
DIFFERENT EXTENTS OF LEGAL CAPACITY OF CORPORATIONS IN ENGLAND, THE USA AND THE RUSSIAN FEDERATION 283

Красильников М.В.
ЗАЩИТА ПРАВ МИНОРИТАРНЫХ АКЦИОНЕРОВ ПРИ ПУБЛИЧНЫХ ПОГЛОЩЕНИЯХ В АКЦИОНЕРНОМ ПРАВЕ СТРАН ЕС И РОССИИ 286

Секция
Актуальные проблемы международного права и международных отношений **290**

Баталова М.Р.
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ 291

Бенецкая В.В.
ЦЕНА – СУЩЕСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ? 295

Касаткина А.С.
О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРА И БАГАЖА 297

Матвеева А.Ю.
ИСЛАМИЗМ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА 300

Мицкевич А.А.
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОРРУПЦИИ 304

Чебоксарова М.А.
НАСЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ 308

Секция
Современные проблемы административной науки и практики **310**

Белокобыльская С.В.
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОАП РФ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ 311

Габов А.А.
ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ 314

Леготина Н.А.
АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МУСОР (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ) 318

Магодеева Д.О.
БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ И ОБРЕМЕНЯЮЩИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ 322

Червонная Ю.А.
ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ 325

Секция
Финансовое право: актуальные проблемы и перспективы **329**

Безикова Е.В.
К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 330

Волкова Н. А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «НЕРАВНОГО ЭФФЕКТА» ДЕЙСТВИЯ НОРМ НАЛОГОВОГО ПРАВА 333

Шкурина М.А.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ 337

Секция
Актуальные проблемы цивилистического процесса **341**

Карманчук А.С.
АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА РФ «ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА (ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ)»: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ 342

Некрасова Е.Н.
О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ 345

Сидоренко К.С.
ТИПИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТЦОВ ПРИ ОБРАЩЕНИИ С ИСКАМИ О ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СУММ: ОБОБЩЕНИЕ ПРАКТИКИ ПО Г. КРАСНОЯРСКУ ЗА ОКТЯБРЬ 2010 – МАРТ 2011 Г.Г. 348

Секция
Социальная защита и социальная работа **351**

Алексеева К.А.
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДОЙ СЕМЬЁЙ 352

Бузыкина М.С.
ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ 355

Буракова А.А.
ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УСЫНОВЛЕННЫМИ И УСЫНОВИТЕЛЯМИ 358

Васягина А.А.
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ 361

Вихор Е.А.
ПРОБЛЕМА БЕСПЛОДИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КЛИЕНТА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА 364

Дикалов В.С.
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ ПО ФОРМИРОВАНИЮ И СТИМУЛИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ 367

Жижко А.В.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ - СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ О СЕМЬЕ И БРАКЕ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДОЙ СЕМЬЕЙ 371

Лалетина М.В.
ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 374

Мерзлякова А.В.
РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МИГРАНТОВ 378

Мурзина Д.В.
КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ? 383

Пролубникова Д.С.
ГРУППОВАЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И ЕЕ ПОМОЩЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН 386

Пузырева Т.Г.
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА 390

Рипская С.Г.
ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ 394

Филишкан О.В.
ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ 398

Ходоева А.С.
СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩЕЙ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 402

Цепцова Д.С.
ПОНЯТИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ 406

Чекмарёва П.А.
ОПЛАТА ТРУДА РАБОТНИКОВ АППАРАТА СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА 410

Шутова А.Н.
ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ 414

Секция
Современные проблемы трудового и экологического права **418**

Горшов Е.А.
К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ 419

Кудро А.Е.
ОТКАЗ В ПРИЁМЕ НА РАБОТУ 422

Маркова Н.В.
МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ 424

Солдатова А.Е.
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГОРОДСКИХ ПАРКОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОМСКА) 428

Тюкавкина К.А.
ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ 431

Секция

Теория государства и права

РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ РЕШЕНИЙ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ЛИТВЫ

Донатас Мураускас,
аспирант кафедры публичного права
юридического факультета Вильнюсского университета

Научный руководитель:
Эгидиюс Курис,
профессор, заведующий кафедрой публичного права
юридического факультета Вильнюсского университета

Конституционный суд Литовской Республики определил необходимость аргументировать судебные решения на основании требования, следующего из принципа правового государства. Необходимость аргументировать судебное решение признана как доктриной, так и практикой судов. Обоснование решения суда позволяет понять, почему суд оценивает ситуацию определенным образом.

Стороны рассматриваемого дела обычно имеют противоположные интересы, посему отличны их аргументы, ведущие к различным выводам, благоприятным конкретной стороне. Можно утверждать, что различная правовая аргументация, применяемая сторонами, основывается и на различных понятиях права. Если стороны используют в аргументации различные понятия права, можно предположить, что каждая из сторон надеется, что ею избранное для основания судебного решения понятие права может определить исход дела.

Различные понятия права по существу нацелены на объяснение, обоснование права и его существования как такового. В практике литовских судов побеждают различные понятия права, и можно ли считать, что есть «золотое правило», определяющее, какое конкретно понятие права принесет успех в деле?

Считается, что различные понятия права не отрицают друг друга, и их, как и судебную аргументацию, объединяет взаимная связь. Так как же определить (и вообще, возможно ли?) критерии выбора наиболее эффективного в конкретной ситуации понятия права? Ответ на этот вопрос можно поискать в примерах судебных решений и допущении применения института судебного прецедента.

Среди наиболее часто встречающихся взаимодействий различных понятий права есть следующие (и далее представим более полно каждое из этих взаимодействий на примерах из практики судов):

1) Содержание *versus* форма (естественное право против позитивного право)

2) Постоянство *versus* изменчивость (естественное право и позитивное право против правового реализма)

3) Цели сообщества *versus* формальные ограничения (социология права против позитивново право)

Содержание *versus* форма:

1) *Тезис*: право – это вопрос социального факта, мораль не попадает в поле действия права

2) *Антитезис*: мораль является неотъемлемым условием существования права.

3) *Синтез*: в праве должна быть системная индиффирентная морали форма наряду, с минимальным объемом морали.

Один из примеров судебной практики: гражданин А просит возместить понесенный нематериальный ущерб. В момент нанесения ущерба не было связанных с нанесением нематериального ущерба положений закона. Судебное решение: ущерб должен быть возмещен, поскольку в данном деле ущерб нанесен в особых условиях (преступление против человечности), и это позволяет не применять императивных установок закона.

Постоянство *versus* изменчивость:

1) *Тезис*: право обеспечивает стабильность

2) *Антитезис*: правовые ценности изменчивы.

3) *Синтез*: содержание прадо ценностей изменяется в зависимости от фактических обстоятельств каждой ситуации

Один из примеров судебной практики: для нотариуса аттестация завершилась отказом ему в возможности выполнять соответствующие обязанности. Нотариус обжаловал такое решение. Одним из аргументов был факт, что во время аттестации, проводимой аттестационной комиссией Нотариальной палатой, последняя не была зарегистрирована в регистре юридических лиц, что в соответствии с Гражданским кодексом означает отсутствие одного из необходимых условий создания юридического лица (принцип *Ex injuria jus non oritur*). Решение суда: принятое решение не может обосновываться лишь на превосходстве законности, ибо так преобладал бы формализм и игнорировались живые социальные процессы, возникла бы угроза социальной функции права.

Цели сообщества *versus* формальные ограничения:

1) *Тезис*: право должно ориентироваться на существующие коллективные цели

2) *Антитезис*: необходимо ограничивать воздействие общественного интереса, обеспечивая стабильность права

3) *Синтез*: общественный интерес не абсолютен, его можно ограничивать

Один из примеров судебной практики: в Законе о гражданстве есть положение о возможности предоставить лицу гражданство, если в этом наличествует общественный интерес (например, лицо может представлять Литву в каком-нибудь виде спорта и т.п.). Решение суда: такое законодательство несовместимо с конституционным понятием гражданства Литовской Республики, оно необоснованно расширяет возможности для граждан других государств, ибо в соответствии с Конституцией, за исключением установленных законом отдельных случаев, не допускается двойное гражданство Литовской Республики и иного государства.

В практике литовских судов нет преобладающего понятия права, однако можно увидеть определенные тенденции принятия решений в конкретных ситуациях. Эффективность выбранной правовой аргументации зависит от специфики рассматриваемого вопроса и его оценки как в формально-правовом, так и в более широком дискурсе. Сосуществование различных понятий права в судебной практике означает, что аргументацию для рассмотрения дела следует искать и в традиционных и в относительно новых понятиях права. Применение института прецедента может помочь предвидеть решение по делу в конкретной ситуации.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ О ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Казакова Полина Александровна,
студентка 2 курса юридического факультета
Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета

Научный руководитель:
Горбуль Юлия Александровна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и
административного права
Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета

Обеспечение безопасности труда человека на производстве является одной из актуальных проблем в жизни современной России. Безусловно, эффективность обеспечения промышленной безопасности зависит, среди прочего, и от состояния законодательства, регулирующего данную (и смежные с ней) сферы общественных отношений.

К сожалению, в современном российском законодательстве встречается довольно большое количество ошибок по содержанию и форме изложения нормативных актов. Однозначность и максимальная точность информации в правовых документах невозможна при разнобое и разночтении терминологии. Ученые-лингвисты обоснованно утверждают, что практически абсолютные синонимы не существуют. Каждый термин, как бы близок по смыслу он не был к другому, обозначающему то же понятие, имеет свои нюансы значения, особенности смысла. Эти идеи для законодателей имеют особое значение. Еще Декарт говорил о том, что определение значения слов избавит мир от половины его заблуждений[1].

Все вышесказанное в значительной степени касается нормативно-правовых актов, которые регулируют общественные отношения в сфере обеспечения безопасности на производстве. Так, например, анализ некоторых базовых федеральных законов, посвященных вопросам промышленной безопасности, показал, что в российском законодательстве отсутствует единое определение понятия «безопасность».

Академический словарь русского языка трактует термин «безопасность» как положение, при котором кому-либо, чему-либо не

[1] Цит. по: Цалиев А. Бесполезные законы вредны для общества // Российская юстиция. - 2001. - № 4. С.29.

угрожает опасность[1]. По другому определению, безопасность жизнедеятельности – это состояние окружающей среды, при котором с определенной вероятностью исключено причинение вреда существованию человека[2].

Безопасность как «свойство» рассматривается в следующем определении: «безопасность – свойство объекта сохранять состояние с минимальным риском причинения ущерба от возможных аварийных происшествий, а также его непрерывных энергетических и вредных материальных выбросов»[3].

Приведенные выше определения безопасности, которые характеризуют ее как определенное (безопасное для человека) состояние (либо свойство) окружающей среды либо производственного объекта, не адекватны большинству легальных дефиниций (терминов, используемых в текстах действующих нормативных актов). В последних основной акцент делается не на состояние среды, а на степень защищенности человека от вредных воздействий.

Так, например, федеральный закон № 2446-1 «О безопасности» от 05.03.1992 г. (в ред. от 26.06.2008г.) определяет безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз»[4].

Аналогичное определение зафиксировано и в Федеральном законе № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21.07.1997 г. (в ред. от 27.12.2009г.), который устанавливает, что промышленная безопасность – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий»[5].

В федеральном законе №3-ФЗ от 09.01.1996 г. (в ред. от 23.07.2008г.) «О радиационной безопасности населения» зафиксировано понятие радиационной безопасности, которая определяется как «состояние защищенности настоящего и будущего поколений людей от вредного для их здоровья воздействия ионизирующего излучения»[6].

Федеральный закон №117-ФЗ «О безопасности гидротехнических сооружений» от 21.07.1997 г. (в ред. от 27.12.2009 г.) закрепляет положение о том, что «безопасность гидротехнических сооружений - свойство гидротехнических сооружений, позволяющее обеспечивать

---

[1] Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. - М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. - С.75.

[2] Либерман А.Н. Техногенная безопасность: человеческий фактор. Санкт-Петербург: б.и., 2006. - С.10.

[3] Захаренко, Е.Н. Новый словарь русского языка: 25 000 слов и словосочетаний. -М.: Азбуковник, 2003. - С 26.

[4] Ведомости СНД и ВС РФ. - 1992. - № 15. - Ст. 769.

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - №30. - Ст.3588.

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - №3. - Ст.141.

защиту жизни, здоровья и законных интересов людей, окружающей среды и хозяйственных объектов», а «критерии безопасности гидротехнического сооружения - предельные значения количественных и качественных показателей состояния гидротехнического сооружения и условий его эксплуатации, соответствующие допустимому уровню риска аварии гидротехнического сооружения и утвержденные в установленном порядке федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими государственный надзор за безопасностью гидротехнических сооружений»[1].

Следовательно, безопасность в Российской Федерации определяется в различных сферах не единообразно, и регламентация связанных с обеспечением безопасности общественных отношений, осуществляется, прежде всего, через совокупность условий, запретов, ограничений и других обязательных требований, содержащихся в различных нормативных правовых актах Российской Федерации, а также в нормативных технических документах, которым должны соответствовать предприятия.

Необходимо отметить, что определение «промышленная безопасность» в ряде западных стран вообще не используется, а употребляется термин «управление рисками»[2]. В данных условиях промышленная безопасность рассматривается не как определенный факт соответствия тем или иным установленным нормам, а как процесс совершенствования и укрепления безопасности на предприятии. Анализ риска является системным подходом в принятии мер предупреждения или уменьшения опасности промышленных аварий для жизни человека, заболеваний или травм, ущерба имуществу и окружающей среде.

Таким образом, обобщая все вышеизложенное, следует заключить, что анализ ряда легальных дефиниций, имеющихся в федеральных законах и других нормативных правовых актах, регулирующих отношения по обеспечению промышленной безопасности, свидетельствует об отсутствии единых унифицированных формулировок ряда терминов и понятий. Представляется, что корректировка определений различных понятий, используемых в правой регламентации отношений по обеспечению промышленной безопасности в базовых законах федерального уровня с последующей конкретизацией в иных (специальных) нормативных документах позволит повысить эффективность правового регулирования этой важной сферы общественных отношений.

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - №30. - Ст.3589.

[2] Гуманитарные технологии в угольной отрасли: теория и практика / составители В.С.Гершгорин, Л.П.Петухова; пер. с англ. Л.П.Петуховой, В.Ю.Диканова, Я.Е.Смирновой, К.А.Костенковой, Е.И.Соловьевой; НФИ ГОУ ВПО «КемГУ». - Новокузнецк, 2009. - С.52.

ЛОКАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ: К ВОПРОСУ О ПРАВОВЫХ ФУНКЦИЯХ И О СУБЪЕКТАХ ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Калюжнов Евгений Юрьевич,
студент 5 курса юридического факультета
Волгоградского государственного университета

Научный руководитель:
Давыдова Марина Леонидовна,
д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой
конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета

Неоправданный, но исторически сложившийся фрагментарный ("мозаичный") характер отечественных научно-правовых изысканий в сфере локальных нормативных правовых актов[1] обусловлен как "унаследованными" проблемами советской правовой идеологии (в виде традиционных для неё апологии государственной монополии на правотворчество, односторонности теоретических выкладок о формах собственности и общественном самоуправлении, неразвитости учения о механизме социального действия права и т.п.), так и сложностями эмпирического характера (включая недостаточное правовое качество ЛНПА, их массовость и рассредоточенность, отсутствие общедоступных источников опубликования (обнародования) и систематизации таких актов в общегосударственном (или ином крупном) масштабе и др.)[2]. Между тем, в современных условиях становления и упрочнения институтов гражданского общества (как по определению саморегулируемой системы) и свободного гражданского оборота (уникально проявляющегося в каждом отдельном случае) именно ЛНПА в состоянии качественно, оперативно и детально упорядочить конкретные общественные отношения.

В частности, стоит признать, что сущность локальных актов - как их "смысловая сердцевина" - проявляется посредством выполнения ими специфических функций, среди которых в качестве основных представляется возможным выделить:

- *первичное правовое регулирование*, имеющее место в тех случаях, когда определённые общественные отношения не включены в "правовое пространство" на уровне государственной или муниципальной правовой регламентации, но представляют интерес для субъектов локального

[1] В дальнейшем по тексту может использоваться аббревиатура "ЛНПА".
[2] См. подробнее, например: Потапов, В.А. Корпоративные нормативные акты как вид локальных актов: автореф. дис. ... канд. юридических наук: 12.00.01 / Потапов Владимир Александрович. - М., 2008. - 26 с.

правотворчества из-за собственной инициативы либо в силу смысла ("духа") закона, позволяющего усмотреть возможность отнесения установления некоторых прав и обязанностей к области их деятельности (например, корпоративный институт "брендбука" - как кодекса правил по визуализации и применению торговой марки и/или коммерческого обозначения - может практически не иметь правового смысла с точки зрения ГК РФ, но в силу общих принципов права и применения аналогии с Федеральным конституционным законом от 25.12.2000 № 2-ФКЗ "О Государственном гербе Российской Федерации" позволяет минимизировать правовые риски при использовании подобных средств индивидуализации юрлиц);

- *конкретизацию правовых норм*, складывающуюся в случае наличия общих положений актов более высокой юридической силы, устанавливающих соответствующее право на принятие (издание) ЛНПА в целях разрешения внутренних вопросов субъекта правотворчества (к примеру, ч. 4 ст. 189 ТК РФ содержит правило о том, что правила внутреннего трудового распорядка, как локальный нормативный акт, могут регламентировать в соответствии с ТК РФ и иными федеральными законами, в частности, порядок приёма и увольнения работников, основные права, обязанности и ответственность сторон трудового договора и пр.);

- *"ретрансляцию" правовых норм*, реализуемую посредством определённой систематизации и дублирования норм законов в целях доведения их тем самым до непосредственных адресатов в прагматичном "концентрированном виде" (так, Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" в абзаце десятом ч. 2 ст. 12 закрепляет правило о том, что Устав ООО должен содержать, в частности, сведения о порядке хранения документов общества и о порядке предоставления им информации своим участникам и другим лицам, причём ст. 50 этого же закона детально регламентирует соответствующий институт);

- *преодоление пробелов в праве*, сводимое к тому, что локальное регулирование - в силу меньшей формализованности процесса - позволяет преодолеть пробел гораздо быстрее, чем законодательство может его устранить (например, поскольку ГОСТ Р 51511-2001 распространяется на печати с воспроизведением Государственного герба Российской Федерации, то юрлица, не имеющие права его использовать, разрешают вопросы, связанные с их круглыми печатями, с опорой на данный государственный стандарт, но посредством разработки своих корпоративных актов).

Таким образом, ЛНПА из-за своего значительного нормативно-функционального потенциала приобретают своеобразную роль "правовой

подушки" (вспомогательного регулятора), обладая как наименьшей юридической силой, так и дополняя и конкретизируя весьма громоздкое, достаточно консервативное и подчас несогласованное отечественное законодательство с учётом региональных, отраслевых и локальных особенностей и потребностей[1]. Вместе с тем, сама принципиальная возможность осуществления принятия (издания) норм права не государством или муниципальным образованием в своей концепции служит свидетельством признания ограниченного характера правотворческой монополии публичной власти[2], что порождает вопрос о круге субъектов локального правового регулирования, в лице которых, к тому же, по общему правилу совпадают субъекты правотворчества и правоприменения.

Представляется, что в настоящее время наиболее корректным является рассмотрение ЛНПА как внутренних (т.е. распространяющихся только на лиц, состоящих в юридической связи с субъектом локального правотворчества) актов юридических лиц, поскольку: а) универсальное понятие "юридическое лицо" нормативно закреплено (ч. 1 ст. 48 ГК РФ); б) именно и только обладание статусом юрлица (как "разрешительной" конструкции коллективного субъекта права) предполагает как предварительное, так и последующее санкционирование публичной властью его актов, что является обязательным условием придания им юридической силы. Стоит отметить, что, в соответствии со ст. 124 ГК РФ, государство и муниципальные образования - в лице их органов (ст. 125 ГК РФ) - выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений (физическими и юридическими лицами), причём к ним применяются нормы, определяющие участие юрлиц в таких отношениях, если иное не вытекает из закона или особенностей данных субъектов[3]. Такая ситуация порождает проблему отграничения ЛНПА от внутренних актов, действующих в органах публичной власти (которые обладают публичными интересами), предусматривающих структуру, правила внутреннего трудового распорядка и т.д. и распространяющих своё действие только на их работников (служащих). Как представляется, данную проблему стоит решать в рамках отдельного междисциплинарного исследования на стыке конституционного, административного, трудового и гражданского права. Поэтому, не отрицая, в принципе, связь,

[1] См. подробнее, например: Рубайло, Э.А. Локальные акты в системе правовых актов Российской Федерации / Э. А. Рубайло // Журнал российского права. - 2010. №5. - С. 72-80.

[2] См. подробнее, например: Давыдова, М.Л. Локальные нормативно-правовые акты в системе российского законодательства: проблемы понятия и классификации / М.Л. Давыдова // "Чёрные дыры" в Российском Законодательстве. - 2008. № 2. - С. 81-83.

[3] См. подробнее, например: Курбатов, А.Я. О юридических лицах публичного права / А.Я. Курбатов // Хозяйство и право. - 2009. № 10. - С. 77–85.

существующую между внутренними актами органов публичной власти и негосударственных организаций, перспективным для развития учения о ЛНПА видится акцентирование внимания на последних.

Резюмируя, возможно сделать вывод, что ЛНПА объективно занимают особое место в системе правовых актов Российской Федерации, обусловленное децентрализованным характером локального регулирования и его приближённостью к условиям деятельности каждого конкретного юридического лица. При этом, подобное "низовое", "общественное" право значительно расширяет сферу правового регулирования и превращает общество из пассивного объекта юридического воздействия в систему, активно участвующую в процессе саморегуляции.

ФЕНОМЕН ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Кардашевский Артём Валерьевич,
студент 4 курса Юридического института
Иркутского государственного университета

Научный руководитель:
Тирских Максим Геннадьевич,
к.ю.н., доцент кафедры международного права и сравнительного правоведения
Юридического института
Иркутского государственного университета

Проблема государственно-конфессиональных отношений (далее - ГКО), т.е. взаимоотношений между государством и конфессией, является одной из наиболее актуальных не только в современной науке теории государства и права, но и в реальной практике. В нашей стране это связано в первую очередь с тем, что с распадом Советского Союза кардинально изменилось отношение общества и органов государственной власти Российской Федерации к конфессиям и религии в целом. Были провозглашены демократические права и свободы, равенство. Центральным аспектом в дальнейшем развитии российских государственно-конфессиональных отношений стало гарантирование свободы совести и вероисповедания, а также равенство всех религиозных организаций перед государством и законом, которые были легитимированы и закреплены в Конституции РФ. В дальнейшем они получили свое правовое развитие в Федеральном Законе РФ от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», содержание которого до сих пор вызывает многостороннюю критику. Немаловажное значение следует придать политическим ситуациям в иностранных государствах, на международной арене, а также многочисленным проблемным вопросам различного рода международных сношений Российской Федерации, которые, несомненно, порождают определенный резонанс внутри страны и опосредованно влияют на состояние государственно-конфессиональных отношений.

Взаимодействие между государством и конфессиями всегда являлось одним из важнейших аспектов существования общества. На современном этапе развития человечества, в «век информации и всесторонней свободы» эта проблема становится особенно острой.

Связь государства с конфессией на протяжении истории носила достаточно сложный и подчас противоречивый характер, принимая самые

разнообразные формы. ГКО могли выражаться в противоборстве государственной власти и религиозной, в их полном слиянии, в тесном союзе и поддержке, в верховенстве государственной власти над «духовной» или «духовной» над государственной, и, наконец, во взаимном невмешательстве государства и конфессии в дела друг друга.

Государство есть закономерный результат развития человеческого общества, идея государства лежит как бы в самом существе человека. Но в то же время, человек всегда пытается выйти за рамки этого «скучного» мира и в стремлении объяснить необъяснимое старается перенести фантастические результаты своего субъективного сознания в объективную реальность. Так возникает вера в сверхъестественное, являющаяся базисом для религии. Однако религия, будучи содержанием, не может не обличаться вовне, она обязательно должна найти какую-либо внешнюю форму. И, как следствие, возникают специальные «духовные» институты – конфессии. Государство и конфессия – это сложные, исторически обусловленные социальные системы, оказывающие огромное влияние как на человечество в целом, так и на всех и каждого в отдельности. Они способны формировать законы поведения и образ мыслей людей, их отношения друг к другу и к окружающему миру, диктовать порядок человеческой деятельности и создавать условия для такой деятельности. В зависимости от качества и степени их взаимной интегрированности отношения между государством и конфессиями могут носить созидательный характер или же наоборот обладать деструктивными свойствами. Конфессия, как и государство, имеет социальную природу и в своем историческом развитии проходила множество стадий и принимала множество форм, начиная от самых простых и архаичных (например, сословие жрецов еще в догосударственный период) и до самых утонченных и дифференцированных.

Институциональные структуры разных религий и сейчас являются участниками политического процесса как мирового, так и внутригосударственного характера, выступая при этом как аналог неправительственных организаций. Влияние конфессий может быть выражено не только во влиянии религиозного мировоззрения, культа и опыта в идеологической сфере, но и с помощью идеологии во влиянии самих религиозных организаций в политико-управленческой сфере, в том числе и на государственные структуры. Конфессия, принимая на себя решение некоторых политических задач и функций, становится уже политическим институтом. Религиозные организации часто используют свой авторитет для поддержки политики государства, для достижения политических целей, выгодных государственным органам. Влияние конфессий огромно и всеобъемлюще, его трудно переоценить, равно как и влияние государства.

Проанализировав мировую историю, замечаем, что государство всегда осуществляло политическое руководство обществом, причем это руководство всегда исходило из господствующего социального субъекта, будь то один человек, группа лиц или народ в целом. Однако государство, будучи территориальной организацией, осуществляло преимущественно именно территориальное управление, а властные аппараты попутно применяли и идеологическое воздействие для достижения своих целей. В свою очередь любая конфессия всегда в той или иной мере стремится воздействовать на сознание людей и в этой связи осуществляет главным образом духовное, идеологическое управление, тем самым зачастую интегрируя себя в политико-управленческую сферу общественной жизни - в вотчину государства. Доступный арсенал средств и методов по осуществлению политической власти не позволяет государству изолировать свою деятельность от иных сфер общественной жизни. Оно, так или иначе, намеренно или нет, вмешивается в духовное управление обществом. То же самое происходит и с конфессиями: осуществление духовной власти всегда сопровождается внедрением в политическую сферу жизни общества.

В этой связи государство и конфессию нельзя рассматривать как независимые величины. Государство и конфессия – это два важнейших института управления обществом, без которых представить существование человечества практически нереально.

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Кравченко Евгений Андреевич,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шафиров Владимир Моисеевич,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В конце XX века в России началось коренное реформирование государства и права, что привело к кардинальным изменениям в характере взаимодействия двух основных субъектов общественных отношений: государства и граждан. В новой социальной действительности правовое государство было избрано в качестве цели, к которой необходимо стремиться, с достижением которой связано нынешнее и последующее развитие страны.

Формирование правового государства чрезвычайно сложный процесс, который в юридическом аспекте непосредственно связан с утверждением в законодательстве и практике организации и деятельности всех субъектов права соответствующих принципов: приоритет прав и свобод человека и гражданина, верховенство права, разделение властей, взаимная ответственность государства и граждан и др. Только их полное и точное соблюдение и исполнение в своей совокупности даст положительные результаты, которые будут соответствовать конституционным положениям.

Особое значение в системе принципов правового государства занимает взаимная ответственность государства и граждан. Реализация этого принципа гарантирует существование подлинно правового государства, дает возможность государству и гражданину предъявлять взаимные требования, позволяет применять меры принуждения по отношению к субъектам, нарушающим установленный порядок.

Организация правовой государственности в конкретной стране зависит от условий ее социального и культурного развития, а также от уровня осведомленности населения не только о действительном положении в социально-экономической, культурной областях, но и о причинах, его предопределяющих. Национальная специфика, следовательно, предполагает различные формы и методы социального

строительства. Избранная конкретная форма такого строительства есть синтез всеобщего с национально-историческим, специфичным, что находит свое воплощение в учредительных актах большинства государств, таких, например, как конституция.

Так, Б.С. Эбзеев отмечает: "Социальная ответственность общества «юридизируется» в лице государства в качестве ее носителя путем ее закрепления в Конституции."[1]

Таким образом, важным проявлением взаимной ответственности является ряд конституционных положений, в соответствии с которыми властные структуры государства обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами непосредственно затрагивающими его права и свободы. В правовом государстве признается право каждого гражданина защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст.ст. 33, 45 часть 2 Конституции Российской Федерации). Все это делает государство ответственным перед гражданином. В свою очередь гражданин несет ответственность за свои незаконные действия перед государством в лице его органов (ст. ст. 57, 58, 59 Конституции Российской Федерации).

Следовательно, в Конституции предусмотрены предпосылки к развитию института взаимной ответственности.

В юридической литературе достаточно широко разобрана проблема ответственности личности перед государством, но остается много пробелов во второй сфере проявления взаимной ответственности: ответственности государства перед личностью. Проблемы в этой сфере и являются основной стороной данного исследования.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить ряд законов в которых напрямую устанавливается принцип взаимной ответственности государства и личности.

Например, это ст.5 ФЗ о безопасности (как принципам обеспечения безопасности)[2], ст. 4 ФЗ о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства (как принцип осуществления государственной защиты)[3], ст. 3 ФЗ о транспортной безопасности (как принцип обеспечения транспортной безопасности)[4].

Проблема ответственности государства проникает и в сферу правотворчества и правоприменения. Издание незаконного акта, ущемляющего права, свободы и интересы граждан и юридических лиц — это правонарушение, выражающееся в злоупотреблении правом издавать

---

[1] Эбзеев, Б.С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности / Б.С. Эбзеев. – М.: Норма, 2007. – С. 175.

[2] Федеральный закон от 05.03.1992 N 2446-1 "О безопасности".

[3] Федеральный закон от 20.08.2004 N 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства".

[4] Федеральный закон от 09.02.2007 N 16-ФЗ "О транспортной безопасности".

властные предписания, это превышение власти в сфере правотворчества или правоприменения. Юридическая ответственность в данном случае выражается в форме отмены незаконного акта, а при наличии оснований, и дисциплинарной ответственности.

Однако что касается правотворчества на самом высоком уровне (законотворчество), то здесь привлечь к ответственности государство практически невозможно. И это также является одной из важных проблем на сегодняшний день, хотя на уровне местного самоуправления все же предусмотрена возможность отзыва депутата представительного орган. Эта процедура проходит по правилам референдума и отражена в Федеральном законе об общих принципах организации местного самоуправления (ст. 24). Закрепление такого института на уровне МСУ может послужить предпосылкой развития его и на высших ступенях власти.

На основании Закона РФ об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права граждан от 27 апреля 1993 г. каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями или решениями государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц нарушены его права и свободы или созданы препятствия к их осуществлению, или он незаконно привлечен к какой-либо ответственности. Право граждан обжаловать действия и решения государственных и иных органов отражено в ч. 2 ст. 46 Конституции: "Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд"[1]. Однако привлечь органы власти или должностных лиц таким способом практически невозможно, что также является проблемой.

В завершении необходимо отметить, что анализ отечественного законодательства позволяет выделить в системе российского права межотраслевой институт ответственности государства перед гражданином, следовательно, проблемы взаимной ответственности государства и личности носят междисциплинарный характер, а наличие неразрешенных вопросов, говорит о необходимости дальнейшей разработки и изучения данной темы.

[1] Богданова, М.С. О понимании юридической ответственности в современных условиях/ М.С. Богданова // Юрист. – 1997. – № 7. – С. 39.

НЕТИПИЧНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

Кривохижина Алёна Андреевна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Петров Александр Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Тема, касающаяся нетипичных правовых актов, в юридической литературе не получила широкого освещения, т.к. она достаточно новая. Вопросы, касающиеся нетипичных актов, лишь обозначены, а сама специфика таких актов, их место в механизме правового регулирования не изучены. Вторая проблема связана с тем, что нет общепризнанной классификации таких актов.

В некоторых источниках можно встретить деление правовых актов на типичные акты и нетипичные[1]. К нетипичным правовым актам принято относить те акты, которые не входят в рамки юридических, нормативных актов. Число таких актов постоянно растет, т.к. регулировать приходится постоянно развивающиеся отношения, которые в силу своей специфики не могут быть урегулированы «типичными» нормами права. Из этого следует, что проблема, связанная с классификацией нетипичных актов, достаточно актуальна, ведь число нетипичных актов постоянно растет. Необходимо четкое упорядочивание, в противном случае, если не придерживаться определенной классификации, это может привести к «путанице» и, в конечном счете, окончательной деструктуризации нетипичных актов, которые, в силу своей специфичности, имеют нелогичную, не строгую структуру.

К числу специфических **признаков нетипичных актов** можно отнести:

Во-первых, в нетипичных правовых актах, в силу их специфики, можно встретить переплетение как различных видовых предписаний в одном правовом акте, так и взаимодействие различных элементов внутри правового акта данного вида.

---

[1] Виды норм права//http://www.pravo-web.com/?p=625#more-625 / 13.03.2011
Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.
Красинский В.В. О правовой природе актов избирательных комиссий в Российской Федерации // Современное право. - 2009. - № 11.

Во-вторых, для многих нетипичных правовых актов характерны нетрадиционные логические, грамматические и иные способы изложения правового материала, отсутствие строгой структуры.

В-третьих, в нетипичном правовом акте могут закрепляться результаты различных видов юридически значимых действий (правотворчества, правоприменения, толкования).

В-четвертых, нетипичные правовые акты в силу своей специфики более полно и точно, по сравнению с обычными, традиционными актами выражают волю субъектов права.[1]

Следовательно, значение нетипичных актов нельзя преуменьшить. Они наряду с типичными актами непосредственно регулируют правовые отношения.

Неизученным остаётся так же вопрос о **видах нетипичных актов.** На эту тему есть различные точки зрения. В большинстве источников, наряду с нормативными и индивидуальными актами выделяются смешанные или комплексные, под которыми и подразумеваются нетипичные акты.[2] Иногда в литературе их называют специализированными.[3] Но сама классификация конкретно нетипичных актов в литературе не представлена.

На мой взгляд, целесообразнее классифицировать нетипичные акты на смешанные и комплексные.

Смешанные акты представляют собой переплетение предписаний различной правовой природы в одном правовом акте. Они достаточно разнообразны, при этом выделяются нормативно-правовые акты с элементами толкования, правореализации или правоприменения, смешанные правовые акты с интерпретационными и правоприменительными элементами, а также смешанные договоры. Смешанные акты, как правило, содержат в себе нормативный и правоприменительный элемент, индивидуально-определенные предписания. На языке практиков это звучит так: *«Зачем создавать несколько актов? Мы создадим один, и он будет действовать».*

Комплексный акт существует как взаимодействие различных элементов внутри правового акта данного вида, т.е. содержащий нормы различных отраслей права. В комплексных правовых актах сочетание элементов не выходит за рамки правового акта данного вида, т. е. взаимодействие различных элементов происходит внутри нормативно-

[1] Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений – Дисс... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.

[2] Правовые акты : Общетеоретический аспект исследования /Н. В. Исаков, А. В. Малько, О. В. Шопина.//Правоведение. -2002. - № 3 (242). - С. 16 – 28

[3] Скакун О.Ф. Теория государства и права: Учебник. — Харьков: Консум; Ун-т внутр. дел, 2000. — 704 с.

правового, интерпретационного, правоприменительного или правореализующего акта.[1]

Нетипичные акты играют немаловажную роль в правовой системе, особенно на стадии реализации норм. Они существуют как вспомогательные нормы, придают завершенность и полноту праву, являются дополнительными нормами и базируются на основе «исходных», «первичных» норм.

По мере возникновения новых общественных отношений возникает потребность в создании новых, нетипичных актов, чтобы избежать противоречий и пробелов в сложившейся системе. С точки зрения правоприменения целесообразнее расширять действующие нормы.

Исходя из вышесказанного, **нетипичные акты наравне с нормативными и индивидуальными входят в систему правовых актов. А уже в состав нетипичных должных входить смешанные и комплексные акты.**

[1] Ижокин Р. А. Нетипичные правовые акты в регулировании личных отношений – Дисс... канд. юрид. наук. – Владимир, 2008.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АДВОКАТУРЫ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Лебедь Павел Олегович,
студент 2 курса юридического факультета
Белгородского университета потребительской кооперации

Научный руководитель:
Дорофейчик Ольга Валентиновна,
старший преподаватель кафедры
теории и истории государства и права
Белгородского университета потребительской кооперации

Закон об адвокатуре, принятый 31.05.2002 ждали очень долго. И дискуссии вокруг его проектов велись жаркие. В спорах, посвященных различным вариантам проекта закона ,одной из наиболее обсуждаемых тем являлась тема: «проблема взаимодействия адвокатуры и государственной власти». По нашим наблюдениям, к наполнению этой темы можно отнести вопросы:

1.Независимости адвокатуры и полномочий Министерства Юстиций РФ по отношению к адвокатуре;

2.Компетенция органов самоуправления адвокатуры

3.Социальных и правовых гарантий деятельности органов самоуправления;

4.Социальных и правовых гарантий адвокатов

Все эти вопросы входят в предмет правового обеспечения адвокатуры РФ. Мы считаем, что эти вопросы нельзя решить путем громких заявлений, обличающих государство, как это периодически пытаются делать некоторые лидеры адвокатуры. Правильнее в данной ситуации будет использовать другой подход к решению этих вопросов - их взвешенное спокойное обсуждение на конференциях, обеспечивающих убедительные последующие выступления в печати и подготовку аргументированных позиций для органов законодательной, исполнительной и судебной власти .

Необходимо принять как «постоянную» мысль о том, что адвокатура призвана работать в определённой системе государственных и общественных механизмов и должна способствовать защите правовых интересов граждан, прежде всего данного общества и государства.

Институт адвокатуры в данное время находится на периферии правовой жизни: считалось, что правосудие в нашем обществе обеспечивается лишь государственными учреждениями- судом, прокуратурой ,милицией. Адвокатура, как общественная организация

недооценивалась, считалось недостаточно серьёзной силой для решения крупных государственных задач. Ныне престиж адвокатуры и эффективность её деятельности непосредственно связано с положением в гражданском обществе и правовом государстве, с отношением общества к фундаментальным принципам законности. Из выше перечисленного вытекает относительно простая и бесспорная мысль о том, что при определении статуса адвокатуры, следует заострить внимание на направлениях и условиях её взаимодействия с государственными органами и избегать искусственного нагнетания конфронтации. Адвокатура, по распространенному мнению, составляет ту часть Российской интеллигенции, которая понимает и должна понимать, лучше других её частей нужды государственной власти и квалифицированнее определять требования к ней.

В совокупности вышеперечисленных позиций мы и будем рассматривать проблемы места адвокатуры, её правового статуса и роли в государстве. Правовой статус адвокатуры и адвокатов определяется не только ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», но и Конституцией РФ, отраслями процессуального законодательства, гражданским и налоговым правом, кодексом о профессиональной этике. Чтобы не упустить рассматриваемую проблему, попробуем выделить наиболее важные и интересующие нас вопросы. Самым важным является:

«Что же ждёт государство от адвокатуры?»

Казалось бы, позиция и назначение адвокатуры в системе общественных институтов и государственных институтов, определяется Конституцией РФ 1993 года - «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи» (ст. 48 ч. 1 Конституции РФ). Но как работает механизм реализации этой гарантии, в части бесплатной юридической помощи лицам, нуждающимся в этой помощи, какие институты государства и общества должны быть задействованы в решении этих проблем, конституция не определяет, если не считать той юридической помощи адвоката, которая связана с защитой задержанных, заключённых под стражу, обвиняемых в совершении преступлений.

Российское отраслевое законодательство позволяют создать систему организаций и органов, оказывающих юридическую помощь. Это – суды, которые при рассмотрении дел должны разъяснять участникам процесса их права и обязанности; органы прокуратуры, осуществляющие наряду с большим количеством функций, так же надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, установленных в конституции РФ; адвокатура и многочисленные неправительственные правозащитные организации. Необходимо заметить, что для всех упомянутых институтов кроме адвокатуры юридическая помощь является задачей дополнительной,

выполняемая попутно при реализации основных уставных функций, которые зачастую выполняются недолжным образом. И только адвокатура обеспечивает квалифицированную юридическую помощь каждого в ней нуждающегося, это и является их главной задачей.

Всё это даёт основания для утверждения, что в ст.48 ч.1 Конституции РФ, гарантирующей каждому квалифицированную юридическую помощь, речь идёт об адвокатуре, о функционировании именно этого института права.

С какой целью об этом не сказано прямо в Конституции РФ можно только гадать. Присутствует ли здесь не желание государства брать на себя ответственность за функционирование адвокатуры, достаточно в тяжёлых условиях нашего времени, или проявилось негодование властей на само упоминание этого института, сказать сложно.

Государство надеется на обеспечение за счёт работы адвокатуры каждому квалифицированной юридической помощи, включая главным образом бесплатную, и ради этого оно готово пойти на расширение возможностей адвокатов по активному участию в правоохранительной деятельности государства. Существует ещё огромное количество проблем взаимодействия государства и адвокатуры, которые должны решаться совместными усилиями прикладываемые обеими сторонами.

В завершении хотелось бы привести слова бельгийского адвоката рубежа XIX – XX веков Пикара, подтверждающих значение роли адвоката в отправлении правосудия: «Адвокат, - писал он, - в силу условий своей деятельности, необходимо является служителем и творцом права. Это единственно характерная особенность неизменно присущая деятельности адвоката во все времена. Передавая из поколения в поколение, из страны в страну, она укрепляет веру в силу правового начала их сознания общественной мысли адвокатуры».

К ВОПРОСУ О ТЕОРИЯХ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ НОРМ ПРАВА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Мингазов Раиль Шамильевич,
аспирант кафедры теории государства и права
Марийского государственного университета

Научный руководитель:
Иванов Виталий Алексеевич
д.ю.н., проректор по учебной работе-первый проректор
Марийского государственного университета

В литературе отмечается наличие двух тенденций в правотолковательной деятельности — статической и динамической.

Так, Е. Врублевский отмечает, что статические теории толкования преследуют цель обеспечить максимальную стабильность, правовую определенность и предвидимость решений органов, применяющих право. Чтобы достичь этой цели, необходимо, чтобы значение нормы право было неизменным, так как лишь такое значение нормы может обеспечить реализацию вышеуказанной цели»[1].

Функция судьи согласно статистической теории судебного толкования заключается лишь в применении закона к конкретным спорам; судья должен быть лишь истолкователем и осуществителем воли закона и ничем иным; только в законе он должен черпать те нормы, которые он будет применять.

В литературе отмечается, что в теории и практике должно утверждаться понимание того, что в процессе интерпретации права необходимо придерживаться стабильности и определенности правовых предписаний. Этому способствует установление в ходе интерпретации «воли законодателя», его мысли, точки зрения на содержание закона в момент его издания. Содержанием Конституции, закона является тот смысл, который придан ему законодателем. Его никто не может изменить, он остается постоянным, неизменным с момента издания до полной отмены или изменения закона. Задачей интерпретатора является выяснение того смысла, который законодатель вложил в закон. Установление «воли законодателя» связано с его определенными психологическими переживаниями в момент издания закона. Так, по мнению видного дореволюционного ученого, Васьковского Е.В. задача толкования состоит в раскрытии содержания нормы, развитии ее смысла, выяснении мысли и воли законодателя[2].

[1] Цит. по Черданцев А.Ф. Вопросы толкования советского права. - Свердловск, 1972. - С.5.
[2] Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. - С.29.

Статический подход предполагает неукоснительное следование интерпретатора букве закона, установление лишь того смысла нормативно-правового акта, который закрепил в нем законодатель в момент издания предписания. В соответствии с данным подходом нормативно-правовые акты не корректируются и не приспосабливаются в ходе толкования к изменениям политического, экономического и иного рода.

В XVIII веке в Австрии, Пруссии, других странах принимались специальные акты, которыми воспрещалось какое бы то ни было толкование законов. Император Юстиниан в VI веке н.э. запретил толкование своих Дигестов, считая, что все неясности были устранены и не осталось оснований для сомнений.

Буржуазные идеологи периода восхождения буржуазии к власти (Монтескье, Беккариа, Марат и др.) требовали точного следования букве закона и были противниками толкования законов судами. Это была своеобразная реакция на произвол феодального суда. Так, Ш.Монтескье писал, что «природа республиканского правления требует, чтобы судья не отступал от буквы закона»[1]. В докладе Учредительному собранию Франции о проекте Уголовного кодекса 1891 г. Лепелетье, критикуя хаос и жестокость феодальных законов, отмечал, что «их свирепая бессмысленность проявлялась в других злоупотреблениях — в толковании законов и в произвольном их изменении самими судьями»[2].

Известный русский юрист И.В. Михайловский отмечал, что долгое время бытовало мнение, что толкование законов дело не только ненужное, но и вредное, поскольку толкователь может легко извратить истинный смысл закона под влиянием своего субъективного правосознания. В связи с этим считалось, что единственным толкователем закона может быть его автор. В результате таких мнений появилось стремление законодателей запретить толкование применения закона. Например Юстиниан, издавая Corpus juris, приказал, чтобы суды в случаях сомнений обращались за разъяснениями к самому императору. Во Франции в 1790 г. также было предписано судам обращаться за разъяснениями к законодательному учреждению. И даже в XIX веке были примеры запрещения толкования законов не только судьями, но даже профессорами права: когда в Баварии был издан уголовный кодекс 1813 г., король запретил писать какие бы то ни было комментарии к нему.

Но вот в Новейшее время в сфере юридической мысли стало обозначаться иное течение. С одной стороны, закон не может предусмотреть всего; предполагать всеведение закона - значит создавать

[1] Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. - М., 1955. - С.226.
[2] Герцензон А.А. Проблема законности и правосудия во французских политических учениях XVIII века. - М., 1962. - С.281.

себе фикцию. С другой стороны, судья никогда не был только простым истолкователем воли закона, какой-то механической машиной; волей или неволей, но он был и есть участник в правовом творчестве. Отрицать это - значит закрывать глаза на факт совершенно бесспорный; следует, напротив, признать его и с ним считаться. Полагаясь на здравый смысл и такт судей, которые являются членами и носителями правосознания того же общества, законодатель во многих случаях вправе предоставить им самим разбираться в конкретных отношениях жизни. Известная неопределенность закона, предоставляющая больший простор свободному усмотрению судьи, является, таким образом, с этой точки зрения не только не противной общей идее законодательства, а, напротив того, приемом, иногда единственно целесообразным[1].

При динамическом подходе интерпретатор может и должен корректировать правовой акт в соответствии с изменениями в общественных отношениях. Как пишет известный французский юрист Ж. Карбонье, данный подход «то выдвигался на первый план, то отступал, но всегда имел один и тот же смысл: толкователь должен адаптировать закон к социальным изменениям»[2].

Согласно данному подходу характер и содержание общественно значимых отношений может меняться с изменением общественных условий и потребностей. Соответственно, выражающие эти новые отношения правила поведения также должны корректироваться. Это может осуществляться как законодательным путем - с помощью принятия нового закона, так и путем интерпретации прежней нормы в новом духе согласно изменившемуся характеру отношений, которые она призвана эффективно регулировать. Динамический подход нацелен на выявление объективного смысла заключенного в норме правового явления, детерминированного современными потребностями общественного развития.

Между тем, на наш взгляд, смысл нормы не должен изменяться в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Правоприменитель не может толковать норму произвольно. Он должен выявить смысл нормы, которым наделил ее законодатель, и применить эту норму в соответствии с этим смыслом. Иное противоречило бы принципу законности и правовой определенности. Не может одна и та же норма иметь несколько смыслов. Смысл у нормы только один (вне зависимости от контекста ее применения) – это смысл, которой ее наделил законодатель.

Тем самым ни динамическая, ни статистическая теория не способны обосновать с точки зрения общей теории права сущность судебного

[1] Покровский И.А. Гражданский суд и закон. Проблема их взаимоотношения // СПС «Гарант Эксперт, 2010.
[2] Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. - С. 311.

толкования в механизме правоприменения, что делает необходимым продолжение научной дискуссии по данной проблематике.

ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ИХ РЕШЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Молчаков Никита Юрьевич,
студент 2 курса международно-правового факультета
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ

Научный руководитель:
Малиновский Алексей Александрович,
д.ю.н., доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ

Вопрос о происхождении государства в дореволюционной и советской юридической науке.

Проблема происхождения государства является «одной из кардинальных проблем юриспруденции[1]», но и сейчас в начале 21 века в российской учебной и монографической литературе сложно найти ответ на данный вопрос. К сожалению, долгое время в нашей стране ученые-юристы занимались не поисками решения этой проблемы, а создавали юридическую науку, выражающую марксистко-ленинское научное мировоззрение. Вряд ли происхождение государства можно объяснить с таких позиций, ибо «историчность такой теории целиком покоится на ее абстрактности, таким образом, она в лучшем случае может претендовать на историю, как историю одной школы человеческой мысли, но ни в коем случае не на описание действительных событий, имевших когда-либо место[2]». Естественно такой подход отрицал плюрализм мнений по данной проблеме, но и сейчас в условиях искомого плюрализма мнений авторитет марксистко-ленинской теории происхождения государства бесспорно велик.

После распада СССР вся юридическая общественность получила доступ к российской дореволюционной литературе, появилась надежда, что благодаря синтезу дореволюционных, советских и постсоветских взглядов удастся создать свою, наиболее исторически и юридически обоснованную теорию происхождения государства. Но этого не произошло, ибо проблемой происхождения государства до 1917 года

[1] Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учебное пособие. - М.: Высшее образование, 2009. - С. 7.
[2] Исаев М. А. Лекции по истории русского права и государства. Вып 1.Лекции I-V. - М.:МГИМО, 1996. - С. 112.

занималось как раз большинство представителей позитивистского типа правопонимания (напр., Г.Ф. Шершеневич или Н.М. Коркунов), взгляды которых (главным образом командная теория права), синтезированные с историческим материализмом, были положены в основу появившейся в СССР к конце 20-х – начале 30-х годов теории государства и права.

Такова краткая предыстория изучения вопроса о происхождении государства в нашей стране. Сегодня, на современном этапе, ученые, занимающиеся поиском решения указанной проблемы, столкнулись со следующими сложностями: а) возможна ли универсальная теория происхождения государства; б) как должна теория государства и права взаимодействовать с другими неюридическими науками. Соответственно, данные сложности и определяют основные тезисы данного доклада.

Тезис первый. Универсальную теорию происхождения государства найти невозможно.

В современной российской юридической литературе основным исследованием, посвященным рассматриваемой проблеме, является учебное пособие проф. Т.В. Кашаниной «Происхождение государства и права» (М., 2009). Рассмотрев основные теории происхождения государства, признанные современной российской наукой, исследователь создает новую теорию происхождения государства – теорию специализации, в основе который лежит тезис о том, что происхождение государства – это «результат возникновения наряду со специализацией в производственной сфере (экономической специализацией), специализации в сфере управленческой (политическая сфера)[1]». Соответственно, «экономическая специализация заложила материальную основу для возникновения и постепенного развития политической специализации, которая и привела, в конечном счете, к возникновению государства[2]». Легко заметить, что проф. Кашанина пытается через закон специализации, свойственный всем возможным ситуациям в исследуемом процессе, создать универсальную теорию происхождения государства, основанную на указанном законе.

Но, несмотря на такую обоснованность теории проф. Кашаниной, создать универсальную теорию государства невозможно, так как нельзя признать однообразность юридических явлений в мире. Историко-юридическое развитие можно выразить через две парадигмы: потестарную и правовую парадигмы. Естественно, в правовых цивилизациях государство и его публично-правовые институты возникают с целью обеспечения равенства в свободе, а в потестарных цивилизациях – с целью

[1] Кашанина Т. В. Происхождение государства и права: учебное пособие. - М.: Высшее образование, 2009. - С. 103.

[2] Енгибарян Р. В., Краснов Ю. К. Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд. - М.: Норма, 2007. - С. 65.

подавления этой свободы. Как верно отмечает проф. В.А. Четвернин «юридическое понятие государства должно строиться на различении государственности как феномена правовой культуры (феномен типа res publica или state) и как феномена потестраной культуры (государство в буквальном смысле, «государь-ство»)[1]». Исходя из всего вышесказанного, следует: в силу того, что на протяжении всего историко-юридического развития существуют два абсолютно противоположных типа социокультуры (правовой и потестарный), создание универсальной теории происхождения государства просто невозможно.

Тезис второй. Без юридизации методов других неюридических наук изучение процесса происхождения государства невозможно.

Установив первым тезисом невозможность существования универсальной теории происхождения государства, возникает вопрос о том, как юридической науке описать процесс происхождения государства в рамках указанных парадигм. Данную проблему можно решить только с помощью юридизации методов и достижений других неюридических наук, иными словами с помощью «юридико-понятийной трансформации неюридических методов и дисциплин, их преобразования с определяющих позиций права и их включения в новый познавательно-смысловой контекст предмета и метода юридической науки[2]».

Функционирование юридизации по вопросу о происхождении государства можно показать на примере ирригационной теории Карла Виттфогеля. Хотя данная теория до сих пор пользуется популярностью, практически в каждом учебнике встречается ее описание, научно она уже несостоятельна. Это можно доказать как раз с помощью юридизации достижений такой науки как история религиозных идей. Ведь простой приказ власти, какой бы деспотичной она не была, не мог бы заставить простых крестьян строить огромные ирригационные сооружения. Если это жизненно необходимо, то эта необходимость, проявляясь в организационных качествах людей, и сплотила бы их без всякого государства. Поэтому, исходя из достижений истории религиозных идей и истории Древнего Египта в целом, можно делать достаточно обоснованный вывод о том, что «царская власть возникает именно как религиозное действо», а «раннее государство было целиком направлено на идею спасения[3]». Следовательно, если даже ученый придерживается атеистических взглядов, такие доводы, основанные на конкретных фактах опровергнуть почти невозможно.

Это всего лишь один пример взаимодействия на первый взгляд двух абсолютно разных наук: общей теории права и государства и истории

[1] Четвернин В.А. Проблемы теории права для особо одаренных студентов. - М., 2010. - С. 19.
[2] Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. - М.: Норма, 2004. - С. 23.
[3] Зубов А.Б. Лекции по истории религий, прочитанные в Екатеринбурге. - М.: Никея, 2010. - С. 62-63.

религиозных идей. Но благодаря ему отчетливо видно, что дать ответ на вопрос о происхождении государства невозможно без юридизации иных наук. К сожалению, этот процесс в России идет слишком медленно в силу различных причин, поэтому до сих пор практически невозможно решить указанную проблему. Изменится ли ситуация в будущем – покажет время.

СОВРЕМЕННОЕ ПОНЯТИЕ ПРАВОНАРУШИТЕЛЬ

Петрова Наталья Викторовна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шафиров Владимир Моисеевич,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В настоящее время вызывает большой интерес проблема определения понятия правонарушитель. Так как до настоящего времени ни в юридической литературе, ни в нормативно-правовых актах нет четкого и доктринального понятия. Попытки выделения в курсе теории права понятия правонарушитель сводились лишь к его упоминанию. Проблема же состоит в комплексном изучении данного понятия, выявления ряда признаков, характерных для правонарушителей всех отраслей права, и утверждения родового понятия, на основе сравнительного анализа действующего законодательства.

Дефиниций понятия правонарушитель не сформулировано законодателем, данный термин используется для обозначения субъекта любого правонарушения, как проступка, так и преступления. На наш взгляд, необходимо разработать понятие правонарушитель не только для упорядочения теоретического обоснования термина, но и для применения его на практике.

В настоящее время под *субъектом правонарушения понимают вменяемое физическое лицо или организация, обладающее деликтоспособностью.*

Анализ позиций ряда авторов позволяет сделать вывод об отождествлении понятий субъекта правонарушения и правонарушителя. На наш взгляд это является необоснованным. Дословно, правонарушитель - это лицо совершившее правонарушение. Под правонарушением понимается общественно опасное противоправное виновное деяние. Признак, нас интересующий - это *виновность.* Без вины нет правонарушения и не должно быть юридической ответственности.

На основе всего вышесказанного делаем вывод, что субъект правонарушения и правонарушитель понятия не тождественные. *Правонарушителем является вменяемое виновное физическое лицо или организация, обладающие деликтоспособностью.*

Помимо приведенного выше общетеоретического понятия существуют отраслевые понятия правонарушителя. Проведем сравнительный анализ на примере: уголовного, административного, гражданского и уголовно-процессуального права.

Правонарушитель в уголовном праве - это вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, совершившее противоправное общественно-опасное деяние, в отношении которого установлена его вина.

Правонарушитель в административном праве – это вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, или юридическое лицо, совершившее административное правонарушение за которое установлена его вина.

Правонарушитель в гражданском праве - это вменяемое дееспособное физическое лицо, или юридическое, а также государство, субъекты РФ или муниципальные образования, совершившие гражданское правонарушение.

Правонарушителем в уголовном процессе является осужденный, т.к. только в данной роли однозначно определяется виновность подсудимого по средствам вынесения приговора судом.

Хотелось бы сказать, что *правонарушитель* - это не абстрактное юридическое понятие, которое существует вне времени и пространства. *Правонарушитель* - это человек, живущий и совершающий противоправные действия в обществе других людей. Отсутствие понятия правонарушитель свидетельствует о необходимости теоретической разработки вопроса. Таким образом, *Правонарушитель - вменяемое виновное физическое лицо или организация, обладающие деликтоспособностью.*

Для привлечения лица к юридической ответственности необходимо наличие признаков, характеризующих его не только как субъект правонарушения, но и как правонарушителя: перечисленные признаки (вменяемость, физическое или юридическое лицо, виновность и деликтоспособность) являются основными, что означает обязательность присутствия их в каждом правонарушении, при отсутствии хотя бы одного, исключается возможность привлечение к ответственности.

Учитывая вышеизложенное, представляется, целесообразным закрепить понятие правонарушитель и его признаков. Что будет способствовать наполнению содержания законодательных норм, и закрепить сущность правонарушителей во всех отраслей права.

СТРУКТУРА ПРАВОВОГО РЕЖИМА

Подлобникова Елена Васильевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шафиров Владимир Моисеевич,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Право - это многогранное, сложное явление, которое изучается на протяжении многого времени. Право призвано регулировать общественные отношения и в этом его цель. Правовое регулирование существует, когда право находится в динамике. И одним из способов правового регулирования является правовой режим[1].

Сегодня данный термин все чаще используются в нормативно-правовых актах, а также и в юридической литературе. А дискуссии ученных о том, что понимать под правовым режимом, что включать в его структуру не утихают.

Но если систематизировать разные подходы (Исаков В.Б.[2], Алексеев С.С.[3], Морозова Л.А.[4], Матузов Н.И., Малько А. В.[5]) к понятию правового режима, то правовой режим можно определить как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств: дозволений, запретов, позитивных обязываний, создающий особую направленность правового регулирования, то есть создает желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо не благоприятности для удовлетворения интересов субъектов права.

Теперь определимся, какие элементы разные авторы включают в структуру правового режима.

Так Алексеев С.С. уже в определение правового режима указывает на его структуру, а именно правовой режим «выражен комплексом правовых средств, характеризующих…сочетание… дозволений, запретов,

[1] Алексеев С.С. Теория права. /С. С. Алексеев.- М.: Издательство БЕК, 1995.- С. 242.
[2] Исаков В.Б. Механизм правового регулирования и правовые режимы. / В.Б Исаков // Проблемы теории государства и права. М., 1987.- С. 258-259.
[3] Алексеев С.С. Теория права. /С. С. Алексеев.- М., 2000. -С.- 243
[4] Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. / Л.А. Морозова.- М., 1985. -С. 123
[5] Матузов Н.И., Малько А.В. Правовые режимы: Вопросы теории и практики./ Н.И Матузов, А.В. Малько // Правоведение, 1996 № 1. -С. 42.

позитивных обязываний[1]». Фундамент соответствующих режимов составляет общие дозволения и общие запреты.

Но существуют и другие точки зрения, так например Дозорцев В.А[2]., Васильева М.И[3] считают, что структура правового режима включает в себя два элемента, а именно права и обязанности субъекта.

С одной стороны, данная позиция не противоречит точки зрения Алексеева С.С, ведь именно права и обязанности человека состоят из дозволений, запретов и обязанностей.

А вот с точкой зрения Трофимчука И.В, на наш взгляд, согласиться нельзя. Определять структуру правового режим, как правило, закрепленное в норме, слишком широко, и неясно тогда особенности структуры, его элементный состав.

Встает вопрос, а включаются ли в структуру правового режима гарантии, стимулы (поощрения, льготы).

Исходя из определения, которым мы дали правовому режиму, элементом правового режима является льготы, поощрения, ведь именно они создают степень благоприятности либо не благоприятности для субъекта права. Благоприятность достигается путем существования льгот, которыми пользуются субъект, что, конечно, сказывается на частоте применимости правового режима. Такую же точку зрения в своей совместной работе высказывает А.В. Малько и О.С. Родионов[4].

Неблагоприятность правовых режимов создают дополнительные запреты, обязывания, которые возлагаться на субъектов права, находящихся в регулировании правовых режимов.

Что касается вопроса включения гарантий, как элемента структуры правового режима, то ответить на этот вопрос, можно раскрыв понятия гарантии. Гарантия это обеспечение осуществления чего-либо[5]. То есть гарантии это специальные юридические средства, которые помогают реализовываться чему-либо. Исходя из этого, напрямую в структуру правового режима гарантии не входят, но отсутствие гарантий может привести к тому, что определённый правовой режим, как один из способов правового регулирования перестанет действовать.

Таким образом, можно сделать вывод, что правовой режим имеет следующую структуру, состоящую из запретов, дозволений, обязываний, а также стимулов и поощрений. Различное сочетание данных элементов определит содержание правового режима, их направленность, а также

---

[1] Алексеев С.С. Теория права. /С. С. Алексеев.- М.: Издательство БЕК, 1995.- С. 243

[2] Дозорцев В.А. Понятие секрета промысла («ноу-хау») / В.А. Дозорцев // Вестник ВАС РФ, 2001 №7

[3] Васильева М.И. природоресурсные факторы энергетики в российском законодательстве/ М.И Васильева // Энергетическое право, 2010 № 1

[4] Малько А.В, Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве / А.В Малько, О.С. Родионов//Журнал российского права, 2001№ 9

[5] Даль В.И Большой толковый словарь русского языка/ В.И Даль- 2002.- М. -С. 194

эффективность их применения. Данные характеристика правового режима являются ключевыми.

ОХРАНА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СВЕТЕ НОВОГО ЗАКОНА «О ПОЛИЦИИ»

Теплякова Анна Владимировна,
студентка 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шафиров Владимир Моисеевич,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

С 1 марта в России вступил в силу новый закон «О полиции». В основу закона положена идея закрепления правоохранительного предназначения полиции в обществе, а также гуманизация форм и методов работы полиции.

Закон исходит из необходимости безусловного обеспечения прав граждан и организаций в деятельности полиции, установления действенных гарантий законности ее деятельности.

Оценивать практику реализации закона пока рано, поэтому просто произведем оценку закона на предмет наличия в нем гарантий охраны прав и свобод.

Для начала определимся с понятием. Охрана прав и свобод человека – это совокупность мер политического, экономического, правового характера, обеспечивающих нормальный ход реализации прав, и одновременно ограждающих личность, ее права и свободы от отрицательного воздействия негативных факторов социальной среды.

Полиция как правоохранительный орган осуществляет охрану прав в следующих формах:

1. Проведение непосредственных юридически значимых мероприятий по охране прав.
2. Проведение охранных мероприятий с использованием специальных технических средств.

Теперь рассмотрим, как закреплена данная деятельность в новом законе о полиции.[1]

С первых статей можно заметить уклон законодателя в сторону защитных полномочий полиции при написании закона. В частности в ст. 1 Закона «О полиции» закреплено: полиция предназначена для защиты

[1] Федеральный закон "О полиции" от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. – 2011. - 8 фев.

жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также - граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности. Полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств. Ст. 2 Закона отмечает, что деятельность полиции осуществляется по следующим основным направлениям:

1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств;

2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений;

При толковании данных статей возникает следующий вопрос, как мы понимаем слово защита: в наиболее широком смысле, т.е. как охрана и защита или в узком только как защита? К какому бы итогу мы не пришли, он не соответствует теоретическим положениям о соотношении этих двух понятий.

Меры охраны и меры защиты не совпадают ни по времени, ни по субъектам реализации, ни по содержанию, ни по форме.[1]

Охрана имеет своей целью предотвратить нарушение права, создать дополнительные, благоприятные и комфортные условия для деятельности индивидов. Защита же имеет место, когда состояние правового комфорта нарушено, или реализация прав существенно затруднена.

Закрепление же такого направления деятельности как предупреждение правонарушений не может полностью раскрыть правоохранительных полномочий полиции, так как остается еще целый комплекс деятельности, которую осуществляет полиция.

В законе были учтены нормы и рекомендации ряда международных документов, также законодательство зарубежных государств.

Тот факт, что настоящее законодательство о полиции стало больше соответствовать европейским стандартам можно отметить, если провести сравнительную характеристику с законодательством Германии.

Для начала отметим, что законодательное регулирование деятельности полиции находиться в ведении земель.

В статье 2 Закона «О полиции» федеральной земли Баварии указано:

Задачей полиции, как в общем, так и в отдельном случае является предотвращение опасности для общественной безопасности и общественного порядка.

Защита частных прав вменяется в обязанность полиции по данному закону лишь тогда, когда не может быть своевременно получена судебная

[1] Грудцына Л. Ю. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России / Л. Ю. Грудцына // Российская юстиция. - 2008. - № 2. - С. 60

защита или когда без полицейской помощи не осуществляются личные права либо их осуществление может быть существенно затруднено.[1]

Условие вмешательства полиции в права и свободы граждан является наличие конкретной опасности – т.е. наличие ситуации, которая согласно обычному жизненному опыту в данное время при отсутствии вмешательства может привести к наступлению вреда для охраняемых благ (прав и свобод человека, а также основ конституционного строя). [2] При отсутствии опасности полиция осуществляет лишь надзорные полномочия.

Закон устанавливает требование эффективности в действиях полиции. Эффективное устранение опасности возможно только тогда когда действия полиции были законными, пригодным для устранения данной опасности, отсутствовали иные средства и, наконец, в случае причинения вреда вред причиненный должен быть меньше вреда предотвращенного. [3]

Требование эффективности является тем положительным опытом, который можно перенять в законодательстве Германии. Новый закон закрепляет требование законности в деятельности полиции. Также отражено правило, согласно которому деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав. Однако пригодность применяемых средств и их минимальная вредоносный аспект также имеют значение для граждан. Важно помнить, что если средство ограничивает или может привести к ограничению прав и свобод человека, то данные ограничения не должны быть явно не соразмерны с той целью, ради которой они были предприняты.[4]

Завершая анализ, хотелось бы отметить, что охранительный аспект деятельности полиции нуждается в дальнейшей доработке в области повышения эффективности охраны прав и свобод.

---

[1] Gesetz uber die Aufgaben und Befugnisse der Bazerischen Staatlichen Polizei in der Fassung der Bekanntmachung vom 14 September 1999 (GVBl S- 397, BayRS 2012-1-1- l)

[2] Heckmann, Dirk Rechtmassigkeit und Kostentragungspflicht polizeilichen Handelns / Dirk Heckmann, Thomas Wurtenberger. - Richard boorberg Verlag 2003. - C. 29-31.

[3] Там же. С. 42.

[4] Bosche, Ernst Dieter Ordnungs- und Polizeirecht Ernst Dieter Bosche. - Herne [u.a.], Verl. Neue Wirtschafts-Briefe, 1982. - C.11

К ВОПРОСУ О ПОТЕРПЕВШЕМ В ПРАВЕ

Толстых Анна Степановна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шафиров Владимир Моисеевич,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В соответствии с Конституцией РФ одна из задач государства в том, чтобы защитить потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется, государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

По мнению председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина, защита интересов потерпевших нормами уголовного права обеспечивается не в полной мере[1]. Особенно это относится к механизму защиты прав и интересов потерпевших. Выступая 8 апреля 2010 года на заседании комиссии Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебно-правовой системы, он предложил, в частности: принять закон о потерпевшем от преступления, где будет определено его правовое положение, права и обязанности; создать государственный механизм для возмещения ущерба и оказания другой помощи потерпевшим[2].

Важно, что проблема статуса потерпевшего обсуждается на федеральном уровне. Масштаб проблемы отражают данные Федеральной службы государственной статистики: в 2009 году лицами, потерпевшими от преступных посягательств, стали 1953, 2 тыс. человек, в 2008 году – 2303,8 тыс. человек[3]. А статус потерпевшего от преступлений в таких вопросах, как возмещение вреда, на сегодняшний день остается не урегулированным.

---

[1] Выступление Председателя Следственного комитета Александра Бастрыкина на заседании комиссии Общественной палаты по общественному контролю за деятельностью и реформированием правоохранительных органов и судебно-правовой системы www.sledcom.ru/actual/17661/?print=1# (Следственный комитет РФ).

[2] Там же.

[3] Число лиц, потерпевших от преступных посягательств www.gks.ru/bgd/regl/b10_13/IssWWW.exe/Stg/d3/10-05.htm (Федеральная служба государственной статистики).

По опубликованным в Российской газете сведениям, Следственным комитетом совместно с членами Общественной палаты разработан проект закона «О потерпевших от преступлений»[1,2]. Принятие закона «О потерпевших от преступлений» – это шаг в решении вопросов статуса потерпевшего, компенсации причиненного вреда в уголовном, уголовно-процессуальном праве.

Однако это не решает проблемы статуса потерпевшего в праве в целом, ведь признание в качестве потерпевшего возможно и от других правонарушений. Проблема статуса потерпевшего остается в ряде других отраслей права. Например, в административном праве: согласно части 4 статьи 25.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях потерпевший может быть опрошен в соответствии со статьей 25.6, т.е. в качестве свидетеля, что говорит о совмещении в этом аспекте статуса потерпевшего и свидетеля[3,4]. Гражданское право не закрепляет понятие потерпевшего, однако использует его. Статья 316 Кодекса торгового мореплавания РФ признает потерпевшим гражданина, юридическое лицо, государство или любую его составную часть.

Возникает неопределенность в определении понятия «потерпевший», общетеоретическое понятие остается не выработанным. Помимо этого, законодатель использует понятия «жертва», «пострадавший», не раскрывая их содержания.

Понятие «потерпевший» не только уголовно-правовое, оно является межотраслевым. Потерпевший – это, прежде всего, субъект, которому причинен вред. А каждая отрасль права (уголовная, уголовно-процессуальная, административная, гражданская и др.) вносит в понятие специфические признаки. В одном из своих трудов Л.В. Франк подчеркивал, что проблема потерпевшего, как и проблема личности вообще – область междисциплинарная, и, следовательно, здесь необходимы общетеоретические исследования[5].

Российскому законодательству необходим закон «О потерпевших», который бы регламентировал его статус в целом, не ограничиваясь одним видом – потерпевшими от преступлений.

На территории РФ в настоящее время действует ряд законов, которые определяют основания и порядок признания, права, свободы, обязанности и ответственность, основы государственной политики в области правовой и социальной защиты, основные гарантии субъектов,

---

[1] Козлова Н. Касса открыта для жертв // Российская газета. 2010. No. 5355. С. 9.

[2] Ямшанов Б. Преступник заплатит дважды // Российская газета. 2010. No. 5269. С. 1-2.

[3] Вербицкая М.А. Изменение правового статуса потерпевшего (сравнительный анализ КоАП РСФСР и КоАП РФ) // Адвокатская практика. 2007. No. 5.

[4] Дугенец А.С. Административно-юрисдикционный процесс. М., 2003.

[5] Франк Л.В. Некоторые теоретические вопросы становления советской виктимологии // Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974. С. 8.

объединенных по ролевому признаку. Например, Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ, Федеральный закон «О ветеранах» от 12.01.1995 № 5-ФЗ, Федеральный закон «О беженцах» от 19.02.1993 № 4528-1, Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 № 3132-1 и др.

Вероятно, для решения вопроса о статусе потерпевшего в праве следует пойти по пути принятия единого нормативно-правового акта, в котором бы содержалось общее понятие потерпевшего, определялись основания и порядок признания потерпевшим, его правовое положение, права, обязанности, отражались виды потерпевших, особенности правового статуса потерпевшего в зависимости от отрасли права. Это позволит конкретизировать общее видение проблемы «потерпевшего», за счет этого произойдет индивидуализация, учет особенностей «потерпевшего» в иных отраслях права.

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ИНСТИТУТА САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Чендырев АлексейАнатольевич,
ассистент кафедры
конституционного и административного права
Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета

Практически в любой современной правовой системе существует необходимость государственного воздействия на экономику, основания которого лежат в сфере публичных интересов государства и общества. В то же время изменение сущности экономических отношений внутри государства потребовало изменения характера государственного воздействия на такие отношения. В настоящее время все большие позиции в системе способов государственного воздействия на экономические отношения занимает институт саморегулирования. Вместе с тем, вопрос о его правовой природе до сих пор остается предметов острых дискуссий в юридической и экономической науке, что с учетом того факта, что институт саморегулирования уже фактически реализуется на практике отнюдь не говорит о качественности такой реализации.

Следует отметить, что в юридической литературе достаточно обстоятельно рассматриваются отдельные аспекты правового статуса, особенностей функционирования саморегулируемых организаций. Так, по мнению П.В. Крючковой, под саморегулированием принято понимать регулирование определенных рынков и сфер самими экономическими агентами без вмешательства государства[1]. В связи с этим, справедливо заметили С.А. Зинченко и В.В. Галов, саморегулирование должно рассматриваться как взаимодействие государства и бизнеса[2]. Н.В. Ростовцева отмечает то, что участники имущественного оборота, создавая саморегулируемые организации в определенных сферах деятельности, делегируют им часть своих прав[3].

Однако интересы государства и бизнеса в большей степени имеют разнонаправленный характер. Представляется, что поддержание в этих условиях баланса интересов обеих сторон возможно не только путем традиционного предоставления предпринимателям льгот в сферах налогообложения и иных стимулов, но и путем установления

[1] Крючкова П.В. Саморегулирование хозяйственной деятельности как альтернатива избыточному государственному регулированию. - М., 2002. - С. 6.
[2] Зинченко С.А., Галов В.В. Саморегулируемые организации в законодательстве России: проблемы и решения // Корпорации и учреждения: Сборник статей. - М.: Статут, 2007. - С. 34.
[3] Ростовцева Н.В. Правовые положения саморегулируемых организаций в Российской Федерации // Журнал российского права. - 2006. - № 11. - С.40.

дополнительного «буферного» звена, в качестве которого и выступают саморегулируемые организации.

Саморегулирование в его этимологическом смысле предполагает регулирование по воле участников организации. Однако правовое понятие «саморегулирование» носит иной смысл даже тогда, когда мы употребляем его в узком значении - в любом случае оно подразумевает элемент регулирования, исходящий от государства в лице его органов.

При этом саморегулируемая организация характеризуется не только приобретением возможности осуществлять некоторые государственные функции, но и тем, что участники этой организации также делегируют ей некоторые из своих правомочий. Таким образом, имеет место двойное делегирование: с одной стороны, государством части своей компетенции по регулированию деятельности субъектов хозяйственной деятельности, с другой же стороны, самих хозяйствующих субъектов своих полномочий, в том числе и полномочий по установлению мер ответственности к участникам таких корпоративных отношений. Таким образом, юридическая суть института саморегулируемых организаций имеет сложный, комплексный характер, а правовой статус саморегулируемых организаций, соответственно, складывается из совокупности правообязанностей.

Сказанное во многом обуславливает специфическое правовое положение саморегулируемых организаций в системе управления отдельными отраслями экономической деятельности. Отражая направленность государственной воли в вопросе о том, какие аспекты деятельности хозяйствующих субъектов должны быть подвержены контрольной деятельности, саморегулируемые организации в то же время являются оплотом либеральных устремлений корпоративного (внеадминистративного) регулирования.

Саморегулируемые организации, с одной стороны, реализуют в той или иной мере функции государства, а с другой - осуществляют саморегулирование. В этой связи нередко возникает вопрос о том, можно ли считать функции, которые переданы саморегулируемой организации, утратившими статус государственных функций либо же эти функции все же остаются государственными. Ответ также остается открытым и широко дискутируемым в юридической литературе.

Представляется, что надлежащая правовая проработка статуса саморегулируемых организаций, позволяющая полноценно включить саморегулирование в систему способов механизма правового воздействия позволит преодолеть существующие трудности и недоработки обеих систем управляющего воздействия. Первоначальным результатом легализации института саморегулирования должно было стать значительное сокращение объемов ведомственного нормотворчества,

эволюционирование его в форму стандартов деятельности, разрабатываемых саморегулируемыми организациями для своих членов[1].

Помимо сказанного, особый характер юридической природы саморегулирования позиционирует его как инструмент гуманизации существующего законодательства, предполагающий серьезную уступки саморегулированию хозяйственной деятельности, внутрикорпоративного контроля, системы сдержек и противовесов со структурами государственного управления. Самой серьезной проблемой в то же время остается в безвекторном, ненаправленном характере реформирования, без осознания сути новаций и, что важно, потенциала нового правового института.

Качественно построенная система корпоративного надзора и коллективной ответственности не только будут стимулировать позитивно ответственную деятельность хозяйствующих субъектов внутри профессионального сообщества, но и, с другой стороны, будут обеспечивать стабильность и безопасность функционирования всего рынка в целом. В частности последнее должно достигаться за счет страхования членами саморегулируемых организаций своей деятельности и создания компенсационных фондов внутри самих СРО на случай ненадлежащего поведения со стороны ее членов.

[1] Салин П.Б. Некоторые проблемы регулирования саморегулируемых организаций // Право и политика. - 2006. - № 7. - С. 33.

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Шарно Оксана Игоревна,
аспирантка кафедры теории и истории государства и права
Волгоградского государственного университета

Научный руководитель:
Давыдова Марина Леонидовна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета

Проблемы юридической техники в современном мире приобретают первостепенное значение. Исследуется техника законотворчества, толкования, систематизации, конкретизации. Правоприменительной технике уделяется меньше внимания. Спорными остаются и вопросы состава юридической техники – «бесконечного множества»[1] научно - обоснованных и практически подтвержденных методов, способов, правил, приемов и средств[2], объединенных в такие группы и подгруппы как[3]: а) элементы, используемые для внешнего оформления нормативных актов; б) элементы рациональной организации структуры, стиля, логико-языкового построения содержания правовых предписаний; в) элементы разработки и оформления правоприменительных и интерпретационных актов; г) элементы систематизации и учета правовых актов; д) элементы опубликования правовых актов[4]. Рассматриваемые компоненты или разграничиваются (В.Н. Карташов, С.С. Алексеев, Ю.А. Тихомиров, Д.А. Керимов) или отождествляются (Д.А. Ковачев). Последнее, по нашему мнению делать нецелесообразно, т.к. у указанных элементов одна цель, но разное предназначение и сущность. Так, *метод* - это познание действительности[5], научно-техническая основа юридической техники. *Способ* - «путь достижения целей (метод - это алгоритм, а способ - набор действий по его реализации). *Правила* производны от методов и

[1] Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М.: 1990; Власенко, Н.А. Язык права. - Иркутск, 1997; Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. - Екатеринбург ,1993.

[2] Чигидин, Б. К вопросу о понятии юридической техники // Представительная власть XXI век: законодательство, комментарии, проблемы 2002. - №5-6 (47-48).

[3] Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург ,1993.

[4] См.: Конституция РФ от 12.12.1993г., ФЗ "О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания" от 14 июня 1994 года N 5-ФЗ, Указ Президента РФ N 763, 23 мая 1996 г. "О порядке опубликования и вступления в силу актов Президента РФ, Правительства РФ и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти", а также соответствующие нормативно-правовые акты субъектов РФ

[5] Советский энциклопедический словарь/ гл. ред. А.М. Прохоров. 4-изд. - М.: Сов. энциклопедия, 1989. - С.808

воплощают уже познанные методологические закономерности, представляющие стандарт деятельности правоприменителя. *Прием* означает конкретное познавательное (техническое) действие[1] (сравнение, аналогия) уполномоченного субъекта по реализации правил и операций. Под *средствами* понимаются допустимые законом явления, обеспечивающие применение соответствующих приемов и правил (юридические понятия, термины, конструкции, юридические презумпции, перечисления, фикции и символы). Указанные элементы взаимосвязаны и иерархичны, а достаточно распространенная практика перечисления некоторых из них в качестве синонимов (отождествляются методы и способы, правила, приемы и средства; у одних авторов, правовые конструкции, презумпции, фикции – это приемы[2], у других – это средства[3], у третьих - правила[4], нередко их технологические различия опускаются[5]) неверна. Так, познанное методами влияет на содержание правил, соблюдение которых достигается использованием приемов, представляющих выбор средств, необходимых для решения конкретной юридической задачи[6]. Вышеназванные компоненты, по нашему мнению, можно объединить в следующие группы, в зависимости от сферы применения и поставленных целей: 1) *общесоциальные* (язык, части речи, знаки, буквы, цифры, понятия, суждения, символы, социальные нормы и т. п.); 2) *технические* (использование компьютерной, факсимильной и оргтехники, электронного документооборота, электронно-цифровых подписей, средств интернета); 3) *юридические* (юридические конструкции: процессы, процедуры и т.п., правовые понятия, термины, нормативные и индивидуально-правовые предписания и пр.). Исходя из того, что включать в перечень указанных элементов разнопорядковые категории как предельно широкого (язык, тексты), так и конкретного (характерного для, например, правоприменения) значения (презумпции, фикции); затрагивающие содержательную сторону права (правовые аксиомы) и сугубо формальные аспекты (примечания, приложения)[7], является не всегда оправданным, мы разграничим юридические элементы на *общие*, характерные для всей юридической деятельности в целом (правовые аксиомы, юридические конструкции, язык права, юридические тексты,

---

[1] Вопленко, Н.Н. Толкование права // Общая теория права. Курс лекций / Под общей ред.проф.В. К. Бабаева. - Н-Новгород, 1993. - С.374.

[2] Баранов, В. М., Варьяс М. Ю., Салыгин Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // Проблемы юридической техники. - С. 740.

[3] Воеводин, Л. Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. - Сер. 11, Право. - 1997. - № 3. - С. 21.

[4] Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник. — М.: Эксмо, 2007. - С. 100–103.

[5] Денисов, Г. И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. - 2005. - № 8 - С. 89.

[6] За основу взят вывод Чигидина Б. См.: Чигидин Б. Указ соч.

[7] Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2009. - С.108.

символы, презумпции, фикции, преюдиции, классификации, перечни, примечания, приложения, оговорки[1]), и *специальные* – относящиеся к конкретному направлению юридической деятельности. Логично вывести, что рассмотренный элементный состав характерен для всей юридической техники в целом, хотя в отношении конкретного действия – законотворчества, толкования, правоприменения приобретает узкоспециализированную направленность и специфические особенности.

Так, основная задача правоприменительной техники заключается именно в эффективной реализации правовых норм, ведь известно, что воля государства (правовые нормы) должна не только «храниться и доводиться до сведения всех заинтересованных субъектов»[2], но и успешно реализовываться[3]. «Издание государственно-властных постановлений есть лишь начало дела, их нужно провести в жизнь»[4]. Это и решается специализированными технико-юридическими методами (способами), применение которых подчиняется определенным правилам, и реализуется при помощи специальных приемов и средств, т.е. мы говорим о *составе правоприменительной техники*, беря за основу состав техники юридической. Сюда относятся *методы и способы* общеюридического значения (статистический, историзма, сравнительный, социологический), соблюдаются конкретные *правоприменительные правила*, предполагающие использование профессионального языка и стиля наряду с простотой, ясностью и доступностью конкретному лицу, которому правоприменительный акт будет адресован, сочетание лаконичности с необходимой смысловой содержательностью, конкретности с требуемой абстрактностью; последовательность в изложении юридической информации; взаимосвязь, согласованность и внутренне единство правового материала[5] (перечень общих правил не является исчерпывающим, т.к., индивидуальные акты готовятся конкретным правоприменителем под конкретную ситуацию и для конкретного лица) и *специально-конкретные правоприменительные средства*: содержательные (индивидуально-правовые предписания, преюдиции, коллизии, аналогия права, аналогия закона и др.), процедурно-процессуальные (процессы (судопроизводства) и процедуры (образование юридического лица) и знаково-символьные (правоприменительная символика).

---

[1] Баранов, В. М., Варьяс, М. Ю., Салыгин, Е. Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» - С. 740.

[2] Чигидин, Б. К вопросу о понятии юридической техники // Представительная власть: законодательство, комментарии, проблемы. – 2002. - №5-6.

[3] Имеется ввиду наличие двух форм реализации права: опосредованной (применение права) и непосредственной (исполнение, использование и соблюдение). См.: Решетов, Ю.С. Реализация норм советского права: системный анализ. - Казань, 1989.

[4] Ленин, В. И. Полн. собр. соч., *Т.* 36

[5] Доржиев, Ж.Б. Теория государства и права. - Улан-Удэ, 2005. - С. 97.

Правовая система не является застывшим, и однозначно сформировавшимся образованием. Она находится в постоянном развитии и движении, что позволяет говорить о возможном изменении компонентного состава правоприменительной техники. Поэтому целесообразно признать, что рассмотренное нами «деление» технических элементов достаточно условно, они могут пересекаться и активно дополнять друг друга, т.к. «правоприменение представляет собой творческий процесс перевода абстрактных правовых предписаний в плоскость конкретных обстоятельств»[1]. Иногда, например, следует не разграничивать понятия «средство» и «прием», объединив их сущностное содержание, и использовать обобщающий термин «средство»[2]. Но в любом случае разработка и развитие правоприменительной техники (ее элементов) - комплексного механизма, базирующегося на ресурсном, кадровом и информационном обеспечении (материальная, техническое оснащенность, повышение правовой квалификации правоприменяющих субъектов, разработка процессуальных документов, оптимизация правоприменительных действий), достигается вовлечением всех рассматриваемых элементов в их совокупности и тесной взаимосвязи, что является условием и характеристикой высокого качества правоприменения.

[1] Шипунов, И.В. Техника отражения юридической ситуации в правоприменительном процессе // Юридическая техника. – 2007. - №1. – С.78.
[2] Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. - Волгоград 2009. - С.111.

КОРРУПЦИЯ КАК ФАКТОР СНИЖАЮЩИЙ ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Юрышев Сергей Сергеевич,
студент 1 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Евдокимов Константин Николаевич,
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

На протяжении многих лет ученые ведут дискуссии, посвященные проблеме коррупции. Что же представляет собой коррупция? Впервые в отечественной юридической литературе термин "коррупция" (нем. korruption, фр. corruption, лат. – corruptio - совращение, подкуп; упадок; подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей) был введен в правовой понятийный аппарат А. Я. Эстриным в работе "Взяточничество", которая вышла в рамках работы кружка уголовного права при Санкт-Петербургском университете в 1913 г.[1]

Современное российское законодательство (Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») определяет понятие коррупции как злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

В современной научной и публицистической литературе к определению понятия коррупция сложилось множество подходов, это говорит о многоплановости этого явления.

Актуальность в изучении проблемы коррупции на сегодняшний день составляет феноменальный уровень её развития. Поэтому проблема противодействия коррупции становится неотъемлемой частью государственной политики, поскольку коррупция – это преступное явление, которое препятствует экономическому развитию страны и

[1] Соколов, А.Н Борьба с коррупцией: проблемы, тенденции перспективы / Соколов А.Н., Бочаров В.М. // Правовая культура.– 2008.– №1.– С 6-17.

способствует социальному расслоению общества. Она размывает такие важнейшие конституционные принципы консолидации нашего общества, как принцип социальной справедливости и согласия в стране, народовластия, уважения прав и свобод человека и гражданина; препятствует формированию среднего класса как основы внутриполитической стабильности в стране и инструмента контроля за исполнительной властью, способствует масштабным злоупотреблениям и преступности, т. е не только тормозит прогрессивное развитие всего общества, но более того – ставит под вопрос перспективы его динамичного развития.

Неслучайно проблему борьбы с коррупцией Президент России Д.А Медведев поставил во главу угла своей деятельности, подчеркнув, что для становления России цивилизованным государством страна должна, прежде всего, стать государством правовым.

Для организации эффективной борьбы с коррупцией требуется не только концентрация всех существующих правовых механизмов, но и выработка принципиально новых подходов. Нельзя забывать о том, что коррупция в России находится на высоком уровне развития, и, следовательно, борьба с ней должна быть максимально продуктивной и носить фундаментальный характер.

По мнению автора антикоррупционная политика должна включать в себя меры, направленные на решение следующих задач:

– организация борьбы с коррупцией на всех ее уровнях,

–сужение поля условий и обстоятельств, благоприятствующих коррупции;

– уменьшение выгод для обеих сторон, участвующих в коррупционной сделке, от заключения последней;

– увеличение вероятности выявления коррупционных действий и наказания за причиненный ими вред;

– влияние на мотивы коррупционного поведения;

– создание атмосферы общественного неприятия коррупции во всех ее проявлениях.

В этой связи стоит уделить особое внимание грамотной кадровой политики, объединяя борьбу с коррупцией с наведением порядка в служебной дисциплине и неукоснительном исполнении должностных обязанностей. В этот подход необходимо включить несколько конкретных мероприятий:

1. Прежде всего – это преподавание в ВУЗах антикоррупционного права и учебных дисциплин, формирующих нравственные качества у будущих государственных и муниципальных служащих;

2. Усовершенствование профессионального отбора кандидатов на должности государственных (муниципальных) служащих. В частности – это проведение психологических обследований на предмет выявления у кандидатов мотиваций к склонности совершения поступков, влекущих за собой получение личной выгоды;

3. Деятельность психологов в государственных и муниципальных учреждениях с преобладанием индивидуального подхода к каждому отдельно взятому сотруднику. В этом пункте важно учитывать, что подход должен быть по профессионально тонким и деликатным.

В заключение можно сделать следующий вывод: для повышения эффективности деятельности государственного механизма и повышения авторитета власти, противодействие коррупции должно осуществляться путем разработки и реализации комплексных мер, с участием всех общественных и политических сил страны. Только в этом случае предложенные меры дадут желаемый результат и приведут к снижению уровня коррупции в России.

Секция

Проблемы теории и истории государства и права

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕЗАВИСИМЫХ ДЕРЕВНЯХ ИНДЕЙЦЕВ ЮРОК (СЕВЕРНАЯ КАЛИФОРНИЯ) КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Дробышевский Дмитрий Сергеевич,
студент 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Дробышевский Сергей Александрович,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой истории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В современной отечественной юридической литературе ведётся дискуссия о том, существует ли в первобытных человеческих общностях право как приказ суверена подданным. Подчас последние три понятия предстают в трактовке Дж. Остина[1].

Аргументация за и против наличия права в первобытных обществах нередко ведётся умозрительно, то есть без опоры на конкретный фактический материал. Особенно часто так обстоят дела с доводами противников наличия юридических норм в условиях первобытности.

Вместе с тем, найти верное решение отмеченного спора возможно лишь при опоре на эмпирические сведения из истории первобытных социальных организмов, подтверждающие или отрицающие наличие приказов суверена подданным в подобных объединениях. Часть таких данных приводится далее.

Этот материал взят из англо - язычной литературы по правовой антропологии. Здесь используются непривычные для отечественного читателя юридические термины, сформулированные известным американским исследователем Хохфельдом[2] . Это понятия права требования, обязанности, преимущественного права, отсутствия права требования, полномочия, ответственности, иммунитета и отсутствия полномочия. Знакомые слова, но специфическое содержание.

Конкретный эмпирический материал о правовом регулировании общественных отношений индейцев Юрок собран двумя крупнейшими

[1] Austin J.- Op. cit.- P. 89.

[2] W.N. Hohfeld.- “Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning”.- Yale Law Journal.- 1913.- C. 3-16 ff; Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning.- Yale Law Journal.- 1917.- C. 26 – 710 ff; Hohfeld.- Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning and Other Legal Essays.

американскими антропологами. Речь идёт о профессорах Кроебере и Хобеле.

Изложенное ими показывает, что первобытное право не только существует, но и делится на частное и публичное. Более того, первобытным людям известно и деление права на материальное и процессуальное. В частности, Кроебером собраны данные, свидетельствующие о наличии в первобытных общностях индейцев Юрок уголовного процесса.

КОРРУПЦИЯ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Журавлев Евгений Владимирович,
студент 1 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Богунова Ольга Викторовна,
к.и.н., доцент кафедры истории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

На сегодняшний день тема коррупции в России в условиях современных рыночных отношений и построения правового государства, несомненно, является актуальной. Наша страна является одной из наиболее коррумпированных стран мира. Уровень коррупции в стране, в 2010г. равен 2.1, и Россия занимает 154 место из 178.[1]

Коррупция описывается в СМИ как серьезный барьер на пути здорового развития общества. Для того что бы понять, осознать данную проблему, нужно перейти к рассмотрению исторических истоков происхождения коррупции.

Становление коррупции как явления на Руси относиться к XIV вв. Возникновение такого института как "кормление" было положено в основу зарождения коррупции. В 1556 году институт кормления был отменен, но круговая порука и отсутствие морального осуждения взяточников по-прежнему сохранялись. Одним из первых законов, определившим наказание за взятку судей, стал "Судебник" 1497г. Но, к XVIII веку коррупция в России становиться всепоглощающим и массовым явлением. Одним из первых кто был удивлен масштабами проникновения коррупции в общество, систему государственного управление был Петр I.

После Октябрьской революции в стране поменялось все, кроме коррумпированности общества. Советское государство наплодило большое количество чиновников. Госслужащие довольно часто превышали свои полномочия, извлекая из этого немалую выгоду. В мае 1918 года Совет народных комиссаров издает декрет о взяточничестве, предусматривающий тюремное заключение за взятки сроком пять лет, а также конфискацию имущества.[2] Но коррупция процветала, и в 1922 году

[1] См.: Результаты Международного центра антикоррупционного исследования и инициатив «Трансперенси Интернешнл» за 2010 год.

[2] См.: Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР "О взяточничестве"// http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-08.htm

по Уголовному кодексу за это преступление предусматривался расстрел.[1] К концу 1920-х годов, борьба с коррупцией приобретает характер массовых карательных кампаний. Взятками стали считать любые подарки должностному лицу, работу по совместительству в двух и более учреждениях, находящихся между собой в товарообменных партнерских взаимоотношениях и т.п.

В СССР было принято говорить, что по мере строительства социализма взяточничество, как явление исчезнет, так как коррупция считалась буржуазным пережитком.

Официально коррупции у нас в стране не было, власти не признавали этого слова, позволив ввести его только в конце 1980-х годов.

Нужно заметить, что в конце 1980-х годов сторонники Б.Н. Ельцина, шли к власти именно под лозунгами борьбы с коррупцией, но уже в 1990-х годах на Западе говорили, что в России большинство государственных служащих попросту не догадываются, что личное обогащение на службе является криминалом. Подобные заключения делались не на пустом месте. Официальные доходы госчиновников оставались довольно скромными, но при этом без их разрешения заниматься бизнесом было практически невозможно. Демократия переросла во вседозволенность и разнузданность во всех сферах общественной и политической жизни, коррупция как ржавчина разъедала российское общество, поразив и органы государственной власти.

Сегодняшнее правительство, как и правители прошлых эпох, пытается противостоять этой “заразе”. Для того что бы понять как бороться с коррупцией, нужно знать квалификацию коррупционных действий, которые квалифицируются статьями Уголовного кодекса РФ 1996 года:

- 174 - легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем;
- 285 - злоупотребление должностными полномочиями;
- 290 - получение взятки;
- 291 - дача взятки;
- 292 - служебный подлог.[2]

Планируя программу борьбы с коррупцией, необходимо исходить из следующих предпосылок.[3]

1. Абсолютная победа над коррупцией невозможна. Более того, в нормальном состоянии власти и общества случаи коррупции являются

[1] См.: Уголовный кодекс Российской Социалистической Федеративной Советской Республики 1922 года (ст. 114 УК)

[2] См.: Уголовный кодекс РФ 1996 года;ст. 174, ст. 285, ст. 290, ст. 291, ст. 292.

[3] См.: Материалы проекта Совета по внешней и оборонной политике 2.1.4. Принципы борьбы с коррупцией

технологически полезными сигналами о неполадках в методах работы власти.

2. Не существует стран, обреченных на масштабную и хроническую коррупцию. Россия не является исключением.

3. Ограничение коррупции не может быть разовой кампанией. За окончанием любой кампании всегда может последовать новый, более страшный виток коррупции.

4. Борьба с коррупцией достигает успеха, если она всеохватна, комплексна, ведется постоянно, на это направлены все силы и властей, и общества.

5. Антикоррупционная программа должна реализовываться на высшем уровне политического руководства страны и при максимальном сотрудничестве с институтами гражданского общества.

6. Потери, которые несут от коррупции государство и общество в России, настолько велики, что любые разумные затраты на реализацию антикоррупционной программы обеспечат быструю отдачу, в несколько десятков раз превышающую вложения.

Из приведенного выше анализа следует, что антикоррупционная политика должна включать в себя меры, направленные на решение задач: организация борьбы с коррупцией на всех ее уровнях; сужение поля условий и обстоятельств, благоприятствующих коррупции; уменьшение выгод для обеих сторон, участвующих в коррупционной сделке; увеличение вероятности выявления коррупционных действий и наказания за причиненный ими вред; влияние на мотивы коррупционного поведения; создание атмосферы общественного неприятия коррупции во всех ее проявлениях.

Какие все-таки принимаются меры правительством Российской Федерации по снижению уровня коррупции? За несколько последних лет Российская Федерация вела активное сотрудничество с международными организациями и странами в сфере международного сотрудничества в построении единой системы антикоррупционной политики. Результатом обсуждения этих стратегий стало принятие Россией нескольких международно-правовых актов: Конвенцию ООН против коррупциипринятую 31 октября 2003 года и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. [1] Но для создания единой правовой основы системы антикоррупционной политики, систематизации антикоррупционного законодательства необходим новый закон, которого до сих пор еще нет.

Коррупция - это международная проблема. Она не может по определению обойти какое-нибудь одно государство, она свойственна

[1] См.: Конвенцию ООН против коррупции. (Принята 31 октября 2003 г. Ратифицирована Федеральным законом Российской Федерацией от 08.03.2006 № 40-ФЗ) Российская газета. 2006. 21 марта

всем. Дело лишь в масштабах и в её качественных и количественных характеристиках. Россия на данный момент уверенно выбивается в мировые лидеры по коррупции. Ее можно уменьшить путем принятия комплексных мер по борьбе с ней. Данная проблема выносится на обсуждение, и разрабатываются различные стратегии, что не маловажно. Можно сказать, что первый шаг - осознание вреда коррупции - уже сделан в России. Теперь дело стоит за правительством и самим президентом.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНОЙ ЮСТИЦИИ И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИИ В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Лапердина Ирина Сергеевна,
студентка 1 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Деревскова Валентина Михайловна,
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Период с середины XIX начала XX веков наглядно подтвердил особенности исторического развития Российской цивилизации. Именно в это время намечаются первые шаги на пути к созданию начал гражданского общества и как следствие правового государства. Основной из главных черт гражданского общества является, степень участия населения в политической жизни страны, а если рассматривать судопроизводство – это, несомненно, степень доверия населения к суду, и участие народа в отправления правосудия. То, на каких принципах происходит взаимоотношения местной юстиции и местного самоуправления, можно судить о том, на какой стадии развития находится общество.

Довольно часто, в литературе, местное управление отождествляют с самоуправлением. Однако стоит разграничить эти понятия. Под самоуправлением понимается функционирование какой-либо организации, предполагающее наличие трех условий: 1) принятие членами данной организации норм и решений, касающихся ее жизнедеятельности; 2) совместное ведение этими индивидами общих для них дел; 3) отсутствие в организации разрыва между субъектом и объектом управления. Российское дореволюционное земство в большей степени соответствовало понятию самоуправления с 1864 по 1890 г.

Вопрос об организации деятельности местного самоуправления рассматривался долго. Таким образом, после контрреформ общественному самоуправлению был придан государственно-публичный характер, земства фактически стали низшим звеном системы административно-хозяйственных учреждений при Министерстве внутренних дел. Созданная реформой 1864 года двухуровневая структура земских учреждений (губернских и уездных) представляла собой «отдельное тело», не имеющее

высшего (на общероссийском уровне) и низшего (волосного) звена, с компетенцией, которая в законе определялась как заведование «местными хозяйственными пользами и нуждами каждой губернии и уезда»

Земское законодательство обозначило лишь общие направления сферы деятельности органов местного самоуправления. Во многом благодаря этому земство получило возможность саморазвития.

Само существование земств, их структура, принципы организации и деятельности не только ломали сословные перегородки в обществе, но и способствовали появлению тех общественных сил, которые пытались реализовать на практике те права человека, которые уже были признаны в мировом сообществе.

Что же касается мировой юстиции, то в результате судебной реформы самостоятельным звеном судебной системы стал выборный мировой суд земских губерний. Мировая юстиция должна была демонстрировать демократизацию суда и обеспечить возможность участия населения в правосудии.

Еще одним выборным местным судом, учреждённый в результате проведения крестьянской реформы 1861 года, был волостной суд. В общем положении о крестьянах волостным судам предписывалось разрешать споры и тяжбы между крестьянами. Сами судьи тоже были из крестьян. Волостные суды – это суды из народа и для народа.

Общими принципами, на которых строилась деятельность органов земского самоуправления и новых судебных установлений, были: законность, гласность, как форма контроля общества за деятельностью земств и юстиции; независимость от администрации.

На протяжении всей своей истории — с 1864 по 1917 г. — мировая юстиция России функционировала в рамках системы взаимоотношений с органами местного управления (земского и городского).

Во взаимоотношениях мировой юстиции и местного самоуправления выделяется несколько аспектов: организационный, финансовый (материально-технический) и контрольный.

Организационный аспект взаимодействия земских учреждений и мировой юстиции выражался, во-первых, в том, что земства достаточно активно участвовали во введении института мировых судей. Во всех уездах губернии созывались чрезвычайные земские собрания, определявшие деление судебно-мирового округа на участки, вносившие предложения о месте заседания съезда мировых судей, об определении содержания мирового судьи, его секретаря, судебных приставов при съезде и иных лиц, обеспечивающих деятельность суда и съезда. Земства также способствовали также организации содержания осужденных по приговорам мировых судей: изыскивали помещения, обеспечивали их содержание, охрану и т. п.

Уездные земские собрания выполняли важную функцию избрания корпуса мировых судей. Некоторые исследователи полагают, что возложив данную обязанность на земства, правительство избавило себя от необходимости отыскивать кадры на местах, а также от достаточно обширной организационной работы по проверке «благонадежности» кандидата, выяснение его имущественного и иного положения, назначению. Официально же введение выборности объяснялось тем, что мировой судья как посредник, хранитель мира должен обладать доверием местного населения Разумеется, земства не были абсолютно свободны в формировании корпуса мировых судей: списки кандидатов на должность утверждались губернатором, избранные земскими собраниями и городскими думами судьи утверждались Правительствующим Сенатом.

Финансовый и материально-технический аспекты взаимодействия земств и мировой юстиции заключался в том, что с момента ее введения мировые суды состояли на содержании у земств. Из уездных и городских бюджетов выделялись средства на содержание мирового судьи, канцелярские расходы, разъезды и т.п.

Помимо денежного содержания земства содействовали в найме служебного и жилого помещений для мирового судьи.

Ещё один аспект во взаимодействии местной юстиции и местного самоуправления – контрольный. В основном земства осуществляли финансовый контроль: представители земских учреждений участвовали в ревизиях денежных расходов мировых судов.

Сейчас в России мировые суды входят в состав судов общей юрисдикции, они существуют независимо от органов местного самоуправления. Однако само состояние мировой юстиции оставляет желать лучшего. Так, в современной России в соответствии с Концепцией судебной реформы 1991 г. должна была быть введена выборная мировая юстиция. ФЗ «О мировых судьях Российской Федерации» от 17 декабря 1998 г. № 188 – ФЗ предусматривал возможность как назначение судьи на должность представительным органом власти, так и избранием мировых судей населением судебного участка. Однако ни в одном субъекте не принят закон, предусматривавший демократическую процедуру избрание мировых судей. Из опыта прошлого реформирование судебной системы видно, что отсутствия выборного начала не будет способствовать авторитету судебной власти и доверия к ней со стороны населения. Укрепление основ местного самоуправления является одним из важнейших направлений нынешнего реформирования отечественной политической системы. В современном законодательстве сокращенны и ограничены полномочия местного самоуправления. Доверие со стороны населения к этим органом, по сравнению с прошлым опытом, значительно уменьшилось. В XIX веке именно за счёт земств на местах, и в стране в

целом, развивались такие сферы общественной жизни как: культурно-просветительская деятельность и общественная медицина. В этом отношении органы местного самоуправления сейчас занимают пассивную позицию.

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА ЖИЗНЬ И ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Политова Ольга Андреевна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Дробышевский Сергей Александрович,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой истории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Чтобы сохранилось независимое политическое общество, люди должны в нем жить. Отсюда норма, включающая субъективное право на жизнь каждого лица, а также субъективную обязанность остальных его членов это правомочие уважать; такая обязанность существует в качестве приказа суверена подданным в подобном социальном организме.

На протяжении всей истории независимых политических обществ это право означает возможность физического выживания человека. Однако, обеспечивая ее, разные независимые политические общества в лице их суверенов дают возможность живущему удовлетворять неодинаковый круг потребностей и в разной мере. При этом ориентиром для суверена обычно выступает его представление о достойной жизни, которую он считает нужным обеспечить подданным.

Правда, частично достойная жизнь достигается не юридическими средствами. Люди в независимом политическом обществе могут использовать и иные фактические возможности, которые лежат в сфере регулирования неюридических правил, осуществляя тем самым достойную жизнь, соответствующую общественным представлениям о таковой.

Однако основа достойной жизни, ее необходимый минимум достигается посредством реализации сформулированных суверенной властью субъективных юридических прав людей. Система последних существует уже в древнейших независимых политических обществах и по мере прогрессивного развития усложняется, включая все больше субъективных прав.

Когда в XVIII веке возникли первые конституции, эти права оказались закрепленными и здесь. Все конституции прямо или косвенно предполагают физическое выживание людей, то есть закрепляют их право на биологическое существование. Однако, как и в доконституционные времена, право на достойную жизнь, проявляющееся в наборе

сформулированных здесь прав гражданина, в каждой конституции формулируется по-разному, исходя из представлений об этом предмете суверенной власти.

Свое общее представление о достойной человеческой жизни отдельные суверены формулируют в нормах международного права, где, разумеется, закрепляется и право человека на выживание физическое. Другое дело, что разные группы суверенов неодинаково понимают достойную жизнь, и это обстоятельство отражается на развитии прав человека, закрепленных в международных документах.

Разные представления о достойной жизни могут либо соответствовать, либо противоречить самосохранению и прогрессу независимого политического общества. Предпосылкой его самосохранения и прогресса является обеспечение существования членов этого объединения. Поэтому действующие социальные нормы гарантируют человеку право на жизнь.

С вопросом о праве на жизнь тесно связаны такие проблемы как проблема войны, смертной казни, эвтаназии, безбрачия, абортов и контрацепции. Решение обозначенных проблем зависит от разрешения вопроса о понятии права на жизнь, его содержании, представлении о достойной жизни и ее правовом регулировании.

Обеспечивая людям, а тем самым и себе, физическое выживание, государство стремится совершенствоваться. При этом имеет место предоставление человеку разных совокупностей возможностей, выступающих в том числе и как субъективные юридические права. Совокупности указанных возможностей, предоставленных конкретному лицу и реализуемых им, составляют его жизнь.

Таким образом, жизнь в широком смысле этого слова – все поведение человека, регулируемое социальными нормами, а не только его физическое выживание. Исходя из этого совокупность всех субъективных прав человека и есть право на жизнь в широком смысле, то есть та ее часть, которая предусмотрена, урегулирована юридическими нормами. В разных государствах по содержанию оно различно хотя бы потому, что сферы правового регулирования в них не одинаковы. В рамках субъективного юридического права на жизнь в широком смысле можно выделить субъективное юридическое право на жизнь в узком смысле, которое, исходя из содержания международных и многих конституционных документов, можно приравнять к «праву» на физическое выживание.

Предметом исследования послужили понятие, идеи, теории, нормы, представления о праве на жизнь. В качестве объекта рассматривается эволюция развития права на жизнь в рамках отечественного и зарубежного конституционного законодательства, а также международного права.

В работе предложено авторское определение понятия право на жизнь. Право на жизнь - есть суммарное субъективное право, реализуемое в рамках правовых отношений, предполагающее предусмотренную для индивида нормами объективного права меру возможного поведения по пользованию жизнью как социальным благом в целях поддержания своего биологического существования и саморазвития личности, осуществляемую индивидом посредством его собственных юридических действий, включая требования к иным субъектам права, помимо государства, а также обеспеченную абсолютной обязанностью со стороны государства и общества по сохранению, охране и обеспечению достойной жизни.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЕЙ: ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ПРАКТИКИ

Талашкевич Наталья Николаевна,
студентка 2 курса
прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:
Деревскова Валентина Михайловна,
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Проблемы взаимоотношения исполнительной и законодательной властей в соответствии с Российским законодательством существовали как в начале XX века, так и в той или иной мере имеют место сегодня. Этот вопрос является чрезвычайно важным, так как от того, как отнесется законодатель к его урегулированию, зависит, насколько действенна будет представительная власть в государстве, а соответственно и эффективность механизма сдержек и противовесов, реальность этого принципа на практике.

Противоречия и пробелы российского дореволюционного законодательства являются одной из существенных причин краха Российской Империи[1]. Необходимость перемен была очевидна, однако непоследовательность и неуверенность проводимого реформирования порождала нестабильность создаваемого законодательства, которая проявлялась в правовых коллизиях и пробелах в праве.

Во время царствования Николая II явно прослеживаются две противоречивые тенденции. С одной стороны, осознавая всю сложность сложившейся в стране ситуации, царь шёл на вынужденные уступки. С другой - Император пытался избежать ограничения собственной власти, изменения государственного строя любым путем. Согласно законодательным положениям, Государственная Дума и Государственный Совет образовывали две равноправные палаты «первого русского парламента». Но главное отличие русского парламента от западных

[1] Осипян, Б.А. Противоречивость дореволюционного Российского законодательства как одно из существенных условий будущих социальных потрясений / Б.А. Осипян // История государства и права. – 2009. – №16. – С.30-31.

состояло в том, что фактически он находился в полной зависимости от Императора.

В девятой главе Основных законов от 23 апреля 1906 г., устанавливавшей порядок принятия законов, определялось, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государем Императором». Статья же 87 Основных законов предоставляла Императору право в период прекращения заседаний Думы издавать чрезвычайные указы, имевшие силу законов, что широко использовалось для принятия наиболее реакционных указов. Основные законы отличались неясностью формулировок в отношении ряда норм, регламентировавших деятельность Государственной Думы (например, понятие сессии) или же полным отсутствием регламентации некоторых вопросов (например, вопроса о преемственности законодательных работ различных созывов Думы).

Современное российское государство, основываясь на традициях собственного развития на протяжении последнего столетия, перенимает также опыт зарубежных стран. Что можно проследить в урегулированной преемственности в деятельности Государственной Думы. Российский парламент – Федеральное Собрание, по-прежнему представлен двумя палатами: Советом Федерации и Государственной Думой. Каково же взаимоотношение исполнительной и законодательной властей? Вне всякого сомнения, все те пробельные и проблемные моменты, которые существовали в начале XX века, получили должное внимание со стороны законодателя. На сегодняшний день организация деятельности Государственной Думы четко регламентирована, отлажена и закреплена в Регламенте Государственной Думы[1]. Тем не менее, за внешней всесторонней регламентацией деятельности законодательной и исполнительной властей по отдельности и во взаимодействии, существует законодательно закрепленный рычаг воздействия главы государства на решения Государственной Думы. Это ст. 84 Конституции РФ, в соответствии с которой Президент вправе распустить Государственную Думу в случаях и порядке, предусмотренных Конституцией РФ. К примеру, ст. 111 гласит, что после трехкратного отклонения представленных кандидатур Председателя Правительства Государственной Думой Президент назначает Председателя Правительства, распускает Государственную Думу и назначает новые выборы[2].

[1] Регламент Государственной Думы [Электронный ресурс] – Режим доступа : www.duma.gov.ru/index.jsp?t=reglament/index.html. (24.12.2010).
[2] Конституция Российской Федерации. — М: Астрель, 2005. — 64 с.

Постановление от 11 декабря 1998 г. N 28-П по делу о толковании положений части 4 ст. 111 Конституции РФ закрепило, что после трехкратного отклонения представленных Президентом кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации – независимо от того, представлялся ли каждый раз новый кандидат либо один и тот же кандидат дважды или трижды, – Государственная Дума подлежит роспуску[1].

На этот счет было высказано особое мнение судьи Конституционного суда Н. Витрука. Он говорит о том, что Государственная Дума, давая согласие Президенту на назначение Председателя Правительства Российской Федерации, выступает в качестве средства сдержки, определенного противовеса, но она не может быть средством давления, так как число отклонений кандидатур у Государственной Думы ограничено[2]. При представлении Президентом Российской Федерации одной и той же кандидатуры дважды, а тем более трижды, как справедливо указывал представитель Государственной Думы в судебном заседании, Государственная Дума лишается права самостоятельного выбора, что гарантировано ей ст. 10 и ст. 111 Конституции РФ, и, следовательно, она превращается в "орудие проведения воли главы государства"[3].

По мнению другого судьи Конституционного суда В. Лучина, возникает нестандартная и весьма противоречивая ситуация, поскольку Президент может не только навязывать свою волю, не опасаясь неблагоприятных для себя последствий, но и с легкостью утихомирить "несговорчивую" Государственную Думу, распустив ее. Так о каком механизме сдержек и противовесов можно в этом случае говорить? "Только представление разных кандидатур Председателя Правительства Российской Федерации может служить оправданием такой конституционной санкции, как роспуск Государственной Думы"[4].

С течением времени, поменялись механизмы воздействия главы государства на законодательную ветвь власти, но сила их по-прежнему достаточно велика. И нежелательное одностороннее давление Президента на Государственную Думу имеет место по сей день. Притом оно может быть практически реализовано, так как нормы, регулирующие механизм воздействия Президента на законодательную ветвь власти не относятся к,

---

[1] По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ [от 11.12.1998 N 28-П] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Сетевая версия. – М. : КонсультантПлюс – Технология 3000, 1990. – Режим доступа : Компьютер. Сеть ИЮИ (ф) АГП РФ, свободный.

[2] По делу о толковании положений части 4 статьи 111 Конституции Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда РФ [от 11.12.1998 N 28-П] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Сетевая версия. – М. : КонсультантПлюс – Технология 3000, 1990. – Режим доступа : Компьютер. Сеть ИЮИ (ф) АГП РФ, свободный.

[3] Там же.

[4] Там же.

так называемому, «спящему праву». Возможность его применения достаточно вероятна в случае изменения политической ситуации в стране, таким образом, данное обстоятельство существенно влияет на практику. В частности, обуславливает скованность Государственной Думы в своей деятельности.

Стоит помнить опыт собственного государства, когда законодательная власть находилась в жестких рамках и то, к чему это привело.

Секция

Актуальные проблемы теории и практики конституционного права

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОДХОДОВ И ПРЕДМЕТОВ ФЗ «ОБ ОСНОВНЫХ ГАРАНТИЯХ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ И ПРАВА НА УЧАСТИЕ В РЕФЕРЕНДУМЕ ГРАЖДАН РФ» И ПРОЕКТА ИЗБИРАТЕЛЬНОГО КОДЕКСА РФ (ПРОЕКТ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ ПОД РУКОВОДСТВОМ А.Е. ЛЮБАРЕВА)

Азаров Евгений Олегович,
аспирант кафедры государственного права
Хакасского государственного университета им.Н.Ф. Катанова

Научный руководитель:
Сергеев Дмитрий Борисович,
к.ю.н., доцент кафедры государственного права
Хакасского государственного университета им.Н.Ф. Катанова

В сегодняшней России действующее избирательное законодательство сложное, бессистемное и противоречивое — 5 отдельных федеральных законов, дублирование норм в нескольких из них, нечеткие формулировки, допускающие множество толкований. Содержащиеся в законодательстве нормы не отвечают потребностям демократического развития страны. Перспективный план реорганизации избирательной системы наше экспертное сообщество уже выработало и предложило. Речь идет о проекте Избирательного кодекса (далее ИК – прим. автора), подготовленного в ассоциации общественных организаций «В защиту прав избирателей – Голос» группой экспертов во главе с Аркадием Любаревым[1]. Авторы реализовали давно уже выдвигавшуюся идею о создании системного законодательного акта, регулирующего федеральные выборы и референдумы, а также задающего рамочные параметры региональных и муниципальных выборов и референдумов.

Проведём сравнительный анализ уже имеющегося нормативно-правового акта[2] и проекта Избирательного кодекса (проекта рабочей группы под руководством А.Е. Любарева). Обратимся к ФЗ от 19 сентября 1997 года «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»[3]. Структура этого нормативно-правового акта на момент принятия не была оптимальной, но в те годы она была еще приемлемой. С течением времени в закон неоднократно добавлялись

[1] http://golos.org (сайт Ассоциации «Голос», 2001-2011), юр.л: http://kodeks.golos.org/kodeks (13.03.2011)
[2] Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»// Собрание законодательства РФ. –2002. - №24.
[3] Федеральный закон от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»//Российская газета № 186, 25.09.97 г., № 189, 30.09.97 г.

новые нормы и институты. Это требовало переструктурирования закона, но все сводилось к старой структуре. В итоге мы имеем ФЗ, в котором трудно ориентироваться[1]. К примеру, ст. 38 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»[2] (далее ФЗ «об основных гарантиях» 2002 года - прим. автора). Эта важная статья о регистрации кандидатов и списков кандидатов состоит из 37 пунктов, а в некоторых еще до 16 подпунктов. Положение, которое оказало влияние на все региональное законодательство, помещено в 16-й пункт 35-й статьи[3]. Такими статьями трудно пользоваться. В этом и состоит проблема регионального законодательства. Многие составители региональных кодексов отмечают, что при такой структуре рамочного закона невозможно создать удобный региональный закон. Большую часть норм приходиться дублировать, это очень неудобно, но этого не избежать. Проект ИК делает избирательное законодательство понятным и удобным в применении. Действующий текст ФЗ «об основных гарантиях…» - это двести страниц двенадцатым шрифтом с одним интервалом, в нём восемьдесят тысяч слов и шестьсот тысяч знаков. Достоинством проекта ИК является то, что размеры статей и их частей сокращены. Статьи изложены короче, они не состоят из 30-38 пунктов, как в ФЗ «об основных гарантиях…».

Традиционно структура кодекса включает общую и особенную части. От этой традиции составители проекта Избирательного кодекса решили не отходить. Общая часть проекта Избирательного кодекса аналогична ФЗ «Об основных гарантиях…», а особенная - включает разделы о выборах Государственной Думы и Президента.

Много дискуссий велось по поводу вопроса о референдуме. В проекте Избирательного кодекса позиция составителей заключается в следующем: то, что должно быть унифицировано, должно быть включено в общую часть кодекса. Есть избирательные комиссии, учёт избирателей, процедура голосования и ещё ряд вопросов, которые едины и для выборов, и для референдума. Соответственно эти вопросы должны быть в общей части Избирательного кодекса, и всё это должно быть изъято из федерального конституционного закона. Общероссийский референдум должен регулироваться общей частью Избирательного кодекса и Федеральным конституционным законом, который будет аналогом раздела особенной части Избирательного кодекса, поскольку в Конституции РФ

[1] Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»// Собрание законодательства РФ. –2002. - №24.

[2] Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»// Собрание законодательства РФ. –2002. - №24., ст.38.

[3] Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»// Собрание законодательства РФ. –2002. - №24., ст.35.

заложено, что должен быть федеральный конституционный закон о референдуме[1].

Отметим и то, что в проекте ИК решён вопрос с терминологией. Составители отказались от таких определений, как «участник референдума», «список участников референдума», «участок референдума», «комиссия референдума». Эти понятия ни чем не отличаются от понятий «избиратель», «избирательная комиссия», и т.п. Приведем пример из ФЗ «об основных гарантиях»: «Бюллетени выдаются избирателям, участникам референдума, включённым в список избирателей, участников референдума...»[2]. Такое разнообразие терминов засоряет текст закона, поэтому отказ от них никакого ущёрба для юридической чистоты не нанесёт.

Общая часть проекта Избирательного кодекса разбита на четыре раздела. Первый раздел - общие вопросы, второй - то, что происходит не только во время избирательных кампаний, потому что в РФ большинство избирательных комиссий действует на постоянной основе, регистрация избирателей происходит совсем в других временных рамках, следовательно, защита избирательных прав тоже должна быть постоянной. В первом разделе имеется специальная глава «Участие политических партий и общественных объединений в выборах и референдуме»[3]. Именно в этой главе описаны общие принципиальные вопросы. Составители предполагали, что в законе о партиях со временем останутся вопросы создания партии, а участие партии в выборах будет изложено в Избирательном кодексе. Третий раздел - это собственно избирательные процессы. Название главы 12 «Информационное обеспечение выборов» взято из ФЗ «об основных гарантиях…». Четвёртый раздел - это референдумные процессы. Здесь в названиях глав 20-й, 21-й и 22-й составители отметили слово «особенности» по той причине, что некоторые аспекты референдума отразились в главах по избирательному процессу (например, процедура голосования и подсчёты голосов одинаковые, а бюллетени разные, порядок определения результатов разный, т.е. здесь в референдумном разделе сделали отдельные статьи).

Первый раздел включает две важные главы: «Избирательные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (Глава 2) и «Избирательные системы» (Глава 3). В Главе 2 закреплены приоритеты избирательных прав. Ответственная задача, которая стояла перед составителями - изложить избирательные права так, чтобы статьи смогли непосредственно работать, потому как именно они определяют

[1] Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. п.б ст.84.

[2] Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»// Собрание законодательства РФ. –2002. - №24., п.4 ст.52 Глава IX.

[3] http://golos.org (сайт Ассоциации «Голос», 2001-2011), юр.л: http://kodeks.golos.org/kodeks (13.03.2011)

содержание последующих разделов. В Глава 3 составители не стали навязывать какую-то определённую жёсткую избирательную систему субъектам РФ, оставили им выбор, но этот выбор ограничили. Важно отметить, что в проекте Избирательного кодекса перечислены все избирательные системы, которые могут быть использованы. В начале Избирательного кодекса зафиксированы системы - пропорциональная, мажоритарная, смешанная, многомандатные округа и т.д. - в последующих главах они более детализированы.

Глава об избирательных комиссиях содержит в основном те же статьи, что и ФЗ «об основных гарантиях…». В проекте ИК учтено всё то положительное, что есть в действующем ФЗ. Что касается системы избирательных комиссий, то в проекте ИК есть новшество: в главу 5 «Избирательные комиссии»[1] отнесено всё, что касается финансирования избирательных комиссий.

Ещё один пример из проекта Избирательного кодекса: 9-я глава о формировании округов[2]. В ней показан один из подходов к разделению материала на разные статьи: одна статья - требование к округам, другая - процедура их образования. Это один из ключевых подходов - разделение материальных и процессуальных норм. Более важная задача, которая стояла перед составителями - разделение императивных и диспозитивных норм, то есть норм прямого действия и тех, которые обращены к региональному законодателю. После разделения императивные статьи не надо будет дублировать, на них можно будет просто ссылаться и, естественно, законы будут более компактными и более удобными.

Недостатком проекта ИК является отсутствие раздела, в котором регулируется обжалование нарушений избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ. ФЗ «об основных гарантиях…»[3] напротив содержит данный раздел.

Среди прочих достоинств проекта ИК необходимо отметить изобилие четких и понятных формулировок, четкое разграничение функций федерального и регионального законодательства, утверждение приоритета избирательных прав перед избирательными процедурами. В ИК спроектирована демократическая конкурентная избирательная система, обеспечивающая права избирателей, эффективно защищающая их выбор от вмешательства властей и действующая на всех уровнях федеративного государства. Документ такого рода создан у нас впервые. Он прошел заинтересованное обсуждение на многих представительных конференциях и круглых столах, получил принципиальную поддержку

[1] http://golos.org (сайт Ассоциации «Голос», 2001-2011), юр.л: http://kodeks.golos.org/kodeks (13.03.2011)
[2] http://golos.org (сайт Ассоциации «Голос», 2001-2011), юр.л: http://kodeks.golos.org/kodeks (13.03.2011)
[3] Федеральный закон от 12 июня 2002 года №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»// Собрание законодательства РФ. –2002. - №24., Глава X.

квалифицированных экспертов – юристов и организаторов избирательных кампаний.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЛАСНОСТИ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аносова Лидия Сергеевна,
аспирантка кафедры конституционного и муниципального права
Государственного университета –
Высшей школы экономики

Научный руководитель:
Замотаева Екатерина Константиновна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и муниципального права
Государственного университета –
Высшей школы экономики

Как и в ранее действовавших конституциях, в Конституции РФ 1993 года закрепляется принцип гласности судопроизводства в качестве одного из основополагающих начал правосудия. Согласно части 1 статьи 123 Конституции разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом. Во-первых, принцип гласности должен реализовываться во всех судах: судах общей юрисдикции, включая военные суды; распространяется на дела, рассматриваемые мировыми судьями, в арбитражных судах, Конституционном Суде, конституционных (уставных) судах субъектов Федерации. Во-вторых, открытый судебный процесс Конституция провозглашает в качестве правила, а закрытое судебное разбирательство - как изъятие из этого правила.

Кроме того, принцип гласности судопроизводства был закреплен во всех основополагающих актах, посвященных основам судоустройства и судопроизводства, однако в самом общем виде, практически дословно воспроизводя соответствующую конституционную норму, но с учетом особенностей гражданского, уголовного, арбитражного процесса. В то же время данные положения не регулируют многие возникающие в этой сфере правовые вопросы. Необходим был специальный федеральный закон о доступности судебной информации и функционировании соответствующих информационных систем. И такой закон был принят в конце 2008 года, но лишь недавно вступил в силу – с 1 июля 2010 года. Речь идет о Федеральном законе от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[1] (далее - Закон № 262-ФЗ).

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

Хотя Закон вступил в силу лишь через полтора года после принятия, что характерно для актов, требующих решительной перестройки в работе, серьезного изменения законодательства, введения большого числа подзаконных актов, говорить о радикальных преобразованиях не приходится. Действующие законы, в том числе процессуальные кодексы и Закон РФ «О средствах массовой информации», не предполагается приводить в соответствие с новым законом: именно они будут полностью сохранять свое действие в случае коллизии их норм с принятым актом. Закон № 262-ФЗ не предполагает решительного пересмотра регламентов и иных внутренних актов судов, он неоднократно говорит о необходимости их соблюдения в ходе применения новых норм.

Итак, в соответствии с Законом, пользователь информацией, предъявив удостоверение личности либо удостоверение личности и доверенность представителя организаций, перечисленных в части 1 статьи 12 Закона, (обобщенный субъект), вправе не объясняя причин или отношения к противоборствующим сторонам процесса, - присутствовать в любом открытом судебном заседании. До вступления в силу Закона № 262-ФЗ пройти в здание суда без повестки либо без определения о вызове в суд расценивалось как нарушение внутреннего порядка в судебном учреждении. Даже представителям СМИ попасть в суд не всегда удается, в связи с чем их активность в последнее время, если сравнивать с девяностыми годами, резко снизилась. Открытые (по закону) судебные разбирательства, в том числе выездные заседания, ушли в прошлое.

К сожалению, в Законе не предусмотрен независимый контроль за обеспечением доступа к информации о деятельности судов: его, соответственно, будут осуществлять председатели судов и руководители органов Судебного департамента при Верховном суде РФ, причем порядок контроля устанавливают сами органы в своих регламентах и иных внутренних актах.

В Законе №262-ФЗ указано, что размещению в сети Интернет не подлежат тексты судебных актов, вынесенных по делам: 1) затрагивающим безопасность государства; 2) возникающим из семейно-правовых отношений, в том числе по делам об усыновлении (удочерении) ребенка, другим делам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних; 3) о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 4) об ограничении дееспособности гражданина или о признании его недееспособным; 5) о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар и принудительном психиатрическом освидетельствовании; 6) о внесении исправлений или изменений в запись актов гражданского состояния; 7) об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассматриваемых судами общей юрисдикции; 8) разрешаемым в порядке

статьи 126 ГПК РФ. В совокупности с запретом публикации сведений, составляющих коммерческую тайну, которая при желании одной из сторон может составлять почти все содержание арбитражных процессов, эти исключения сводят возможности удовлетворения интереса публики в отношении работы судов к минимуму. Не совсем ясна позиция законодателя относительно того, почему необходимо скрывать, например, судебные постановления по семейным делам, слушавшимся в открытом процессе, учитывая тот факт, что все фамилии участников заменены, и сохраняется возможность наказания за разглашение тайны личной жизни.

В Законе № 262-ФЗ вопросам взаимодействия судов с редакциями средств массовой информации посвящена отдельная глава, однако речь в ней идет о «представителях редакций средств массовой информации». Это означает, что двери в суд будут открыты не для всех журналистов, а лишь для лиц, специально уполномоченных редакцией представлять ее в этом учреждении.

Таким образом, Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», хотя и не лишен недостатков, в тоже время является очередным шагом реального обеспечения конституционных прав и свобод граждан в сфере отправления правосудия. С его принятием появилась реальная возможность получить доступ к судебным решениям, иной размещаемой в Интернете информации, важной для освещения в СМИ судопроизводства. Необходимость внедрения Интернета и электронной почты в такой консервативный институт власти, как суд, уже давно назрела. Новый Закон дает обществу возможность увидеть формы и методы отправления правосудия, в определенной степени преодолеть закрытость судейского сообщества и восстановить доверие общества к судебной системе. Вместе с тем Закон не лишен недостатков, поскольку исключения из процедуры обеспечения гласности неоправданно многочисленны, а использование понятия «представители редакций средств массовой информации» способно осложнить работу всех журналистов и редакций.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ЖИЗНЬ

Белобрагина Надежда Александровна,
аспирантка кафедры конституционного и муниципального права
Государственного университета – Высшая школа экономики

Научный руководитель:
Мазаев Владимир Дмитриевич,
д.ю.н., профессор кафедры конституционного и
муниципального права
Государственного университета – Высшая школа экономики

Одним из элементов механизма обеспечения и защиты права на жизнь выступает институт омбудсмана. Должность Уполномоченного по правам человека учреждена Конституцией Российской Федерации 1993 года. Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[1] гласит, что должность Уполномоченного учреждается в соответствии с Конституцией Российской Федерации в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами (п.1 ст.1 Закона).

Уполномоченный по правам человека - особый конституционный институт. Федеральный конституционный закон установил, что Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам. Свобода и независимость Уполномоченного при принятии решений, невмешательство в его работу являются непременным условием его эффективной правозащитной деятельности, гарантией объективности и беспристрастности. Принимаемые Уполномоченным в рамках его компетенции решения не подлежат обжалованию и пересмотру государственными органами, включая органы правосудия и прокуратуры.

Деятельность Уполномоченного не заменяет и не подменяет деятельность других государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление прав и свобод граждан. Она способствует совершенствованию их работы в этой области, указывает на имеющиеся недостатки и проблемы, в том числе связанные с действиями или

[1] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 03.03.1997, N 9, ст. 1011.

бездействием тех или иных органов и должностных лиц, и таким образом содействует более полной реализации прав граждан.

Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по обеспечению государственной защиты конституционного права на жизнь является приоритетной. Попробуем проанализировать работу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по некоторым направлениям относительно механизма обеспечения и защиты права на жизнь.

Восстановление нарушенных прав. Одно из основных направлений деятельности Уполномоченного – способствовать восстановлению нарушенных прав граждан России. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации занимается проблемами нарушения права человека на жизнь. Это находит отражение в его ежегодных, специальных докладах и заявлениях. Вот некоторые из них (проблем):

- ликвидации членов незаконных вооруженных формирований в ходе боевых столкновений;
- низкая эффективность и недостаточная оперативность расследования случаев лишения жизни[1];
- защита прав жертв террористических актов и иных преступлений[2];
- недозволенные методы обращения с задержанными по подозрению в совершении преступлений;
- проявления расовой дискриминации, национальной и религиозной нетерпимости[3];
- нарушения права человека на жизнь, имеющие место в Вооруженных Силах Российской Федерации;
- соблюдение права на жизнь и в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации[4].

Совершенствование законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведение его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права.В подавляющем числе публикаций предлагается наделить Уполномоченного по правам человека правом законодательной инициативы. Для этого необходимо дополнить ч.1ст.104 Конституции России, что сопряжено со

[1] Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации /http: // www.ombudsmanrf.org/

[2] Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений» 20 марта 2003 года// Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации /http: // www.ombudsmanrf.org/

[3] Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в 2002 году// Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации /http: // www.ombudsmanrf.org/

[4] Заявление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 18.12.2009. // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации /http: // www.ombudsmanrf.org/

сложностями юридического порядка. На наш взгляд, в Федеральном конституционном законе «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» необходимо иметь норму, которая бы обязывала субъекта законодательной инициативы, к которому обратился Уполномоченный с предложением внести его законопроект на рассмотрение Государственной думы, дать ему аргументированный ответ, указав основания по которым он не поддерживает инициативу Уполномоченного и не вносит его законопроект в палату Парламента. Было бы желательно, чтобы к ответам депутатов Государственной думы, членов Совета Федерации прилагались заключения правовых управлений палат. Уполномоченный должен быть проинформирован и при принятии его предложения.

В качестве примера совершенствования законодательства по вопросу права на жизнь можно привести следующий случай. Уполномоченный по правам человека обращался в Минюст России с предложением рассмотреть вопрос о совершенствовании правового регулирования порядка применения меры пресечения в виде содержания под стражей с использованием института освобождения из-под стражи по болезни с внесением для этого в Государственную Думу соответствующего законопроекта в порядке законодательной инициативы Правительства Российской Федерации[1].

Безусловно, иные направления деятельности Уполномоченного по правам человека, такие как развитие международного сотрудничества, правовое просвещение граждан по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты, играют немаловажную роль в механизме обеспечения и защиты права на жизнь.

Подводя итог, отметим, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации занимает важное место в конституционно-правовом механизме обеспечения и защиты права на жизнь. Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, не отменяя и не ограничивая компетенции государственных органов, дополняет существующие средства обеспечения и защиты права на жизнь. Этому свидетельствуют примеры из практики деятельности Уполномоченного.

Своеобразие положения Уполномоченного проявляется в том, что он, с одной стороны, обязан контролировать чиновников в сфере прав человека, требовать санкций против них при нарушениях, а с другой, прибегать к их участию, помощи, восстанавливая права и отстаивая законные интересы личности.

---

[1] Заявление Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 24.05.2010 // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации /http: // www.ombudsmanrf.org/

Мнение о безвластности Уполномоченного ошибочно. Он обладает достаточным кругом полномочий, необходимых для обеспечения и защиты права человека на жизнь.

В конституционно-правовом механизме обеспечения и защиты права на жизнь основная роль уполномоченного состоит в том, чтобы стимулировать применение средств защиты иными государственными органами и должностными лицами. Без конструктивного взаимодействия с ними деятельность Уполномоченного по правам человека в РФ крайне неэффективна.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЯЗЫК: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РФ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Бороздин Михаил Сергеевич,
студент 5 курса Орского филиала
Московской финансово-юридической академии,
стажёр руководителя аппарата
Комитета Государственной Думы ФС РФ
по делам СНГ и связям с соотечественниками

Научный руководитель:
Жуковина Виктория Сергеевна,
к.ю.н., доцент, декан юридического факультета Орского филиала
Московской финансово-юридической академии

Одним из важных фактором, влияющих на положение того или иного языка в государстве, является закрепление за ним определённого правового статуса языка. Под правовым статусом языка традиционно понимают его правовое положение как юридического объекта, место в социальной системе, определённое законом и социальными функциями. [1]

Наиболее привилегированным правовым положением языка является «государственный язык» (англ. state language). Исходя из анализа российского и зарубежного законодательства о языках, можно выделить несколько моделей законодательного закрепления языка в качестве государственного: 1) Модель не оформленного законодательно государственного языка; 2) Модель легитимного монолингвизма; 3) Модель легитимного многоязычия.

Язык может быть законодательно не закреплён в качестве государственного, но de facto иметь соответствующее положение. Язык может быть закреплён в законодательстве прямо и «скрыто». Государственный язык может быть закреплён в Конституции и (или) в специальном законе о языке. Кроме того, в одном государстве может быть закреплено несколько языков в качестве государственных.

В некоторых зарубежных государствах, как правило, в государствах дальнего зарубежья понятия «государственный язык», «официальный язык» и «национальный язык» отождествляются. Например, Большой англо-юридический словарь А.Г. Пивовара расшифровывает «official language» как «официальный, государственный язык». [2, с. 554] В Конституции Республики Кипр от 16 августа 1960 года, в ст. 3, установлено, что официальными языками Кипра являются греческий и турецкий языки. Или в § 17 Конституции Финляндии от 11 июня 1999 года

говорится, что национальными языками Финляндии являются шведский и финский языки.

Понятие «национальный язык» может пониматься как социально-историческая категория, [3, с. 346] которая обозначает язык, являющийся средством общения нации, сложившийся в процессе её развития, и выступающий в нескольких формах: литературной (устной и письменной), народно-разговорных разновидностях языка и диалектах. Кроме того, «национальный язык» (англ. national language) может пониматься как государственный (официальный) язык. Здесь по смыслу понятие «национальные языки» приравнивается к «государственным», «официальным», наблюдается своеобразная связка «язык – государство», а не «язык-нация».

Что касается Российской Федерации, то в России понятия «официальный язык», «государственный язык» и «национальный язык» используются в разных значениях. «Национальный» язык понимается как социально-историческая категория. На федеральном уровне используется понятие «государственный язык», а на уровне субъектов – «государственный» и «официальный».

Государственный язык должен обладать следующими признаками: - это один из языков, действующих на территории государственно-территориального, национально-территориального образования; - язык имеет крепкие исторические корни, развит и богат; - многофункционален, используется в подавляющем большинстве сфер жизни общества того или иного государства; - используется в официальной сфере; - устанавливается высшими органами государственной власти или референдумом граждан суверенного государства; - при использовании языка в качестве государственного употребляется преимущественно языковой стандарт, например, в России это современный русский литературный язык; - выполняет интеграционную функцию в государстве; - государственный язык является символом государства.

Понятие «официальный язык» используется в России при официальном закреплении языков национальных меньшинств, языков коренных малочисленных народов. Не любой официальный язык может являться государственным, но любой государственный язык будет включать в себя понятие «официальный язык» (согласно российскому законодательству). Понятие «официальный язык» более узкое по сравнению с понятием «государственный язык». Это видно, например, из ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 года N 1807-1 (в ред. от 11.12.2002 г.) «О языках народов Российской Федерации», [4] п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона РФ от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (в ред. от 05.04.2009 г.) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ»,

[5] ст. 46 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия) от 04.04.1992 N 908-XII. [6]

По своей сути «официальный язык» тождественен понятию «рабочий язык» (англ. working language), то есть язык, который используется в органе международной конференции, организации, органе государственной власти, местного самоуправления, общественных организаций того или иного государства, либо при разработке текстов документов в них, [7, с. 345] например, в Организации Объединённых Наций таковыми являются: английский, русский, испанский, китайский , арабский, французский языки (правило 51 Устава ООН от 26.06.1945 г.). [8] В ст. 20 Хартии Шанхайской организации сотрудничества от 07.06.2002 г. написано, что официальными и рабочими языками данной организации являются русский и китайский языки. [9] Ст. 54 Регламента Государственной Думы ФС РФ говорит, что работа Государственной Думы ФС РФ осуществляется на русском языке. [10] В п. 8 ст. 18 Регламента Общественной палаты РФ сказано также, что работа Общественной палаты РФ ведётся на русском языке. [11]

Исходя из таких теоретических позиций, учитывая теоретический и практический опыт зарубежных государств в правовом регулировании использования языков, мы планирует в дальнейшем изучать российское законодательство о языках. [12]

Список использованной литературы:

1. Бердашкевич А.П. Государственная языковая политика // Государственная служба. [Электронный ресурс] : научный журнал. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2002, № 6 (20), Ноябрь-декабрь. – Режим доступа: http://www.rags.ru.
2. Пивовар А.Г. Большой англо – юридический словарь. Более 50 000 слов и выражений / А.Г. Пивовар. – М.: Издательство «Экзамен», 2003.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. А.С. Шарова. – М.: Виктория, 2008.
4. Российская газета. N 235. 14.12.2002.
5. Российская газета. N 60. 08.04.2009.
6. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г. (в ред. от 17 июня 2009 г.) № 445-II // СПС «Гарант». Версия от 11.02.2011.
7. Юридический словарь / Жильцов Н.А., Липинский Д.А., Хачатуров Д.Л., Чердаков О.И. М.: Изд-во Международного юридического института, 2009.
8. Устав Организации Объединённых Наций // Официальный сайт ООН. Режим доступа: http://www.un.org/ru.

9. Хартия Шанхайской Организации Сотрудничества // Официальный сайт ШОС. Режим доступа: http://www.sectsco.org.

10. Регламент Государственной Думы ФС РФ // Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. Режим доступа: http://www.duma.gov.ru.

11. Регламент Общественной палаты РФ // Официальный сайт Общественной палаты РФ. Режим доступа: http://www.oprf.ru.

12. В работе использованы тексты конституций зарубежных государств по состоянию на 1 июня 2010 года. Автор пользовался внутренней электронной библиотекой Государственной Думы ФС РФ.

ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ НОРМ КОНСТИТУЦИИ РФ КАК ПРАВОВОГО РЕГУЛЯТОРА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Верещагина Ксения Олеговна,
студентка 2 курса Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной Прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Евдокимов Константин Николаевич,
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала) Академии
Генеральной Прокуратуры РФ

Государство и право теснейшим образом связаны друг с другом. С одной стороны государство использует правовое регулирование во всех наиболее значимых сферах деятельности и жизни общества, а с другой стороны правовые нормы, в свою очередь устанавливаются и санкционируются государством в лице его органов и должностных лиц. Но правовое государство и гражданское общество – это особый тип взаимоотношений в системе «право – государство – общество».

За термином «гражданское общество», несмотря на его условность, стоит обширное и богатое содержание. Смысл данного феномена многогранен и неоднозначен, толкуется учеными по-разному.

Гражданское общество в отечественной юриспруденции, несмотря на многообразие существующих трактовок, рассматривается большинством авторов в широком и узком смысле.

В широком смысле гражданское общество включает все, что не входит в сферу государственных отношений, т.е. не регулируется непосредственно государственными структурами. При подобном подходе гражданское общество возможно в различных государствах, в том числе и в недемократических.

Гражданское общество в узком смысле в собственном его значении, выступает оборотной стороной правового государства, они не существуют друг без друга. Полного разделения между ними быть не может, и взаимодействия между ними постоянно меняются[1].

По мнению автора достаточно важным для развития гражданского общества является его выражение и закрепление в нормах Основного Закона страны. Следует констатировать, что понятие «гражданское общество» не нашло четкого отражения в новой российской Конституции, которая даже не содержит этого термина.

[1] Петрунин Ю.Ю., Панов М.И., Л.Б Логунова и др. Словарь по обществознанию М.,2006. С.261

Конституция РФ была принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием. Считается, что с ее принятием завершился советский период развития нашей государственности.

Конституционность в любой цивилизованной стране - верхний этаж законности. Без соблюдения Конституции нет, и в принципе не может быть законности как таковой. Все это - аксиомы для любого политика или юриста, неизбежные постулаты, прямо вытекающие из понятия Конституция - Основной Закон государства.

По мнению автора, развитие гражданского общества в России напрямую зависит от повышения роли и значения Конституции РФ, ее правовых норм, в регулировании общественных процессов, особенно в сфере государственного управления и развития демократических институтов.

Никто не отрицает, что нынешняя Конституция далека от совершенства. И ее объективные слабости и недоработки иногда провоцируют органы власти и должностных лиц на антиконституционные действия.

Что же нужно сделать, чтобы поднять Основной Закон, который является правовой основой для функционирования гражданского общества, на должную высоту, как это и надлежит в подлинно правовом государстве?

Во-первых, необходимо привести реальную обстановку в стране, существующие общественные отношения в соответствие с Конституцией.

Во-вторых, необходимо резко повысить качество правотворчества (законодательного, исполнительного, судебного) с точки зрения соблюдения конституционных норм и в первую очередь соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

В-третьих, каждому факту нарушения Конституции должна даваться неотвратимая правовая оценка.

Отдельно хотелось бы остановиться на духовно-нравственных аспектах взаимодействия норм Конституции РФ и гражданского общества. Практически во всех цивилизованных странах конституции возведены в ранг государственных святынь.

Но, если и можно для России признать пригодной концепцию правового государства западного образца, то, разумеется, с целым рядом оговорок, учитывая отношение россиян к праву как к социальному инструменту, историческую приверженность к сильному государству, низкую «природную» правовую активность и инициативу.

Уважение и соблюдение Конституции всеми членами общества, всеми должностными лицами - неотъемлемая черта демократического государства. Общество, где население соблюдает Конституцию, а должностные лица – нет, и наоборот, не может считаться гражданским.

Но какие меры нужно принять, чтобы поднять авторитет Конституции РФ?

Начать, несомненно, нужно со дня Конституции. День Конституции проходит незаметно как для населения, так и для органов государственной власти. Отмена его как праздника очень красноречиво говорит об отношении к Основному Закону со стороны государственных органов и институтов гражданского общества. Не секрет, что для восприятия этого дня в массовом общественном сознании как национального государственного праздника имеет очень важное значение, является ли он не просто памятной датой России[1], а нерабочим праздничным днем.

Также стоит обратить внимание на работу СМИ. Они имеют непосредственное влияние на общественное мнение и, в конечном счете, на государственную власть. И, следовательно, для повышения авторитета Конституции, стоит как можно шире освещать положения Конституции, отдельные решения Конституционного Суда, давать конституционно-правовую оценку государственным реформам в доступном для граждан режиме.

Необходимо обратить внимание на низкий уровень правовой культуры граждан, особенно молодежи. Нормы, закрепленные в Конституции, детально изучаются лишь на юридических факультетах ВУЗов. Большинство же граждан нашей страны не знает положений своего Основного закона. Поэтому нормы Конституции РФ необходимо обязательно изучать со школьной скамьи, установив соответствующую форму контроля полученных знаний.

Это, по мнению автора, будет способствовать повышению правовой культуры и искоренение правового нигилизма в сознании граждан. Если мы провозгласили, что Россия стремится к построению правового государства, то и нам следует действовать в том же ключе. Ведь без движения и доверия к Основному Закону, без неукоснительного соблюдения каждой буквы Конституции невозможно добиться успеха реформ, достичь подлинной общественной стабильности.

[1] «О днях воинской славы и памятных датах России»: федеральный закон N 32-ФЗ от 13 марта.1995г. // Собрание законодательства РФ, 13.03.1995. N 11. Ст. 943.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КОМПЕТЕНЦИИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Гусева Анастасия Олеговна,
главный специалист Государственного учреждения
Кузбасского-регионального отделения Фонда
социального страхования, филиал №10

Принятый в июле 2010 года Федеральный закон №193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1] стал новой ступенью в развитии процедуры досудебного урегулирования споров. Данный институт, широко распространенный в странах Европы, для российской правовой реальности является новым и поэтому требуется осмысление его роли и возможностей использования исходя из имеющихся правовых институтов. В данной статье будут исследованы существующие проблемы компетенции Уполномоченного по правам человека в РФ, а так же возможные способы взаимодействия между институтом Уполномоченного по правам человека и развивающимся институтом посредничества.

Следует отметить, что действующее законодательство рассматривает институт Уполномоченного по правам человека и процедуру медиации как альтернативные способы урегулирования споров. Так, согласно ст. 3 ФКЗ от 26.02.1997г. №1 «Об Уполномоченном по правам человека в РФ»[2] деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, а ст. 2 ФЗ №193 устанавливает, что процедура медиации – это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. Очевидно, что в развитии этих институтов заинтересованы как рядовые граждане, так и судебная власть, т.к. эффективное досудебное разрешение конфликтной ситуации могло бы уменьшить загруженность судов и позволить гражданам решить спор более эффективно.

На сегодняшний день приводимая в докладах Уполномоченного статистика по результатам рассмотрения жалоб не обнадеживает. Так, согласно докладу Уполномоченного за 2009г. «по итогам рассмотрения 60,8% жалоб заявителям, не исчерпавшим правовых средств защиты своих прав, были направлены разъяснения и рекомендации о формах и методах дальнейших действий. О взаимодействии с государственными органами Уполномоченный принимал меры для восстановления прав 29,9% своих

[1] Российская газета. N 168. 30.07.2010;
[2] Собрание законодательства РФ. 03.03.1997, N 9, ст. 1011.

заявителей»[1]. Достаточно ли просто «принимать меры», ведь о результатах этих мер в докладе нет ни слова? Для сравнения, согласно докладу Омбудсмена Великобритании Анны Абрахам в 62% рассмотренных дел Омбудсмен разрешил дело полностью, а процент исполнения рекомендаций достигает порядка 99%!

В каком направлении следует развиваться институту Уполномоченного по правам человека, чтобы он стал этаким путем к правосудию, иными словами, каковы существенные преимущества данного института и как этому может способствовать недавно принятый закон о процедуре медиации?

О возможных способах взаимодействия между Омбудсменом (принятый в странах Европы термин для Уполномоченного по правам человека) в своей статье упоминала действующий Омбудсмен Великобритании Анна Абрахам. Она рассматривает Омбудсмена как альтернативную площадку для выработки решений, но не как процесс принятия решения, которым и является медиация. Законодательство Великобритании дает Омбудсмену полномочия по назначению и оплате услуг медиатора[2]. Однако, не надо забывать один существенный момент – Омбудсмен в большинстве стран Европы наделен полномочиями по разрешению индивидуальных споров и является весомой альтернативой судебной власти. Согласно же ФКЗ от 26.02.1997 №1 «Об Уполномоченном по правам человека в РФ» Уполномоченный по результатам рассмотрения жалобы не вправе самостоятельно принять решение по спору, а может лишь обратиться в суд с заявлением в защиту нарушенных прав и свобод, либо обратиться в государственные органы либо прокуратуру.

Для начала необходимо понять, почему при разрешение индивидуальных споров именно институт Уполномоченного по правам человека может быть весомой альтернативой судебному порядку решения конфликтов. Во-первых, необходимо учитывать, что согласно ст. 16 ФКЗ №1 от 26.02.1997г. Уполномоченный по правам человека правомочен рассматривать жалобы на решения или действия (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных служащих. Однако законодатель делает существенное условие для подачи такой жалобы - она должна быть ранее рассмотрена в судебном либо административном порядке. Полагаю, данное условия излишне, ведь получается, что законодатель сознательно допускать некомпетентность суда по разрешению такого рода жалоб. Очевидно, что Уполномоченный должен стать первой инстанцией для

[1] Российская газета. №115. 28.05.2010.

[2] Ann Abraham The ombudsman and ‘‘paths to justice’’: a just alternative or just an alternative?// Public Law №1-202, 2008 - www.crystalrevolution.com/node/22642

подачи жалоб на решения и действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и государственных служащих.

Во-вторых, деятельность Уполномоченного может быть гораздо эффективней, т.к. в отличие от суда он вправе беспрепятственно посещать все органы государственной власти, органы местного самоуправления, предприятия и учреждения, проводить проверку деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц. Как и суд, Уполномоченный вправе запрашивать и получать необходимые сведения, документы и материалы, поручать компетентным государственным учреждениям проведение экспертных исследований, получать объяснения должностных лиц и государственных служащих, знакомится с материалами дела. Таким образом, круг правовых средств для решения конфликтной ситуации гораздо шире.

В-третьих, подача жалобы Уполномоченному не облагается государственной пошлиной, а финансовая деятельность Уполномоченного и его рабочего аппарата осуществляется из средств федерального бюджета, что минимизирует затраты граждан при обращении с жалобой к Уполномоченному.

Теперь обратимся к вопросу взаимодействия Уполномоченного и медиатора. Сущность процедуры медиации заключается и создании медиатором условий, при которых каждая сторона имела бы возможность выразить свою позицию по спорному вопросу, а так же услышать позицию другой стороны для принятия взаимоприемлемого решения для каждой из сторон. При этом, ст. 1 ФЗ №193-ФЗ от 27.07.2010г. закрепляет, что процедура медиации применяется к спорам возникшим из гражданских, трудовых и семейных правоотношений. Если споры возникли из иных отношений, то данный закон применяется только в случаях, предусмотренных федеральными законами. Представляется, что необходимо предусмотреть возможность Уполномоченного прибегать к процедуре медиации, как вполне эффективному способу для достижения согласия сторон. При этом, следует наделить Уполномоченного правом назначать и оплачивать услуги медиатора или другого подходящего лица для содействия разрешения спора. Не следует думать, что Уполномоченный может сам выполнять функции медиатора, т.к. решения медиатора не обладают какой-либо юридической силой, к тому же процедура медиации основывается на принципах добровольности и добросовестности сторон. Таким образов, создав условия для взаимодействия сторон, а так же самостоятельно осуществив проверку по жалобе Уполномоченный по правам человека будет способен найти наилучший вариант решения проблемы.

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Попова Светлана Владимировна,
студентка 5 курса юридического факультета
Волгоградского государственного университета

Научный руководитель:
Давыдова Марина Леонидовна,
д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права
Волгоградского государственного университета

Проблема ограничения прав и свобод граждан является наиболее актуальной в наше время. Для того чтобы выделить проблемы ограничения прав и свобод граждан, необходимо понять, что же представляют собой ограничение прав и свобод. На мой взгляд, сам термин «ограничения» носит двухсторонний характер. С одной стороны права и свободы граждан не могут быть бесконечными, ничем не ограниченными, учитывая, что мы живем в обществе. С другой стороны чрезмерное ограничение прав и свобод граждан со стороны государства является недопустимым, так как это может перейти в следующую стадию – нарушения прав и свобод, что носит противозаконный характер.

Таким образом, важно установить пределы ограничений, а именно установить баланс между правами человека и интересами демократического общества в соответствии с основополагающей конституционной идеей об обеспечении максимально возможной свободы личности. Такой баланс достигается путем наложения неких разумных ограничений как на власть государства над гражданином, так и на права и свободы личности. В связи с этим возникает закономерный, имеющий принципиальный характер вопрос — что понимать под «разумными ограничениями и до каких пределов власть вправе ограничивать права граждан. Актуальность его на современном этапе существенно возросла по следующим причинам.

Во-первых, ч. 3 ст. 55 Конституции РФ предусматривает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Такая возможность, в части прав и свобод, не подлежащих

ограничению, предусмотрена для условий чрезвычайного положения[1]. Однако, до сих пор не выработана единая точка зрения на то, какие права и свободы можно отнести к абсолютным, т. е. тем, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. Так, проанализировав ч. 3 ст. 56 Конституции РФ можно прийти к выводу что, перечень прав и свобод, не подлежащих ограничения значительно шире, чем тот, который фигурирует в п. 1 и 2 ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Во-вторых, проблема ограничения прав и свобод актуальна в России, поскольку «люди уверены, что они абсолютно беззащитны перед государственной машиной и, если того потребуют "интересы государства", ими пожертвуют без малейших колебаний»[2]. Такие настроения способствуют «размыванию демократических устоев, деструктивному отношению к государственному аппарату и в результате к нарушению гражданского мира и согласия в стране. Это перспектива, которая никого и никогда не может устроить»[3].

В-третьих, следует отметить, что в советской литературе уделялось серьезное внимание проблеме ограничения прав и свобод в особых условиях, включая не только «сужение возможностей реализации некоторых прав и свобод», но и возложение на граждан дополнительных обязанностей, вызванных конкретными обстоятельствами особого положения.

Ограничение прав и свобод граждан является необходимым элементом особых правовых режимов, поскольку, с одной стороны граждане объективно не имеют возможности в полном объеме реализовывать свои права (а в некоторых случаях их реализация приведет к образованию негативных последствий как для целей поддержания специального режима, так и для самих граждан), а с другой стороны, такое ограничение является условием более эффективного поддержания режима чрезвычайного или военного положения.

В- четвертых, следует отметить проблему ограничение прав и свобод граждан в период терроризма. Подход к данной проблеме чрезмерно неустойчив во всем мировом сообществе.

Введение чрезвычайного положения приводит к своеобразному перераспределению взаимных прав и обязанностей человека, гражданина и государства: расширяются полномочия органов государственной власти за счет ограничения прав и свобод граждан. Таким образом, законодатель должен осознавать, что ограничения не должны повлечь какую-либо

[1] Конституция РФ// Российская газета. 1993.
[2]Ноздрачев А. Ф. Гражданин и государство: взаимоотношения в XXI веке // Журнал российского права. 2005. № 9. С. 14.
[3] Там же.

дискриминацию и действуют в рамках, установленных международным правом, четко соблюдая пределы ограничения прав и свобод, руководствуясь принципами законности необходимости, обоснованности формального равенства.

В заключение, следует сказать, что отношения между государством и обществом должен регулировать, прежде всего, закон, который устанавливает разумный баланс между полномочиями властей и правами общества, без неоправданного ущемления интересов обеих сторон.

СООТНОШЕНИЕ ОБНАРОДОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В СВЕТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЛАСТИ

Проскурин Алексей Сергеевич,
студент отделения магистратуры юридического факультета
Волгоградского государственного университета

Научный руководитель:
Давыдова Марина Леонидовна,
д.ю.н., доцент, заведующая кафедрой
конституционного и муниципального права Волгоградского
государственного университета

Сегодня принято говорить о необходимости построения демократического государства в нашей стране, о создании гражданского общества. Давно назрела необходимость преобразований в системе государственного управления. При этом уровень современного развития информационных технологий позволяет решать поставленные задачи на совершенно новом уровне, и игнорировать представляющиеся возможность просто глупо. Сегодня в России можно наблюдать определённые попытки изменить ситуацию в этой сфере.

Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» призван изменить сложившуюся ситуацию. Вместе с тем, нельзя рассматривать его как панацею. Во-первых, многие положения закона являются отсылочными и предполагают принятие соответствующими органами собственных решений о порядке реализации норм закона; во-вторых, данный закон охватывает лишь часть отношений по обеспечению информационной открытости власти. Доступность для граждан информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления помогает решить ещё одну проблему – повышение эффективности делопроизводства и улучшение качества оказываемых населению услуг. Более того, по мнению Е.В. Надыгиной, влияние информационных технологий на обыденное правосознание выражается в том, что оно, по сути, является основным источником информации о праве и формирует правосознание[1].

Данный закон затрагивает ещё одну проблему – соотношение понятий «опубликование» и «обнародование», незаконченность

[1] Надыгина, Е.В. Теоретико-правовой анализ влияния информационных технологий на правосознание : автореф. дис. ... канд. юрид. Наук: 12.00.01 / Надыгина Елена Владимировна. – Нижний Новгород, 2007. – 28 с. – С. 10.

разделения которых можно проследить в законодательстве всех уровней. Так ч. 3 ст. 15 Конституции России использует термин «официальное опубликование», а статьи 107 и 108 – «обнародование». Федеральный закон от 14 июня 1994 г. № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» проводит разграничение следующим образом: под *опубликованием* понимается воспроизведение его текста в печатном издании (абз. 1 ст. 4 и абз. 2 ст. 5); под *обнародованием* – доведение до всеобщего сведения по телевидению и радио, рассылка государственным органам, должностным лицам, предприятиям, учреждениям, организациям, передача по каналам связи, распространение в машиночитаемой форме (абз. 2 ст. 5). Анализ приведённых определений позволяет сделать вывод о том, что понятие «обнародование» является более широким и включает в себя «опубликование».

Интересно, что авторское право аналогичным образом решает вопрос соотношения «обнародования» и «опубликования» – обнародование произведения делает его доступным для всеобщего сведения (доступным публике, обществу). В свою очередь, опубликование, являясь одним из способов обнародования, предполагает выпуск в обращение экземпляров произведения (т.е. копий в материальной форме), которые должны поступить в гражданский оборот в количестве, достаточном для удовлетворения разумных потребностей публики (п. 1 ст. 1268 ГК РФ).

Представляется разумным включение условия о «необходимости удовлетворения потребностей» граждан и по отношению к опубликованию нормативных актов. Так 22 февраля глава администрации Волгоградской области подписал постановление об отрешении от должности главы Волгограда[1], вступавшее в силу с момента опубликования. На следующий день администрация области заявила, что указанное решение опубликовано в газете «Волгоградская правда» от 23 февраля. Но в выходной день газетные киоски не работали; «праздничный» выпуск так и не поступил в продажу. С.В. Бахвалов приводит интересное сравнение доступности текста закона через печатные СМИ (на основании тиражей газет, являющихся официальными органами опубликования в субъектах РФ) и Интернет (исходя из количества пользователей). Выяснилось, что в среднем на один экземпляр газеты приходится 453 человека, в то время как доступ в Интернет имеет каждый шестой[2] (данные 2006 года).

На муниципальном уровне проблема соотношении «обнародования» и «опубликования» нормативных правовых актов ещё более актуальна.

[1] Постановление главы администрации Волгоградской области от 22 февраля 2011 г. № 126 «Об отрешении от должности главы Волгограда Р.Г. Гребенникова» // Волгоградская правда. – 2011. – № 33 от 23 февраля.

[2] Бахвалов С.В. Обнародование нормативных актов // Вестник Федерального Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. – 2006. – № 5.

Если городские округа и муниципальные районы ещё могут позволить себе содержать «местную» газету, то для большинства городских и сельских поселений это проблематично. Ограниченные финансовые возможности обуславливают малый объём изданий; отдельные выпуски таких газет состоят полностью из правовых актов. В свете призыва Президента России продать государственные СМИ[1] (а думается, что в случае реализации этой идеи, она затронет и муниципальные СМИ) о перспективах официального опубликования муниципальных правовых актов можно только гадать.

Руководствуясь этими, либо какими-то иными, неведомыми нам, соображениями, законодатель предусмотрел в п. 3 ст. 47 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» тождественность правовых последствий опубликования и обнародования муниципальных правовых актов. Во исполнение этой нормы на муниципальном уровне принимаются положения о порядке официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов[2]. Одним из способов обнародования выступает помещение текста правового акта на информационные стенды, находящиеся рядом с администрацией муниципального образования.

Представляется, что характер муниципальной власти, задуманной как более «близкой» к народу, предназначенной для решения вопросов местного значения, должен проявляться во всех сферах, в т. ч. и в порядке обнародования. Если, например, статья 25 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» позволяет проводить в поселении с численностью избирателей менее 100 человек сход граждан, на котором жители принимают непосредственное участие в решении вопросов, то официальное опубликование принятого решения является излишним. В таком случае обнародование тоже должно быть приближенным к народу.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что опубликование нормативных правовых актов не является единственно возможной формой официального обнародования. В процессе распространения правовой информации необходимо задействовать различные формы доведения её до граждан в зависимости от объективных условий, в том числе и материальных ресурсов принявшего органа.

---

[1] Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – 30 ноября 2010 г. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/news/9637

[2] См., напр.: Положение о порядке официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов городского округа город Михайловка (утв. решение Михайловской городской Думы Волгоградской области от 14.07. 2006 г. № 58) и др.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Раткина Дарья Михайловна,
студентка 1 курса юридического факультета
Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета

Научный руководитель:
Горбуль Юлия Александровна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного и административного
права Новокузнецкого филиала-института
Кемеровского государственного университета

В российской юридической литературе сравнительно недавно стали отмечать наличие особого вида юридической ответственности - конституционной. Первые попытки ее выделения в качестве самостоятельного вида ответственности и выявления ее специфики были предприняты в работах Ю.Н. Еременко, Ф.М. Рудинского, С.А. Авакъяна, Г.В. Барабашева, Б.М. Лазарева. Более подробно вопросы конституционной ответственности рассматриваются в трудах Т.Д. Зражевской, Н.А. Бобровой, Н.М. Колосовой, В.О. Лучина, В.А. Виноградова. Этот вид юридической ответственности подробного анализа, поскольку однозначного мнения о понятии, признаках, источниках, основаниях и конкретных мерах конституционной ответственности в научной литературе нет. В результате имеется разнообразие взглядов, утверждений, формулировок и терминов.

Т.Д. Зражевская определяет конституционную ответственность как "самостоятельный вид юридической ответственности, выражающийся в установлении приоритетности защиты важнейших отношений, а также возможности наступления неблагоприятных последствий для субъектов конституционного права, нарушивших (или стремящихся нарушить) нормы конституционного законодательства"[1].

По мнению Д.Б. Каткова и Е.В. Корчиго, "конституционно-правовая ответственность - это применение к лицу (органу, государству), виновному в нарушении предписаний конституционно-правовых норм, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией юридической

[1] Цит. по: Морозова Л.А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих: [Круглый стол] // Государство и право. 2000. №3. С. 26.

нормы и выражающихся в отрицательных для него последствиях личного, организационного или имущественного характера"[1].

С точки зрения Н.М. Колосовой "конституционная ответственность - это необходимость наступления неблагоприятных последствий за невыполнение (ненадлежащее исполнение) субъектами права своих конституционных обязанностей и за злоупотребление своими конституционными правами"[2].

Таким образом, в научной литературе нет единства мнений не только в отношении определения конституционной ответственности, но и даже применительно к терминологии: в приведенных выше формулировках авторы используют понятия "конституционная ответственность" и "конституционно-правовая ответственность". Более правильным представляется использование термина "конституционно-правовая ответственность", поскольку Конституция РФ в наиболее общем виде регулирует общественные отношения, устанавливает общие принципы жизнедеятельности российского общества, которые детализируются и конкретизируются в других источниках конституционного права, и, прежде всего, в федеральных конституционных законах и федеральных законах.

Конституция Российской Федерации, а также основные законы субъектов Федерации не могут быть единственными источниками конституционной ответственности, так как они призваны регламентировать лишь основы всех видов юридической ответственности, которые подлежат дальнейшей конкретизации в отраслевом законодательстве. Таким образом, источником конституционной ответственности является не только Конституция, но и целая серия законов.

Круг субъектов конституционно-правовой ответственности, как отмечается в литературе, достаточно ограничен, а именно: к ним относятся высшие, региональные, местные органы власти, депутаты, должностные лица высокого уровня, то есть те структуры и те люди, которые принимают наиболее важные государственные решения.

Основания конституционно-правовой ответственности - это те обстоятельства, при которых в соответствии с конституционно-правовыми нормами она наступает. И, как совершенно справедливо отмечается некоторыми авторами, невозможно "дать точный перечень обстоятельств, которые могут служить основанием конституционной ответственности"[3].

---

[1] Катков Д.Б., Корчиго Е.В. Конституционное право России: Учебное пособие / Отв. ред. Ю.А. Веденеев. - М.: Юриспруденция, 1999. С. 16.

[2] Колосова Н.М. Конституционная ответственность в Российской Федерации: Ответственность органов государственной власти и иных субъектов права за нарушение конституционного законодательства Российской Федерации. - М.: Городец, 2000. С. 8.

[3] Шон Д.Т. Конституционная ответственность // Государство и право. 1995. №7. С. 39.

При этом предполагается расширить перечень оснований наступления конституционной ответственности путем включения в него аморальных поступков и нарушений норм Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако Н.М.Колосова считает, что "основанием наступления конституционной ответственности должно быть признано нарушение Конституции Российской Федерации, а равно других источников конституционного права"[1].

Характерной чертой конституционно-правовой ответственности, отличающей ее от других видов юридической ответственности, является своеобразие ее санкций. Санкция является обязательным атрибутом юридической ответственности в конституционном праве. К ним можно отнести следующие меры:

1. Досрочное лишение (изменение) конституционного статуса государственного органа, должностного лица, общественного объединения. (ст.117 Конституции РФ. Отставка правительства)
2. Ограничение, лишение (изъятие) субъективного конституционного права.
3. Ограничение (лишение) специального или общего статуса физического лица. (ч.1 ст. 56 Конституции РФ ограничивает права и свободы граждан в условиях чрезвычайного положения).

Обобщая все вышеизложенное, следует признать справедливой точку зрения профессора Н.В.Витрука, который характеризует конституционную ответственность как «надотраслевую»[2]. Конституционно-правовая ответственность предопределяет деятельность законодателя по установлению иных видов юридической ответственности, оказывая тем самым влияние на формирование и функционирование института юридической ответственности в целом. Конституционно-правовая ответственность призвана закрепить и сформировать правомерное поведение высших должностных лиц, урегулировать их деятельность и деятельность государства в целом. Особое место конституционно-правовой ответственности определяется характером регулируемых общественных отношений, целенаправленным воздействием на развитие законодательства, наивысшей юридической силой Конституции РФ. Конституционно-правовая ответственность - основа, базис для развития и формирования других видов юридической ответственности.

[1] Колосова Н.М. Указ.соч. С. 37.

[2] Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности: обзор научной конференции // Государство и право. 2002. № 2 . С 117.

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ: ОПЫТ РОССИИ И США

Чапайкина Ирина Геннадьевна,
аспирантка кафедры государственно-правовых дисциплин
Кировского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы

Научный руководитель:
Заболотских Екатерина Михайловна,
к.ю.н., доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Кировского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы

В Российской Федерации право на проведение публичных мероприятий закреплено статьёй 31 Конституции РФ[1]. Более детально оно регламентируется Федеральным законом от 19.06.2004 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» №54-ФЗ (далее - ФЗ № 54)[2]. В США же нет единого федерального закона, а регламентация подобных вопросов относится к ведению штатов. Также законодательство США предусматривает разрешительный порядок проведения публичных мероприятий, а РФ уведомительный.

В РФ законодатель предусматривает возможность признания публичного мероприятия незаконным. В частности, ч.5 ст.5 ФЗ № 54 говорит о том, «что организатор публичного мероприятия не вправе проводить его, если уведомление о проведении публичного мероприятия не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия».

Ответственность за нарушение законодательства о публичных мероприятиях предусмотрена ст. 5.38 Кодекса РФ об административных правонарушениях. В качестве вида наказания предусматривается предупреждение или штраф. Существует ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, которая тоже предусматривает ответственность виде штрафа.

---

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993. [Электронный ресурс]. URL: http://www.constitution.ru/ (дата обращения 22.02.2011).

[2] Федеральный закон от 4 июня 2004 г. №54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства РФ. 2004. N 25. Ст. 2485.

В США согласно УК штата Миннесота, собрание является незаконным, если три или более лица собираются, каждый из участников виновен в незаконном собрании, которое является мисдиминором[1] и оно осуществляется с намерением совершить любое противозаконное действие или с намерением выполнить любое намерение таким способом, что это будет нарушать или угрожать нарушению общественного спокойствия или без противоправных намерений, но участники ведут себя таким образом, что это нарушает или создаёт угрозу нарушению общественного спокойствия [2].

Согласно ст. 42.03 «Воспрепятствование автомобильному или иному передвижению» УК штата Техас лицо признаётся виновным, если препятствует движению в любом месте, используемом для перемещения людей, независимо от способа создания препятствий в результате только действий одного такого лица или также действий иных лиц. Наказание для таких преступлений предполагает штраф до $2000 и/или заключение тюрьму на срок до 180 дней[3].

В США законодательство о публичных беспорядках относит к ним любые нарушения общественного порядка, не являющиеся мисдиминором, связанные с совершением акта насилия группой из 3 или более лиц, который вызывает непосредственную опасность или приводит к ущербу, или причинению телесных повреждений по отношению к не принадлежащим им собственности или другому лицу. Речь, в частности, идёт таких действиях, как преднамеренно осуществляемое в незаконном порядке обучение изготовлению и использованию огнестрельного оружия или взрывчатых веществ или других средств, которые могут помешать или неблагоприятно повлиять на исполнение любого рода функций, находящихся под охраной федерального правительства.[4]

Полагаем, что отсутствие уголовной ответственности за незаконное проведение публичных мероприятий в УК РФ, наличие подобной ответственности на административном уровне, а также сравнительная мягкость наказания (предупреждение или штраф), позволяют считать российское законодательство, касающееся правовой регламентации права на публичные мероприятия, более мягким по сравнению с американским. Безусловно, в УК РФ есть ст. 212 «Массовые беспорядки», ст. 213 «Хулиганство» и иные составы, схожие с американскими, относящиеся к

[1] В уголовном праве США и ряда других стран английского общего права мисдиминор — это категория наименее опасных преступных деяний, граничащих с административными правонарушениями. Собрание, являющееся мисдиминором, не относится к категории «массовых беспорядков».

[2] Minnesota Criminal Code. 609.71 // [Электронный ресурс]. URL. http://www.revisor.mn.gov/statutes/?id=609.71 (дата обращения 09.02.2011)

[3] Уголовный кодекс штата Техас / науч. ред., предисл. И. Д. Козочкина; пер. с англ.: Д.Г.Осипова, И. Д. Козочкина — СПб.: Юридический центр Пресс, 2006, с. 119.

[4] Доклад национальной лаборатории внешней политики по просьбе Общественной палаты РФ. [Электронный ресурс]. URL. http://www.nlvp.ru/reports/911.html (дата обращения 22.02.2011).

преступлениям против общественной безопасности, но все они являются самостоятельными составами преступлений и прямо с организацией публичных мероприятий не связаны.

Секция

Актуальные проблемы гражданского законодательства

ЛИЧНЫЕ СЕРВИТУТЫ В РИМСКОМ И СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Дашиева Светлана Викторовна,
студентка 1 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Научный руководитель:
Деревскова Валентина Михайловна,
к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Значение римского права определяется, прежде всего, его огромным влиянием на последующее развитие гражданского права. Одним из явлений, присущих современному гражданскому законодательству, но известным еще римскому праву, является сервитут. Под сервитутами принято понимать права пользования чужой вещью, которые устанавливались или для создания определенных выгод при эксплуатации определенного земельного участка, или в пользу определенных лиц. Все сервитуты можно разделить на две группы земельные и личные. Это различие проводится по субъекту права: личный сервитут принадлежит определённому лицу персонально; предиальный сервитут принадлежит лицу как собственнику земельного участка. Личные сервитуты представлены правом проживания в чужом доме, квартире в силу завещательного отказа и правом пользования членами семьи собственника жилым помещением.

В Гражданском Кодексе РФ сервитутам посвящено небольшое количество статей (ст. 216, 274 — 277). В основном нормы Кодекса регулируют сервитутные права на землю. Помимо ГК РФ сервитут упоминают Земельный Кодекс РФ, Водный Кодекс РФ, Градостроительный Кодекс и иные нормативные акты. Категория личных сервитутов не нашла отражения в действующем законодательстве, но фактически имеет место быть. Виды личных сервитутов в российском гражданском праве имеют свои прообразы в римском праве. Таковыми можно назвать следующие виды прав: habitatio (право пожизненного проживания в чужом доме или его части, управомоченный мог пользоваться данным право сам или передать его другому лицу) и usus (универсальное вещное право ограниченного пользования чужой вещью). Узус (usus) — вещное право пользования чужой вещью без извлечения доходов. Узуарий мог лишь пользоваться чужой вещью, но не имел права

на плоды от нее. По существу, это было не пользование, а лишь владение. Но римское право считало этот сервитут правом пользования, поскольку узуарий мог пользоваться плодами вещи для личных потребностей, но не имел права извлекать доходы из нее.

Сервитут мог быть установлен по воле собственника служащей вещи, притом или односторонним актом воли (например, по завещанию одного лица предоставлялось другому лицу пожизненное пользование земельным участком, домом и т.п.), или договором (между собственником и субъектом сервитута). В некоторые периоды римской истории допускалось также приобретение сервитута по давности, фактическое осуществление сервитута, как будто у данного лица имеется сервитутное право, считалось "как бы владением" сервитутом (iuris quasi possessio).

«С прекращением сервитута устранялось обременение, и право собственности восстанавливалось в полном объёме. Сервитут прекращался: при отказе сервитуария от соответствующего права; при истечении погасительной давности; при соединении права собственности на господствующий и служащий участки (в личных сервитутах – при соединении права собственности и пожизненного пользования); существенное изменение субстанции вещи, являвшейся объектом личного сервитута; смерть управомоченного или умаление его правоспособности –capitis deminutio – всех степеней, а в праве Юстиниана – только высшее и среднее умаление правоспособности»[1].

Праву пользования жилым помещением членами семьи собственника более всего соответствовал usus, основанием возникновения которого являлось соглашение, заключаемое между собственником и членами его семьи о вселении в жилое помещение; usus был неотчуждаем, так как пользователь мог пользоваться вещью только лично и не мог передавать его другим лицам. Данное право предусмотрено ст. 292 ГК РФ, которая включена в главу 18 «Право собственности и другие вещные права на жилые помещения». ГК РФ признает право пользования за членами семьи собственника, проживающими в принадлежащем ему жилом помещении, на условиях, предусмотренных жилищным законодательством. Члены семьи собственника жилого помещения могут требовать устранения нарушений их прав на жилое помещение от любых лиц, включая собственника помещения (п.3 ст.292 ГК РФ), что является одним из признаков, характерных для вещного права. Говоря о вещно-правовой природе права пользования жилым помещением членами семьи собственника жилого помещения, необходимо отметить такой признак вещных прав, как право следования, т.е. сохранение за бывшими членами семьи собственника жилого помещения права пользования жилым

[1] Хутыз М.Х. Римское частное право. – М., 1994. С. 95 – 96.

помещением при смене собственника. Если ранее переход права собственности на жилой дом или квартиру к другому лицу не являлся основанием для прекращения права пользования жилым помещением членами семьи прежнего собственника, если иное не устанавливалось законом, то в настоящее время по общему правилу, в соответствии с ч. 4 ст.31 ЖК РФ и новой редакцией ст. 292 ГК РФ в случае прекращения семейных отношений с собственником жилого помещения право пользования данным жилым помещением за бывшим членом семьи собственника этого жилого помещения не сохраняется, если иное не установлено соглашением собственника с бывшим членом его семьи. Это означает, что бывшие члены семьи собственника утрачивают право пользования жилым помещением и должны освободить его. В противном случае собственник жилого помещения вправе требовать их выселения в судебном порядке без предоставления другого жилого помещения. Тем самым теряется такой признак вещного права, как право следования, что вызывает сомнения в вещно-правовой природе самого права пользования жилым помещением членами семьи собственника. Следует отметить, что действие данного положения не распространяется на бывшего члена семьи собственника жилого помещения, приватизировавшего жилое помещение, при условии, что в момент приватизации данного жилого помещения указанные лица имели равные права пользования жилым помещением с лицом, его приватизировавшим, если иное не установлено законом или договором.

При решении вопроса о сохранении на определенный срок права пользования жилым помещением за бывшим членом семьи собственника жилого помещения суд, согласно ч. 4 ст. 31 ЖК РФ, также вправе по требованию бывшего члена семьи собственника одновременно возложить на собственника жилого помещения обязанность по обеспечению другим жилым помещением бывшего супруга или иных бывших членов его семьи, в пользу которых собственник исполняет алиментные обязательства[1]*. Таким образом, после внесения изменений в ст. 292 ГК РФ остро встал вопрос о том, считать ли право членов семьи собственника на жилое помещение вещным?*

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости построения отсутствующей в действующем гражданском законодательстве легальной классификации сервитутов, итогом которой неизбежно должно стать легальное закрепление содержательных отличий сервитутов (или сервитутных прав) разных видов, т.е. вычленение и описание собственно правомочий, составляющих оригинальное

[1] Постановление Пленума Верховного суда РФ № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного Кодекса РФ» от 2 июля 2009 г.

содержание того или иного сервитута, которые, как видно из других систем права и из истории права.

ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА ЛИЗИНГА: АСПЕКТЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Канцер Юрий Александрович,
студент 4 курса юридического факультета
Волгоградской академии государственной службы

Научный руководитель:
Смиренская Елена Витальевна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии государственной службы

Активное применение в предпринимательской деятельности финансовой аренды является необходимым условием успешного экономического подъема, обновления основных средств производства, умножения капитала.[1]

Решая вопрос о месте финансовой аренды в системе гражданско-правовых договоров необходимо учитывать элементы, по которым производится различие сделок и выделение их в самостоятельные типы: предмет, субъект, содержание. При сопоставлении договора аренды и договора лизинга видно, что принципиальные различия касаются, в том числе, предмета договора.

Исходя из ст. 1 ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)»[2] (далее – Закон) российское законодательство в этом отношении регулирует передачу во временное владение и пользование физическим и юридическим лицам *любого непотребляемого имущества*, за исключением земельных участков и природных объектов, которое может быть предметом договора. Статья 3 Закона детализирует это законоположение, вводя примерный перечень таких вещей: оборудование, транспортные средства, предприятия, другие имущественные комплексы, здания, сооружения, другое движимое и недвижимое имущество.

Согласно ст. 666 ГК РФ[3], а также ст. 3 Закона предметом финансовой аренды *не могут быть:*

1- земельные участки и другие природные объекты;

2- *имущество, которое федеральными законами запрещено для свободного обращения или для которого установлен особый порядок обращения*, за исключением продукции военного назначения и

[1] Канцер Ю.А. Финансовая аренда – необходимое условие успешного внедрения экономических инноваций//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – №1(24). – С. 190-192.

[2] Федеральный закон РФ «О финансовой аренде (лизинге)» от 29.10.1998 №164-ФЗ (ред. от 08.05.2010)//СЗ РФ, 02.11.1998, №44, ст.5394.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть II от 26.01.1996 №14-ФЗ (ред. от 08.05.2010)// СЗ РФ, 29.01.1996, №5, ст. 410).

технологического оборудования иностранного производства.

Возникает вопрос: *почему предметом лизинга не могут выступать земельные участки?*

По мнению Е.В. Кабатовой и Е.А. Павлодского, изъятие земельных участков из круга объектов, которые могут быть вовлечены в оборот в качестве предмета лизинга, объясняется тем, что использование земли и других природных объектов с предпринимательской целью и сделки с ними регулируются *специальным (земельным) законодательством, а также тем, что аренда указанных объектов регулируется специальными договорами, имеющими свою специфику*.[1]

Существует позиция некоторых авторов, которые весьма положительно оценивают возможность включения на законодательном уровне в предмет лизинга земельный участок.[2]

Вместе с тем, в связи с таким законодательным ограничением имеется следующая практическая проблема. Условие о переходе права собственности на здание, другой объект недвижимости к лизингополучателю не противоречит законодательству. Если лизингодатель является собственником земельного участка, занятого зданием, сооружением и пр., то право собственности на этот участок переходит к лизингополучателю (ст. 273 ГК РФ, п.4 ст.35 Земельного кодекса РФ[3]).

В случае, когда участок находится у лизингодателя на праве аренды (имеется правомочие пользования), к лизингополучателю переходит право аренды (правомочие пользования) земельного участка (п.2 ст.271 ГК РФ, п.1 ст.35 ЗК РФ).

Исходя из судебной практики, предметом договора финансовой аренды не могут быть только (т.е. исключительно) земельные участки, являющиеся самостоятельным предметом договора лизинга. Вместе с тем, предусмотренный законом запрет на передачу в лизинг земли не распространяется на случаи, когда предметом лизинга служат здание (сооружение), предприятие, иной имущественный комплекс.[4] *Итак, если земля не самостоятельный предмет договора, передать ее в лизинг можно.*

В литературе признается, что предметом найма может быть даже *право,* если только пользование им может принести экономическую выгоду. Однако, скорее, это не так. Предметом договора лизинга, исходя из ст.ст. 128, 607, 666 ГК РФ, не *могут выступать имущественные права,*

---

[1] См.: Кабатова Е.В. Лизинг: Правовое регулирование, практика. М.: Инфра-М, 1998; Павлодский Е.А. Договоры организаций и граждан с банками. М.: Статут, 2000

[2] См. напр.: Громов С.А. Предмет лизинга в гражданском обороте./Объекты гражданского оборота: Сборник статей/Отв. ред. М.А. Рожкова. Статут, 2007.

[3] СЗ РФ, 29.10.2001,№44, ст. 4147.

[4] Постановление Президиума ВАС РФ от 16 сентября 2008 г. № 4904/08.

работы и услуги, информация, результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага.[1]

В литературе можно отыскать весьма оригинальные позиции по исследуемой теме. Так, например, известный ученный в этой области В.Д. Газман полагает, что «поскольку в соответствии с п. 2 ст. 130 ГК РФ к движимому имуществу относятся *ценные бумаги*, то действие Закона, как это ни парадоксально, может быть распространено на операции с ценными бумагами. Такая форма лизинга стала бы очень привлекательной для брокеров российского фондового рынка»[2].

Есть еще одна проблема, связанная с предметом договора. Закон требует указания в договоре *данных, позволяющих определенно установить имущество, подлежащее передаче лизингополучателю в качестве предмета лизинга* (п.3 ст.15); при отсутствии этих данных в договоре условие о предмете считается не согласованным сторонами, а договор лизинга не считается заключенным.

Такой объект зачастую может быть определен лишь родовыми признаками. Предмет лизинга может быть признан согласованным и при отсутствии в договоре лизинга идентифицирующих признаков имущества, подлежащего передаче в аренду, если договором предусмотрено, что имущество (предмет лизинга), приобретаемое лизингодателем, указывает лизингополучатель.

В Законе формулировка определения «договора лизинга» из ГК РФ воспроизводится не полностью: отсутствует указание на *предпринимательский характер целей*, для достижения которых может использоваться объект лизинга. Такое ограничение возможностей по вовлечению в оборот имущества в качестве предмета лизинга рамками предпринимательских отношений представляется неоправданным. Очевидно, что использование имущества «в предпринимательской деятельности» – более узкая сфера, нежели сфера использования его «в целях, не связанных, с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием», поскольку последняя включает возможность вовлечения в гражданский оборот объектов с целью их последующего использования в не коммерческой, но профессиональной деятельности.

Однако формулировка цели использования предмета лизинга в «предпринимательской деятельности» уже удалена из ст. 3 Закона в связи с вступлением в силу с 1 января 2011 года закона №83-ФЗ[3]. А значит,

---

[1]См., напр.: Л.Ф. Максимова. Договор лизинга: правовые аспекты//Вестник ФАС Западно-Сибирского округа, - 2008, - №3; Нигаматзянов Т.Т. Существенные условия договора лизинга//Право и экономика. – 2007. - №7.

[2] Газман В.Д. Комментарий к федеральному закону «О лизинге», - Фонд «Правовая культура», 1999.

[3]Федеральный закон РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 08.05.2010 №83-ФЗ//СЗ РФ, 10.05.2010, № 19, ст. 2291.

указанные выше дискуссии, вероятно, приобретут новое направление (теперь уже, как минимум, относительно соотношения норм ГК и Закона).[1]

Несмотря на все указанные проблемы правового регулирования и противоречивость правоприменения относительно предмета договора лизинга, в конечном итоге использование возможностей финансовой аренды приведет к обновлению основных средств и материально-технической базы предприятий российских предпринимателей, и, как следствие, к экономическому росту нашего государства.

[1] Канцер Ю.А. Преимущества лизинговых сделок как фактор инновационного развития экономики //Социально-экономические, политические и правовые механизмы управления инновациями в Волгоградской области: региональная науч.-практ. конф. (2010; Волгоград). – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. – 247 с.

РОЛЬ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ В СТРУКТУРЕ МЕХАНИЗМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Колодуб Григорий Вячеславович,
соискатель кафедры гражданского права
Саратовской государственной академии права

Научный руководитель:
Вавилин Евгений Валерьевич,
д.ю.н., профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной академии права

Перед тем как непосредственно осветить роль исполнения обязанности в механизме, отмечаем: во-первых, в данном случае говоря о механизме осуществления, опосредовано имеется в виду, предложенная Е.В. Вавилиным концепция гарантированного осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей, как система взглядов о механизме реализации прав и обязанностей; во-вторых, посредством подобного изучения, видится возможным рассмотреть значимость для правового образования (механизма) – исполненной гражданско-правовой обязанности; в-третьих, становится возможным подтвердить факт принципиальной непротиворечивости механизму осуществления – изучаемого нами, процесса исполнения гражданско-правовой обязанности.

Под механизмом осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей, автором обозначенной выше концепции понимается: «законодательно обусловленный порядок организации юридических способов, средств и *действий* (выделено мной – Г.К.) участников гражданского оборота, обеспечивающий фактическое достижение субъектом правовой цели (получение блага)»[1].

Сразу отмечаем, показанную автором связь действий (один из элементов, но не единственный) и главной цели всего механизма, тем самым позволяя утверждать об **обеспечивающей** роли гражданско-правовой обязанности.

Таким образом, говоря об обеспечивающей роли гражданско-правовой обязанности, с учетом сделанного вывода о том, что обязанность, раскрывает свою основную суть и предназначение, исключительно за счет своей реализации, исполнения, можно полностью быть уверенным и о подобной роли относительно исполнения гражданско-правовой обязанности. Закрепленная сторонами обязательства необходимость, соответствующей

[1] См.: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Е.В. Вавилин. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – С. 90.

деятельности и последующей обязательной, адекватная действительности реализация обязанности/обязанностей (в рамках гражданско-правового обязательства) – гарантия надежности и уверенности, в действительном получении блага. То есть, одновременно говорим и о достижении главной, (базовой, ключевой) цели всего механизма осуществления.

Конечно же, нами не утверждается об исключительности исполнения обязанности, перед всеми другими элементами заявленного механизма осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: субъективными правами, юридическими фактами, способами осуществления прав, формами осуществления. Подобного неправильного вывода, нами не делается, совсем наоборот, трезво осознается обязательная необходимость наличия – единства формирующих механизм элементов. Однако последнее утверждение, позволяет сделать вывод о том, что обязанность и в особенности исполненная обязанность – обязательный элемент механизма осуществления, без которого не возможно, рассчитывать на желаемое движение.

Таким образом, видим возможным, отметить еще одну близкую с первой, но самостоятельную роль исполнения обязанности, по отношению к механизму – **системообразующую**, т.е. исполнение присутствует, наряду с другими обязательными элементами, наличествует и система, существует большая вероятность наступления правового результата (получения блага).

Утверждая с полной уверенностью и убежденностью, о высокой значимости механизма осуществления, видим необходимым рассмотреть вопрос соотношения последнего явления с другими разновидностями, в частности, с механизмом правового регулирования, что позволит одновременно проявиться и особенностям исполнения обязанностей. Поэтому выделяем сказанное Е.В. Вавилиным, «Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей – это системное явление, которое непосредственно, либо опосредованно связано с иными видами правовых механизмов: механизмом правового регулирования, механизмами правотворчества, правоприменения, правотолкования. Механизм осуществления прав, с одной стороны, в некоторых своих стадиях совпадает с действием механизма правового регулирования, а с другой, – в силу особенностей складывающихся гражданских отношений (преобладания диспозитивного метода регулирования), рассмотренный с позиции носителя прав и обязанностей, включает в себя определенные, свойственные только данной правовой модели, *элементы* (выделено мною – Г.К.) и стадии действия. Это связано, в первую очередь, со стадиями установления права, фактического осуществления права и

исполнения обязанности (реального получения/предоставления блага), не входящих в структуру механизма правового регулирования»[1].

Проанализировав вышеуказанную выдержку, делаем выводы: (1) находим определенное подтверждение правильности, представления обязательственных процедур, в частности исполнения гражданско-правового обязательства, в виде стадийного процесса развития; (2) исполнение обязанности, является одним из обязательных элементов механизма осуществления, которые позволяют выделить последнее правовое явление, из перечня видов правовых механизмов, что имеет ключевое значения для существования всей концепции Е.В. Вавилина.

С учетов сказанного, выделяем **отграничивающую** роль исполнения обязанности, при соотношении механизма осуществления с механизмами правотворчества, правоприменения, правотолкования и особенно механизмом правового регулирования.

Продолжая исследовать сущностные характеристики механизма осуществления, подчеркиваем особую значимость для концептуального понимания проблематики данным ученым-правоведом – реализации прав и исполнение обязанностей с позиции субъекта права. Подобный подход, отмечается многими[2] как одно из проявлений, особого авторского видения предмета исследования.

Полностью поддерживаемый и разделяемый нами, «разворот» к нуждам и проблемам носителя субъективных прав и обязанностей, в данном случае интересует следующим, – что является залогом действительного получения блага, в рамках механизма осуществления? Ответ на данный вопрос, с учетом признаков механизма осуществления прав и исполнения обязанностей, становится для нас очевидным – исполненная гражданско-правовая обязанность, которая не только обеспечивает, но направляя, и активизирует процессы достижения правового блага.

В последней связи, выделяем вполне возможно спорную роль исполнения обязанности в механизме осуществления – **инструментарную**, имея в виду представления исполнения, средством реализации не на страницах договора и «мечтах» контрагентов, а *действительно.*

Таким образом, по результатам рассмотрения базовых основ механизма осуществления субъективных гражданских прав и исполнения обязанностей, концепции гарантированного осуществления права, сформированного Е.В. Вавилиным, делаем вывод об органической включенности, как обязанности, так и исполнения, в рассматриваемый механизм, выступая для последнего в определенных характерно-содержательных эпостасиях.

---

[1] См.: Указ. соч. С. 298.

[2] См., напр.: Санникова Л.В. Рецензия на монографию: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. М. 2009. 360 с. // Вестник Саратовской государственной академии права. – № 2 (66). – С. 230-231.

Выделены следующие роли исполнения: (1) обеспечивающая; (2) системообразующая; (3) отграничивающая; (4) инструментарная.

Отмечаем, что исполнение гражданско-правовой обязанности, «представляет собой минимальное необходимое звено механизма, выпадение которого влечет остановку, неизменное «торможение» всей конструкции в целом»[1].

[1] См.: Вавилин Е.В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей: автореф. дис. ... док. юрид. наук: 12.00.03 / Вавилин Евгений Валерьевич. – Саратов, 2009. – С. 9.

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Комлевая Олеся Владимировна,
аспирантка кафедры истории и методики ее преподавания
Славянского-на-Кубани
государственного педагогического института

Научный руководитель:
Южакова Татьяна Леонидовна,
к.и.н., к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин
Славянского-на-Кубани
государственного педагогического института

В настоящее время такому явлению, как гражданский брак уделяется значительное внимание в средствах массовой информации. О гражданском браке мы слышим по телевидению, узнаём из газет и из уст знакомых. Разговоры о гражданском браке идут даже в общественном транспорте. Правда, понимание понятия «гражданский брак» неоднозначно, как правило, выделяются две точки зрения.

Одни считают, что гражданский брак представляет собой законный, зарегистрированный в органах записи актов гражданского состояния союз между мужчиной и женщиной, направленный на создание семьи (собственно брак). Другие наоборот придерживаются мнения о том, что гражданский брак является неофициальным, незарегистрированным союзом мужчины и женщины.

Семейный кодекс Российской Федерации не содержит определения брака. Однако, анализируя нормы действующего семейного законодательства, посвященные заключению брака, можно установить, что брак представляет собой добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, который направлен на создание семьи, подлежит в обязательном порядке государственной регистрации и влечёт за собой возникновение взаимных личных и имущественных прав и обязанностей. Рассмотрим основные начала семейного законодательства, в частности, статью 1 Семейного кодекса Российской Федерации[1], согласно которой в России признанным считается брак, который заключён только в органах ЗАГСА. Документом, устанавливающим факт регистрации, является свидетельство о браке, которое выдаётся отделом записи актов гражданского состояния[2].

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 15.11.1997 № 143 (ред. от 31.12.2005) «Об актах гражданского состояния» // Российская газета. - 20.11.1997. - № 224.
[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995года // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 16.

Гражданское и семейное законодательство не содержит определение понятия «сожительство». Однако в Постановлении Правительства Санкт-Петербурга от 12.12.2006 № 1539 «О концепции демографического развития Санкт-Петербурга на период до 2015 года»[1]есть упоминание о сожительстве, как о незарегистрированном союзе. В правовой литературе А.В. Власовым, Д.В. Ароновым[2], а также в судебной практике[3] упоминается о сожительстве, как о фактическом браке и совместном проживании незарегистрированных граждан.

Поскольку современное законодательство не проливает свет на понятие «гражданский брак» целесообразно обратится к законодательству прошлых лет, ведь всё новое, это хорошо забытое старое.

Появление гражданской формы брака, связанной с регистрацией в государственных органах и как следствие отмена церковной формы произошло в России еще в 1917 году. Декретом Всероссийского Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния». В соответствии с декретом ВЦИК и СНК от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, детях и ведении книг актов гражданского состояния[4] и Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 года[5], признавался законным лишь гражданский или иначе светский брак, который был зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния.

Итак, можно убедиться, что российское законодательство советского периода закрепляло гражданский брак как официально зарегистрированный. А в Аргентине, например, даже существует закон «О гражданском браке», где гражданский брак понимается как официальный.

Теперь обратимся к понятию «сожительство». В советском законодательстве, в частности в Кодексе законов о браке, семье и опеке 19 ноября 1926 год[6], есть указание на сожительство, как на незарегистрированный, фактический брак.

---

[1] Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 12.12.2006 № 1539 «О концепции демографического развития Санкт-Петербурга на период до 2015 года» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. - 26.02.2007. № 2.

[2] Власов А.В. Аронов Д.В. Актуальные проблемы защиты права на воссоединение семей, разлученных в ходе вооружённого конфликта, в современном гуманитарном праве // Международное публичное и частное право. - 2006. - № 4. – С. 42 – 45.

[3] Определение ВС РФ от 25.09.2006 № 47-о06-55 // СПС Консультант Плюс.

[4] Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917г. // Собрание узаконений РСФСР. - 1917. - № 1. - Ст. 160.

[5] Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от16 сентября 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 22.10.1918. - № 76-77. - Ст.818.

[6] Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с кодексом) // Собрание узаконений РСФСР. - 1926. - № 82. - Ст. 612.

Между тем судебная практика упоминает понятие «сожительство», соотнося его с гражданским браком[1].

Учитывая тот факт, что Российская Федерация относится к правовой семье континентального права, можно сделать вывод о том, что данные судебной практики в случае с определением гражданского брака как сожительства не является обязательным. На наш взгляд, при определении понятия «гражданский брак» следует опираться в большей степени на мнение теоретиков права, использовать комментарии законодательства, а также принимать во внимание законодательство прошлых лет, в частности советское.

Таким образом, не следует подменять понятия и употреблять термин «гражданский брак» при обозначении сожительства. Гражданский же брак следует понимать как союз мужчины и женщины, который получил признание государства путём государственной регистрации и заключения его в органах ЗАГСА, то есть как официальный, законный брак.

[1] Определение Верховного Суда РФ от 28.02.2007 № 64-о06-47 // СПС Консультант Плюс.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОННОГО РЕЖИМА ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ

Литвинова Нина Олеговна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Рычкова Наталья Юрьевна,
старший преподаватель кафедры гражданского права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В соответствии с ч. 1 ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если *договором* между ними не установлен иной режим этого имущества. В ч.2 ст. 33 СК РФ указано, что законный режим имущества супругов *действует*, если *брачным договором* не установлено иное.

Возникает вопрос, каким именно договором может быть изменен режим совместной собственности супругов. Кроме брачного договора супруги могут заключать соглашение о разделе совместно нажитого имущества, соглашение об определении долей в общем имуществе, договор купли-продажи с определением долей в приобретаемом имуществе, учредительный договор и некоторые другие. Е.А. Чефранова отмечает, что было бы неправильным в современных условиях либерализации, ухода от жестких императивных предписаний навязывать в качестве единственно возможного способа изменения режима отдельных, нажитых в браке, вещей исключительно брачный договор или соглашение о разделе имущества, поскольку возможность заключения таких договоров прямо предусмотрена в семейном законодательстве, отказывая супругам в иных способах и формах урегулирования складывающихся между ними имущественных отношений.[1]

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо определить содержание понятия «законный режим имущества супругов». Л.Б. Максимович и И.В. Жилинкова полагают, что под законным режимом следует понимать *порядок*, установленный в законе в отношении имущества супругов и действующий при отсутствии брачного договора, причем этот порядок имеет универсальный характер, так как рассчитан на всех лиц, обладающих статусом супругов.[2] Толкование п.1 ст.33 СК РФ в

[1] Чефранова Е.А. Порядок и условия совершения сделок между супругами/ М.: Нотариус. - 2005 N 001 С.15

[2] См.: Максимович Л.Б. Брачный договор . М.: Ось – 89. 2001. С.32

отрыве от других норм Кодекса может привести к неправильному заключению, что российское законодательство устанавливает режим всеобъемлющей общности супружеского имущества, тогда как при систематическом толковании становится ясным, что совместная собственность супругов на имущество, нажитое во время брака, сочетается с раздельной собственностью каждого из них (ст. 36 СК РФ). Соответственно **законный режим имущества супругов** определяется как установленные законом *основания и пределы* объединения имущества супругов, а также *порядок и условия* приобретения, *изменения* и прекращения прав на имущество, входящее в состав супружеской общности.[1]

М.Н. Илюшина, С.Ю. Чашкова отмечают, что договор об установлении долевой собственности, лежащий в основании выдачи нотариусом свидетельства на долю в праве на общее имущество супругов (ст. 74 Основ законодательства о нотариате), по своей правовой цели очень напоминает брачный договор, так как *направлен на изменение* законного режима имущества супругов.[2] Е.А. Чефранова задается вопросом: «Обязательно ли любое соглашение супругов, направленное на выведение из-под действия режима общности отдельных совместно нажитых вещей, рассматривать исключительно как брачный договор?.. На первый из вопросов ответ, бесспорно, может быть только отрицательным, и этот ответ дает сам закон - п. 2 ст. 38 СК РФ».[3] *Судебная практика* также идет по пути признания возможности заключения иных соглашений между супругами. По поводу некоторых соглашений признается возможность изменения законного режима имущества супругов.

С.И. Реутов, И.С. Закалина определяют, что иной режим собственности может быть установлен супругами только в том случае, если они заключили соответствующий брачный договор.[4] Т.В. Шершень занимает неопределенную позицию, в соответствии с которой считает изменение законного режима имущества супругов возможным только посредством заключения брачного договора, хотя признает, что в практической деятельности имеют место случаи, когда при отсутствии брачного договора на государственную регистрацию представляется договор купли-продажи, по которому квартира переходит супругам на праве общей долевой, а не общей совместной собственности.[5] Таким

См.: Жилинкова И.В Правовой режим имущества членов семьи. / Харьков: Ксилон . 2000. С.166

[1] Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов. М.: Эксмо. 2008. С.30

[2] Илюшина М.Н., Чашкова С.Ю. Особенности договорных форм раздела общего имущества супругов предпринимательского назначения . М.: Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. N 3. С. 28.

[3] Чефранова Е.А. Порядок и условия совершения сделок между супругами. Пермь: Нотариус. 2005. N 001. С.15

[4] Реутов С.И., Закалина И.С. Брачный контракт. 2007. С. 9.

[5] Шершень Т.В. Брачный договор как основание изменения законного режима имущества супругов /Нотариус. 2009. N 2 С.39.

образом, отрицается возможность заключения иных соглашений между супругами и изменения ими законного режима имущества супругов.

Очевидно, ответить на поставленный вопрос можно, если проанализировать существо брачного договора, так как именно он, по мнению законодателя, *может изменить* режим совместной собственности супругов:

1. Существует позиция, что изменение хотя бы одного имущественного права или одной имущественной обязанности супруга, которая обычно подпадает под законный режим имущества супругов, *на будущее время* – существенное условие брачного договора.[1] Данный критерий позволил бы отграничить брачный договор от иных соглашений, которые направлены только на совместно нажитое, имеющееся в наличии имущество.

2. По своему содержанию брачный договор предусматривает установление как *режима общей совместной собственности*, так и режима общей долевой или раздельной собственности, иными соглашениями же предусматривается установление только общей долевой или раздельной собственности. Так можно задать вопрос: «Насколько в полной мере изменяют законный режим имущества супругов иные соглашения?» Становится ясным, что только брачный договор способен в полной мере изменить установленный законом режим совместной собственности супругов. Более того, Е.А. Чефранова обращает внимание на то, что существенным условием брачного договора является изменение «правового режима имущества супругов по сравнению с установленным законом режимом общности приобретений».[2]

3. Брачный договор з*аключается в письменной форме и подлежит обязательному нотариальному удостоверению* (п. 2 ст. 41 СК РФ). Несоблюдение нотариальной формы брачного договора влечет его недействительность (п. 1 ст. 165 ГК РФ). В отличие, например, от соглашения о разделе общего имущества супругов, которое не требует обязательного нотариального удостоверения (п. 2 ст. 38 СК РФ). Думается, что тем самым законодатель предполагал закрепить некие гарантии, в том числе гарантии прав кредиторов при заключении, изменении или расторжении брачного договора (ст.46 СК РФ).

Представляется, что заключение *иных* соглашений между супругами отвечает общим тенденциям расширения прав и свобод личности в сфере правового регулирования семейных отношений. Такие соглашения имеют *целью изменение законного режима* имущества супругов, что, несомненно,

[1] Гражданское право: Учебник / Под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. Т. 3. М.: Проспект. 2001. С. 369.
[2] Чефранова Е.А. Имущественные отношения супругов. М.: Эксмо. 2008. С.144-145

сближает их с брачным договором.[1]. Однако только брачный договор может быть направлен как на наличное имущество, гак и на имущество, которое будет приобретено супругами впоследствии (*будущее имущество*) и способен *в полной мере* изменить режим совместной собственности супругов.

[1] Низамиева О.Н. Соглашение об определении долей в общем имуществе и соглашение о разделе общего имущества супругов: особенности правового регулирования / СПС «Консультант плюс»

К ВОПРОСУ О ПРЕЗЮМИРОВАНИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА

Молчанова Марина Сергеевна,
студентка 2 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиал)
Академия Генеральной прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Кравцов Алексей Юрьевич,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Институт морального вреда имеет сравнительно небольшую историю. Именно поэтому многие вопросы, связанные с компенсацией морального вреда остаются открытыми. К примеру, одним из таких вопросов является вопрос доказывания по данной категории гражданских дел. Высказывается мнение о необходимости закрепления доказательственных презумпций по делам о компенсации морального вреда. Но даже и без закрепления указанной презумпции в нормах права можно озадачиться вопросом - возможно, она уже сформировалась как фактическая презумпция, то есть законодательно она не закреплена, но в сознании достаточно большой группы людей, в том числе и судей, эта презумпция заняла надежное место.

Профессор Ю.А. Сериков предлагает следующее определение правовой презумпции - это закрепленный в норме права вероятностный вывод о факте, который принимается судом без процедуры доказывания в случае установления связанного с ним факта (факта-основания) и неопровержения путем доказывания иного факта. [1] Следует отметить, что отнюдь не любое предположение может оцениваться как правовая презумпция.

В качестве целей закрепления презумпции в праве различные авторы выделяют следующие. Профессор А.Т. Боннер упоминает о том, что в этом случае (применения презумпции) удается обойтись без доказывания фактов, положительное установление которых явилось бы затруднительным, а то и невозможным, в связи с чем права и законные интересы лиц, участвующих в деле, оказываются надежно защищенными. Таким образом, позиция сторонников закрепления презумпции состоит в том, что основанием для вывода о наличии морального вреда служит наблюдение, точка зрения жизни, практика. Считается, что принятия во

[1] Сериков Ю.А., Презумпции в гражданском судопроизводстве / Ю. А. Сериков. - М. - 2006. - С. 25.

внимание лишь данного признака презумпции явно недостаточно для законодательного закрепления такового порядка вещей в качестве законодательной презумпции. В обоснование можно привести следующие аргументы:

1. Не следует забывать о закрепленных в ст. 123 Конституции Российской Федерации принципах состязательности и процессуального равноправия. Закрепление правовых презумпций нисколько не должно их умалять, наоборот, должно способствовать наиболее полной реализации. Авторы, ратующие за законодательное закрепление презумпции морального вреда, принимают во внимание необходимость защиты интересов истца, облегчая ему процесс доказывания, и не принимают при этом во внимание необходимость защиты интересов противной стороны - ответчика. В каком положении в данном случае оказывается ответчик? В случае применения судом указанной презумпции он должен будет доказать "непретерпевание" истцом морального вреда в случае, если желает быть освобожденным от ответственности. При этом практически все авторы, предлагающие введение презумпции морального вреда, обращают внимание на несомненную возможность ее опровержения ответчиком. Ответчик, доказав, что своими неправомерными действиями он не мог причинить морального вреда (например, доказав, что потерпевший не способен осознавать позорящий характер распространенных о нем сведений, например, в силу слабоумия)[1], будет несомненно освобожден от ответственности. Профессор А.М. Эрделевский также указывает на то, что в таком случае клеветник вправе ссылаться на неспособность потерпевшего осознавать позорящий характер распространяемых о нем сведений. [2] Полагаем, что авторы в этом случае приводят в качестве примера достаточно пограничные (крайние) ситуации. С одной стороны, они предполагают, что всякое лицо способно претерпевать моральный вред, но с другой стороны, практически полностью исключают такую возможность в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями. Хотя умственно отсталые лица и лица с психическими заболеваниями имеют такие же личные неимущественные права, как и лица с обычным интеллектом, но способ реализации и защиты их прав должен иметь определенную специфику в той мере, в какой отражает их индивидуальность. К тому же даже, если предположить, что будет доказано, что лицо, страдающее психическим заболеванием ни при каких обстоятельствах не могло испытывать моральные страдания, то видится возможным истребование компенсации морального вреда, в связи с

1 Гущин Д.И., Юридическая ответственность за моральный вред (теоретико-правовой анализ) / Д. И. Гущин. - СПб. - 2002. - С. 127.

2 Эрделевский А.М., Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики / А. М. Эрделевский. - М. - 2000. - С. 84.

причинением страданий родственникам данного лица. К тому же следует обратить внимание на специфику доказывания факта претерпевания морального вреда. При применении презумпции морального вреда представляется совершенно очевидным, что ответчик в большинстве случаев не сможет доказать отсутствие таких страданий. Истец же ему в этом оказывать содействия, что также совершенно очевидно, не будет. Для иллюстрации невозможности возложения обязанности по доказыванию данного факта на ответчика в качестве примера можно привести мотивацию законодательного закрепления другой презумпции - презумпции вины причинителя вреда.

2. Профессор А.М. Эрделевский указывает на то, что суды в своей практике фактически применяют презумпцию причинения морального вреда, поскольку зачастую данный факт обосновывается лишь объяснениями истца о претерпевании физических или нравственных страданий. Практически всеми авторами при определении предмета доказывания указывается на необходимость включения в предмет доказывания размера компенсации морального вреда. Бремя доказывания данного факта, естественно, возлагается на истца. При этом следует учитывать то, какие факты суд должен принимать во внимание при определении размера компенсации.

При доказывании данных обстоятельств истец не может ограничиться лишь своими объяснениями о том, что его страдания были очень сильными, не очень сильными и т.д. Характеризуя степень своих страданий, истец так или иначе будет вынужден говорить о претерпевании этих страданий, то есть о наличии морального вреда. Для чего же законодательно закреплять доказательственную презумпцию, если фактически работать она не будет? Будет иметь место лишь формальное ее закрепление, которое только введет истца в заблуждение относительно необходимости выполнения им обязанности по доказыванию.

3. И наконец, третий аспект, вызывающий определенные замечания относительно возможности использования обсуждаемой презумпции. Профессор С.А. Беляцкинвыделял "искренность страданий" как один из критериев, которым следует руководствоваться при определении размера компенсации. [1] Даже предполагая добросовестность большинства истцов, мы не можем исключить возможности предъявления исков о компенсации морального вреда с целью получения денежной суммы тогда, когда реально нравственных или физических страданий истец не испытывает. Он лишь спекулирует нормой права с целью извлечения для себя прибыли.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в настоящее время нет ни достаточных законодательных,

[1] Беляцкин С.А., Возмещение морального (неимущественного) вреда / С. А. Беляцкин. - М. - 1996. С. 74.

ни теоретических оснований для законодательного закрепления и использования в судебной практике презумпции морального вреда. Видится возможным закрепление лишь презумпции в отношении наиболее значимых объектов гражданско-правовой защиты, таких как жизнь, здоровье и некоторые социальные гарантии. Поэтому, безусловно, данный вопрос заслуживает дальнейшего полного и всестороннего исследования, а предложение о введении подобной презумпции - более серьезного теоретического обоснования.

ИНСТИТУТ ОПЕКИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Свинцов Илья Алексеевич,
студент 3 курса прокурорско-следственный факультет
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной Прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Тюкавкин-Плотников Алексей Александрович,
к.ю.н, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной Прокуратуры РФ

Институт опеки зародился в древнем Риме. На раннем этапе развития римского права понятие опеки (tutela) не существовало. В архаический период Рима опека имела своей целью не помощь недееспособному лицу, т. е. была учреждена не в интересах подопечного. Напротив, она должна была удовлетворять требованию, оградить интересы агнатской семьи, и прежде всего familia communi iure, посредством осуществления власти над лицом sui iuris, которое в силу несовершеннолетнего возраста еще не обладает дееспособностью. В ранний период римского права опекуном могло быть любое лицо, которое обладало patria potestas, а значит любой римский гражданин. Он даже сам мог быть несовершеннолетним.

В классический период римского права появляется понятие опека. Как писал юрист Сервий: «Tutela est vis ac potestas in capite lidero, ad tuendum eum qui propter aetatem sua sponte se defendere nequit, iure civili data ac permissa» («Опека есть даваемая и разрешаемая цивильным правом власть в отношении свободного лица, с тем, чтобы дать защиту тому, кто по возрасту не в состоянии защитить себя самостоятельно»)[1].

В настоящее время по Федеральному закону от 24.04.2008 №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опека – это форма устройства малолетних граждан (не достигших возраста четырнадцати лет несовершеннолетних граждан) и признанных судом недееспособными граждан, при которой назначенные органом опеки и попечительства граждане (опекуны) являются законными представителями подопечных и совершают от их имени и в их интересах все юридически значимые действия[2].

Опека (tutela) устанавливалась над женщинами пожизненно на раннем этапе развития римского права и в начале классического периода.

[1] Памятники римского права. Дигесты Юстиниана. – М.: Зерцало, 1997. – С. 572.
[2] Федеральный закон от 24.04.2008 №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Сетевая версия. – М. : КонсультантПлюс – Технология 3000, 1990. – Режим доступа : Компьютер. Сеть ИИПКПР ГП РФ, свободный .

В действующем законодательстве опека устанавливается только над несовершеннолетними и недееспособными лицами.

Опека над несовершеннолетними мужчинами на раннем этапе развития римского права назначалась до 14 лет. В классический период римского права, если лицо выходило из-под власти paterfamilias, то ему назначался фидуциарный опекун. Опекуны назначались по завещанию (testamentaria) и по закону (legitimus). Если опекуны назначались по завещанию, то они могли быть, либо tutor dativus, либо tutor optivus[1]. Если опека была назначена по закону, то законному опекуну разрешалось передать право опеки другому лицу. Тому, кому передавалось право опеки, назывался опекун-цессиций.

В Российской Федерации до 2008 года не существовало завещательной опеки, только с принятием Федерального закона от 24.04.2008 №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» появилась завещательная опека. Данный вид опеки в России может быть установлен только тогда, когда ребенок имеет только одного родителя. То есть получается, что если у детей, которые имеют двоих родителей, т.е. находятся на воспитании в полноценной семье, не могут составить завещания по поводу установления опеки. Так же российским правом устанавливается и законная опека. Данный вид опеки представляет собой назначение опекуна органами опеки и попечительства путем вынесения соответствующего акта о назначении опекуна. Если опекун не был назначен в течение месяца, то исполнение обязанностей берет на себя орган опеки и попечительства. Пока лицу, нуждающемуся в установлении опеки, не будет назначен опекун. Так же появился такой вид опеки как возмездная опека. По данному виду опекун осуществляет свою деятельность за вознаграждение за счет доходов полученных от имущества подопечного. С моей точки зрения, данный вид опеки полностью противоречит всем нормам и принципам римского права. Таким образом, в науке и на практике складываются проблемы применения данного вида, возмездной опеки. В федеральном законе появляется и такой вид опеки, как предварительная опека. Данный вид опеки представляет собой осуществление обязанностей опекуна только в том случае, если лицу требуется немедленное назначение опекуна.

Уже в постклассическом периоде римского права появляется понятие опекун, это те, которые имеют право власти и надзора, и получили они свое название от свойств самого дела.

По Федеральному закону от 24.04.2008 №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» понятие опекуны как такового не выделяется[2]. Но из

[1] Памятники римского права. Фрагменты Домиция Ульпиана. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М.: Зерцало, 1998. – С. 193.

[2] Федеральный закон от 24.04.2008 №48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. Сетевая версия. – М. : КонсультантПлюс – Технология 3000, 1990. – Режим доступа : Компьютер. Сеть ИИПКПР ГП РФ, свободный.

самого текста данного законодательства можно сделать вывод, что опекун – это совершеннолетнее дееспособное физическое лицо, назначенное органом опеки и попечительства лицу, нуждающемуся в опеки.

Поводя итоги всему вышесказанному можно сделать вывод, что институт опеки был полностью заимствован из римского права и даже сейчас в наши дни все еще идет модернизация норм действующего законодательства именно по принципам и нормам римского права. Таким образом, необходимо провести гражданским законодательством рецепцию в полном соответствии с принципами и заложенному римлянами духу римского права. Представляется необходимым пересмотреть, а по возможности и исключить из норм ФЗ «Об опеке и попечительстве», оказание возмездной опеки, что позволит существенным образом защитить права и законные интересы несовершеннолетних граждан Российской Федерации.

ПРАВО НАСЛЕДОВАНИЕ КАК ФАКТОР БЕССРОЧНОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Фахрутдинов Максим Васильевич,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Сибирской академии государственной службы

Научный руководитель:
Дорожинская Елена Анатольевна,
к.ю.н., зав. кафедрой гражданского права и процесса
Сибирской академии государственной службы

Становление института наследования, близкого к современному понимаю, началось при имущественном и социальном расслоении общества, утверждении частной собственности на средства производства, появлении особых институтов, ограждающих существующий порядок от вредных посягательств. Необходимо указать, что возникновение наследования как способа упорядочивания общественных отношений основывается на санкционировании государством правовых начал наследования, которые детерминированы историческими нуждами общественно-экономического характера. Поэтому методологической предпосылкой изучения права наследования является изучение реальных экономических отношений, которые определяют сущность, содержание и границы указанного института. «…Правовые отношения, - писал Маркс, - так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа: наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях»[1]. Из этого следует, что сущность, содержание и границы права наследования определяются не субъективными причинами, а объективными экономическими условиями жизни общества и прежде всего характером сложившихся отношений собственности в нем.

Следовательно, в развитии права наследования определяющую роль играет институт права собственности, отражающий социально-экономические параметры общества. Помимо этого, наследование неразрывно связано с правом частной собственности. Поэтому решающую роль в эволюции имущественных отношений сыграл переход от общинной к частной форме собственности. Изначально наследование составляет один из важнейших производных способов приобретения права частной собственности. В научной литературе отмечается, что наследование – это,

[1] См.: Маркс К. К критике политической экономии [Текст]/ К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. - 2-е изд. - Т.13.- М.: Политиздат, 1959. – С. 6.

по сути, проявление, одна из сторон собственности, ее производная[1]. Непосредственная связь, существующая между правом наследования и правом собственности, свидетельствует об объективной зависимости правового регулирования наследования от допускаемых видов собственности в общественно-экономической системе.

Действительно, институт наследования взаимодействует с институтом права частной собственности, сообщая ему «конечный смысл» и его преемственность, а также определяет рамки, в которых собственник вправе совершать предсмертное распоряжение имуществом. Производная связь права наследования и права собственности отмечается почти всеми правовыми и экономическими школами (течениями). К. Маркс определял сущность наследования следующим образом: «Право наследования имеет социальной значение лишь постольку, поскольку оно оставляет за наследником то право, которым покойный обладал при жизни, а именно право при помощи своей собственности присваивать продукты чужого труда… Как и все гражданское право, вообще, законы о наследовании являются не причиной, а следствием, юридическим выводом из существующей экономической организации общества, которая основана на частной собственности на средства производства, то есть на землю, сырье, машины и пр.»[2]. Из мысли К. Маркса, видно, что не отмена права наследования может стать причиной уничтожения права частной собственности, а наоборот, лишь уничтожение права частной собственности приведет к отмене буржуазного права наследования.

Исследование института наследования в основном начинается с обращения к работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где автор показал, что качественное преобразование первобытного общества (общественное разделение труда, рост производительных сил) послужило основание возникновения права наследования. По мере перехода от присваивающего хозяйства к производящему, когда производительность труда привела к появлению излишек, «избыточный продукт создавал возможность накопления у отдельных семей … орудий труда, запасов товаров, а позже, и обособленных участков земли. Так появилась частная собственность»[3]. Вполне обоснованно, что в момент, когда человек имеет имущество, неизбежно возникает вопрос, а кому же оно достанется после смерти.

В Советской России признавалось, что в отличие от буржуазного наследственного права, социалистическое связано с «новым

[1] См.: Амфитеатров Г.Н. Право наследования в СССР [Текст]/ Г.Н. Амфитеатров, А.П. Солодилов - М.: Юриздат, 1946. - С. 14.

[2] См.: Маркс К. Доклад Генерального совета о праве наследования [Текст]/ К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. - 2-е изд. - Т. 16. - М.: Политиздат, 1960. – С. 383.

[3] См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства [Текст]/ К. Маркс, Ф. Энгельс Сочинения. - 2-е изд. - Т. 21. - М.: Политиздат, 1961. – С. 57-61.

экономическим явлением, возникшим лишь в социалистическом обществе – правом личной собственности»[1], имеет совершенно иные цели и задачи: содействие укреплению личной собственности граждан и способствование укреплению общественной собственности. Так, С.Н. Братусь рассматривал право наследования как зависимое и производное от права собственности, разделяющее историческую судьбу собственности: «возможность передачи собственности по наследству создает материальные стимулы труда и выполняет обеспечительную роль в интересах родных и близких наследодателя»[2]. Думается, что выделение признака потребительской направленности личной собственности, с научной точки зрения, не позволяет сделать вывод об особенности данной формы собственности отличной от частной. По сути, личная собственность является частной собственностью, только сопряженная с рядом ограничений в отношении объектного состава. Поэтому Д. Рене справедливо отметил, что «личная собственность регламентируется такими же правилами, что и частная собственность в буржуазном праве»[3].

Производность права наследования от права собственности констатирует В.П. Грибанов. Правовед обосновывает назначение права наследования тремя моментами: во-первых, производным характером права наследования от права личной собственности граждан, вследствие чего право это приобретает исключительно потребительское назначение; во-вторых, дополнительным характером наследования как средства материального обеспечения направленное на удовлетворение потребностей граждан; в-третьих, неразрывной связью наследования с семейными отношениями[4].

Таким образом, наследование имеет свои специфические закономерности, характеризующие его возникновение, эволюционное развитие и функционирование. Развитие права наследования находится в зависимости от фундаментальных экономических отношений. Наследование призвано сохранять правопорядок, построенный на основе существования права частной (личной) собственности. Право наследования обеспечивает устойчивость и преемственность сложившихся отношений собственности в общественно-экономической системе. Частная собственность неподкрепленная наследованием превращается в «максимум» - пожизненное владение, то есть имущество будет

---

[1] См.: Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву [Текст]/ В.И. Серебровский - Изд. 2-е, испр. – М.: «Статут», 2003. - С. 42.

[2] См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права [Текст]/ С.Н. Братусь – М.: Госюриздат, 1963. – С. 96.

[3] См.: Рене Д. Основные правовые системы современности [Текст]/ Д. Рене – М.: Прогресс, 1988. – С. 247.

[4] См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав [Текст]/ В.П. Грибанов - Изд. 2-е, стереотип. - М.: Статут , 2001. – С. 104.

принадлежать отдельному лицу самое большее на срок его жизни и не дольше. Отмена права наследования должна рассматриваться как способ уничтожения частной собственности. Определяющую роль в понимании наследования играет то положение, что право наследования выступает не только как правовое средство, обозначающее «чистый» трансферт права собственности на случай смерти, но и институт, направленный на материальное обеспечение членов семьи наследодателя. Данную функцию право наследования сохранит до тех пор, пока общество не сможет полностью принять на себя эту обеспечительную функцию.

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Чернышёв Владимир Игоревич,
студент 5 курса юридического факультета
Алтайской академии экономики и права

Научный руководитель:
Морозов Дмитрий Александрович
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права и процесса
Алтайской академии экономики и права

Современное гражданское законодательство рассматривает «электронную» форму договора, как специфическую, с точки зрения использования технических средств на пути согласования воль сторон, письменную форму договора. Подобный вывод следует из анализа п. 1 ст. 160 и п. 2 ст. 434 ГК РФ, которые характеризуют письменную форму договора, как один или несколько документов, которые объективируют содержание порождаемого обязательственного отношения. В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" под документом следует понимать зафиксированную на материальном носителе информацию с реквизитами, позволяющими ее определить. Таким образом, можно выделить, по крайней мере, четыре характеристики, наличие которых позволяет признать объект документом:

– наличие материального носителя, с помощью которого информация может быть передана другими лицами, обладающими сходными средствами восприятия;

– фиксированная форма – возможность сохранять информацию в неизменном состоянии неопределенный промежуток времени;

– возможность идентификации субъекта, от которого исходит документ;

– наличие самой информации[1].

Таким образом, с позиции определения понятия «документа», «электронная» форма документа ни чем не отличается от «бумажной», и наряду с ней может рассматриваться как письменная форма заключения договора. Следовательно, на электронную форму договора распространяются общие правила заключения договора, в том числе и правила о моменте заключения договора. Важность этого момента в свое время подчеркивал Г.Ф. Шершеневич: "По вопросу о моменте совершения

[1] Филимонов К.В. Правовое регулирование формы договора в электронной коммерции // Юрист. 2007. №12. С. 18-19.

договора между отсутствующими контрагентами существует два взгляда: a) по одному мнению, таким моментом является выражение согласия со стороны лица, получившего предложение... b) по другому взгляду договор совершается в тот момент, когда ответ, заключающий в себе принятие, достигает лица предложившего. Теория эта несколько отодвигает момент совершения договора, а потому не пользуется сочувствием со стороны торговых законодательств, но зато отличается большей последовательностью, нежели первая"[1].

По общему правилу, установленному ст. 433 Гражданского кодекса РФ, договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта. Исключение из данного правила составляют реальные договоры, которые считаются заключенными с момента передачи соответствующего имущества, договоры с нотариальной формой (считаются заключенными в момент составления нотариально заверенного текста договора), а также договоры, подлежащие государственной регистрации (вступает в силу с момента такой регистрации).

Необходимо отметить, что в рамках данной работы мы разграничиваем момент заключения договора, который определен ст. 433 ГК РФ и момент придания договору необходимой (в данном случае письменной) формы, т.е. момент, когда соглашение получает внешнее выражение в едином документе, подписанном сторонами договора. Как отмечает В.А. Белов, с наличием подобного документа, зачастую, в обыденном сознании, арбитражной практике, а иногда и законодательстве и связывается понятие договора[2]. Придание необходимой формы договору характеризует соглашение сторон уже не как действия лиц, т.е. сделку, а как результат подобного действия[3].

Традиционно считается, что лишь при условии соблюдения формы договора, определенной законодательно или соглашением сторон, договор может быть заключен. Однако мы считаем, что данное правило необходимо уточнить для договоров, заключаемых в электронной форме, а именно договор будет заключен с момента получения оферентом акцепта, в случае, если несоблюдение письменной формы договора не влечет с необходимостью его недействительность. Важность подобного вывода обусловлена тем, что на практике между моментом получения акцепта и моментом, составления единого документа довольно часто существует временной разрыв, который может создать неопределенность в

[1] Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., Спарк. 1995. С. 312.
[2] Гражданское право: Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. М., Юрайт. 2007. С. 414.
[3] Там же. С. 412.

отношениях, например, когда одна из сторон начнет уклоняться от подписания договора.

ВЕЩНЫЕ ПРАВА В ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЕ В СВЕТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Чикун Мария Александровна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Сорокина Светлана Яковлевна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Институт вещного права в истории российского гражданского права подвергался изменениям в зависимости от исторических реалий времени, в которое он существовал. Он, то закреплялся в законодательстве, то исчезал вовсе. Принятие Гражданского кодекса 1994 г. ознаменовало новый этап в развитии института вещного права в России. Но уже более чем пятнадцатилетняя практика применения данного нормативного акта, а также других, принятых на его основе (Жилищный кодекс 2005 г., Земельный кодекс 2001 г.), показала те слабые стороны, которые нуждаются в преобразованиях и дополнениях.

В настоящее время осуществляется реформа гражданского законодательства, начало которой было положено принятием Указа Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»[1]. На основе данного указа была разработана и одобрена Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации[2] (далее Концепция). И уже на сегодня разработан проект изменений в раздел II ГК РФ о вещных правах, опубликованный на сайте Высшего Арбитражного суда РФ (далее проект ГК РФ)[3].

На основе этих документов, а также научных источников я ставлю перед собой задачу проанализировать изменения, касающиеся вещных прав на жилые помещения.

Во-первых, изменяется название всего раздела с «Право собственности и другие вещные права» на «Вещное право». Ранее в данном разделе доминирующее положение отводилось регулированию права собственности, теперь же будет создана полноценная система

[1] СЗ РФ, 2008. - № 29. – Ст. 3482.
[2] См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – М., 2009
[3] См.: www.arbitr.ru

ограниченных вещных прав для удовлетворения потребностей участников гражданского оборота.

Во-вторых, в данном разделе отводится специально место главе 19 «Право собственности на помещения»[4]. Именно этой главой закрепляются основные положения о праве собственности на жилые помещения, даются такие понятия, как «помещение», «жилое помещение», «квартира», «комната» и другие. Видами жилых помещений признаются квартира и комната. Открытым остается вопрос – относится ли к жилым помещениям жилой дом, или же его как объект вещных прав следует относить к зданиям и сооружениям.

В данной главе находит место и одно из ограниченных вещных прав – право на жилое помещение членов семьи собственника жилого помещение. Данные лица согласно ст. 298[3] проекта ГК РФ имеют право пользования на праве социального пользовладения, нормы о котором содержаться в подразделе об ограниченных вещных правах.

Нормы об общей собственности, как о правовом режиме вещи, принадлежащей на «обыкновенном» праве собственности двум или более лицам, будут содержаться в отдельной главе. Данные нормы могут быть применимы как в отношение жилых помещений, так и в отношение общего имущества в многоквартирном доме.

В-третьих, Концепция закрепляет исчерпывающий перечень ограниченных вещных прав. Относительно жилых помещений можно выделить следующие: право личного пользовладения (узуфрукт), право приобретения чужой недвижимой вещи, ипотека, право вещных выдач и право оперативного управления.

Новым для современного российского права является закрепление такого права, как право личного пользовладения (узуфрукт). Узуфрукт – ограниченное вещное право личного характера, в силу которого лицо владеет и пользуется вещью в соответствии с ее назначением[1]. Концепция выделяет две разновидности данного права – обычное и социальное (семейное).

Необходимо отметить, что данный институт берет свое начало в Римском праве, где узуфрукт относился к личным сервитутам. Многие европейские государства реципировали его в свое право и используют до сегодняшнего дня. В Российском дореволюционном законодательстве легально узуфрукт не закреплялся, но его социальная модель получила развитие в виде пользовладения. Некоторые авторы утверждают, что и сегодня несмотря на отсутствие легального закрепления данный правовой институт существует в российском праве[2].

[1] См.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. – М., 2009.

В разделе о вещных правах теперь найдет свое место и ипотека или иное зарегистрированное (учтенное) залоговое право. Но вещный характер придается только отдельным видам залога, обладающим свойствами публичности и следования. Таким образом, теперь залог как договорная конструкция будет регулироваться обязательственным правом, а как право вещным. Оправдано ли это?

Наряду с установлением залога стороны также смогут установить другое обременение, а именно право вещных выдач. Данное право заключается в возможности получения из стоимости недвижимой вещи периодических платежей или иных имущественных предоставлений. Данное право по своим чертам схоже с вещными обременениями в ряде стран континентальной Европы (Reallasten в Германии и Австрии, Grundlasten в Швейцарии). Но применение права вещных выдач будет ограничено только обременением недвижимых вещей, что резко сужает область применения его по сравнению с зарубежным законодательством.

Также изменения коснуться и прав на управление жилыми помещениями, находящимся в государственной и муниципальной собственности. В данной области по сравнению с современным состоянием (когда существует и право оперативного управления, и право хозяйственного ведения) останется только одно вещное право – право оперативного управления.

Но следует не забывать, что это лишь проект и изучение институтов, предлагаемых им, носит теоретический, сравнительный характер. Это необходимо, чтобы уже на данном этапе указать на определенные недостатки, которые смогут затруднить применение этих норм в будущем.

Секция

Коммерческое и предпринимательское право

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРЕДПИСАНИЯ О ПЕРЕЧИСЛЕНИИ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ ДОХОДА, ПОЛУЧЕННОГО ВСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Сидельников Максим Александрович,
аспирант кафедры конституционного и муниципального права
Сибирской академии государственной службы.

Научный руководитель:
Дорожинская Елена Анатольевна,
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Сибирской академии государственной службы

Предписание федерального антимонопольного органа относится к традиционным средствам обеспечения соблюдения запретов, изложенных в антимонопольном законодательстве. Двадцать лет назад арсенал этих средств пополнился новым видом предписаний – предписанием о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства (пп. «к» п. 2 ч. 1 ст. 23 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»).

Существуют различные подходы к определению правовой природы предписаний антимонопольных органов. В первую очередь предписание антимонопольного органа квалифицируют как «меру административного пресечения», характеристиками каковой являются: 1) оперативность; 2) сочетание непосредственного психического и физического воздействий; 3) реализация мер на основании специального юридического факта (состав правонарушения)[1]. Однако предписания антимонопольного органа не обладают этими свойствами либо полностью, либо частично. В отечественной гражданско-правовой доктрине предписания иногда квалифицируются как способы защиты гражданских прав в административном порядке[2]. Но поименованные в статье 12 ГК РФ меры защиты субъективных гражданских прав реализуются исключительно по инициативе самого обладателя такого права. Предписание же, напротив, может применяться антимонопольным органом не только по заявлению потерпевшего лица, но и по собственной инициативе.

На высшем судебном уровне проблема правовой природы предписания антимонопольного органа о перечислении незаконного

[1] См.: Бахрах, Д. Н. Административное право / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – М.: Норма, 2006. – С. 516.

[2] См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой (постатейный) / Г. Е. Авилов [и др.]; под ред. О. Н. Садикова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 40-41.

дохода впервые получила решение в Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства». Взыскание в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства, является, наряду со штрафами, предусмотренными статьями 14.31-14.33 КоАП РФ, мерой публичной ответственности, а потому может быть применено только в том случае, если, исходя из допущенного нарушения привлечение лица к административной ответственности невозможно.

Годом позже свою позицию по поводу правовой природы предписания высказал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 24 июня 2009 г. № 11-П: данная мера является специфической формой принудительного воздействия на участников охраняемых антимонопольным законодательством общественных отношений. Она призвана обеспечивать восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, и компенсировать не подлежащие исчислению расходы государства, связанные с устранением негативных социально-экономических последствий нарушения антимонопольного законодательства, что допускает ее применение параллельно с мерами ответственности, носящими штрафной характер.

Тем самым, Конституционный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ, анализируя одни и те же нормы, пришли к разным выводам. Так, Конституционный Суд РФ настаивает на компенсационной природе предписания антимонопольного органа. Однако компенсационный характер предполагает, что потерпевшая сторона путем возмещения убытков возвращается в положение, существовавшее до нарушения субъективного гражданского права, чего нельзя сказать о характере предписания антимонопольного органа. Кроме того, при расчете размера дохода нарушителя, подлежащего перечислению в бюджет, учитываются не расходы антимонопольного органа, произведенные для устранения негативных социально-экономических последствий, а характер допущенного нарушения антимонопольного законодательства.

Ни основание, ни процедура применения рассматриваемой меры не дают поводов для вывода, отличного от вывода Постановления Пленума ВАС РФ. Правовые последствия применения рассматриваемой меры схожи с конфискационной санкцией – полученное в результате нарушения антимонопольного законодательства изымается в доход государства[1].

Представляется, что предписание о перечислении в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного

[1] См.: Султанов, А. Р. Постановление вынесено, вопросы остались… / А. Р. Султанов // Корпоративный юрист. – 2009 – № 12. – С. 60-64.

законодательства, должно рассматриваться в качестве меры ответственности, вполне сопоставимой с традиционными мерами административной ответственности.

Секция

Уголовное право

ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ЭВТАНАЗИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Багляриду Мария Фемистоклевна,
студентка 2 курса международно-правового факультета
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ

Научный руководитель:
Малиновский Алексей Александрович,
д.ю.н., профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ

Вопрос о легализации эвтаназии уже много лет является дискуссионным для многих стран. В РФ в частности до сих пор не ясно, является ли эвтаназия уголовно-наказуемым преступлением или формой реализации естественного права на жизнь. Само по себе, российское законодательство содержит достаточно противоречивые положения, касающиеся заданного вопроса. Разумеется, такое положение вещей никак не может внести ясность и положить конец многолетней дискуссии.

Согласно Основам законодательства РФ об охране здоровья граждан, «При обращении за медицинской помощью и ее получении пациент имеет право на: 5) облегчение боли, связанной с заболеванием и (или) медицинским вмешательством, доступными способами и средствами; 8) отказ от медицинского вмешательства в соответствии со статьей 33 настоящих Основ»[1]. К тому же, ст.33 Основ гласит, что «Гражданин или его законный представитель имеет право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения, за исключением случаев, предусмотренных статьей 34 настоящих Основ».

И если бы не недвусмысленные положения УК РФ, можно было бы с чистой совестью закрыть вопрос о легальности эвтаназии, ведь так? Но мы не можем этого сделать, потому что вышеупомянутый кодекс совершенно по-другому квалифицирует эвтаназию. В современном уголовном законодательстве эвтаназия квалифицируется как убийство, совершенное по просьбе потерпевшего. Наличие такой просьбы не освобождает от ответственности за убийство.

[1] Пункт 5 и п. 8 ст. 30 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан.

И вот тут как раз и начинаются те вопросы, из-за которых до сих пор никто не может предложить решение, устроившее бы всех сразу. А именно – моральный аспект.

Будем считать, что право на эвтаназию – это лишь способ реализации права на жизнь, и это было бы логично, хотя и оспоримо. Если законодатель признает право на жизнь, он автоматически признает право на распоряжение этой жизнью. А вот тут открываются большие перспективы: суицид, эвтаназия… Да все, что угодно – ведь мы ***можем*** делать с нашей жизнью все, что захотим. И если в первом случае просто глупо признавать суицид преступлением и назначать за него наказание (разве что в рамках церковного, но не государственного наказания), ведь «преступника» в живых уже нет, то в случае эвтаназии всегда можно найти виновного: врач, отключивший от аппарата поддержания жизнедеятельности раньше срока по просьбе родственников (пассивная эвтаназия) или медсестра, вколовшая смертельную дозу лекарства парализованному пациенту, или родственник, который по желанию больного помог ему рсстаться с жизнью, потому что надежды на выздоровление уже нет, и это только вопрос времени, когда истончившаяся нить жизни в конце концов оборвется… Да мало ли случаев! Вот только как расценивать действия такого врача\друга\родственника? Убийство? Но где же это видано, чтобы жертва сама просила себя убить? Тогда выходит, что врач – просто инструмент? Сподручный способ, который нашел больной, пожелавший прекратить свои мучения?..

Вот так и мучается законодатель, не зная какое решение было бы верным.

Но не забудем о религиозном аспекте: большинство традиционных религий рассматривают эвтаназию как убийство (со стороны осуществившего) и самоубийство (со стороны больного), что практически в равной степени является тяжким грехом. Обратим также внимание на то, что больной, умоляющий прекратить его страдания, ставит в первую очередь в тупик человека, которого он просит совершить *убийство*. Разумеется, не в правовом смысле этого слова, потому что, как я отметила ранее, еще совершенно не ясно является ли эвтаназия убийством с юридической точки зрения. Но, тем не менее, лишение человека жизни – пусть и по его просьбе – это убийство, и от этого никуда не денешься.

Что делать? Поддаться чувству сострадания? Или страху лишить жизни человека? И что значит это самое *сострадание*? Само понятие настолько растяжимо, что использовать его – особенно в суде – нужно с огромной осторожностью.

Отдельная проблема, с которой может столкнуться государство, узаконив эвтаназию – использование ее как прикрытие для убийства. Как

можно доказать, что больной не хотел умирать и цеплялся за жизнь всеми силами, когда в медицинской карте черным по белому написано: «Полный паралич. Лечению не поддается»? или же наоборот: как доказать, что человек лишь помог больному «облегчить страдания», а не действовал в погоне за большим наследством? В этом-то и проблема – никак. Возможностей выяснить правду очень мало, и вряд ли их можно назвать объективными.

Эту проблему можно было бы отчасти решить, если наделить правом осуществления эвтаназии только врачей (разумеется, только с их добровольного согласия). Но даже такие меры не помогут уничтожить риск использования процедуры как способа хладнокровного убийства.

Спорящие стороны приводят множество доводов «за» и «против». Некоторые уже были упомянуты, некоторые остались «за кадром», но для того, чтобы найти удовлетворяющее всех решение, надо пойти на множество немаленьких уступок – вряд ли мы когда-нибудь будем готовы к этому.

И я бы, возможно, сказала, что человек должен жить, сколько бы страданий не приносила эта самая жизнь ему и его близким, но я не Господь Бог. И даже не человек, способный понять всю боль неизлечимо больного человека. Я не та, кто может понять боль близких этого человека и степень их отчаяния, поэтому не считаю себя вправе внести какое-либо предложение, когда я даже еще не получила диплом юриста, не сталкивалась с подобными случаями в жизни… Тем не менее, мне кажется, что – пока еще нет окончательного решения – даже исходя из точки зрения «эвтаназия есть убийство», суд способен разрешить дело, если будет исходить из принципа гуманности и сострадания.

Я придерживаюсь точки зрения, согласно которой право на жизнь включает в себя право распоряжаться этой жизнью. Лицо, осуществляющее эвтаназию, в данном случае – лишь орудие, как бритва для самоубийцы. Так что же, следует «наказать» это самое *орудие*, которым лишь *воспользовались* для своих целей? По моему мнению, так быть не должно, а следовательно, эвтаназию нельзя трактовать как убийство и так же нельзя запретить (опять же, исходя из точки зрения, что право на жизнь равно праву распоряжаться своей жизнью).

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЯМОГО УМЫСЛА, СВЯЗАННОГО С НАСТУПЛЕНИЕМ ПОСЛЕДСТВИЙ

Галкин Владимир Викторович,
студент 5 курса юридического факультета
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права

Научный руководитель:
Морозов Виктор Иванович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Тюменской государственной академии
мировой экономики, управления и права

Правильное установления вида умысла имеет большое значения для определения границ ответственности лица, поскольку большинство уголовно-правовых институтов традиционно связанно с прямым умыслом. Однако, его законодательная регламентация, в силу своей некорректности, абстрактности затрудняет его установление в точном соответствии с содержание уголовного закона в связи с чем, практика искусственно расширяет или ссужает его признаки.

Начнем с того, что при характеристике всех признаков прямого умысла отсутствует указание на временной период, т.е., тот момент, когда должны наличествовать эти признаки: до, после или во время совершения противоправного деяния. Его отсутствие дает возможность устанавливать отношения лица к своему поведению не во время акта совершения запрещенного законом деяния, а спустя некоторое время после него, что открывает путь к объективному вменению. Считаем, что формулировка ч. 2 ст. 25 УК РФ должна содержать указание на временной критерий, в соответствии с которым сознательно-волевое отношение лица к признакам состава преступления должно определяться на момент совершения им противоправного деяния.

Обращает на себя внимание, что понятие «действия (бездействия)», закрепленное в ч. 2 ст. 25 УК РФ. Оно понимается в узком смысле, т.е. так как признак объективной стороны и им охватывается отношение лица только к действию или бездействию. В него не входит субъективная сторона (мотивы и цели), потерпевший, обладающий специальными признаками, объект посягательства. Практика вынуждена расширительно толковать этот термин, тем самым прибегая к аналогии. Считаем целесообразным использовать термин «поведения», ибо это более широкое понятие, отражающее, как внешнюю, так и внутреннюю сторону поступка.

Осознания общественной опасности, является одним из спорным элементом умысла, в силу достаточной абстрактности данного понятия. Некоторые ученые[1], а также практика понимают под ней осознание лицом противоправности поведения. Однако как представляется, противоправность не нужно устанавливать в силу действия презумпции знания закона.

Некоторые авторы[2] помимо осознания социального значения совершаемого поведения включают и осознание фактического характера. Однако как нам считается, данный критерий относится к состоянию субъекта преступления и характеризует категорию вменяемости, поэтому его целесообразно вывести за рамки осознания общественной опасности.

Представляется «осознание общественной опасности» характеризует понимание преступником социального значения своего поведения, т.е. понимание лицом социальной вредности своего поведения. Она предполагает, что лицо нарушает установленные обществом социальные нормы и правила, и сознает, что своим поведением причиняет вред другим лицам, обществу, государству, не имея право на его причинения. Это предполагает, что в сознании лица, в общих чертах отражается тот объект, на который оно посягает. Поскольку одним из способов «формулировки общественной опасности в законе является указание на объекты»[3] уголовно-правовой охраны, то вместо термина общественной опасности можно указать на то, что лицо понимало, что посягает на объект уголовно-правовой охраны

Считаем, что данную характеристику необходимо раскрыть следующим образом: «Лицо понимало направленность своего поведения на нарушения общественных отношений, охраняемых уголовным законом и то, что не имеет право на причинение такого вреда».

Другим элементом прямого умысла является предвидение последствий. Оно в свою очередь дифференцируется на две категории. Первая - предвидение возможности наступления последствий. Представляется, что термин «возможность» при характеристике прямого умысла носит в большей степени прикладной характер и используется, вероятно, для того, чтобы охватить те акты поведения, при совершении которых в развитие причиной связи вмешались внешние силы, на которые лицо не рассчитывала в момент совершения преступления, при полной уверенности в неизбежности наступления последствий.

---

[1] Марцев А. И. Общие вопросы учения о преступлении // Избранные труды. – Омск, Омская академия МВД России, 2005. - С. 205.

[2] Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. - М.: Юрлитинформ, 2009. - С. 138; Российское уголовное право: в 2 т. Т. 1. Общая часть: учебник / Под ред. Л. В. Иногамовой –Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога.- Москва: Проспект, 2010. - С. 160. (Автор – А. И. Рарог).

[3] Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Понятие преступления. – Издание профессора Малинина. - СПб., 2005. - С. 47. (Автор – Н. Ф. Кузнецова).

Другое дело, предвидение возможности при косвенном умысле, где у лица, совершающего преступление нет всех тех полных условий, которые необходимы для действительного существования какого-нибудь явления.

Вторая категория-предвидение неизбежности последствий, предполагает наличия у лица всех тех полных условий необходимых для наступления определенного результата. Предвидение неизбежности нельзя понимать буквально, поскольку при буквальном толковании неизбежность «должна исключать любые вероятностные отклонения»[1]. Однако, всегда возможны ситуации, когда какие-то внешние силы вмешиваются в развитие причинной связи, благодаря чему преступный результат может не наступить. Предвидение неизбежности должно носить субъективный характер, существовать в мыслях человека. Как отражение субъективного, она находит проявления в объективном мире. Определятся предвидение неизбежности путем объективной оценки обстоятельств совершенного преступления, руководствуясь здравым смыслом.

Вызывает вопрос о возможности наличия предвидение неизбежности в косвенном умысле. Сложившаяся в УК ситуация не совсем отвечает реалиям практики.

Так, в литературе стал классический пример того, что несколько человек, на морозе раздевают одного пьяного человека с целью хищения его одежды, а последний спустя некоторое время умирает от холода. Как видно из примера желание, стремление к его смерти у данной группы лиц не было, но наступление её было неизбежно в силу обстоятельств, существовавших на момент совершения преступления: сильный холод, состояние опьянение (которое мешало пойти домой), спящее состояние (что мешало вовремя предпринять меры к сохранности жизни). Таким образом мы должны констатировать, что при предвидении неизбежности и безразличном отношении, при отсутствии желания на причинения вреда невозможно применить конкретную форму вины, поскольку ни в одну из них такая ситуация не вписывается. Хотя фактически получается, что это эвентуальный умысел. Практика идет по тому, что «натягивает» до прямого умысла, к чему они должны и относится.

В этой связи видится вернуться к формулировке прямого умысла, относительно регламентации неизбежности, содержащейся в проекте УК РФ, которая звучала следующим образом: «преступление признаётся совершенным с прямым умыслом, если лицо …предвидело возможность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления, либо предвидело неизбежность этих последствий»[2]. Тем самым мы констатируем, что при желании или не желании, но сознательном

[1] Векленко С. В. Диалектика и вопросы вины в уголовном праве: Монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2003. - С. 40.
[2] Проект УК РФ// РГ. – 1996. – Февраль (№ 19). - С. 25.

допущении последствий, либо безразличного отношения к ним, в любом случае, при предвидении неизбежности последствий совершенное лицом преступления должно признаваться совершенным с прямым умыслом.

Таким образом, регламентация прямого умысла (речь идет об умысле для составов, связанных с наступлением материальных, так и не материальных последствий) может выглядеть следующим образом:

«Преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо во время его совершения понимало направленность своего поведения на нарушения общественных отношений, охраняемых уголовным законом и то, что не имеет право на причинение такого вреда, предвидело возможность наступления последствий совершенного преступления и желало их наступления, либо предвидело неизбежность наступления этих последствий».

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 142 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гибадуллин Артур Артурович,
аспирант кафедры государственного и
муниципального управления
Академии бюджета и казначейства
Министерства Финансов РФ (Университета)

Научный руководитель:
Богачев Алексей Владимирович,
к.п.н., доцент кафедры политологии и социологии
Казанского государственного
технологического университета

В последние десятилетия в России каждый год проходят выборы депутатов представительного органа местного самоуправления, выборы в государственные или областные советы регионов, выборы членов выборного органа местного самоуправления и другие. В избирательной системе России, а также Татарстана как субъекта РФ не все так гладко, как кажется на первый взгляд. Тот или иной гражданин, активно принимающий участие в выборах, видит, что на всех уровнях не соблюдается избирательное законодательство. На сегодняшний день существует несколько статей в уголовном кодексе, по которым предусмотрены наказания за фальсификацию на выборах.

Уголовную ответственность необходимо рассматривать как крайнюю меру борьбы с правонарушениями в этой сфере, рассчитанную на наиболее вредоносные посягательства на общественные отношения, опосредующие реализацию избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации. Поэтому, несмотря на распространенный характер нарушений законодательства о выборах и референдумах, уголовно-правовые санкции на практике имеют достаточно ограниченный масштаб применения. В подавляющем большинстве случаев нарушений в организации и проведении выборов и референдумов с юридической точки зрения вполне достаточным бывает использование мер ответственности, закрепленных в избирательном и административном законодательстве.

По статье 142 примечание 1 фальсификация итогов выборов, на сегодняшний день в Российской Федерации не возбуждено ни одно уголовное дело. Возникает сразу же вопрос, почему так происходит? Возбуждают ли уголовные дела по факту фальсификаций итогов выборов?

1 марта 2009 года состоялись выборы в Государственный Совет Республики Татарстан. Я и еще 6 граждан были зарегистрированы в качестве кандидатов в депутаты по Декабристскому одномандатному избирательному округу № 6. Однако, еще до дня голосования председателем Территориальной избирательной комиссии Московского района г. Казани Ерановым Анатолием Юрьевичем была совершена масса нарушений. Кандидаты в депутаты «татары» были названы в бюллетенях для голосования на двух официальных языках Татарстана: русский и татарский язык, а кандидаты «не татары» были названы только на русском языке. Верховный суд признал, что была дискриминация по отношению к «не татарам». Передача избирательных бюллетеней производилась с нарушением избирательного законодательства. Суд признал – это нарушением.

Один из кандидатов в депутаты Веселов Игорь Геннадьевич, который зафиксировал при помощи своих и других наблюдателей вбросы бюллетеней, а также многочисленные нарушения избирательного законодательства, вызывал на каждое такое преступление милицию по телефону 02. После выборов он со своими наблюдателями ходил и давал объяснения. Уголовные дела по факту фальсификации выборов просто так не возбуждаются. Не смотря на исчерпывающие доказательства, прокуратура и следствие всегда выносили отказные постановления. В связи с этим Игорю Веселову пришла идея обратиться за помощью к депутатам Государственной Думы Российской Федерации и после нескольких депутатских запросов следствию пришлось возбудить уголовное дело.

Спустя 10 месяцев с момента выборов, 18 декабря 2009 года было возбуждено уголовное дело № 242616 по факту фальсификации избирательных документов на выборах депутатов Государственного Совета Республики Татарстан в Декабристском одномандатном избирательном округе №6. Однако дело было возбуждено по факту подделки подписей двух граждан, так как в списке избирателей стояли их подписи, и они значились там как получившие бюллетени для голосования, а фактически показали, что подписи за них проставлены другим лицом и на выборы они не ходили. На основании этого дело было возбуждено по факту фальсификации избирательных документов по ст. 142 УК РФ.

Уголовное дело возбуждено по статье 142 УК РФ «Фальсификация избирательных документов», расследуется в Следственном комитете Республики Татарстан. Сегодня прошло больше года после возбуждения уголовного дела. Следствием было установлено 1000 подозрительных подписей по 5-ти избирательным участкам. 275 граждан уже допрошены и

они показали, что на выборы не ходили и в списках избирателей стоят не их подписи.

В ходе допроса членов комиссии они показали, что к ним подходил гражданин и давал паспорт, они смотрели его фамилию, имя, отчество и адрес прописки. Находили его в списке избирателей, вносили паспортные данные гражданина и давали ему расписаться в списках избирателей за полученные бюллетени. После того, как мы узнали данный факт, у нас появилось две версии: 1) к члену комиссии действительно подходили граждане и давали ей паспорт, она переписывала паспортные данные и гражданин ставил подпись, о том, что получил бюллетень для голосования; 2) член комиссии сам вписал паспортные данные в список избирателей и подделал подписи избирателей, а в урну для голосования были вброшены бюллетени. Данная версия сразу ставила перед заявителем Игорем Веселовым ряд вопросов: были ли у граждан, которые якобы приходили голосовать, настоящие паспорта; если были настоящие паспорта, тогда откуда они были взяты, так как ни один из граждан, фактически не приходивших голосовать, не заявлял об утере или о том, что у него украли паспорт.

В конце ноября 2010 года в ОВД Московского района г. Казани было подано заявление о том, что в Декабристском одномандатном избирательном округе № 6 г. Казани находятся 200 поддельных паспортов. Ситуация не простая, если следствие возбудит уголовное дело по факту поддельных паспортов, то выходит, для того, чтобы определить, сколько на самом деле поддельных подписей, нужно допросить 30 000 граждан, голосовавших на избирательных участках Декабристского одномандатного округа № 6. Если следствие выносит отказное постановление, то выходит, что подписи в списках избирателей подделали члены комиссий.

На сегодняшний день, для расследования уголовного дела необходимо произвести следующие следственные действия:

1. Возбудить уголовное дело по ст. 142 прим. 1 УК РФ «Фальсификация итогов выборов»;
2. Допросить всех граждан Декабристского одномандатного избирательного округа №6;
3. Признать всех семерых кандидатов потерпевшими;
4. Провести почерковедческие экспертизы и установить, кто именно подделал подписи;
5. Допросить гражданина Закирова, который признался в осуществление вброса избирательных бюллетеней, и узнать, откуда у него появились эти бюллетени.

Особое внимание, на мой взгляд, нужно обратить на права заявителя, а именно в уголовно-процессуальном кодексе не прописаны права заявителя (заявитель с материалами «Постановления об отказе в

возбуждения уголовного дела» по письменному заявлению имеет право ознакомиться, а вот с уголовным делом в законе не прописано). Второй момент, в уголовном кодексе РФ нет статьи вброс избирательных бюллетеней (или статьи, трактующие данную ситуацию).

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОНА И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Гончаров Евгений Владимирович,
студент 4 курса юридического факультета
Челябинского государственного университета

Научный руководитель:
Кунц Елена Владимировна,
д.ю.н., профессор кафедры уголовного права и криминологии
Челябинского государственного университета

В наше время встает очень серьезный вопрос: что имеет наиболее важное значение: справедливость или закон?

Закон — общепринятая нравственная норма, обязательная для исполнения

Справедливость — понятие о должном, содержащее в себе требование соответствия деяния и воздаяния: в частности, соответствия прав и обязанностей, труда и вознаграждения, заслуг и их признания, преступления и наказания, соответствия роли различных социальных слоев, групп и индивидов в жизни общества и их социального положения в нём.

С древнейших времен во главе всегда стоял принцип справедливости, люди даже не допускали мысли о том, что наказание будет выносится по нормам закона либо судебным прецедентам.

Сфера нравственности охватывает сугубо внутренний мир человека, поэтому оценить поступок как нравственный или безнравственный, справедливый или несправедливый можно лишь по отношению к лицу, которое его совершило. Человек дает оценку своим действием. Существует и компромиссная позиция в оценке нравственного регулирования. Согласно ей нормы морали имеют двоякую природу: одни имеют в виду поступки самого человека, другие - отношение человека к обществу. Отсюда деление морали и нравственности на индивидуальную и общественную. Не отдельный человек оценивает свое поведение как хорошее или плохое, а общество. Оно может признать поступок нравственно хорошим, хотя он не хорош для человека, и оно может считать поступок недостойным с нравственной стороны, хотя он вполне одобряем с индивидуальной точки зрения.

В Российском законодательстве закреплен принцип справедливости: «Наказание и иные меры уголовно – правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»

(ст.6 УК РФ). Данный принцип есть проявление в уголовном праве ЭТИЧЕСКОЙ (т.е. не имеет никакой юридической силы) категории справедливости. Она характеризует соотношение определенных явлений с точки зрения распределения добра и зла между людьми: соотношение между ролью людей и их социальным положением; соотношение между деянием и воздаянием; правами и обязанностями. Соответствие между характеристиками первого и второго порядков оценивается в этике как справедливость, несоответствие - как несправедливость.

Конституция – это основной закон страны; главная норма, на основе которой строится вся система права. Конституция является законом и имеет высшую юридическую силу. Но нормы морали и нравственности негде не закрепляются, они внушаются человеку с детства и говорят о том: «Как должно быть! Что правильно, а что нет!»

Встает вопрос: где же место человека, на что он должен держать ориентир при выборе, как ему поступать: в соответствии с законом, либо по справедливости. Понятие и значение справедливости складывалось тысячелетиями, а закон создается подчас теми людьми, которые имеют корыстные мотивы, личную заинтересованность в его исполнении, либо вообще относятся к нему безразлично.

Закон исходит от государства, а главное качество закона, как известно, возможность государственного принуждения, в случае нарушения норм права и закона. Это означает отсутствие свободного выбора у отдельно взятого человека: как поступать в соответствии с законом либо в соответствии с его личными нравственными взглядами в той или иной ситуации? Ведь порой закон исходит далеко не из принципа справедливости, в различных ситуация даже противоречит ему. Особенно часть это происходит, когда человек защищает свои права методами, которые являются наказуемыми законом, но в складывающейся ситуации, где ради сохранности собственного здоровья и жизни, иначе поступить нельзя. Зачастую это касается самообороны и условий крайней необходимости, что по уголовному законодательству Российской Федерации является лишь смягчающими, а не обстоятельствами, которые полностью снимают вину.

При работе с данной проблемой мы общались с федеральным судьей Зуболомовым Михаилом Афанасьевичем, который всю свою жизнь занимался охраной и защитой прав и свобод человека и гражданина, он поддержал нашу точку зрения о том, что справедливость и закон не всегда совпадают и привел ряд примеров:

В 2008 году Коркинским городским судом рассматривалось дело о том, как выходя из подъезда, семейная пара подверглась нападению со стороны двух хулиганов, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Отбиваясь от хулиганов, муж толкнул одного из них, тот упал

и получил травму, которая квалифицировалась как причинение вреда здоровью средней тяжести. В последующем муж был осужден к полутора годам лишения свободы.

Также требует рассмотрения вопрос о самосуде, ведь при определенных обстоятельствах наказание по норме закона никак не соответствует преступлению. В качестве примера здесь можно рассмотреть вопрос о совершении лицом деяния предусмотренного ч.4 ст.132 УК РФ (Мужеложство с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшему не достигшему четырнадцатилетнего возраста), т.е. педофилия. Но здесь следует рассматривать не то, какое наказание, возможно, понесет преступник по норме закона, а состояние родителей такого ребенка, т.е. что они могут сделать, если найдут преступника раньше, чем правоохранительные органы. Ведь любой отец способен не только нанести тяжкий вред здоровью преступника, но и убить за преступление, которое наносит не только удар по здоровью ребенка, но и оставляет неизлечимую рану на психике ребенка. В таком случае, родители ребенка, по закону, сами становятся преступниками, и к ним также должны быть применены меры уголовного наказания. Но стоит ли осуждать их за это, ведь даже животные, защищая свое потомство, жертвуют собой ради спасения ребенка.

Как можно говорить о справедливом законе, если даже судьи, которые присягали на службу и торжественно клялись, справедливо вершить правосудие от имени государства, говорят о несоответствии закона идеалам справедливости, и в отдельных частях даже осуждают его.

Поведение людей, хорошее или плохое, правильное или неправильное, в любом случае означает совокупность их действий и поступков по отношению к себе, к другим людям, к обществу в целом. Поэтому, чтобы поведение было все-таки хорошим и правильным, общество должно обеспечить каждому человеку надлежащее воспитание и дать ему максимально полное образование.

Законотворчеством и законодательными инициативами в любой стране в принципе могут заниматься различные государственные органы, но принятие самих законов является обычно прерогативой законодательной власти для исполнения их всеми гражданами страны и органами исполнительной власти. Однако, ввиду того, что во многих парламентах, включая Федеральное Собрание нашей страны, в выборные представители очень часто проходят индивиды, имеющие очень низкий нравственный статус (иногда там оказываются даже статусные нелюди), то нередко ими принимаются ***несправедливые*** или *плохие* ***законы,*** отражающие лоббируемые интересы узких, как правило, состоятельных слоев общества, которые часто не отвечают интересам не только широких

слоев остальных членов общества, но, порой, даже идут вразрез с национальными интересами данной страны.

Я вижу лишь единственный выход из этой ситуации: проведение такой реформы, в первую очередь, законодательной ветви власти, где закон и справедливость будут полностью совпадать, по всем критериям. Лишь тогда люди начнут с уважением относиться к власти и соблюдать законы.

РЕЙДЕРСТВО – ОТДЕЛЬНЫЙ СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Завьялов Александр Сергеевич,
студент 4 курса юридического факультета
Челябинского государственного университета

Научный руководитель:
Кунц Елена Владимировна,
д.ю.н., профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Челябинского государственного университета

Рынок корпоративного контроля, то есть контроля над экономическими активами, представляет собой конфликтную и противоречивую систему отношений, которые формируются в ходе конкурентной борьбы. В 1990-е годы получение и удержание контроля над активами нередко осуществлялись с нарушением прав и интересов других субъектов экономической деятельности. На рубеже 2000-х годов сформировался особый вид деятельности, основанный на таких принципах борьбы за активы, как рейдерство. Появились формальные и неформальные группы, основным бизнесом которых стало получение контроля над активами других субъектов экономической деятельности с игнорированием их прав и интересов, а также с нанесением им экономического и иного вида ущерба.

К числу важнейших функций рынка корпоративного контроля относится:

- перераспределение производственных ресурсов в пользу более эффективных компаний;
- развитие добросовестной конкуренции за новые источники роста компании.

Формирование российского института рейдерства связано с несовершенством рыночных инструментов перераспределения собственности, отсутствием регулярной рыночной оценки ликвидных активов предприятий, нечеткой и непрозрачной системой регистрации прав собственности, низкой информационной транспорентностью российских предприятий, ростом корпоративных конфликтов, связанных с несовершенством корпоративного законодательства. Все это способствует развитию механизмов захвата собственности в нерыночном секторе корпоративного контроля и изменению формы проявления «экономического терроризма» через рейдерство, направленного на смену собственника, как самого предприятия, так и части его имущества. Волны рейдерских атак из центра переходят в регионы с определенным

запаздыванием и диверсифицированной технологией захватов предприятий, распространяясь не только на крупный бизнес, но средний и малый, приобретая черты макроэкономического явления.

В действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) нет нормы, напрямую предусматривающая санкцию за деяние именуемое «Рейдерство». Тем не менее, рейдерские действия часто подпадают под статьи 159 УК РФ – мошенничество, 163 УК РФ – вымогательство, 179 УК РФ – принуждение к совершению сделки или отказу от ее совершения, 330 УК РФ – самоуправство и 327 УК РФ – подделка документов.

Согласно статистическим данным Министерства Внутренних Дел РФ состояние преступности за январь – ноябрь 2010:

- мошенничество – 149550;
- вымогательство – 5985.

Однако далеко не всегда удается квалифицировать то или иное деяние в соответствии с конкретной статьей УК РФ. Кроме того, уголовное законодательство не решает проблемы создания условий для предотвращения рейдерских захватов.

За последние три года против недружественных захватов чужой собственности возбуждено свыше девятисот уголовных дел. Однако как заметил директор департамента экономической безопасности Торгово-промышленной Палаты Николай Гетман: «До суда дошло менее десяти процентов этих дел. А вернуть имущество, утерянное в результате рейдерских захватов, удавалось еще реже».[1]

Естественно, тема рейдерства привлекает внимание российских властных структур. Для успешной борьбы с рейдерством необходимы как изменения в законодательстве, так и политическая воля руководства страны. В Государственной Думе сейчас рассматриваются антирейдерские законопроекты, а президент Медведев Д.А. заявляет: «одним из проявлений неуважения к собственности, к труду других людей выступают по-прежнему носящие массовый характер незаконные захваты фирм (так называемое рейдерство)... Считаю крайне необходимым скорейшее принятие антирейдерского пакета [законов]. Причем в таком виде, чтобы это не было банальной декларацией, а реально создало инструменты для предотвращения рейдерства».

Рейдерство (в широком смысле) — это действия, направленные на завладение предприятием как имущественным комплексом, с нарушением норм уголовного права, против воли собственника с приданием преступным действия вида легитимности и с использованием пробелов в законодательстве.

[1] Рейдерство уравнивают с разбоем // Российская газета. – 2008. – 14 марта.

Рейдерство (в узком или уголовно-правовом смысле) – действия, направленные на приобретение и установление контроля над активами предприятия либо подчинение и ограничение деятельности хозяйствующего субъекта помимо его воли и (или) под какой-либо угрозой.

Степень общественной опасности рейдерства определяется многими факторами. Во-первых, тем, что это силовой и коррупционный передел собственности, связанный с коррумпированной государственной системой.

Во-вторых, рейдерство – это источник легализации криминальных сфер.

Рейдерство препятствует развитию реального сектора экономики. Оно не направлено на решение реальных задач страны, оно направлено на передел собственности. Рейдерство как сверхзадача может иссушить экономику. Какова степень опасности рейдерства? Если размеры огромные, оно становится стихийным бедствием. Это одна из ключевых причин недоразвития бизнеса, как следствие – недостаточные темпы роста, инфляция и т.д.

Признаки рейдерства:

1. Систематичность, то есть деятельность осуществляется на постоянной основе, что позволяет рассматривать ее как особый вид бизнеса.
2. Нанесение ущерба, то есть попытка получения контроля над активами со стороны рейдеров всегда сопровождается нанесением ущерба лицам, под контролем которых прежде находился данный актив.
3. Не силовой характер действий рейдера, то есть при необходимости воздействия на оппонентов рейдеры стремятся использовать законные инструменты оказания давления на контрагентов (судебные иски, вступление в сговор с компаниями-контрагентами фирмы-мишени, инициирование проверок со стороны налоговых органов, органов внутренних дел и прочих структур).

Из признаков рейдерства следует, что преступнику необходимо, прежде всего, не само предприятие как юридическое лицо, а его активы и возможный потенциал, то есть преступник посягает на правомочие пользования (способность извлекать из имущества полезные свойства) и на правомочие распоряжения (возможность определять юридическую судьбу имущества: продажа, дарение, аренда, вплоть до уничтожения).

Данный состав преступления должен располагаться в разделе VIII УК РФ, который называется «Преступления в сфере экономики», ему должна быть присвоена ст.159^1 УК РФ.

«Ст.159^1. Рейдерство.

1. Рейдерство, то есть приобретение и установление контроля над активами предприятия либо подчинение и ограничение деятельности хозяйствующего субъекта помимо его воли и (или) под какой-либо угрозой.

2. Рейдерство, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой».

Родовым объектом являются экономические отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономике в целом. Видовым объектом является право собственности. Непосредственным объектом данного преступления является право собственности на имущество и имущественные права.

Предметом преступления является имущество или имущественные права. Это может быть любая форма собственности (ОАО, ЗАО, ООО, унитарное предприятие), любые активы (финансовые, имущественные, неимущественные).

По конструкции объективной стороны данный состав преступления относится к формальному, то есть для признания рейдерства оконченным преступлением не требуется наступления каких-либо последствий, то есть собственно передачи имущества или имущественных прав.

Преступное деяние может выражаться только в активном действии.

Факультативными признаками объективной стороны рейдерства являются место, время, обстановка его совершения, орудия, средства, способ. Как правило, выделяют четыре основных способа захвата предприятия:

1. через акционерный капитал: рейдеры скупают 10—15 % акций, обычно этого достаточно для того, чтобы инициировать собрание собственников и принять нужное решение;

2. через наемное руководство: менеджмент может просто «выводить» активы на подконтрольные рейдеру структуры или брать кредиты под залог собственности под нереальные проценты;

3. через кредиторскую задолженность: если у предприятия имеется несколько мелких задолженностей, рейдер скупает их и предъявляет к единовременной оплате;

4. путем оспаривания приватизации: условия для такого рейдерства создаются в тот момент, когда предприятие приватизируется незаконным путем.

Субъективная сторона рейдерства характеризуется только умышленной виной. Умысел может быть только прямым. Виновный осознает, что совершает общественно опасное деяние, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления его общественно опасных последствий и желает наступления этих последствий.

Факультативными признаками субъективной стороны рейдерства являются мотив и цель совершенного деяния. Обязательным факультативным признаком субъективной стороны рейдерства является корыстная цель. Это может быть смена собственника на отдельные высоколиквидные активы предприятия, контроль перераспределение активов и денежных потоков и т.п.

Необходимо подчеркнуть, что корыстные побуждения могут иметь место не только в отношении получения материальной выгоды непосредственно для виновного, но и для иных лиц, в судьбе которых заинтересован виновный.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее на момент совершения преступления восемнадцатилетнего возраста. Можно выделить следующие категории субъектов преступления:

1. отдельные лица, использующие коррумпированность определенных структур власти и управления, стремящиеся завладеть чужим жильем и другой собственностью;
2. специалисты фирмы или группы людей, объединившиеся с целью профессионального занятия рейдерством, в том числе группы, специализирующиеся на захвате земель, квартир, предприятий;
3. отраслевые холдинги, стремящиеся к устранению конкурентов в своей сфере путем их поглощения;
4. крупные холдинги и финансово-промышленные группы, находящиеся в крупных городах, располагающие большими ресурсами и возможностями, скупающие земли, бизнес в разных отраслях и все ценное для увеличения своих активов;
5. недобросовестные управленцы, имеющие доступ к особо важным для компании документам, схемам управления и активам;
6. партнеры по бизнесу или мелкие акционеры.[1]

Таким образом, необходимость выделения рейдерства в отдельную статью УК РФ обусловлена тем, что данный вид преступного деяния является распространенным на территории РФ, но тем не менее на сегодняшний день привлечь к уголовной ответственности рейдеров можно только за мошенничество, кражу, подлог документов и т.п. Рейдерство обладает всеми признаками, характеризующими его как отдельный состав преступления: объектом, объективной стороной, субъектом, субъективной стороной.

На основании всего вышеизложенного можно с уверенностью отметить, что введение в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за рейдерство, будет, безусловно, способствовать поддержанию правопорядка на территории РФ.

[1] Ильин К. Рейдер у ворот // Слияние и поглощение. – 2006. - № 7-8.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (СТ.171 УК РФ) ПРИ РАССОГЛАСОВАННОСТИ НОРМ УГОЛОВНОГО И «РЕГУЛЯТИВНЫХ» ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

Захарова Ольга Александровна,
студентка 3 курса юридического факультета
Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского –
национального исследовательского университета

Научный руководитель:
Тихонова Светлана Сергеевна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского –
национального исследовательского университета

Со времени криминализации незаконного предпринимательства прошло более полутора десятилетий. В новых условиях обоснованность данной нормы (генетически связанной с нормой советского уголовного права о спекуляции) вызывает серьезные сомнения в контексте адекватности санкции опасности деяния и ценностной ориентации уголовной политики, определяющей пределы государственного вмешательства в экономику.

В этой связи вопрос декриминализации незаконного предпринимательства уже обсуждался на «круглом столе» в Государственной Думе РФ, посвященном модернизации уголовного законодательства в экономической сфере[1].

Обращаясь к ст. 171 УК РФ, мы видим, что большую опасность незаконного предпринимательства по сравнению с административным правонарушением (ст.14.1 КоАП РФ) законодатель обосновывает наличием двух альтернативных признаков: извлечение субъектом предпринимательства дохода в крупном размере, либо наступление общественно опасного последствия в виде причинения гражданам, организациям или государству крупного ущерба. Однако признание определенного уровня доходности предпринимательства одним из оснований криминализации противоречит положениям гражданского (ч. 1 ст. 2 ГК РФ) и налогового (ст. 221 НК РФ) законодательства, согласно которым денежные средства, имущество, иные ценности, образующие

[1] Российская газета. - 2011. - №5403 (27).

доход от незаконной предпринимательской деятельности, не являются имуществом, приобретенным преступным путем. Интересна норма, содержащаяся в абзаце 4 п.2 ст. 11 НК РФ, в соответствии с которой отсутствие регистрации в качестве предпринимателя не влечет освобождения от налогообложения полученных от предпринимательской деятельности доходов. Тем более не освобождаются от уплаты налогов лица, осуществляющие тот или иной вид деятельности без необходимой лицензии. Неуплата данных платежей образует состав налоговых преступлений. Легальный характер доходов от незаконного предпринимательства признает и сложившаяся судебная практика, которая, как правило, не усматривает оснований для квалификации незаконного предпринимательства по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 174[1] УК РФ[1].

Далее необходимо отметить, что последствие в виде причинения гражданам, организациям или государству крупного ущерба не является критерием общественной опасности незаконного предпринимательства, что обусловлено отсутствием в составе необходимой причинно-следственной связи: осуществление незаконной предпринимательской деятельности не является необходимым, решающим условием причинения, в свою очередь, причинение ущерба не является необходимым, закономерным последствием совершенного деяния.

Анализируя уголовно-правовой запрет на осуществление предпринимательской деятельности с нарушением лицензионных требований и условий, стоит обратить внимание на то, что данный состав дублирует уголовно-правовые нормы, охраняющие от преступных посягательств общественную безопасность (ст.ст. 216, 217 УК РФ), поскольку общественная опасность бесконтрольного осуществления подлежащих лицензированию видов деятельности определяется их способностью повлечь за собой нанесение ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию народов Российской Федерации. Таким образом, создается и сохраняется возможность произвольного применения уголовного закона (в частности, статей 171 и 216 (217) УК РФ по совокупности преступлений, что нарушает принцип справедливости, закрепленный в ч. 1 ст. 50 Конституции РФ и ч. 2 ст. 6 УК РФ).

Криминализация незаконного предпринимательства, связанного с нарушением правил регистрации, а равно с представлением в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, документов, содержащих заведомо ложные сведения является излишней: за то же деяние установлена

[1]Иванова, Я. Е. Незаконное предпринимательство: вопросы теории и проблемы правоприменения: Дисс. канд. юр. наук: 12.00.08. –М., 2010. - С. 9.

ответственность в ч. 1 ст. 170[1] УК РФ, также в административном и гражданском праве содержатся вполне эффективные, соразмерные вредоносности указанных нарушений способы борьбы с ними (ч. 3 и 4 ст. 14.25 КоАП РФ, ст. 25 ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Более того, незаконное предпринимательство в указанных формах не встречается на практике[1].

Итак, рассмотрев проблемы, связанные с применением незаконного предпринимательства в каждой из его альтернативных форм, мы приходим к выводу о необходимости декриминализации данного деяния, что позволит снизить нагрузку на систему уголовной юстиции и уменьшить уровень декларативности уголовного законодательства. Кроме того, тенденция сужения сферы уголовно-правового регулировании отношений с одновременным расширением сферы административно-правового их регулирования есть закономерное следствие общественного развития в условиях формирования правового государства и фактор сохранения общего высокого уровня публичных начал управления обществом[2].

[1] Данные приводятся на: http://www.mvdinform.ru/index.php?docid=3055.

[2] Николаев А. М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений: Основания и направления совершенствования: Дисс. ... канд. юр. наук: 12.00.08. - Н.Новгород, 2004. - С.25.

О СОИСПОЛНИТЕЛЬСТВЕ ГРАЖДАНСКОГО ЛИЦА И ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В СОВЕРШЕНИИ ВОИНСКОГО НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Караваева Юлия Станиславовна,
аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Научный руководитель:
Фролов Андрей Степанович,
к.ю.н., старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Вопросы соучастия в преступлениях со специальным субъектом продолжают оставаться спорными уже длительное время. В данной работе хотелось бы рассмотреть случай совершения воинских насильственных преступлений (ст. ст. 333-336 УК РФ) гражданским лицом и военнослужащим фактически в составе группы лиц. Характерное для группового преступления соисполнительство предполагает именно непосредственное выполнение каждым из субъектов части объективной стороны деяния.

Сложности обусловлены не только спецификой объективной стороны, выполнение которой под силу любому физическому лицу, отвечающему требованиям части 1 статьи 20 УК РФ. Дело в том, что уголовный закон располагает возможностью квалификации действий гражданского лица по нормам главы 16 УК РФ, являющихся общими для положений главы 33 УК РФ.

Согласно одной из точек зрения, именно специфика объекта предопределяет невозможность выполнения состава общим субъектом. Так, «отношения подчиненности»[1] между частным лицом и потерпевшим-военнослужащим применительно к составам воинских насильственных преступлений отсутствуют, обязанность соблюдения «порядка прохождения военной службы»[2] для гражданского лица не предусмотрена, а значит, объект воинских насильственных преступлений для посягающего недоступен, причинить вред ему он не способен в принципе. Поэтому в случае участия гражданского лица в совершении указанных преступлений его роль априори сводится к выполнению организаторских,

[1] Зателепин О.К., Лаврухов М.М. Понятие воинских насильственных преступлений и некоторые вопросы их квалификации // Право в Вооруженных Силах. – 2002. -№ 12.
[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). (под ред. Бриллиантова А.В.), М.: Проспект, 2010.

подстрекательских или пособнических действий (часть 4 статьи 34 УК РФ). Главным контраргументом является тот факт, что, в частности, «подобный вид, способ пособничества не назван в части 5 статьи 33 УК РФ»[1]. Кроме того, согласиться с подобной квалификацией – значит, вступить в противоречие с принципом справедливости, поскольку «объединенные совместные действия преступников… существенно повышают опасность посягательства»[2], что должно найти выражение в размере назначенного наказания. Очевидна несоразмерность применяемых к исполнителю и пособнику мер ответственности.

То обстоятельство, что страдает дополнительный объект – жизнь и здоровье потерпевшего, позволяет рассматривать вариант, когда гражданское лицо «подлежит ответственности по соответствующей статье главы 16 УК РФ»[3]. Такой подход при том преимуществе, что позволяет признать гражданское лицо исполнителем преступления и даже указать на направленность его умысла причинить вред именно благам личности, не учитывает групповой характер посягательства, поскольку не каждая норма главы 16 УК РФ в качестве квалифицирующего признака состава предусматривают совершение преступления в составе группы лиц. Кроме того, позиция, согласно которой «в подобных ситуациях каждое лицо должно нести ответственность за то преступление, субъектом которого оно может быть признано»[4], умаляет значение самого института соучастия, поскольку «в преступлении, совершенном в соучастии, все его соучастники подлежат ответственности за одно и то же преступление, предусмотренное в соответствующей статье Особенной части УК РФ»[5].

Из изложенного следует, что ни один из вариантов квалификации, являющихся более или менее возможным в рамках действующего уголовного закона, приемлемым признан быть не может.

В литературе предлагается внести изменения в часть 5 статьи 33 УК РФ, «в которой необходимо предусмотреть еще одну форму пособнических действий, а именно «участие лица, не являющегося субъектом преступления, специально указанного в соответствующих статьях Особенной части настоящего Кодекса, в непосредственном совершении этого преступления»[6]. Ненадежность такой формулировки

---

[1] Волженкин Б.В. Некоторые проблемы соучастия в преступлениях, совершаемых специальными субъектами // Уголовное право Российской Федерации. – 2000. - № 1.

[2] Шахов А.А., Лепетун К.С. Квалификация действий лиц, не являющихся военнослужащими, при совершении воинского преступления // Право в Вооруженных Силах. – 2007. - № 8.

[3] Возьный А.Я. Соучастие в преступлениях, посягающих на уставные правила взаимоотношений и личность военнослужащих // ИБ ВС. – 2002. - № 4 (184).

[4] Бражник Ф.С. Преступления против военной службы: Учебное пособие. - М.: ВУ, 2000.

[5] Военно-уголовное право: Учебник (выпуск 93). (под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина) // За права военнослужащих. - 2008.

[6] Зателепин О.К. Квалификация преступлений против военной безопасности государства: Монография (выпуск 106) // За права военнослужащих. - 2009.

заключается в утрате исполнителем преступления специфики присущего ему поведения и приобретении пособником некоей универсальности. Кроме того, несоразмерными останутся применяемые к данным соучастникам меры уголовно-правового воздействия, по-прежнему будет игнорироваться групповой характер посягательства.

Представляется, что предложение исключить понятие соисполнителя из части 2 статьи 33, части 2 статьи 34 при дополнении части 4 статьи 34 УК РФ указанием на то, что «лицо, не обладающее признаком специального субъекта, может нести уголовную ответственность в качестве соисполнителя»[1], является наиболее рациональным. Действительно, подобная редакция части 4 статьи 34 УК РФ при понимании соисполнителя как лица, равнозначного исполнителю, не оставит возможности для сомнений в ее соответствии уголовному закону. Так, действия соисполнителя-общего субъекта будут квалифицироваться по той же статье, что и действия специального субъекта, при наличии в норме квалифицирующего признака группы лиц совместный характер действий соучастников при совершении одного и того же преступления так же получит отражение.

[1] Рарог А.И. Квалификация преступления по субъективным признакам. - СПб., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ ОБЩИХ ПРАВИЛ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СОВЕРШЕННОЕ В СОУЧАСТИИ

Куликов Егор Алексеевич,
студент отделения магистратуры Юридического факультета
Алтайского государственного университета.

Научный руководитель:
Плаксина Татьяна Алексеевна,
д.ю.н., профессор кафедры уголовного права и криминологии
Алтайского государственного университета

Часть 1 ст. 67 УК РФ предусматривает, что при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Таким образом, законодатель ориентирует правоприменителя учитывать характеристику деяния соучастника на фоне деяний других лиц, совместно с ним умышленно совершающих умышленное преступление.

Заметим, что и в ч. 2 ст. 81 Теоретической модели Уголовного кодекса содержалось указание на учет при назначении наказания соучастнику характера и степени его участия в этом преступлении.[1] Комментируя это положение, Г.Л. Кригер отмечает, что оно призвано индивидуализировать наказание соучастникам преступления.[2]

М.Т. Тащилин, А.А. Арямов и А.М. Становский определяют степень участия как показатель интенсивности и эффективности деятельности соучастников как в осуществлении преступного деяния, так и в достижении преступного результата; характер участия как качественный показатель, при анализе которого учитывается следующее: функции какого вида соучастников выполняло лицо; степень влияния как количественный показатель, иллюстрирующий активность поведения субъекта в рамках одного вида соучастников (один из соисполнителей может быть более активным, чем другие, и даже подчинять их себе, следовательно, он более опасен, чем другие).[3]

Как пишут Л.Л. Кругликов и А.В. Василевский, представляется более верным подразумевать под степенью участия в преступлении вклад в

[1] См.: Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. / Г.З. Анашкин [и др.]; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М., 1987. - С. 175.
[2] См.: Там же. С. 176.
[3] См.: Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 9. Назначение наказания. / С.А. Велиев [и др.]; Отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина. – СПб., 2008. – С. 555 (авторы параграфа – М.Т. Тащилин, А.М. Становский, А.А. Арямов).

достижение общей преступной цели, который хотя и обусловлен в определенной степени характером участия (исполнитель, организатор, подстрекатель или пособник), но может существенно отличаться в зависимости от активности, преступной квалификации лица и других факторов.[1]

Е.В. Благов отмечает, что характером фактического участия соучастника в совершении преступления следует считать осуществляемую лицом роль, говоря иначе, то, в качестве кого выступает оно при совершении преступления: исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника; степень же фактического участия соучастника в совершении преступления необходимо рассматривать как меру активности лица, проявляющуюся в виде или объеме его поведения при осуществлении определенной роли либо в объеме осуществляемых ролей.[2]

На сегодняшний день вопрос о соотношении общественной опасности организатора и исполнителя в науке уголовного права является дискуссионным. В судебной практике, в частности, в практике Алтайского краевого суда и Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай, организаторы наказываются практически так же, как и исполнители, нами изучались уголовные дела, в которых организатор наказывался строже, нежели исполнители. Кроме того, хотя подстрекатель наказывался и менее строго, чем исполнитель, по ряду дел, но отличие в степени суровости наказания было несущественным. Заметим, однако, что пособник действительно в судебной практике наказывается менее строго, чем иные соучастники, встречаются случаи условного осуждения пособника на фоне довольно длительных сроков лишения свободы других соучастников.

Учет степени фактического участия лица в совершенном преступлении помогает индивидуализировать наказание соучастнику, и, тем самым, уравновешивает учет характера фактического участия лица в совершении преступления, тем самым не привязывая суровость наказания строго к виду соучастника, и, тем самым, обеспечивая справедливость назначенного наказания.

Как пишет Е.В. Благов, учет степени фактического участия соучастника в совершении преступления означает выявление того, *что именно* (курсив наш – Е.К.) делает соответствующее лицо и как его поведение влияет на общественную опасность личности и строгость возможного наказания. В данном случае указанный автор предлагает учитывать и характер поведения лица в рамках выполняемой им роли, и объем выполняемых ролей.[3] Здесь представляется отметить, что степень

---

[1] См.: Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб., 2002. – С. 119.

[2] См.: Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. / Е.В. Благов. – М., 2007. - С. 74.

[3] См.: Благов Е.В. Указ. соч. С. 79.

фактического участия лица в совершенном преступлении все-таки определяется в рамках характера этого участия, т.е. выполнение лицом нескольких ролей хотя и влияет на строгость назначаемого наказания, но в связи с учетом характера участия, а не степени.

Таким образом, при назначении наказания за любое преступление, совершенное в соучастии, т.е. умышленное преступление, умышленно совместно совершенное двумя или более лицами, необходимо, прежде всего, определить вид соучастника – выполняемую им роль, или роли, т.е. характер фактического участия этого лица в совершенном преступлении, а затем определить интенсивность действий этого соучастника в рамках выполняемой им роли (ролей) – степень фактического участия лица в совершенном преступлении. Эти обстоятельства необходимо учитывать в равной степени и неразрывном единстве, и при этом исходить из положения о том, что само по себе совершение преступления в соучастии не является ни смягчающим, ни отягчающим наказание обстоятельством.

Что касается двух других общих правил назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, то они конкретизируют и дополняют предыдущее правило, будучи с ним неразрывно связанными. Так, при учете значения фактического участия лица для достижения цели преступления предполагается более детальное рассмотрение степени его участия в свете направленности его действий на конкретную цель – цель преступления, а также в учете интенсивности этих действий, направленных на достижение цели преступления. Чем интенсивнее действия соучастника, направленные на достижение цели преступления, тем существеннее значение его фактического участия для достижения этой цели, и тем выше степень его фактического участия в совершении преступления.

При учете влияния фактического участия лица на характер и размер причиненного или возможного вреда происходит оценка реальной интенсивности его действий в свете причиненного преступлением вреда, или в свете того вреда, который мог бы быть причинен преступлением. В любом случае, чем интенсивнее действия лица, т.е. чем выше степень его фактического участия в совершенном преступлении, тем существеннее его влияние на характер и размер причиненного преступлением вреда, или возможного вреда.

Как можно увидеть, учет значения фактического участия лица для достижения цели преступления предполагает учет субъективной направленности действий этого соучастника на конкретный преступный результат (необходимый), а учет влияния фактического участия лица на характер и размер причиненного или возможного вреда предполагает учет его роли в наступлении реально существующего, или возможного вреда от совместно совершенного деяния.

Таким образом, все общие правила назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии органично связаны между собой и призваны максимально индивидуализировать наказание, назначаемое каждому соучастнику, чтобы добиться справедливости этого наказания. Оценочный характер употребляемых законодателем понятий представляется не существенным недостатком регламентации назначения наказания за преступление, совершенное в соучастии, а необходимостью, вызванной многообразием объективной действительности, поскольку невозможно в законе предусмотреть все варианты назначения наказания на все случаи совершения преступлений в соучастии.

УБИЙСТВО, СОВЕРШЕННОЕ ГРУППОЙ ЛИЦ И ГРУППОЙ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Куренёв Дмитрий Сергеевич,
аспирант кафедры уголовного права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Тарбагаев Алексей Николаевич,
д.ю.н, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права
Юридического института
Сибирского федерального университета

1. Решая вопрос о квалификации убийства, особенно сопряженного с разбойным нападением, суды достаточно часто сталкиваются с проблемой эксцесса исполнителя, применяя при этом положения статьи 36 УК РФ.

Так, К. предложил Ж. совершить хищение продуктов из магазина. Наблюдая за обстановкой, они увидели сторожа и решили, угрожая ножами, связать его и совершить задуманное. Однако когда К. и Ж. забежали в магазин, Ж., действуя самостоятельно, нанес удары ножом по телу сторожа, причинив ему смерть. Убив сторожа, Ж. продолжил осуществлять совместный с К. план по совершению хищения. Судом действия К. были квалифицированы только по ч. 3 ст. 162 УК РФ, действия Ж. – по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ[1].

Таким образом, существенное значение для квалификации действий лиц в подобных ситуациях имеет правильное установление содержания предварительного сговора. В рассматриваемом случае Ж. и К. были объединены предварительным сговором на разбой, но он ограничивался только угрозами со стороны Ж. и К. и насилием в виде связывания сторожа. В содержание сговора Ж. и К. причинение смерти сторожу не входило, эти действия Ж. выполнил самостоятельно, вне сговора с К.

Однако, если бы К., хотя ранее и не имевший намерения на лишение жизни потерпевшего, присоединился к Ж., действия которого вышли за рамки состоявшейся договоренности, и совместно с ним участвовал в процессе лишения жизни сторожа, полностью или частично выполняя

[1] Приговор Красноярского краевого суда по делу Ж. и К. от 04.07.2006 // Архив Красноярского краевого суда.

объективную сторону убийства, их действия в части разбоя были бы признаны совершенными группой лиц по предварительному сговору, а в части убийства – группой лиц, но без предварительного сговора.

В то же время в практике судов встречаются дела, при рассмотрении которых суды ошибочно не признают действия одного из соучастников убийства эксцессом исполнителя[1].

Однако необходимо отметить, что и в законодательстве, и в судебной практике ряда зарубежных стран используется принципиально иной подход к решению указанной проблемы.

Так, по законодательству Франции считается само собой разумеющимся, что соучастник обязан отвечать и за эксцесс исполнителя. В ситуациях, когда соучастник имеет неопределенный умысел и готов присоединиться к любому деянию главного исполнителя, первый несет всю полноту ответственности за деяния, совершенные исполнителем, даже, если они вменяются соучастнику объективно. Соучастник должен предвидеть все квалифицирующие обстоятельства, которыми чревато задуманное преступление, все обстоятельства, которые могут его сопровождать. Это правило, действующее и применяемое в настоящее время, распространяется и на соучастие с неопределенным умыслом[2].

То, что в российской доктрине уголовного права именуется «эксцессом исполнителя», в английском уголовном праве охватывается группой норм, объединенных под наименованием «общее дело» (joint enterprise). Суды придерживаются позиции, согласно которой для осуждения за тяжкое убийство соучастника достаточно доказать, что соучастник представлял себе, что в ходе общего дела исполнитель может причинить смерть, действуя при этом с намерением ее причинения или с намерением причинить тяжкий телесный вред. Причем для осуждения соучастника не требуется его уверенности в том, что исполнитель совершит другое преступлении, - с его стороны достаточно простого предвидения (осознания, ожидания)[3].

В США получила распространение доктрина ответственности за действия других лиц. Она выражается в ответственности за убийство, которую несет каждый соучастник в случае причинения смерти в ходе совершения любого преступления. Если двое или более людей совершают тяжкое преступление, например, ограбление, изнасилование, берглари или поджог и в результате причиняют кому-то смерть, то не следует даже

---

[1] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19.06.2003 № 56-О02-62 // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 1998. С. 119 –120; Крылова Н.Е. Понятие соучастия в уголовном праве Франции // Вестн. Моск.ун-та. - Сер. 11. ПРАВО.- 1999. - № 2. - С. 76-77.

[3] Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. - М., 2009. - С. 239, 241–242.

оценивать степень участия каждого в убийстве. Все соучастники отвечают за убийство первой степени. Такой подход не считается несправедливым, поскольку они (как грабители) уже встали на запрещенный законом путь поставления в опасность жизни другого человека[1].

Полагаем, что рассмотренные достижения уголовного права зарубежных стран противоречат как фундаментальным принципам российского уголовного права – законности и вины (ст.ст. 3, 5), так и другим отдельным положениям Общей части УК РФ о том, что основанием уголовной ответственности может являться лишь только то деяние, которое содержит в себе все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ (ст.8), соучастники преступления должны обладать совместным умыслом, их действия носить совместный характер (ст.32), а ответственность определяться характером и степенью фактического участия каждого их них в совершении преступления (ст. 34).

2. Наиболее часто убийство группой лиц без предварительного сговора совершается в драке. В Российской Федерации действия участников такой драки подлежат юридической оценке в зависимости от характера и направленности умысла и фактически причиненных ими последствий. В то время как в уголовном законодательстве Австрии (§ 91)[2], Голландии (ст. 154)[3] и ФРГ (§ 231)[4] криминализировано уже само участие в драке, а лишение жизни противника может являться квалифицирующим обстоятельством.

3. Несмотря на то, что в ч. 2 ст. 35 УК РФ виды соучастников преступления, предусмотренные статьей 33 УК РФ, которые могут образовывать группу лиц по предварительному сговору, прямо не указанны, Верховный Суд РФ выработал позицию, и такой подход является устоявшимся в судебной практике, что при совершении убийства указанной группой лиц должно быть как минимум два соисполнителя[5].

Хотя с момента дачи разъяснений Верховного Суда РФ прошло уже более 10 лет, суды при рассмотрении дел продолжают совершать ошибки, связанные с установлением вида соучастия при совершении убийств в составе группы лиц по предварительному сговору (соисполнительство или распределение ролей)[6], а анализируемый вопрос остается предметом для дискуссий в науке[7]. Однако необходимо отметить, что в ч. 2 ст. 17 УК

---

[1] Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. - М., 1998.- С. 457-458.

[2] Уголовный кодекс Австрии / пер. с нем. Серебренниковой А.В. - М., 2001. - С. 52.

[3] Уголовный кодекс Голландии. - Спб., 2001. - С. 288-289.

[4] Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. Серебренниковой А.В. - М., 2000. - С. 134.

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1999. - № 3.

[6] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.01.2010 № 281-П09 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» // СПС «КонсультантПлюс».

Республики Беларуси и ч. 2 ст. 31 УК Кыргызской Республики[1] такой подход получил нормативное закрепление и заслуживает обсуждения.

[1] Уголовный кодекс Республики Беларусь. Спб., 2001. С. 94-95; Уголовный кодекс Кыргызской Республики. - СПб., 2002. - С. 59.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Марченко Алексей Михайлович,
студент 3 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ,

Научный руководитель:
Лавдаренко Людмила Ивановна,
к.ю.н, доцент кафедры организации и
методики уголовного преследования
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Меры пресечения являются эффективным механизмом правового регулирования правоотношений, обеспечивают выполнение задач уголовного судопроизводства. Цель и предназначение мер пресечения заключаются в том, что они во многих случаях способны предупредить или преодолеть действительное или возможное противодействие обвиняемого (подозреваемого) нормальному производству по делу. Необходимо обратить внимание на то, что применение мер пресечения не имеет своей целью лишить человека прав, свобод и законных интересов. Оно всего лишь ограничивает, сужает его права и только в рамках четко установленных уголовно-процессуальным законом норм.

Наряду с общими целями, достигаемыми мерами пресечения, перед домашним арестом поставлена и специфическая цель - обеспечение надлежащего поведения обвиняемого (подозреваемого), с оставлением его в условиях «мягкой» изоляции, т.е. с сохранением права проживать в собственном жилище, с применением при этом определенных запретов.

Целями установления данной меры пресечения является с одной стороны – стремление разгрузить изоляторы уголовно-исполнительной системы РФ, с другой стороны – гуманизации мер принуждения в сфере уголовного судопроизводства.

Аналогично заключению под стражу, домашний арест имеет своей целью пресечь для обвиняемого (подозреваемого) возможность скрыться от следствия и суда, совершать преступление, незаконным образом препятствовать производству по уголовному делу. Домашний арест заключается в ограничениях, связанных со свободой передвижения обвиняемого (подозреваемого), который не вправе общаться с определенными лицами, отправлять и получать корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи. В этом и заключается

индивидуальность домашнего ареста, так как только при его избрании суд определяет объем ограничений и запретов применительно к конкретному обвиняемому(подозреваемому).

Однако, несмотря на введение в УПК РФ, данная мера пресечения применяется редко. В первую очередь, это связано с тем, что недостаточно урегулирован вопрос её применения. При удовлетворении ходатайства о назначение меры пресечения в виде домашнего ареста, суд в соответствии с ч. 3 ст. 107 УПК РФ должен указать орган или должностное лицо, на которое возлагается осуществление надзора за соблюдением установленных ограничений и запретов. Очевидно, что без такого надзора теряется смысл избрания домашнего ареста, обвиняемый будет предоставлен сам себе. Безусловно и то, что ни суд, ни следователь не могут осуществлять такой контроль. Однако в УПК РФ не решается вопрос о том, какой государственный орган должен осуществлять такой контроль. Л.К. Трунова предлагает возложить все обязанности по осуществлению надзора и контроля за обвиняемым (подозреваемым) на один орган дознания – орган федеральной службы судебных приставов[1].

По моему убеждению, необходимо возложить все обязанности по контролю за соблюдением правил содержания под домашним арестом на все органы дознания. Необходимо создать отдел в каждом органе дознания по контролю за обвиняемыми, в отношении которых избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Данный отдел должен быть оснащен всеми необходимыми техническими средствами для полноценного и качественного контроля.

Существует и ряд других проблем, препятствующих применению домашнего ареста, например, финансовый вопрос обеспечения данной меры пресечения. Представляется, если данная обязанность будет возложена на органы дознания, то в этом случае все затраты должны финансироваться из соответствующего бюджета. И еще одна немаловажная проблема - проблема ответственности за нарушение обвиняемым возложенных на него данной мерой пресечения обязательств. Я предлагаю внести изменения в ст.107 УПК РФ и установить материальную ответственность за однократное нарушение, а при повторном нарушении, - изменение на более суровую меру пресечения - заключение под стражу.

Все перечисленные проблемы - это всего лишь «верхушка айсберга». Существует множество и других проблем применения домашнего ареста, которые ждут своего решения.

[1] Трунова Л.К. Домашний арест как мера пресечения // Российская юстиция. - 2002. - № 11. - С. 49 - 50.

СУБЪЕКТ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ РАБОТ

Медведев Евгений Валентинович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ульяновского государственного университета

Субъект нарушения правил производства опасных работ, по мнению большинства ученых, специальный. Это лицо, на котором лежит обязанность по соблюдению соответствующих правил безопасности на производстве. Такой вывод специалисты, как правило, делают по аналогии с нарушением правил охраны труда[1], по отношению к которому преступления, закрепленные в ст.ст. 215, 216, 217 и 219 УК, чаще всего позиционируются как специальные составы.

Между тем, в отличие от ст. 143 УК, в перечисленных статьях законодатель не конкретизирует признаки виновного, что оставляет повод для дискуссий на этот счет. Некую неопределенность в вопрос о круге лиц, ответственных за нарушение правил безопасности при осуществлении работ, вносит и Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1991 г. № 1. В п. 3 данного документа говорится: «в отличие от ст. 143 УК РФ ответственность по ст.ст. 216 и 217 УК РФ могут нести как лица, на которых возложена обязанность по выполнению правил и норм охраны труда, так и другие работники, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством».

Данная мысль получила развитие в литературе и позволила ряду авторов рассматривать субъект интересующих нас преступлений как общий, объединяющий собой вменяемых физических, лиц, достигших 16-летнего возраста. Чаще всего такое мнение высказывают относительно ст. 216, части 2 ст. 217. Правда, при этом отдельные ученые считают, что в статье 215, части 1 статьи 217 и 219 УК наряду с признаками общего субъекта, имеют место и специальные его черты. Здесь, как считают специалисты, идет речь о лицах, осуществляющих проектирование, строительство и эксплуатацию объектов атомной энергетики; лицах, осуществляющих строительство, производящих горные и иные работы; лицах, связанных с работой на взрывоопасных объектах, производствах; лицах, осуществляющих учёт, хранение, перевозку и использование взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических

[1] См., например: Курс уголовного права. Том 4. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.

изделий; лицах, обязанных обеспечивать соблюдение правил пожарной безопасности (собственники, владельцы, уполномоченные лица)[1].

Эту идею поддерживает, например, Т.Ф. Минязева, которая тоже полагает, что субъект рассматриваемых преступлений в основном общий. По мнению автора, теоретически это могут быть лица, не обязательно работающие на объектах атомной энергетики, например, представители контролирующих органов, иные посетители, которых предупредили о правилах поведения на таких объектах, выдали специальные средства защиты, но они пренебрегли ими и создали угрозу заражения окружающей среды; лица, находящиеся на взрывоопасных объектах и ознакомленные с правилами поведения на них (запретом курения, обращения с бензином и воспламеняющимися жидкостями и т.п.)[2].

Мы не можем согласиться с приведенной выше точкой зрения. На тех производствах, которые связаны с эксплуатацией опасных объектов, все работники, прежде чем приступают к выполнению своих трудовых функций, проходят определенную подготовку и инструктаж по техники безопасности, после чего получают соответствующий допуск к работе на опасном объекте. В данной сфере деятельности человека на каждого работника возлагается прямая обязанность исполнять правила и требования безопасного обращения с ИПО.

Более того, нам кажется не совсем корректным даже постановка такого вопроса – об ответственности за нарушение специальных правил безопасности лиц, не имеющих специальной подготовки. Для того, чтобы требовать от человека должного уровня поведения, особенно, при эксплуатации опасного объекта и работе с источниками повышенной опасности нужно сначала обеспечить получение им необходимого багажа знаний и опыта взаимодействия с ИПО.

В противном случае под сомнение ставится возможность безопасной работы на производстве вообще. По существу, угроза безопасности возникает здесь уже в тот момент, когда неподготовленный человек берется за управление источником повышенной опасности. Получается, что уже на этом этапе деятельности охраняемому уголовным законом объекту причиняется вред.

Вместе с тем при указанных выше обстоятельствах мы априори ставим указанное лицо в более сложные условия ответственности, по сравнению с теми субъектами, кто обладает указанной квалификацией, что, помимо прочего, нарушает еще и принцип равенства всех граждан перед уголовным законом.

---

[1] См.: Миньковский Г.М., Магомедов А.А., Ревин В.П. Уголовное право России. – М.: Альянс, 1998. – С. 317-318.

[2] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева. – «Норма», 2007. – С. 512.

При этом следует иметь в виду, что само по себе наличие специальной подготовки и допуска к работе с ИПО еще не образует той правовой связи, которая приводит к возникновению обязанности лица выполнять специальные правила безопасности на производстве с использованием ИПО. Для этого, как представляется, необходимо чтобы виновный официально был работником предприятия, чтобы между ним и организацией был заключен соответствующий трудовой или иной договор. Только в этом случае, как справедливо отмечают многие авторы, позволительно говорить о лице, как о наделенном специальными обязанностями в рассматриваемой сфере человеческой деятельности[1].

Сказанное выше в целом указывает на то, что в ст.ст. 215, 216, 217 и 219 УК речь идет лишь об определенном, ограниченном круге лиц, которые способны и должны нести ответственность за нарушение специальных правил безопасности, то есть на признаки специального субъекта. Принимая во внимание приведенные ранее доводы, под ним, следует понимать лицо, которое в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязано соблюдать или обеспечивать правила безопасного обращения с источниками повышенной опасности, требования безопасного производства или поведения на опасных объектах.

Всех работников опасного производства, на наш взгляд, можно разделить на две категории: лиц, деятельность которых связана с а) непосредственной работой с источником повышенной опасности, использованием (управлением ИПО), обслуживанием и т.д.; и б) организацией безопасности на производстве. Причем, к последней категории могут быть отнесены как должностные лица, так и работники, выполняющие профессиональные функции, связанные с обеспечением безопасного обращения с ИПО.

[1] См.: Уголовное право. Особенная Часть / Под ред. А.И. Чучаева. – М., 2004. – С. 385.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ГЕНОЦИД

Москалев Георгий Леонидович,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Хлупина Галина Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Преступление геноцида, посягая на безопасность человечества, представляет, пожалуй, наибольшую общественную опасность среди всех, запрещенных уголовным законом, деяний. В Уголовном кодексе Российской Федерации[1] статья 357, предусматривающая уголовную ответственность за преступление геноцида существует с 1996 года. За 15 лет существования рассматриваемой нормы в российском уголовном законодательстве по данной статье не было вынесено ни одного обвинительного приговора суда. Этот факт ставит вопрос об эффективности работы судебных органов при осуществлении судопроизводства по делам о геноциде. События в Южной Осетии трехлетней давности и отсутствие обвинительного приговора суда по данному делу по сей день говорят о том, что проблема применения нормы об уголовной ответственности за геноцид актуальна для России и требует решения.

В августе 2008 года разгорелся вооруженный конфликт в Южной Осетии. Следственным комитетом при прокуратуре РФ было возбуждено уголовное дело по статье 357 УК РФ. По состоянию на 4 июля 2009 года факты геноцида в отношении жителей Южной Осетии доказаны следствием. Подозреваемыми по делу проходили руководители Минобороны и МВД Грузии. По заявлению следственного комитета, данное уголовное дело не имеет перспектив на судебное рассмотрение. Российская Федерация не имеет возможности распространить свою юрисдикцию на лиц, подозреваемых по делу о геноциде в Южной Осетии. Таким образом, вопрос о геноциде осетинского народа в августе 2008 года так и остался нерешенным по причине исключительно внутригосударственной юрисдикции российских судебных органов.

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации. - М.: Инфра-М – Норма, 2010.

Другой пример касается событий в Чеченской Республике в 90-х годах прошлого века, когда на территории республики массово осуществлялись убийства лиц нечеченских национальностей. В ноябре 2001 года состоялось судебное заседание по делу Р. Гайчаева, который в период с 1997 по 1999 год лишил жизни 10 человек, выбранных по национальному признаку. Это было первое и единственное дело, в котором фигурировала статья 357 УК РФ. Однако суд посчитал, что эта норма к делу неприменима, так как совершенные преступления носили локальный характер. Не ясно, почему суд не применил норму о геноциде. Согласно статье 357 УК РФ, для квалификации деяния как геноцида не имеет значения размер территории, на которой оно имело место. Более того, органы государственного обвинения рассматривали содеянное подсудимыми как один из эпизодов кампании против русского населения Чечни, которая велась с 1992 по 1999 год. Известно, что террористический режим Масхадова-Дудаева на территории Чечни поддерживал действия, направленные на уничтожение русского населения. Сложно говорить о том, почему данные факты были проигнорированы судом при рассмотрении данного дела. На наш взгляд, на решение суда повлиял политический фактор. Принятие судом позиции государственного обвинения означало бы признание, как других эпизодов, так и всей крупномасштабной кампании по геноциду в Чечне. Безусловно, это могло нарушить тогда еще шаткую стабильность в регионе, наметившуюся в начале 2000-х.

На основании вышесказанного, можно утверждать, что причинами отсутствия практики применения нормы о геноциде, закрепленной в статье 357 УК РФ, являются исключительно внутригосударственная юрисдикция судебных органов, а также политический фактор, неизбежно влияющий на решение вопроса о наличии или отсутствии геноцида. Изложенная ситуация в Российской Федерации не исключительна. Напротив, и за рубежом есть примеры того как неэффективны национальные судебные органы, когда речь заходит преступлении геноцида. Причем в каждом конкретном случае имеются свои факторы негативно влияющие на ситуацию.

Так в апреле 1994 года в Руанде начались действия со стороны племени хуту, по массовому уничтожению меньшинства – тутси. Поставленная в условия гражданской войны Руанда оказалась не в состоянии самостоятельно осуществлять судебную власть. Похожая ситуация имела место на территории бывшей Югославии, где в ходе гражданской войны 1991-1995 годов наблюдались массовые этнические чистки. Известно, что по политическим мотивам сербские власти не желали осуществлять судебное преследование своих собственных

граждан[1]. Таким образом, можно утверждать, что в ситуации конфликта национальные судебные органы часто не готовы, либо не способны действовать. Дабы изменить ситуацию и не оставлять безнаказанными акты преступлений против безопасности человечества существуют международные трибуналы.

По окончании второй мировой войны, был учрежден Международный военный трибунал в Нюрнберге. Это был первый случай, показавший, что для решения вопросов о таких преступлениях как геноцид нужна консолидация усилий всего мирового сообщества. Позже появились Международный трибунал по Руанде и бывшей Югославии. За время своего существования данные органы показали свою эффективность. Но любой международный трибунал имеет и очевидные минусы. Будучи судом ad hoc, международный трибунал формирует свою практику применения той или иной нормы. Отсюда практика различных трибуналов может существенно отличаться, что влечет неоднозначность в понимании самой нормы. Другой минус суда ad hoc заключается в том, что его учреждение – довольно сложный процесс. При решении вопроса о создании трибунала разница политических позиций членов Совета безопасности ООН может негативно отразиться на результате деятельности органа в виде использования права «вето» на принятие резолюции о создании трибунала. Для нейтрализации изложенных негативных аспектов деятельности судов ad hoc, был создан постоянно действующий международный судебный орган - Международный уголовный суд. Римский Статут Международного Уголовного Суда был принят в 1998 году. В 2000 году данный акт был подписан и Российской Федерацией, но так и не прошел процедуру ратификации.

В заключении напомним, что на процесс привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления геноцида национальными судебными органами негативно влияет множество факторов. Так политический фактор повлиял на решение по делу Гайчаева в 2001 году, а национальная юрисдикция российских судов не дала привлечь к ответственности военное руководство Грузии по делу о геноциде южноосетинского народа. Эти факторы и явились причиной того, что на настоящий момент отсутствует практика применения российскими судами статьи 357 УК РФ. Неэффективность национальных судебных органов по делам о геноциде подтверждает опыт и других стран, например, Руанды и Сербии. Эффективность в осуществлении уголовной юрисдикции по делам о геноциде показали международные трибуналы ad hoc, но и они имеют ряд недостатков, как то сложность в учреждении такого органа и отсутствие единой практики. Это привело международное сообщество к

[1] Климова Е. А. Процессуальные аспекты деятельности Международного уголовного суда / Е. А. Климова // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2009. – № 4. – С. 17-23.

созданию Международного уголовного суда. Таким образом, можно сделать следующий вывод: на настоящий момент можно констатировать неспособность судебных органов России эффективно применять норму об уголовной ответственности за геноцид. Для решения этой проблемы необходима интеграция России в деятельность Международного уголовного суда, и, как следствие, утверждение юрисдикции данного органа на территории России в том числе и по делам о преступлениях геноцида. Дабы осуществить эту интеграцию необходимо ратифицировать Римский статут Международного уголовного суда.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИКОВ В СТРАНАХ СНГ

Попов Артем Игоревич,
студент 5 курса факультета истории и права
Шадринского государственного педагогического института

Научный руководитель:
Булычева Елена Сергеевна,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
Шадринского государственного педагогического института

Особенности правового пространства государств - участников СНГ, их традиции и законодательный опыт обуславливают различия в структурах уголовных кодексов этих государств, содержащих нормы об ответственности за деяния в сфере незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ.

Во-первых, это различия в построении ряда статей. Если в одном кодексе определенные правовые нормы изложены в одной статье, то в других те же нормы рассредоточены по частям или помещены в двух, трех и более статьях.

В нормах Общей части уголовных кодексов большинства стран СНГ предусматривается применение принудительных мер медицинского характера к наркоманам (Беларусь, Армения, Азербайджан, Грузия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Молдова); нормы об уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании.

В Особенной части УК ряда государств СНГ составы преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств (веществ) выделены в самостоятельные главы: «Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ» (гл. XXVI УК Азербайджана); «Преступления, составляющие незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ» (гл. XIX УК Узбекистана). В УК остальных государств указанные составы содержатся в разделах (главах), предусматривающих ответственность за преступления против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ, гл. 29 УК Республики Беларусь, гл. 7 УК Республики Молдова, гл. 26 УК Армении, гл. 10 УК Казахстана, гл. 25 УК Киргизии, гл. 22 УК Таджикистана, гл. 30 УК Туркмении).

Среди других особенностей структур УК государств СНГ необходимо отметить отсутствие в УК Молдовы нормы о хищении

наркотических, психотропных, ядовитых веществ. Поэтому хищение указанных веществ и предметов будет влечь уголовную ответственность в соответствии с общими нормами о хищениях имущества.

Структурное отличие статей уголовных кодексов государств СНГ состоит в наличии или отсутствии примечаний к ним. Примерно аналогичные примечанию 1 к ст. 228 УК РФ (об освобождении от ответственности) примечания содержатся в соответствующих статьях УК Республики Беларусь (ст. 328), УК Азербайджана (ст. 234), УК Казахстана (ст. 259), УК Киргизии (ст. 246), УК Узбекистана (ст. 276).

В других примечаниях (аналогичных примечаниям 2 и 3 к ст. 228 УК РФ) содержатся нормы, определяющие: размеры наркотических средств, психотропных веществ (ст. 305, 306 УК Украины, ст. 204 УК Киргизии, ст. 292 УК Туркмении); понятие повторности (ст. 200 УК Таджикистана, ст. 293 УК Азербайджана); размеры запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (ст. 231 УК РФ, ст. 204 УК РБ); понятие наркотических средств, психотропных веществ, а также веществ, используемых при их изготовлении - ст. 327 УК Республики Беларусь.

В примечании к ст. 234 УК Азербайджана содержится бланкетная норма, относящая установление количества, необходимого для личного потребления, и иного количества наркотических средств или психотропных веществ к соответствующим нормативным правовым актам.

Из приведенной характеристики структуры УК стран СНГ видно, что они имеют как сходные, так и отличительные черты, и, по мнению Л.М. Бабкина, должны быть приведены к единообразию[1]. Думается, это предложение носит слишком претенциозный характер. Однако рекомендовать законодателям этих стран рассмотреть вопрос о приведении своих уголовных кодексов в соответствие с модельным законодательным актом[2] не лишено здравого смысла.

В свою очередь Модельный уголовный кодекс для государств - участников СНГ – не постоянная субстанция. Он также нуждается в совершенствовании, обусловленном изменением общественных отношений, которые находят свое отражение в нормах национального законодательства.

Анализ сравниваемых норм УК стран Содружества позволяет сделать определенные выводы:

1. Их структура базируется на теоретических концепциях, законах логики и лингвистики.

---

[1] Бабкин Л.М. Ответственность за преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ по законодательству России и других государств - участников Содружества Независимых Государств: уголовно-правовой анализ. Дис. … канд. юрид. наук. - Рязань, 2009.

[2] См.: Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств // Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств - участников Содружества Независимых Государств. - 2005. - № 36. - С. 279-281.

2. Их особенности нельзя относить только к специфике практики применения. Различия в их структурах объясняются сложившейся законодательной практикой, традициями при построении указанных законов.

3. Одной из причин недостаточно эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, является отсутствие гармонизированного (согласованного) законодательства по данному вопросу. Наличие модельного законодательства в данном случае является прочной основой для решения этой задачи.

4. Важно сформировать такую структуру уголовного законодательства, чтобы расположение и содержание правовой нормы соответствовало характеру и степени общественной опасности деяния. При этом особое значение имеют правильное формулирование наименования разделов и глав, объединяющих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, расположение статей о данных посягательствах в структуре законодательства в соответствии с содержанием родового и видового объекта, установление достаточного количества квалифицирующих признаков.

5. Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, имеют транснациональный характер. Их совершение нередко затрагивает интересы нескольких пограничных стран. Историческая преемственность правовых систем стран СНГ обеспечивает им возможность выработки однообразного подхода к конструированию уголовно-правовых положений.

Секция

Проблемы современной криминологии

ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИИ

Алибеков Максим Джалалутдинович,
студент 3 курса Северо-Кавказского филиала
Российской правовой академии Минюста РФ

Научный руководитель:
Исаева Арапат Исаевна,
к.ю.н., старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
Северо-Кавказского филиала
Российской правовой академии Минюста РФ

Проблема борьбы с коррупцией является одним из ключевых вопросов обеспечения национальной безопасности наряду с общими проблемами противодействия организованной преступности.

Также проблема противодействия коррупции стала особо актуальным в последнее время. Одним из первых указов, изданных Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым, стал Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008г. №815 « О мерах по противодействию коррупции»[1], в соответствии с которым образован Совет при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции.

Для решения поставленных задач был принят Федеральный закон от 25.12.2008.№273-ФЗ «О противодействии коррупции»[2]. Примечательно, что именно он впервые ввел такие давно используемые понятия, но не закрепленные юридически, как коррупция и противодействие коррупции. В нем изложены такие необходимые принципы как публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений. В числе мер по профилактике коррупции приведено формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению.

Важное значение для проблемы коррупции имеет наличие пробелов в правовом регулировании как государственной службы в целом, так и отдельных ее видов.

Согласно данным социологических исследований, к наиболее коррумпированным государственным органам относятся: таможенные и налоговые органы, ГИБДД и вообще правоохранительные органы, суды и прокуратура, организации, связанные с распределением имущества,

[1] Указ Президента Российской Федерации от 19 мая 2008г. №815 « О мерах по противодействию коррупции» \\ www.consultant.ru
[2] Федеральный закон от 25.12.2008.№273-ФЗ «О противодействии коррупции»\\ www.consultant.ru

собственности, природных ресурсов, электроэнергетика, вузы и др. Несколько менее коррумпированными признаны: армия и военные комиссариаты, министерство финансов, крупные государственные компании и банки, больницы и органы здравоохранения, местные органы управления.

При получении паспорта, водительских прав, устройстве детей в престижные школы и т.д. граждане попадают в ситуацию, когда нужно заплатить взятку в среднем один-три раза в год. Для особой категории граждан - предпринимателей дача взятки является ежедневной реальностью, с которой связаны посещение налогового инспектора, СЭС, инспектора пожарной охраны, перевод квартиры в нежилой фонд, оформление грузов на таможне, участие в тендере и.т.п. Чиновники, чаще среднего и нижнего уровня, несмотря на привилегированность своего положения, тем не менее иногда также вынуждены, как все, давать взятки, оказывать "внимание" и взаимные услуги. Очевидно, коррупция также имеет место на высшем административном уровне при заключении крупных контрактов, распределении квот на импорт и регулировании естественных монополий.

Противостоять коррупции очень сложно, потому что ее выявить практически невозможно. Но все-таки охота на коррупционеров открыта, Дмитрий Анатольевич Медведев тоже большое внимание этому уделяет, поэтому нужно выделить некоторые направления борьбы с коррупцией:

1. Важной и необходимой мерой является совершенствование законодательства. Необходимо свести до минимума и законодательно регламентировать число вопросов, решаемых чиновниками. От чиновника зависит ровно то, что ему поручило общество. Законы должны быть такими, чтобы они не понуждали людей постоянно идти на поклон к чиновнику;
2. О коррупции нужно говорить много и часто. «На свету коррупция не выживает. Она прячется в полумраке»[1]. Но мало одних объявлений об открытии очередного сезона охоты на коррупционеров, нужна длительная и кропотливая работа, которая не может быть сведена лишь к ужесточению карательных мер;
3. Реформы должны вести к прозрачности административной системы, делать её доступной для общества и СМИ.
4. Хотя наш УК РФ не является совершенным, но вполне возможно бороться с коррупцией, без ее ужесточения, а всего лишь исполнением уже существующих законов – главное не жестокость, а неотвратимость наказания".

[1] Брагинская В. «Коррупция – больше чем преступление» // www.kadis.ru> Дайджест прессы>?id=57559

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Бембеева Диана Матвеевна,
студентка 2 курса международно-правового факультета
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ

Научный руководитель:
Малиновский Алексей Александрович,
д.ю.н., доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного института
международных отношений (Университета) МИД РФ

1. В последние годы руководство нашей страны уделяет большое внимание делу борьбы с коррупцией. Это связано с увеличением доли преступлений коррупционного плана (по данным Transparency International Россия занимала по уровню коррупции в 2000г. 82 позицию, в 2007г. – 143, в 2010г. – 154[1]) и вытекающей отсюда прямой угрозой национальной безопасности. А о том, что такая угроза присутствует, говорят следующие факты – в 2010 году было выявлено нарушений законодательства в финансово-бюджетной сфере на сумму 484 миллиарда рублей, в том числе нецелевого использования средств – на 1,6 миллиарда. В правоохранительные органы направлено 217 материалов. Возбуждено 41 уголовное дело[2].

2. На наш взгляд, первые проявления задабривания путем подношений у людей появились с рождением веры в сверхъестественные силы. Ведь что такое жертвоприношение – это и есть попытка улучшить положение рода, племени, вымолить какие-то послабления. Впоследствии, это уже переносится на носителей публичной власти: кто сделает лучше подарок, тот может рассчитывать на какие-то привилегии.

3.Первым правителем, боровшимся с коррупцией можно назвать шумерского царя города-государства Лагаша Урукагину (Уруинимгина), жившем в 24 веке до н.э. Первый трактат с обсуждением коррупции — «Артхашастра» — опубликовал под псевдонимом Каутилья один из министров Бхараты (Индия) в IV веке до н. э[3].

[1] Официальный сайт неправительственной международной организации Transparency International Russia/www.transparency.org.ru/
[2] Посчитаем!// Российская газета. 3.03.2011 (Неделя №5421 (45))
[3] История Древнего Востока. Под ред. И.М.Дьяконова. Ч.1. М.,1983. с 534.

4. Россия, в числе других государств, в 2006 году ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции и Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию. Возникает необходимость в выработке единой стратегии и тактики, которая позволила бы снизить уровень коррупции. Рецептов борьбы с коррупцией очень много, но ни один из существующих в мире сценариев не подходит в чистом виде, т.к. нет второй такой страны, во-первых, с такой территорией, во-вторых, с таким многонациональным, многоконфессиональным населением, в-третьих, с такими же внутренними условиями.

5. Коррупцию можно победить, необходимо только объединить усилия и просто отобрать лучшее. Из опыта Эстонии – построение электронного правительства; из Китая — систему отбора персонала; из Скандинавских стран — построение системы доступа граждан к информации; из Гонконга, Сингапура, Южной Кореи — систему контроля над чиновничеством низового уровня.

6. По вопросу причин расцвета коррупции в нашей стране мы согласны с мнением видного государственного деятеля, Председателя Счетной палаты РФ Сергея Степашина, который видит их в следующем: первая причина связана с историей нашей страны, формированием политэлит, да и всего населения. вторая причина заключается в запутанности нашего законодательства, прежде всего экономического и финансового. В законе все должно быть четко и ясно прописано. А у нас огромное количество отсылочных норм. Ну и третья – это, конечно, несовершенство нашей правоохранительной, в том числе судебной, системы[1].

7. Несовершенство нашей судебной системы налицо, например, существование так называемых «вилок», когда многие нормы судьей могут трактоваться по его усмотрению, где он может выбирать между мягкой и жесткой мерами наказания. Также необходимо отметить переквалификацию состава преступления, которая является разновидностью «вилок», т.к. речь идет о дублировании состава правонарушения в различных кодексах. Это открывает возможности для переквалификации совершённого правонарушения в более мягкую категорию (например, из уголовного в административное или гражданское), либо, наоборот, в более тяжёлую категорию[2].

8. Разграничить преступления и другие правонарушения часто сложно в силу размытости формулировок законодательства, и в таких ситуациях судьи (либо должностные лица) принимают решение по своему усмотрению, что открывает возможности для взяток и вымогательства.

---

[1] Посчитаем!// Российская газета. 3.03.2011 (Неделя №5421 (45))

[2] В качестве примера можно привести Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996, ст. 213; КоАП РФ от 30.12.2001, ст. 20.1.

9. Известны исторические примеры, когда действия, направленные на снижение коррупции, привели к значительным успехам: Швеция, Филиппины, Сингапур. Это однозначно говорит в пользу того, что методы борьбы с коррупцией существуют.

10. Китай в рейтинге по уровню коррупции стоит на 78 месте[1]. Определенных успехов удалось достичь после введения в действие административной реформы 1993г., когда была поставлена задача рациональной бюрократии. Китайские реформаторы попытались реализовать антикоррупционный потенциал реформы, который состоит в изменении системы отбора и продвижения персонала, внедрении системы оценки и ротации кадров, а также в регламентации конфликта интересов китайских чиновников. Для противодействия коррупции во «Временное положение о государственных служащих» были включены ряд запретов. Важным моментом, приносящим неплохие результаты, является ротация госслужащих. Под ней понимается обновление кадрового состава, перевод чиновников на другие должности, перемещение на аналогичную должность в другой местности[2].

11. Немаловажной составляющей борьбы с коррупцией в Китае является общественное осуждение и суровое уголовное наказание за совершенные преступления подобного рода. В мае 2007г. суд Пекина приговорил к высшей мере наказания – расстрелу – за получение взятки в особо крупных размерах и преступной халатности на рабочем месте главу управления по контролю за продуктами питания и лекарствами Чжэн Сяоюя[3]. По мнению ряда экспертов, столь жесткое наказание было избрано в назидание другим коррупционерам и являлось своего рода показательным. И случаев такого жесткого наказания достаточно много, что, возможно, является сильным сдерживающим фактором, который нельзя недооценивать в деле борьбы с коррупцией.

12. Мировой опыт показывает, что наряду с глобальными административными реформами в ряде стран практиковался подход, состоявший в модернизации отдельных ведомств. Чаще других необходимости реформировать подвергались таможенные и налоговые органы исполнительной власти. Уместно привести пример Филиппин, где в 1975 году руководителем Налогового бюро Филиппин Э. Плана была успешно проведена реформа в одном отдельно взятом ведомстве[4].

---

[1] Официальный сайт неправительственной международной организации Transparency International Russia/www.transparency.org.ru/

[2] Временное положение о государственных служащих. (принято на заседании Постоянного бюро Государственного Совета КНР 24 апреля 1993г.)

[3] Пуля на сдачу.// Российская газета. 26.08.2010. №5269.

[4] Сатаров Г., Головищинский Г. Административная реформа и противодействие коррупции (о мировом опыте реформирования бюрократического аппарата) // Отечественные записки, № 2, 2004г.

13. Очень важным моментом в борьбе с коррупцией является нравственная составляющая. В обществе должно быть создание ситуации глубокого социального осуждение всех, кто наказывается по статье «коррупция», так как ущерб, наносимый такого рода преступлениями, затрагивает интересы всех налогоплательщиков страны.

14. Борьба с преступностью не должна носить характер какой-то кампанейщины, это должна быть целенаправленная, каждодневная работа. Необходимо четко расписать все ограничения и требования и для высших должностных лиц России.

АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ

Бондарчук Ксения Сергеевна,
студентка 2 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной Прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Деревскова Валентина Михайловна,
к.ю.н, доцент кафедры государственно – правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиал)
Академии Генеральной Прокуратуры РФ

В последнее время все большее внимание в нашей стране уделяется проблемам борьбы с коррупцией. В многочисленных выступлениях по телевидению, в материалах прессы нам непрерывно доказывают необходимость бескомпромиссной борьбы с этим злом. Начинать борьбу нужно с того, что бы дать наиболее четкое определение коррупции. Ведь это довольно сложное понятие, которое развивается во времени, имеет исторический характер и существенно зависит от социальных условий и традиций той или иной эпохи.

Если обратиться к словарю, то становится ясно, что термином «коррупция» обычно обозначают использование должностным лицом доверенных прав и властных возможностей в целях личного обогащения[1]. Наиболее типичными формами проявления коррупции являются взяточничество, подкуп должностных лиц и протекционизм, иными словами, выдвижение людей по признакам родства, личной преданности.

Анализируя отечественные правовые акты, начиная с Русской Правды, можно сделать вывод, что законодатель обратил внимание на проблему должностных преступлений еще в XIV веке. В частности, в Судных грамотах - Псковской и Новгородской были введены положения, запрещающие посулы (взятки)[2]. О запрещении посулов говорилось и в Судебнике Ивана III[3]. Судебник 1497 г. закрепил первую общероссийскую уголовную норму, устанавливающую ответственность за взяточничество, но только в процессе судопроизводства. Однако, устанавливая нормы ответственности, законодатель давал очень узкое значение посула как взятка, подкуп судьи в процессе судопроизводства, но в тоже время не устанавливались, за какие именно действия судьи не могли брать посул.

[1] http://ru.wikipedia.org/
[2] Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. - Т.1. - М., 1984. - С.306, 332.
[3] Российское законодательство X-XX веков. В 9-ти томах. - Т.2. - М., 1985. - С.54.

В период царской власти исторически различающимися формами коррупции были мздоимство, т.е. получение взяток должностными лицами за совершение ими законных действий по их службе, и лихоимство, т.е. получение должностными лицами взяток за совершение незаконных, противоправных действий. Так же в дореволюционной России различались взятки, даваемые до совершения чиновниками соответствующих коррупционных действий - посулы и взятки, даваемые после их совершения – поминки.

В Судебнике 1550 года уже расширяется круг действий, которые попадают под понятие коррупции, т.е. эта проблема рассматривается более детально. Это выглядело как «наказ» чиновникам: «А судом не дружить и не мстить, и посулов с суда не брать… за взятку невиновных в суде не обвинять… за взятку документы не подделывать...»[1]. Так же Иван IV Грозный впервые вводит смертную казнь как меру наказания за данное деяние.

Царь Алексей Михайлович за время своего правления не принимал никаких антикоррупционных «грамот». Однако в этот период появилась и такая форма вымогательства, как волокита — нарочитое затягивание рассмотрения дела с целью получения взятки. Следовательно, понятие коррупции расширяется. Тогда впервые в истории России народ восстал против взяточников и потребовал выдать на самосуд глав Земского и Пушкарского приказов.

В царствование Петра I было осознано, что коррупция является ужасным злом для государства, подрывает бюджет страны и разлагает общество. Именно петровскую эпоху называют «пиком коррупции». В определение коррупции были добавлены такие деяния как казнокрадство, уже употребляется термин «взяточничество». Именно Петр I ввел термин и «лихоимство». Этот термин был введен в законодательство Указом от 24 декабря 1724 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное». Под лихоимством понималось получение чиновниками при отправлении своих служебных обязанностей посулов и незаконных сборов с населения.

Важным этапом на пути совершенствования законодательства об ответственности за взяточничество и лихоимство было издание Свода Законов 1832 года, в котором этим деяниям была посвящена глава 6 раздела 5 тома 15. Хотя в ней не давалось понятие лихоимства, ст.336 содержала перечень видов лихоимства. Таковых было три:

1) незаконные поборы под видом государственных податей;

2) вымогательство вещами, деньгами или припасами;

3) взятки с просителей по делам исполнительным и судебным[2].

[1] http://www.apn.ru/publications/

[2] См. там же.

Таким образом, Свод Законов трактовал взяточничество как составную часть лихоимства. Под взятками здесь понимались подарки как деньгами так и вещами, которые делались чиновникам для ослабления силы закона.

В 1845 г. Николай I принимает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Уложение становится основным законодательным актом, регулировавшим ответственность чиновников за мздоимство и лихоимство. Однако при этом законодательное определение этих понятий отсутствовало. В статьях Уложения конкретно были лишь указаны действия должностных лиц, не признававшиеся взяточничеством.

После Октября 1917 г. и в период СССР, коррупция как явление, проникшее во все сферы жизни государства и общества, не была отменена. Но, власти не признавали слово «коррупция», тем самым отрицали само явление. Термин «коррупция» так и не был введен в употребление, вместо него использовались всевозможные термины «взяточничество», «злоупотребление служебным положением». Именно для этого периода характерен термин «попустительство». По советскому уголовному праву – это умышленное невоспрепятствование совершению какого-либо преступления при наличии возможности принять меры, необходимые для его пресечения или предотвращения. Наказание за взяточничество было резко ужесточено советской властью. В течение многих лет принимались законы неким образом затрагивающие вопросы, связанные с предотвращением, пресечением коррупции. Однако ни в одном нормативном акте не давалось определение коррупции. Можно сказать, что борьба шла только с взяточничеством. В СССР так же существовало такое понятие как «блат». По «блату» брали в институт и на работу, по « блату» продвигали по службе. Однако официально коррупция того периода сводится к понятию взятки.

В Российской Федерации только в 2008 г. был принят закон «О противодействии коррупции», давший официальное определение коррупции. Данное понятие, безусловно, шире, чем то, что существовало ранее в законодательстве нашей страны, однако и оно далеко от совершенства[1].

Подводя итоги, можно сказать, что такое явление как коррупция не новое для нашей страны. Законодатель пытается вести борьбу с этим явлением путем легального его определения. С каждым новым нормативно-правовым актом, определение коррупции становится шире, точнее, ужесточаются меры наказания. На данный момент, определение коррупции дано наиболее точно, по сравнению с предшествующими

[1] Комментарий к ФЗ от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» / под ред. С. Ю. Наумова, С. Е. Чаннова. М.: Юстицинформ, 2009. С. 23.

легальными определениями. Но и сейчас эта дефиниция содержит не исчерпывающий перечень деяний.

НЕОБХОДИМОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАНИНА

Гутник Сергей Иосифович,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Щедрин Николай Васильевич,
д.ю.н., профессор,
заведующий кафедрой деликтологии и криминологии
Юридического института
Сибирского федерального университета

Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 года вступил в силу 30 января 2007 года[1]. В то же время, активная реализация его положений началась относительно недавно. Изначально закон преследовал одну главную цель – обеспечение конфиденциальности приватной информации о гражданах. Сейчас становится очевидным, что закон преследует и иную цель – обеспечить безопасность персональных данных граждан правовыми средствами.

Об этом свидетельствует активная деятельность государственных органов по привлечению лиц, виновных в нарушении норм о работе с персональными данными, к различным видам ответственности.

Модернизация отношений в сфере компьютерной информации и делопроизводства в коммерческих и производственных структурах дает почву для различного рода злоупотреблений. Как указывают некоторые исследователи, персональная информация о физических лицах в современном мире имеет весомое значение в различных отношениях, в том числе и преступных. Следовательно, персональные данные как конфиденциальная информация, могут стать едва ли не предметом коммерческого оборота. В этой связи М.Е. Петросян и Н.Н. Разумович справедливо указывают, что вторжение в сферу частной жизни приобретает очертания серьезного социального бедствия, в котором замешаны государство, влиятельные общественные организации, крупные монополии, потому что информация о личности рассматривается «как экономически выгодный товар и как источник власти»[2].

[1] Федеральный закон «О персональных данных от 27.07.2006 №152-ФЗ // СЗ РФ. 31.07.2006. №31. Ст. 3451.

[2] Петросян М.Е., Разумович Н.Н. Информация и личность. Правовые аспекты: Научно-аналитический обзор литературы США. М., 1979. С. 6.

Сказанное выше побуждает сделать вывод – государство должно создать такой правовой инструментарий, который бы позволил обезопасить персональные данные от преступных посягательств. Такое возможно, если неправомерному поведению будет корреспондировать установленная законом юридическая ответственность за это неправомерное поведение.

Уголовный закон как акт правотворчества призван, как указано в ст. 2 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), охранять права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй РФ от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Уголовный кодекс РФ создан для того, чтобы установить круг преступных деяний, которые характеризуются наибольшей степенью общественной опасности и могут привести к разрушению действующей системы общественных отношений. Как указывает Ю.Д. Блувштейн, преступление – не только определенный поступок, но и оценка, которую данный поступок получает в уголовном законе и практике применения последнего. Поэтому, если с точки зрения общества тот или иной поступок оценивается крайне отрицательно и способен нанести серьезный ущерб личности, государству, обществу в целом, то он должен быть признан с этой позиции преступлением[1].

Имеются ли тогда основания делать вывод, что различные злоупотребления в отношении персональных данных должны непременно влечь за собой уголовную ответственность? Обратимся к действующему законодательству.

Согласно положениям ст. 24 Федерального закона «О персональных данных», лица, виновные в нарушении требований данного Федерального закона, несут гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную и иную предусмотренную действующим законодательством ответственность.

Если обратиться к положениям Уголовного кодекса РФ 1996 года, то мы не найдем в нем норму, посвященную уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных. С одной стороны, это оправдано, поскольку еще не все правовые акты были приведены в соответствие с действующим Федеральным законом «О персональных данных». В то же время, необходимость введения в уголовный закон специальной нормы для обеспечения безопасности персональных данных сегодня уже настала.

Практика органов дознания, следствия и суда показывает, что, как правило, привлечение к уголовной ответственности за нарушение

[1] Блувштейн Ю.Д. Основания криминологии: опыт логико-философского исследования / Ю.Д. Блувштейн. – М., 1993. С. 34.

неприкосновенности персональных данных происходит по ст. 137 УК (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 272 УК (неправомерный доступ к компьютерной информации). Так, 19-летний житель Белгорода, используя компьютер, подключенный к сети интернет, осуществлял выходы в социальные сети «Вконтакте» и «Мой мир». С помощью вредоносной программы, он получил несанкционированный доступ к странице ранее знакомой ему девушки и скопировал ее. От имени девушки он создал страницу, используя без ее ведома фотографии, имя, фамилию, сведения о месте рождения, семейном положении и месте учебы. Испытывая к девушке неприязненные отношения и желая унизить ее, гражданин распространил в сети сведения о частной жизни и заведомо ложную информацию об интимных предпочтениях потерпевшей. Гражданин был осужден по ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 129, ч. 1 ст. 273 УК РФ и приговорен к обязательным работам на срок 240 часов[1].

На наш взгляд, «разрозненность» норм об уголовной ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных не может привести к эффективному поддержанию законности в области охраны персональных данных. Если реалии современности требуют обеспечения состояния защищенности, то наличие соответствующих правовых норм необходимо. Составы статей 137 (нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) лишь частично охватывают нарушение субъектом правил работы с персональными данными, но только отдельными их видами – персональными данными гражданина, относящимися к частной жизни гражданина, и персональными данными, содержащимися на цифровых носителях в виде компьютерной информации.

Бывают, однако, случаи, которые прямо, на наш взгляд, вызывают необходимость закрепления в Уголовном кодексе РФ новой нормы об ответственности за нарушение неприкосновенности персональных данных, повлекших за собой причинение гражданину значительного ущерба. Вопиющий случай произошел в США. Пострадавший от пуль гражданин в перестрелке был тяжело ранен. Впоследствии он попал под программу защиты свидетелей и был помещен полицией в охраняемую палату, но преступники через сеть Интернет вошли в компьютерную сеть клиники, где он лежал, и, изменив программу прибора стимуляции сердца, фактически убили его[2]. Это произошло в силу доступности персональных данных о пострадавшем в различных базах данных. Вполне очевидно, что

[1] http://www.pravo.ru/news/view/36877/.

[2] Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 835.

отсутствие мер безопасности в отношении персональных данных привело к тяжким последствиям в виде смерти гражданина.

Если все меры наказания, которые предусмотрены Уголовным кодексом РФ, рассматривать в качестве санкций безопасности[1], то ни о какой безопасности персональных данных не может идти и речи.

Сказанное позволяет сделать вывод, что на сегодняшний день сформировалось социально-криминологическое основание для криминализации нарушения неприкосновенности персональных данных, ибо ущерб, причиняемый неправомерным вторжением и нарушением неприкосновенности персональных данных может привести к весьма серьезным последствиям.

Возможно, в будущем законодатель осознает необходимость уголовно-правовой охраны и примет необходимые поправки в уголовный закон.

[1] Щедрин Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности / Н.В. Щедрин. – Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2004.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ДРУГИМИ СУБЪЕКТАМИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ершова Екатерина Викторовна,
студентка 6 курса факультета предпринимательства и права
Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладошина

Научный руководитель:
Васехо Олеся Евгеньевна,
заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики
Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладошина

Эффективность профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защита их прав в большой степени зависит от организации контактов всех служб органов внутренних дел между собой и с иными правоохранительными органами. От того, насколько четко будет скоординирована их деятельность, по вопросам общей и специальной или индивидуальной профилактики зависит в целом действенность борьбы с распространением негативных явлений в молодежной среде.

Изолированность субъектов профилактики друг от друга может повлечь за собой ненужное дублирование действий, излишнею трату сил и средств и в конечном итоге привести к рассогласованности и неэффективности функционирования всей системы профилактики. На это обстоятельство указывают не только многие исследователи данной проблемы, но и практически все законодательные и нормативно-правовые акты, регламентирующие функционирование системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, как на федеральном, так и местном уровне[1].

Анализ федеральных и региональных программ профилактики правонарушений несовершеннолетних показал, что значительное место в них наряду со взаимодействием, отводится координации деятельности субъектов профилактики. Однако во многих нормативных актах понятия «взаимодействие», «координация» трактуются как тождественные, представляющие собой элемент управления, функцию или метод управления, что является весьма спорным.

Согласованная деятельность служб и подразделений ОВД по профилактике правонарушений несовершеннолетних на внутриорганизационном уровне, достаточно в полном объеме регламентируется ведомственными приказами и инструкциями МВД РФ и

[1] Савина Н.Н. Взгляд на проблему. О профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2006. - № 5. - С. 44.

в целом соответствует указанным признакам. Причем центральным звеном в данной системе признается руководитель соответствующего органа внутренних дел. Именно на него возлагается обязанность, и он несет персональную ответственность за координацию профилактических усилий всех служб ОВД, их взаимодействие между собой[1].

Но на межведомственном уровне организация взаимодействия во многом осложняется не столько ведомственными барьерами, сколько отсутствием или правильнее сказать, слабой работой единого координирующего центра управления данной деятельностью субъектов профилактики.

На необходимость создания единого территориального координирующего органа, способного объединить усилия всех субъектов системы профилактики, осуществлять согласование общих и частных целей между заинтересованными учреждениями, проводить единую социальную политику, направленную на нейтрализацию негативных факторов, вызывающих десоциализацию несовершеннолетних указывали многие исследователи проблем борьбы с преступностью несовершеннолетних. Однако единого мнения, какому органу следовало бы поручить такую работу, на сегодняшний день не сложилось.

Представляется, что на современном этапе именно КДН, как коллегиальный орган, включающий в себя представителей практически всех заинтересованных ведомств, занимающихся вопросами образования, здравоохранения, социальной защиты населения, профилактики правонарушений несовершеннолетних на территории муниципальных образований, орган, строящий свою работу при широком участии общественности, совмещающий в себе одновременно черты государственного органа и общественной организации действительно при соответствующем правовом обеспечении еще долго может служить центром или ядром организации взаимодействия и координации профилактической работы с несовершеннолетними.

Значение тесного сотрудничества КДН с органами внутренних дел трудно переоценить. Районные, городские комиссии по делам несовершеннолетних обязаны осуществлять совместно с органами внутренних дел наблюдение за поведением несовершеннолетних, подвергнутых мерам воспитательного или административного воздействия; осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы; условно осужденных и досрочно освобожденных от отбывания наказания; возвратившихся из специальных учебно-воспитательных и

[1] Арзамасов Ю.Г. Проблемы подростковой преступности в крупных городах и пути ее профилактики // Гражданин и право. - 2007. - № 4. - С. 23.

лечебно-воспитательных учреждений или отбывших наказание в воспитательно-трудовых колониях; а также вести совместный их учет.

Вместе с КДН и ЦВИНП они выявляют неблагополучные семьи, которые не обеспечивают необходимые условия для воспитания детей, относятся к группе риска, пьянствуют и т.п. Наряду с КДН ведут учет неблагополучных семей, безнадзорных подростков в городе или районе, принимают необходимые меры для улучшения их воспитания и организации надзора за ними; периодически контролируют работу КДН и ЦВИНП, органов образования; осуществляют надзор за выполнением обязанностей по воспитанию опекунами и попечителями детей, оставшихся вследствие болезни или смерти родителей, лишения их родительских прав либо по другим причинам без соответствующего родительского присмотра[1].

В предупреждении безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних особое место должна занять совместная работа комиссий по делам несовершеннолетних и органов внутренних дел по трудоустройству подростков, оставивших занятия в школе или уволившихся с работы и нигде не работающих, а также возвратившихся из специальных воспитательных учреждений или воспитательных колоний.

[1] Кустова М.В. Проблемы функционирования специальных органов по делам о правонарушениях несовершеннолетних // Правоведение. - 2003. - № 3. - С. 78.

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ ИЛИ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ? (ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ)

Пагурец Антон Сергеевич,
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Красноярского государственного аграрного университета

Научный руководитель:
Тепляшин Павел Владимирович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического института МВД РФ

Основной практической целью науки криминологии является через познание закономерностей преступности создание системы ее предупреждения, позволяющей своевременно и эффективно выявлять и устранять (либо нейтрализовывать) детерминирующие это явление факторы.

Криминологами разработано множество различных определений понятия «предупреждение преступности», сущность которых сводится к тому, что под предупреждением преступности следует понимать систему государственных и общественных мер, направленных на выявление и устранение (либо нейтрализацию) факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений.

Таким образом, целью предупреждения преступности является защита интересов граждан, общества и государства, осуществляемая путем выявления и устранения факторов, детерминирующих преступность, ограничения сферы ее действия, снижения темпов роста и т.д.

Для достижения указанной цели должны быть решены следующие задачи:

- выявление и устранение факторов, детерминирующих существование преступности и совершение преступлений;
- индивидуальное воздействие на лиц с противоправным поведением;
- снижение у населения и отдельных граждан риска стать жертвами преступных посягательств.

В криминологической литературе используются различные термины: «предупреждение», «профилактика», «превенция», «предотвращение», «противодействие», «пресечение». При этом одни авторы используют их как понятия, отличные по содержанию, аргументируя это следующим образом: «по существу, это – смежные понятия. Тем не менее каждое такое понятие имеет самостоятельное смысловое значение, особенно когда речь

идет об их функциональном предназначении»[1]. Так, А.Г. Лекарь и А.Ф.Зелинский, разграничивая термины «предотвращение» и «профилактика», под «предотвращением» подразумевают воспрепятствование совершению конкретного преступления, под «профилактикой» – устранение причин и условий, способствующих совершению преступления[2].

Другие критикуют первых: «некоторые авторы пытаются разграничить значение указанных терминов, связывая их с различными уровнями, этапами, направлениями и видами предупредительной деятельности. В большинстве работ, как и в нормативных актах и методических рекомендациях… они применяются как взаимозаменяющие»[3].

При этом одни авторы используют их как понятия, отличные по содержанию[4], а с точки зрения других они применяются как взаимозаменяемые[5].

Необходимо отметить, что термины «предупреждение» и «превенция», хотя в целом и не являются языковыми синонимами (с лингвистической точки зрения), но применительно к объекту описания – преступности как явлению – они используются в большинстве случаев как синонимы. Эти термины, а также «профилактика», «предотвращение» и «противодействие», – могут относиться и к преступности (как к явлению), и к преступлению (как к деятельности), в отличие от такого термина, как «пресечение», который может применяться, во-первых, только к преступлениям, а во-вторых, к уже совершающимся преступлениям (находящимся на стадии приготовления, покушения, или длящимся преступлениям). Таким образом, в данном случае можно говорить о терминологической несовместимости термина «пресечение» с перечисленными выше.

В свою очередь, у терминов «предотвращение» и «противодействие» темпоральные границы размыты, то есть в тех случаях, когда они

---

[1] Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили / Под ред. Г.А. Аванесова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 298. См. также: Криминология и организация предупреждения преступлений. М., 1995. С. 125-126 и др.

[2] См., например: Лекарь А.Г Профилактика преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. С. 45; Зелинский А.Ф. Значение нормы уголовного права для предупреждения преступлений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1966. С. 4.

[3] Криминология: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / [Гуров, А.И. и др.]; науч. редакторы – Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунев. - М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 185. См. также: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 267.

[4] См., например: Антонян Ю.М. О понятии профилактики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 26. М.: Юрид. лит., 1977. С. 25-34.

[5] См., например: Гельфанд И.А., Михайленко П.П. Предупреждение преступлений – основа борьбы за искоренение преступности. М.: Юрид. лит., 1964. С. 12-13.

применяются к преступлениям (а не к преступности), это могут быть как еще не начавшиеся, так и уже совершающиеся преступления.

Что же касается термина «профилактика», употребляющегося законодателем в федеральных законах[1], то анализ последних приводит нас к выводу о том, что под профилактикой понимается система мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих тому или иному явлению, то есть, по сути, законодатель использует термин «профилактика» в том же смысле, какой криминологи обычно придают термину «предупреждение».

В связи с изложенным, говоря о преступности как явлении, наиболее приемлемо, на наш взгляд, использовать в качестве взаимозаменяемых термины «предупреждение», «профилактика» или «превенция». Если же говорить о преступлении как деятельности, то следует использовать термин «предотвращение», если оно еще не началось, и «противодействие» или «пресечение», если преступление уже совершается (хотя бы на стадии приготовления).

В то же время следует заметить, что в отношении такого явления как «коррупция» законодатель чаще использует термин противодействие, что, на наш взгляд, является не совсем приемлемым.

Одним из спорных моментов является также вопрос о том, можно ли «предупреждать преступность» или нужно говорить о «предупреждении преступлений»? Этот вопрос так же возник в связи с тем, что преступность – это явление, а преступление – деятельность. По мнению одних авторов, «указанная выше деятельность (имеется в виду «предупреждение» – А.П.) многими криминологами рассматривается как предупреждение не преступлений, а в целом преступности. Такая постановка вопроса представляется не совсем точной, поскольку предупреждение (недопущение) преступности как негативного объективно существующего в любом обществе социального явления практически невозможно».

Другие отмечают, что понятия «предупреждение преступлений» и «предупреждение преступности» используются ими как взаимозаменяющие. «При этом о предупреждении преступлений говорится в случаях, когда надо подчеркнуть конкретику этой деятельности, ее направленность на ограничение числа совершаемых преступлений, в сумме составляющих преступность. О предупреждении преступности говорится тогда, когда речь идет об упреждении развития этого явления в целом. Иными словами наша терминология зависит от направленности

[1] См., например: Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (с изм. от 7 февр. 2011 г.); О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.

анализа «снизу вверх» (от преступления к преступности) или «сверху вниз»»[1].

Третья группа авторов полагает, что «нет смысла противопоставлять рассматриваемые термины друг другу. Следует представлять процесс предупреждения преступности и предупреждения преступлений как единый, у которого, как и у любого другого, есть свои частные и общие закономерности»[2]. И данная точка зрения, по нашему мнению, наиболее приемлема.

[1] Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. С. 264.

[2] Криминология: учебник / Г.А. Аванесов, С.М. Иншаков, С.Я. Лебедев, Н.Д. Эриашвили. Указ. изд. С. 292.

Секция

Актуальные вопросы теории и практики российского уголовного процесса

ПОНЯТИЕ ВСЕСТОРОННОСТИ, ПОЛНОТЫ И ОБЪЕКТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАУКЕ

Брестер Александр Александрович,
аспирант кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Барабаш Анатолий Сергеевич
д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

Всесторонность, полнота и объективность исследования – важнейшее положение в уголовном процессе, от которого зависит построение доказательственной деятельности.

Суждения, близкие к современному уголовно-процессуальному пониманию всесторонности, полноты и объективности исследования мы можем найти уже в ряде достаточно ранних работ 19 века. Например, в одной из первых серьезных работ на русском языке профессора Санкт-Петербургского Университета Я.И. Баршева[1] и др.

Из этого и иных исследований можно сделать вывод о существовании понимания того, что в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела в суде должны устанавливаться максимально полно все обстоятельства, которые необходимы для квалификации деяния. Обязанность по такому установлению должна была лечь, по мнению ученых того времени на плечи государства.

Уже позже, в период подготовки судебной реформы, Н.И. Стояновский в своем «Практическом руководстве к русскому уголовному судопроизводству» также указывал, что следствие должно стремиться к «возможно-полному» исследованию всех обстоятельств дела. Последние должны быть приведены в такую ясность и полноту, чтобы сомнений в постановлении приговора не возникло.[2]

Подобное понимание обязанностей следственных и судебных органов стало основой для закрепления в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., в ст.265 нормы об обязанности следователя с

[1] Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применение к российскому уголовному судопроизводству. - СПб, 1841. - С.65, 72, 169-170.

[2] Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. Часть II (издание 2-е, исправленное и дополненное) /сост. Н. Стояновский. - М.: 1858 С.79-80.

полным беспристрастием приводить в известность как обстоятельства уличающие обвиняемого, так и обстоятельства его оправдывающие.

В советский период развития уголовно-процессуальной науки взгляды на всесторонность, полноту и объективность стали оформляться четче. Во многом это связано с нормативным закреплением указанных положений в УПК РСФСР 1923 года. В период с 1931 по 1953 г., т. е. на протяжении более двух десятилетий, в качестве учебников по советскому уголовному процессу издавались книги лишь двух авторов — М. С. Строговича и М. А. Чельцова. В первую очередь и тот и другой автор определяют им одно место – принцип предварительного расследования. В качестве общего принципа уголовного процесса ни отдельно, ни вместе всесторонность полнота и объективность не выделяются.[1] Возможно потому, что на тот момент положения о всесторонности, полноте и объективности воспринимались как часть принципа объективной истины.[2] Второе сходство – отсутствие среди рассматриваемых понятий всесторонности. Полнота и объективность выделяются как принципы предварительного расследования (на этом их единство в рассматриваемых работах заканчивается), а о всесторонности есть лишь упоминания, без определения и характеристики этого понятия, несмотря на нормативное закрепление указанного термина, а также наличие философских работ по данному вопросу.

В 1970-е и до исчезновения положения о всесторонности из закона понимание рассматриваемой триады, основанное на тех положениях, что были в науке ранее, конкретизировалось и относительно устоялось. Так, в коллективном труде «Теория доказательств в советском уголовном процессе» отмечается, что всесторонность, полнота и объективность находит выражение во всех институтах доказательственного права. Далее дается следующая характеристика указанному принципу: «он означает, что должны быть тщательно выяснены все существенные обстоятельства дела, в том числе смягчающие (устраняющие) уголовную ответственность; должны быть собраны, проверены и оценены все необходимые доказательства; подлежат тщательному выяснению не только обстоятельства самого преступления, но и обстоятельства, которые способствовали его совершению, а равно фактические данные, необходимые для разрешения гражданского иска; суд, прокурор и орган расследования обязаны соблюдать полную беспристрастность, непредвзятость в исследовании доказательств, не поддаваться влиянию заинтересованных в исходе дела лиц».[3]

---

[1] См. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса, Т.2, М.: Наука, 1970, С.56; Советский уголовный процесс. Учебник / Чельцов М.А.. - 2-е изд., перераб. - М.: Госюриздат, 1951. - С..234-235.

[2] Строгович М.С. Указ.соч. - С.56.

[3] Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р.С. Белкин, А.И. Винберг, А.Я. Дорохов и др.; Ред. кол.: Н.В. Жогин (отв. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юрид. лит., 1973. - С.328-329.

Смеем утверждать, что и сегодня ситуация не слишком изменилась. Учебная литература, которая по призванию должна аккумулировать все устоявшиеся в науке достижения в своем современном явлении делится на две категории относительно нашего вопроса. В одной части учебников по уголовному процессу практически дословно воспроизводятся характеристики всесторонности полноты и объективности, данные в советский период и рассмотренные нами ранее. В другой части используются только указанные термины, скорее как формулы, содержание которых всем как бы давно известно и понятно. Второй случай относится также к большинству вышедших с 2002 года монографий, статей, комментариев к УПК РФ и т.п.

Подводя итог нашему небольшому обзору, можно отметить, что современное толкование данной триады было заложено еще в 1840–е годы. Постепенно шло терминологическое оформление и с развитием диалектики на материалистическом начале всесторонность, полнота и объективность приобрели современное очертание и более или менее четкое определение. Но сама традиция такого понимания коренным образом не ломалась. Как за основу рабочего определения по итогам обзора мы хотели бы позаимствовать формулировки В.С. Бурдановой, которые, на наш взгляд хорошо аккумулировали устоявшиеся в науке взгляд на всесторонность, полноту и объективность, дав им такую характеристику. При этом считаем нужным дополнить автора некоторыми моментами. **Всесторонность** она определяет как установление всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, в том числе и оправдывающих обвиняемого. Рассмотрение всех возможных версий совершения преступления. **Полнота** есть достаточное количество доказательств по каждому факту (обстоятельству), чтобы с уверенностью можно было полагать, что искомый факт и все необходимые факты доказаны с достоверностью. **Объективность** же – принятие решений на основе фактов, установленных в соответствии с законом, с объективной действительностью, на основе беспристрастного расследования.[1] Указанные определения выражены кратко, но в полной мере отражают ту традицию понимания, которая существует в российской уголовно-процессуальной науке. Остается к этому только добавить, что единство этих трех элементов признается и никем не оспаривается. При этом **в данном материале мы не выражаем согласие с существующим пониманием**, а лишь констатируем, что оно такое в науке есть.

[1] Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. - СПб, 2003. - С.21.

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМАЛЬНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СЛУШАНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИССЛЕДОВАНИЕМ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛУ[1]

Бухранова Татьяна Сергеевна,
студентка юридический факультет
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Ковтун Николай Николаевич,
д.ю.н., профессор кафедры
уголовного права и уголовного процесса
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Одним из основных принципов уголовного судопроизводства России является принцип состязательности сторон, закрепленный в ст. 15 УПК РФ. Данный принцип предполагает разделение функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела между различными субъектами, ведущими процесс, а также процессуальное равноправие стороны обвинения и защиты перед судом[2]. Одним из механизмов реализации данного принципа является институт разрешения ходатайств сторон об исключении доказательств, полученных нарушением закона или прав заинтересованных лиц. Предмет нашего внимания: разрешение подобного рода ходатайств ходе предварительных слушаний.

Данный институт функционирует в современном российском уголовном процессе около 10 лет. В данной связи, необходимо выявить действительно ли указанный институт работает на практике и является эффективным механизмом защиты интересов и прав участников уголовного судопроизводства. Чтобы ответить на данный вопрос обратимся для начала к некоторым теоретическим вопросам.

В уголовно-процессуальной доктрине отсутствует единое мнение о правовой природе института заявления и разрешения ходатайств об исключении доказательств в рамках предварительных слушаний.

[1] Работа подготовлена при содействии научно-исследовательского гранта Фонда научных исследований НИУ–ВШЭ № 10-04-0012 «Учитель – Ученики» 2010-2011 гг.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001№ 174-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

Н.Г. Муратова, полагает, что разрешение подобных ходатайств судом по своей сущности является ни чем иным как оперативным судебным контролем[1].

П.Л. Ишимов придерживается иной точки зрения. Он отмечает, что разрешение судом данного рода ходатайств, по сути, является формой осуществления правосудия[2].

Полагаем, в данном вопросе следует согласиться с Н.Г. Муратовой, поскольку основной целью оперативного судебного контроля является именно защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства от незаконных действий и решений органов, осуществляющих предварительное следствие, до непосредственного рассмотрения дела по существу.

Однако, как показывают официальные статистические данные и результаты специальных исследований[3], с каждым годом количество предварительных слушаний ввиду заявленных ходатайств об исключении доказательств по делу неуклонно падает. Это обусловлено в первую очередь тем, что заинтересованные участники процесса перестали верить в эффективность осуществления данной формы судебного контроля на данном этапе.

Наряду со статистическими данными проведенный (нами) анализ судебной практики также демонстрирует неэффективность данного института. Судьи, игнорируя право сторон на исключение доказательств в ходе предварительных слушаний, зачастую откладывают разрешение подобных ходатайств до судебного разбирательства.

Так, судебная коллегия по уголовным делам, отменяя приговор Крымского районного суда Краснодарского края, указала следующее: уголовное дело по обвинению Ш. назначено к рассмотрению без проведения предварительного слушания – судьей единолично. Между тем, в период до назначения судебного заседания обвиняемым, его законным представителем и адвокатом поданы несколько жалоб, заявлений и ходатайств; в том числе о прекращении дела в отношении Ш. и об исключении недопустимых доказательств. При таких обстоятельствах по делу суду необходимо было назначить предварительное слушание на основании ст. 228 ч. 6, 229 ч. 2 п. 1 УПК РФ, а также для разрешения вопроса о составе суда.

---

[1] См.: Муратова, Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Под ред. Н.В. Бахарева. – Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. - С. 68.

[2] См.: Ишимов, П.Л. Судебный контроль в стадии назначения дела к слушанию // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. – 2005. – № 6(2). - С. 143.

[3] См.: Юнусов, А.А. Теория и практика эффективной подготовки уголовного дела к судебному разбирательству (к разработке концепции). Монография / А.А. Юнусов. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2005. - С. 204.

Однако постановлением судьи судебное заседание по делу назначено без проведения предварительного слушания и единолично.

Указанные нарушения уголовно-процессуального закона при назначении судебного заседания по делу являются существенными: в силу ограничения прав участников судопроизводства и несоблюдения процедуры, установленной УПК РФ. Они же повлияли на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора, что в силу ч. 1 и п. 2 ч. 2 ст. 381 УПК РФ влечет безусловную его отмену[1].

Приведенное решение является далеко не единичным примером ограничения прав граждан на доступ к эффективному правосудию, а между тем повышение доступности правосудия является приоритетной задачей проводимой в России судебной реформы и гарантируется нормами международного права.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отмечает, что проведение предварительных слушаний является не правом суда, а его обязанностью при наличии ходатайства об исключении доказательств[2].

Как справедливо отмечает К.Б. Калиновский, «использование презумпции недопустимости доказательства, полученного с нарушением федерального закона, обязывает суд в ходе предварительного слушания рассмотреть ходатайство об исключении доказательства по существу, а не откладывать его разрешение на стадию судебного разбирательства»[3].

Как видим, институт разрешения ходатайств об исключении доказательств в рамках предварительных слушаний является неэффективным механизмом защит прав участников уголовного судопроизводства. Судьи подходят к разрешению подобных ходатайств формально. Игнорирование данного института ведет к затягиванию уголовного процесса, поскольку судьи вынуждены в итоге рассматривать заявленные ходатайства уже в ходе рассмотрения уголовного дела по существу.

Проведенный анализ функционирования института разрешения ходатайств об исключении доказательств, заявленных в рамках предварительных слушаний, показывает необходимость его реформирования. В частности, представляется необходимым проведение предварительных слушаний по данному основанию независимым

---

[1] Судебная практика за 2003 год Краснодарского краевого суда [Электронный ресурс] . – Режим доступа: http://www.kubansud.ru/ss_detale.php?id=664. – Загл. с экрана.

[2] Обзор судебной практики Верховного суда РФ за третий квартал 2008 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://legallib.ru/obzor-sudebnoi-praktiki-za-3-kvartal-2008-goda.html. – Загл. с экрана.

[3] Калиновский, К.Б. Презумпция недопустимости доказательств, полученного с нарушение уголовно-процессуального закона // Актуальные проблемы права и судебной власти в современном российском обществе. Материалы конференции. Северо-Кавказский филиал Российской академии правосудия 11 апреля 2008 года. – Краснодар, 2009. - С. 35.

беспристрастным судьей (следственным судьей), который будет подходить к разрешению данного вопроса более компетентно и оперативно. Кроме того, у участников уголовного судопроизводства будет возможность незамедлительного обжалования его решений в вышестоящую инстанцию.

По сути, на это же указывает и М.А. Верещагина, отмечая, что «предварительное слушание для решения вопроса об исключении доказательства следует проводить судье, не участвующему в дальнейшем в рассмотрении уголовного дела в суде первой, второй инстанций или в порядке надзора, а равно участвовать в новом рассмотрении уголовного дела в суде первой или второй инстанций»[1].

[1] Верещагина, М.А. Процессуальный порядок признания доказательств недопустимыми в ходе предварительных слушаний: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Верещагина Мария Александровна. – Челябинск, 2008. - С. 12.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В СВЕТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТ.97 УПК РФ

Иванова Ольга Геннадьевна,
ассистент кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Стойко Николай Геннадьевич,
д.ю.н., профессор кафедры
уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета

Для принятия правильного и обоснованного решения о мере пресечения необходимо дать оценку фактическим обстоятельствам дела и на основании собранных доказательств, сделать вывод (по сути – прогноз) о таком поведении обвиняемого (подозреваемого), которое дает основание применить к нему меру пресечения. Вывод о вероятном поведении обвиняемого (подозреваемого) должен базироваться на объективно установленных фактах, на реальных доказательствах, свидетельствующих о том, что лицо может скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать установлению истины, заниматься преступной деятельностью, уклониться от исполнения приговора. Такой вывод нужно основывать на тех доказательствах, которыми следователь, дознаватель или суд располагают уже сейчас – на данный момент. Мы проанализировали материалы уголовного дела в отношении К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.228 УК РФ. Из материалов дела следует, что в отношении гр-на К. было возбуждено уголовное дело по ч.2 ст.228 УК РФ, в этот же день он был задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, допрошен в качестве подозреваемого, в этот же день ему было предъявлено обвинение. Уже на следующий день после задержания этого обвиняемому была избрана мера пресечения – заключение под стражу. Доводы следователя выглядели следующим образом: «возможность обвиняемого продолжить заниматься преступной деятельностью – незаконной перевозкой наркотических средств, оказать воздействие на свидетелей, скрыться от органов предварительного следствия и суда, поскольку обвиняемый не проживает на территории Красноярского края». Вместе с тем, ссылка на то, что обвиняемый намерен скрыться от дознания, предварительного следствия или суда ничем не подтверждена, о каких свидетелях идёт речь из материалов дела не понятно. Так, по нашему мнению, о намерении скрыться может свидетельствовать, например,

снятие с регистрационного, воинского учетов; увольнение с работы; распродажа имущества; приобретение проездных билетов, недвижимости в ином населенном пункте; действия по изменению документов, удостоверяющих личность, нарушение ранее избранной меры пресечения, нахождение в оперативном или федеральном розыске. Необходимо было выяснить максимальное количество сведений, касающихся места работы подозреваемого или источника его дохода (пенсия, пособие, алименты и пр.). Обстоятельствами, которые могут свидетельствовать о том, что обвиняемый может продолжить заниматься преступной деятельностью, являются: нахождение на свободе соучастников преступления, а также сведения о личности подозреваемого, в частности, о его прежних судимостях, сведения о пристрастии подозреваемого к наркотическим веществам и алкоголю. Указанные сведения подтверждаются справками о том, состоит ли подозреваемый на учете в наркологическом диспансере, справками о судимости, копиями приговоров, согласно которым, например, подозреваемый ранее уже совершал преступления в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, а также допросами родственников, знакомых, сослуживцев, подозреваемого. Намерение продолжить занятие преступной деятельностью могут подтверждать данные о налаживании преступных связей, приискании орудий для совершения преступлений, отсутствие легальных источников доходов и т.д. Особое внимание уделяется прежним судимостям обвиняемых, фактам применения к лицу мер общественного воздействия за правонарушения, совершение административных проступков, отрицательное поведение в быту и т. п. Кроме того, к материалам, подтверждающим обоснованность возбужденного перед судом ходатайства необходимо приложить справки, содержащие сведения о том, что подозреваемый или лица из его ближайшего окружения находятся в оперативных разработках, отрабатываются на причастность к совершению ряда преступлений, находятся на свободе и всячески ищут контакта с задержанным. Угрозы свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства могут быть подтверждены их заявлениями, результатами контроля и записи телефонных и иных переговоров и т.д. Для сбора данных, подтверждающих вышеуказанное основание, следователю необходимо допросить потерпевших, свидетелей о том, знакомы ли они с подозреваемым, в каких отношениях с ним находятся, высказывал ли подозреваемый в их адрес какие-либо угрозы, знает ли, где они проживают, как их найти. Фактически ничего этого следователем не сделано и не установлено, каких-либо доказательств, обосновывающих позицию, не приведено. Обвиняемый и его защитник возражали против удовлетворения данного ходатайства следователя и приводили следующие доводы: «К. скрываться и оказывать давление на свидетелей не собирается,

так как он женат, имеет постоянное место жительство на территории РФ, является пенсионером, пожилым человеком, инвалидом 2 группы, в связи с онкологическим заболеванием, нуждается в лечении, которое невозможно в условиях изоляции от общества, он ранее не судим, в связи с чем, к нему возможно применить более мягкую меру пресечения, в частности подписку о невыезде.» Суд, мотивировав своё решение об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу, сослался на характер и тяжесть инкриминируемого деяния, а также указал, что «с учётом вида и размера изъятого наркотического средства – героин, может продолжить заниматься преступной деятельностью, при этом, понимая и осознавая тяжесть возможного наказания, предусмотренного за данный вид преступления только в виде лишения свободы на срок до 10 лет, являясь пенсионером, может скрыться от органов следствия и суда». Через 2 месяца срок содержания под стражей был продлён. В Постановлении о возбуждении перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей следователь указал следующее: «по делу необходимо ознакомить К. и его защитника с полученными экспертизами, предъявить К. новое обвинение и ознакомить с материалами уголовного дела, составить обвинительное заключение. В связи с тем, что К. житель другой области, может скрыться от органов предварительного следствия и суда, оснований отмены и изменения меры пресечения нет. Учитывая степень общественной опасности совершённого К. преступного деяния, а также для обеспечения исполнения приговора…» Т.е., следователь просит продлить срок заключения под стражу, потому что ему просто удобно держать обвиняемого «под рукой», более того, он мотивирует это обеспечением исполнения приговора, которого ещё нет. Суд срок ареста продлил. Ещё через 2 месяца следователь вновь обращается с ходатайством о продлении срока содержания под стражей на один месяц. В обосновании своих требований следователь пишет «основания для изменения или отмены избранной меры пресечения отсутствуют, так как К. обвиняется в совершении тяжкого преступления, может заниматься преступной деятельностью, а именно перевозкой наркотических средств, может оказать воздействие на свидетелей совершённого преступления. В связи с тем, что К. житель другой области, может скрыться от органов предварительного следствия и суда». Не вполне понятно, на основании чего следователь сделал вывод о том, что К. может вновь заняться перевозкой наркотических средств. Адвокат обвиняемого заявил ходатайство об изменении ранее избранной меры пресечения в виде заключения под стражу на залог, обосновав это тем, что К. является пенсионером, ранее к уголовной ответственности не привлекался, по месту жительства характеризуется положительно. Кроме того, К. бессрочно является инвалидом второй группы, страдает тяжёлым онкологическим

заболеванием – раком щитовидной железы 4 степени и раком предстательной железы 2 степени. Сын обвиняемого выразил желание внести залог деньгами в сумме 500 000 руб. Сын обвиняемого снял для К. квартиру в г. Красноярск. За время нахождения в СИЗО у К. ухудшилось состояние здоровья, необходимого лечения он не получает, поскольку отсутствуют специалисты и нужные медикаменты, помимо этого, у него появились новые заболевания. Учитывая доводы защитника, суд изменил ранее избранную меру пресечению избрав залог, определив вид и размер залога в виде денежных средств в сумме 1 000 000 руб.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕКРАЩЕНИЯ ВОЛОКИТЫ, ДОПУСКАЕМОЙ ПРИ ДОСЛЕДСТВЕННЫХ ПРОВЕРКАХ СООБЩЕНИЙ О НЕЗАКОННОМ НАСИЛИИ, ПРИМЕНЯЕМОМ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Исаченков Семён Борисович,
студент 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Барабаш Анатолий Сергеевич
д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

При рассмотрении Следственным комитетом РФ (ранее – Следственным комитетом при прокуратуре РФ) сообщений граждан о пытках, применяемых сотрудниками правоохранительных органов, очень велик процент отказов в возбуждении уголовного дела по ст. ст. 285, 286, 301, 302 УК РФ. Данную проблему усугубляет то, что в некоторых случаях незаконное постановление следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела не может быть обжаловано в порядке ст. 124 или 125 УПК РФ.

До 28.12.2010г. причина такой невозможности заключалась в следующем. Руководитель следственного органа в соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ по своей инициативе в рамках ведомственного контроля или по указанию прокурора отменял постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и предписывал следователю или нижестоящему руководителю следственного органа производство дополнительной проверки. Подчинённый субъект снова выносил незаконное и необоснованное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, и указанный алгоритм повторялся. Повторяться он мог до тех пор, пока не истекали предусмотренные ч. 1 ст. 78 УК РФ сроки давности уголовного преследования. 28.12.2010г. был принят ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия». В соответствии с ч. 6 ст. 148 УПК РФ в её новой редакции, признав отказ руководителя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор выносит постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о направлении материалов для дополнительной проверки. Причём прокурор, как видно из этой нормы, может дать только указание провести дополнительную проверку; полномочие же прокурора

по указанию на необходимость возбуждения уголовного дела при наличии основания и повода для этого законодатель не предусматривает. Регламентация полномочий субъекта, осуществляющего надзор за соблюдением закона, сводящаяся к тому, что при наличии основания для возбуждения уголовного дела он не может ни возбудить его, ни потребовать возбуждения, является недопустимой. Исполняя указание прокурора, руководитель следственного органа направляет материалы следователю или нижестоящему руководителю для дополнительной проверки. После внесения указанных изменений в УПК РФ осталась возможной и отмена постановления об отказе в возбуждении уголовного дела руководителем следственного органа по собственной инициативе, без вмешательства прокурора. Что будет в дальнейшем служить основным катализатором для отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (указание прокурора или инициатива руководителя), мы не знаем. Однако есть все основания прогнозировать распространённую практику предписывания руководителями следственных органов дополнительных доследственных проверок при отсутствии оснований для этого и повторение «пинг-понга», подобного тому, какой существовал до 28.12.2010г. Обжалование постановления об отказе в возбуждении уголовного дела было невозможно до изменения редакции ч. 6 ст. 148 УПК РФ, невозможно оно и после него, так как в обоих случаях предполагается его отмена, неважно, руководителем следственного органа или прокурором. Отменённый акт, разумеется, обжаловать нельзя. Количество дополнительных проверок законодателем не урегулировано.

Незаконные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела могут быть двух видов: а) содержащие в себе информацию, позволяющую сделать вывод о наличии основания для возбуждения уголовного дела и следующее после неё неправильное умозаключение об отсутствии события или состава преступления; б) не содержащие в себе такую информацию и имеющие место в тех случаях, когда уполномоченный субъект фактически не проводил проверку в отведённый срок и никаких данных не собрал.

Если имеет место вариант под буквой «а», действия по прекращению упомянутой волокиты должны быть следующими. Необходимо обжаловать постановление руководителя следственного органа о направлении материалов проверки в подчинённый ему следственный орган для дополнительной проверки, вынесенное им во исполнение постановления прокурора. И правовое обоснование такого обжалования будет следующее. В соответствии с ч. 1 ст. 146 УПК РФ, при наличии повода и основания, предусмотренных ст. 140 УПК РФ, руководитель следственного органа в пределах компетенции, установленной УПК РФ, возбуждает уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление. Ст. 52 Конституции РФ закрепляет право на доступ к правосудию. П. 2.1

Определения Конституционного Суда РФ от 20.12.2005г. №477-О говорит о том, что указанная норма предполагает обязанность уполномоченных субъектов при наличии основания возбуждать уголовные дела. Ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учётом её каузального толкования, данного Страсбургским судом (Постановления по делам: «Ассенов и др. против Болгарии» от 28.10.1998г., «Шерстобитов против РФ» от 10.06.2010г.) устанавливает, что если лицо подаёт требующую доказывания жалобу о применении в отношении него насилия сотрудниками правоохранительных органов, то государство обязано провести эффективное расследование по этому заявлению. А УПК РФ определяет такую организационную предпосылку предварительного расследования, как возбуждение уголовного дела. Это свидетельствует об обязанности руководителя следственного органа возбудить уголовное дело в случае, если это не было сделано следователем или нижестоящим руководителем, а возможность определить основание для возбуждения уголовного дела по материалам проверки и постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела у последнего руководителя была. И если даже прокурором было вынесено постановление об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о направлении материалов для дополнительной проверки, это не является основанием освобождения руководителя от указанной обязанности. Ведь указанные нормы Конституции РФ и Конвенции о защите прав человека и основных свобод свидетельствуют и об обязанности прокурора как субъекта, осуществляющего надзор, вопреки ч. 6 ст. 148 УПК РФ обязать сотрудников следственного органа возбудить уголовное дело.

В случае же если имеет место вариант «б», нужно обеспечить проводящего проверку субъекта информацией, свидетельствующей об основании для возбуждения уголовного дела, которая им не была собрана и не собирается в силу его бездействия. Если такая информация не будет отражена и оценена в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, у руководителя следственного органа не будет возможности самому установить основание для возбуждения уголовного дела, а значит, не будет и обязанности возбудить дело. Такая информация собирается правозащитными организациями в ходе общественного расследования. После предоставления информации нужно дождаться итогов проверки. Если в возбуждении уголовного дела будет вновь отказано, из предоставленной информации будет сделан вывод об отсутствии события или состава преступления, а схема действий прокурора и руководителя следственного органа будет аналогичной вышеупомянутой, следует так же, как и в случае «а», обжаловать в суд постановление руководителя следственного органа, предписывающее дополнительную проверку.

Решение руководителя следственного органа во всех случаях следует обжаловать до принятия нового постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, так как после его принятия это решение уже не будет являться актом, непосредственно нарушающим доступ лица к правосудию. Жалобу предпочтительнее подавать в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, поскольку данный орган является независимым и приводит к более качественным результатам, а также признаётся Страсбургским судом эффективным национальным средством правовой защиты[1].

[1] Курс «Права человека»: учеб. пособие для сотрудников аппаратов уполномоченных и комиссий по правам человека в РФ - М.: Московская Хельсинская группа, 2005. - С. 123-125.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Максимова Анна Александровна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Барабаш Анатолий Сергеевич
д.ю.н., профессор кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

После вступления в силу федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 403 "О следственном комитете Российской Федерации" данный орган становится самостоятельным федеральным органом власти организационно и функционально независимым от Прокуратуры РФ. Данное решение законодателя продиктовано необходимостью повышения эффективности и качества расследования преступлений путем окончательного, организационного разграничения функций прокурорского надзора и предварительного следствия. Начало этому было положено еще ФЗ №87 «О внесении изменений в УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ» от 05.06.2007 при создании самостоятельного структурного подразделения Прокуратуры РФ - Следственного комитета при Прокуратуре РФ. Существование в рамках одного ведомства двух различных органов подвергалось постоянной критике в силу того, что первейшей задачей было раскрытие преступлений, а контроль за законностью такой деятельности уходил на второй план.

Функционирование Следственного комитета вне системы прокуратуры РФ создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, позволит повысить объективность следствия, тем самым обеспечивая законность в сфере уголовного судопроизводства и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан.

Правовые основы деятельности прокурора на стадии досудебного производства по уголовному делу составляют УПК РФ и закон «О прокуратуре РФ». Так, нормой ч. 1 ст. 37 УПК РФ определено, что прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, установленной кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью

органов дознания и органов предварительного следствия. О функции уголовного преследования прокурора в рамках предварительного следствия сейчас говорить проблематично. Основная функция прокурора, закрепленная в ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ», осуществление от имени Российской Федерации надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации. Прокурор является гарантом законности, его деятельность направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

С принятием федерального закона «О Следственном комитете РФ» внесены изменения в отдельные законодательные акты в связи с совершенствованием органов предварительного следствия. ФЗ №404 от 26.12.2010, были расширены полномочия прокурора, предусмотренные статьей 37 УПК, которые в течение последних трех лет существенно сокращались и передавались руководителю следственного органа. Прокурор не мог отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, если считал его незаконным и необоснованным. Он лишь выносил постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. У прокурора не было реального механизма для надзорной деятельности, его решения были опосредованы решением руководителя следственного органа, что существенно снижало эффективность такой деятельности. Руководители следственных органов не всегда заинтересованы в выявлении нарушений уголовно-процессуального законодательства допущенных их подчиненными в силу того что являются процессуальными руководителями хода предварительного расследования. Они не только вправе давать следователю указания о направлении расследования и производства следственных действий, но также отменяют незаконные и необоснованные постановления следователя. Следовательно, выявленные прокурором нарушения, вина не только самого следователя, но и его руководителя допустившего такие нарушения, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отмена прокурором постановления об отказе в возбуждении уголовного дела может иметь место при наличии достаточных основании для такой отмены. Термин "достаточные" в главе 19 УПК РФ употребляется применительно к формулировке фактических оснований возбуждения уголовного дела («достаточные данные, указывающие на признаки преступления»). О каких-либо специфических основаниях отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, помимо наличия основания для возбуждения уголовного дела, законодатель не упоминает.

Но об этом основании в ч. 6 статьи 148 УПК РФ речь может идти применительно только к постановлениям органа дознания, дознавателя. В начале этой части говорится: «Признав постановление органа дознания, дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения». Следовательно, он может дать указание и о возбуждении уголовного дела. В отношении незаконных и необоснованных решений следователя, руководителя следственного органа, судя по дальнейшему тексту анализируемой части, у него таких полномочий нет. Он может отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, если проверка проведена неполно. Но ведь анализируя отказные материалы, он может придти к выводу о наличии основания для возбуждения уголовного дела. Что ему делать? Отправить в следственный орган для дополнительной проверки в такой ситуации недостойно прокурора как органа надзора, ведь он выявил наличие основания для возбуждения уголовного дела. Единственный выход – предоставить прокурору полномочие отменять постановление с предписанием решить вопрос о возбуждении уголовного дела. Но у нас большие сомнения, что практика примет такое толкование. С учетом высказанного предложения мы предлагаем следующую редакцию п. 6. ст. 148 УПК РФ:

«*6. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, в силу наличия оснований для возбуждения уголовного дела или дополнительной проверки прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление, содержащее конкретные указания и срок их исполнения.*

Если требования прокурора направлены на производство дополнительной проверки, в постановлении должны быть указаны обстоятельства, подлежащие проверке, на основе которых прокурор пришел к выводу о невозможности сделать однозначный вывод о законности постановления в связи с неполнотой ее проведения. Однако, в отличие от руководителя следственного органа прокурор не вправе давать обязательных для исполнения письменных указаний.

В ст.140 УПК РФ в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела добавили пункт 4 постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Многими учеными высказывалось мнение, о том, что необходимо вернуть полномочие прокурора по возбуждению уголовного дела. Такое предложение, на мой взгляд, нельзя считать правильным, в силу того что прокурор в таком случае не будет органом надзора, а будет подменять собой следствия. Гарантия защиты прав и свобод гражданина может быть реализовано только непредвзятым следствием и органом надзора, который незаинтересован в определенном исходе дела.

ПОЛНОМОЧИЯ АДВОКАТА ПО ОБЖАЛОВАНИЮ РЕШЕНИЙ ОРГАНОВ СЛЕДСТВИЯ, ПРОКУРАТУРЫ И СУДА

Пестрецов Павел Александрович,
студент 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Тузов Андрей Геннадьевич,
ассистент кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

Российское законодательство в процессе своего развития получило такие важные характеристики, как упорядоченность, кодифицированность, гибкость. Однако, вместе с этим, не излечилось и от некоторых своих недостатков, таких как громоздкость, а подчас и неоднозначность и противоречивость. Вследствие этого человеку, не обладающему специализированными знаниями, однако волей случая столкнувшемуся с необходимостью взаимодействия с законом, необходима профессиональная помощь человека, имеющего опыт работы с законом, ведь, как правило, необходимые знания невозможно получить самостоятельно, особенно за короткий срок. К тому же, подчас от квалифицированной помощи зависит очень много – от имущественного положения и до судьбы человека. Именно поэтому в Российской правовой системе существует институт адвокатуры. Адвокат – центральная фигура защиты в российском уголовном процессе, и, как правило, только он может помочь обвиняемому добиться наиболее справедливого и мягкого наказания.

Законодатель в РФ адекватно оценивает роль защитника в уголовном процессе, в связи с этим в ряде дел, как например дела, в которых обвиняемым является несовершеннолетний либо обвиняемому грозит 15 лет заключения либо более строгое наказание, рассматриваются с обязательным участием защитника (а так же по ряду причин, предусмотренных ст.51 УПК). Кроме того, дает ему полномочия, сопоставимые с полномочиями обвиняемого – они перечислены в статье 53 УПК. Данная статья, описывающая полномочия защитника, дает ему примерно те же процессуальные права, что и подозреваемому (обвиняемому), за исключением характерных для правового статуса каждого из них.

Одно из важнейших прав защитника – право на обжалование решений органов следствия, прокуратуры и суда. Суть этого право

истекает из п.10 ч.1 ст.53 УПК, а так же из главы 16 данного кодекса. Поскольку законодатель разделяет жалобы (в зависимости от того, какие права они призваны восстановить либо защитить) на рассматриваемые прокурором (ст. 124) и судом (ст.125), имеет смысл рассмотреть эти 2 вида обжалований по отдельности, однако прежде необходимо коснуться вопроса разграничения юрисдикции.

Статья 125, описывая судебный порядок рассмотрения жалоб, говорит о двух поводах обжалования решений и постановлений именно в суде - это действия либо решения, которые нарушают конституционные права граждан либо ставят их под угрозу, либо затрудняющие доступ к правосудию. Статья 124 в своей диспозиции подобных условий для применения не имеет. Таким образом, в законе нет четкого определения предмета обжалования, в связи с чем на практике возникает множество вопросов относительно разграничения применения, и в ряде случаев суды принимают к рассмотрению жалобу, предмет которой не связан с конституционными правами[1], либо наоборот, отказывают в рассмотрении жалобы, которую должен рассматривать именно суд. В связи с этим, возникает вопрос о законодательном установлении критериев, характеризующих предмет обжалования. К слову, в ряде случаев в неправильной классификации предмета может быть и вина адвоката, поскольку не смог правильно составить жалобу и четко определить предмет обжалования.

Вызывает недоумение срок, в который должна быть рассмотрена жалоба. В статье 124 указано, что прокурор должен рассмотреть жалобу в течение 3 дней, а в случае необходимости истребования дополнительных материалов до 10. Однако, по ряду причин на практике эта норма трудновыполнима. В п. 1.14 Приказа Генпрокуратуры РФ от 06.09.2007 N 136 прямо указано, что прокурор обязан тщательно проверят все изложенные в жалобе доводы, что, за дефицитом времени практически невозможно, ведь грамотное составление жалобы предполагает подробное описание обжалуемых обстоятельств. К тому же, для проверки доводов прокурору зачастую необходимо взаимодействовать с органами следствия и дознания, в том числе истребовать необходимые документы. Однако, в ведомственных актах не указана обязанность органов следствия предоставлять данные материалы прокурору, вследствие чего возникают конфликты и проволочки[2]. Возможно, законодателю следует урегулировать данные расхождения поправками в соответствующие статьи УПК.

---

[1]Лукьянова О.А. Статья 125 УПК РФ: проблемы, возникающие в судебной практике при рассмотрении жалоб заявителей // Уголовный процесс. – 2010. - №1.

[2] Кронов Е.В. Обжалование защитником действий и решений органа предварительного расследования как способ участия в доказывании по уголовному делу // Адвокат. – 2008. - №11.

Кроме того, рассматривая п. 2.1 ст. 124 можно обратить внимание на обязательность указания процессуальных действий, которые должны быть произведены в рамках удовлетворения жалобы. Эта норма представляется абсолютно правильной и необходимой, однако как она реализуется на практике? В УПК ответа на этот вопрос нет, однако его можно найти в нормативных актах ведомств. В приказе от 7 сентября 2007 г. N 5 СК РФ говорится о том, что получив от прокурора требования об устранении нарушений, следователь должен начать «подготовку предложений о его исполнении либо мотивированных возражений». Таким образом, постановление прокурора лишается своей императивной силы, а сама статья УПК приобретает декларативный характер. Естественно, что это отнюдь не способствует оперативности рассмотрения жалоб и эффективности их удовлетворения. Конечно, следователь должен иметь право на обжалование решений прокурора, однако факт обжалования не должен отменять либо приостанавливать действия этих решений.

Рассматривая статью 125, многие юристы критикуют положение части первой, в котором говорится, что решения могут быть обжалованы в районный суд по месту производства предварительного расследования. Вопрос ставится относительно обжалования в районный суд, что кажется нерациональным, поскольку ранее этот же суд выдавал разрешение на производство обжалуемых следственных действий[1]. Конечно, судья не может рассматривать жалобу на свое же решение, но что делать в тех случаях, когда жалоба подается в районные суды, в штате которых 2-3 судьи (что можно наблюдать в сельской местности)? Кроме того, нарекания вызывает положение о месте рассмотрения жалобы[2]. В случаях, если следственные действия производятся в другом районе, а тем более, в другом субъекте федерации, данное положение может всерьез затруднить делопроизводство и увеличить протяженность во времени. Основываясь на этом и других положениях, некоторые авторы ставят вопрос о необходимости разбирательства жалоб в судебном порядке.

Данные нормы УПК отнюдь не новы, они ведут начало еще из УПК РСФСР. В то же время, он никогда не были лишены внимания законодателя, который старался, в зависимости от изменившихся условий и выявленных недостатков, своевременно вносить поправки и дополнения. Однако, как показывает практика, институт обжалования решений должностных лиц на досудебной стадии уголовного процесса еще далек от совершенства, чем он и привлекает к себе внимание как теоретиков, так и практиков.

---

[1] Россинский С.Б. Нужен ли предварительный судебный контроль за производством следственных действий в жилище? (часть 2) // Российский судья. - 2009. - № 9.

[2] Рыжаков А.П.Оспаривание действий оперативных работников не может быть в рамках уголовного процесса! // Система «Консультант Плюс», 2010.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ДОСУДЕБНОМ СОГЛАШЕНИИ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Прокопьев Михаил Владимирович,
студент 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Тузов Андрей Геннадьевич,
ассистент кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

Институт сделки с правосудием впервые в отечественное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство был введен Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации". Благодаря данному нововведению была усовершенствована возможность сотрудничества между сторонами обвинения и защиты, у каждой из которых присутствовала заинтересованность в этом. Этот институт по большей части касается преступлений, совершенных группой лиц в различных вариациях, а также связанных с коррупцией. Процессуальная сторона сделки с правосудием была урегулирована в новой гл. 40.1 УПК РФ.

В пункте 61 статьи 5 УПК дается определение досудебному соглашению о сотрудничестве. Это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Сторона обвинения в данном соглашении представлена прокурором.

В соответствии гл. 40.1 УПК РФ досудебное соглашение о сотрудничестве инициируется подозреваемым или обвиняемым, который подает прокурору через следователя ходатайство о заключении соглашения. По результату рассмотрения ходатайства прокурор либо отказывает в его удовлетворении, либо принимает постановление об удовлетворении и, пригласив следователя, подозреваемого или обвиняемого и его защитника, составляет досудебное соглашение о сотрудничестве в форме, установленной в ст. 317.3 УПК РФ. После подписания соглашения производится следствие, в ходе которого подозреваемый или обвиняемый должен содействовать ему, выполняя действия, которые обязался совершить по заключенному соглашению. По

завершении следствия уголовное дело вместе с материалами, подтверждающими соблюдение обвиняемым условий соглашения передается прокурору, который рассматривает все это, и в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания. Далее применяется особый порядок проведения судебного заседания при наличии признаков, указанных в ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ. В ходе судебного заседания судья, удостоверившись в соблюдении подсудимым всех предусмотренных соглашением условий и обязательств, назначает более мягкое наказание.

Так как институт досудебного соглашения о сотрудничестве является новым для российского законодательства, то еще существуют значительные пробелы в его правовом регулировании и проблемы в его реализации.

Так, например, в ст. 317.1 УПК РФ среди должностных лиц, уполномоченных рассматривать жалобу подозреваемого, обвиняемого на решение следователя об отказе в ходатайстве о заключении досудебного соглашения не указан прокурор. Данное решение законодателя ущемляет право подозреваемого, обвиняемого на обжалование постановления следователя, ограничивает возможность защиты их прав[1], ибо в случае отказа в удовлетворении ходатайства следователем, прокурор даже и не узнает о наличии такового, что в свою очередь также входит в противоречие с правовым статусом прокурора как стороны, уполномоченной принимать решение о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве[2]. И, кроме того, что этот пробел умаляет полномочия прокурора по надзору за законностью и обоснованностью действий следователя и по обжалованию, установленные в гл. 16 УПК РФ, так как законодатель ограничил его доступ на эту стадию.

Также в соответствии с ч. 3 ст. 317.1 УПК РФ следователь может отправить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурору с обязательным согласованием этого с руководителем следственного органа. Таким образом, руководитель следственного органа согласно существующему законодательству является непреодолимым звеном в цепи реализации досудебного соглашения, что довольно часто может ограничивать возможность заключения данного соглашения между сторонами[3].

---

[1] Халиулин А., Буланова Н., Конярова Ж. Полномочия прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовное право. - 2010.- № 3. - С. 98 – 102.

[2] Ульянова Л.Т. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский следователь. -2010. - № 15. - С. 42 – 45.

[3] Гранкин К., Мильтова Е. Проблемы применения норм УПК РФ, регулирующих досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовное право. - М.: АНО "Юридические программы", 2010. - № 3. - С. 76-79.

Думается, что такая проблема могла бы быть решена лишь только законодателем, посредством внесения изменений в ч. 3 и 4 ст. 317.1 УПК РФ.

В статье 317.2 УПК РФ установлено, что прокурор по результату рассмотрения ходатайства может принять постановление об удовлетворении ходатайства, либо об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Но в законе не устанавливается перечень мотивов для отказа от соглашения. На наш взгляд, в данной ситуации следовало бы регламентировать в статье такие мотивы, а также возложить на прокурора обязанность по их указанию в постановлении об отказе для того, чтобы в случае, если кто-либо вследствие будет обжаловать данное постановление, то вышестоящему прокурору будет проще принять решение, прежде акцентировав внимание на мотивах отказа в удовлетворении ходатайства нижестоящим прокурором.

Также существует точка зрения, утверждающая, что ст. 317.2 УПК РФ должна быть дополнена положением, в соответствии с которым прокурор будет разъяснять потерпевшему сущность и последствия судебного разбирательства в порядке главы 40.1 УПК РФ, а также выспрашивает согласие потерпевшего на особый порядок принятия судебного решения, фиксируя его письменно для последующего представления в суд[1]. Таким образом, круг лиц, влияющих на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, будет расширен, включив в себя потерпевшего.

Думается, что отечественному законодателю стоит обратить внимание на существующие проблемы в реализации института сделки с правосудием путем введения программы опроса следователей, адвокатов, а особенно прокуроров в различных региона, и проанализировав их рекомендации, разработать поправки и дополнения в российское уголовно-процессуальное законодательство для улучшения расследуемости групповых преступлений.

[1] Парфенов В.Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Справочно-правовая система "КонсультантПлюс".

УЧАСТИЕ ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА-ПСИХОЛОГА В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Ряполов Валентин Сергеевич,
студент 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научные руководители:
Иванова Ольга Геннадьевна,
ассистент кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета;

Шагинян Армен Степанович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса
Юридического института
Сибирского федерального университета

Имеет ли право эксперт отказаться от проведения экспертизы и как?

Эксперт вправе отказаться дать заключение, оформив письменное сообщение о невозможности дать заключение (п. 6 ч. 3 ст. 57, п. 6 ч. 1 ст. 198). Основанием для этого являются недостаточность или непригодность материалов для исследования или недостаточная компетенция самого эксперта. При недостаточности материалов для исследования эксперт вправе ходатайствовать перед следователем о предоставлении дополнительных материалов. При недостаточной компетенции эксперт вправе ходатайствовать о привлечении к экспертизе других экспертов (п. 2 ч. 3 ст. 57). Необоснованный отказ дать заключение влечет для государственного эксперта дисциплинарную ответственность, а для частного - гражданско-правовую (по заключенному договору).

Могут ли участники процесса (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший) заявить отвод эксперту?

Согласно п. 2 ч. 1 ст. 198 УПК РФ заявление отвода эксперту, либо выбор другого экспертного учреждения включается в права участников процесса. Следователь знакомит с результатами судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника, которым предъявлялось или должно было быть предъявлено постановление о назначении экспертизы. Этим лицам разъясняют право ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы, о производстве допроса эксперта, право получить копию заключения эксперта за свой счет, право

заявить отвод эксперту или руководителю экспертного учреждения. О выполнении этих требований составляется протокол.

Установлены ли законом сроки проведения экспертизы?

Сроки для производства судебной экспертизы законом не установлены. Они зависят от количества объектов исследования, вида экспертизы, сложности экспертного задания и обычно регулируются подзаконными нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, в ведении которых находится деятельность соответствующего судебно-экспертного учреждения. Если экспертиза проводится вне экспертного учреждения, срок выполнения исследований согласовывается с лицом, назначившим экспертизу. Вместе с тем, учитывая рамки и на важность эффективного взаимодействия судебно-медицинской службы с правоохранительными органами, судебно-медицинскому эксперту необходимо знать предусмотренные законом сроки расследования уголовных дел Процессуальные сроки дознания и предварительного следствия накладывают соответствующие жесткие временные производство судебной экспертизы. При невозможности производства экспертизы в установленные сроки об этом письменно информируется лицо или орган, назначивший экспертизу. По согласованию с ним руководитель экспертного учреждения или эксперт вправе продлить сроки исследования. На период исполнения обоснованного запроса эксперта о предоставлении дополнительных материалов или после заявления мотивированных ходатайств о необходимости производства иных процессуальных действий экспертиза может быть приостановлена, о чем делается отметка в заключении.

Существует 3 вида экспертных учреждений – государственные, негосударственные, частный эксперт. На кого распространяется ФЗ «Об экспертной деятельности»?

Федеральный закон от 31.05.2001 N 73-ФЗ (ред. от 28.06.2009) "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" (принят ГД ФС РФ 05.04.2001).

Распространяет свое действие на государственные, негосударственные экспертные учреждения, а так же на частных экспертов. О чем свидетельствует положения закрепленные в нормах вышеупомянутого например, ст 16 «в качестве частного эксперта не может выступать государственный судебный эксперт». Таким образом, хоть и в вышеназванном законе особое место отводится закреплению статуса государственных экспертных учреждений, его положения содержат нормы, относящиеся и к негосударственным экспертным учреждениям и частным экспертам, соответственно, обязательные для исполнения данным субъектам.

Существует ли такой статус – эксперт? Или это просто лицо, обладающее знаниями в психологии, например?

На мой взгляд, статус эксперта формально определен, отграничен от просто лица обладающего специальными знаниями по делу. Первонаперво следует определиться, какая смысловая нагрузка вкладывается в термин «процессуальный статус». Процессуальный статус – установленное нормами процессуального права положение его субъектов, совокупность их прав и обязанностей[1].Думаю не для кого не секрет то что законодатель закрепил как права эксперта (ч. 3 ст. 57 УПК РФ) так и его обязанности(ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Так же следует заметить, что законодатель закрепил термин «эксперт». Эксперт - лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК). Из данного определения следует то, что не всякое «лицо, обладающее специальными знаниями» является экспертом, закрепляется положение эксперта в уголовном процессе, помимо наличия «специальных знаний» необходимо наличие и процедурного момента, назначения, для проведения экспертизы.

Может в конкретном деле выступить экспертом преподаватель ВУЗа или школьный психолог?

Для ответа на этот вопрос необходимо проанализировать Постановление Верховного Суда Российской федерации от 1 декабря 2010года №28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». В данном постановлении содержится следующее положение: «К иным экспертам из числа лиц, обладающих специальными знаниями, относятся эксперты негосударственных судебно-экспертных учреждений, *а также лица, не работающие в судебно-экспертных учреждениях*».

Между частным экспертом и органом, назначающим экспертизу, заключается гражданско-правовой договор, по которому работа частного эксперта должна быть оплачена. Эти расходы относятся к судебным издержкам и могут быть возмещены не только за счет государства, но и за счет сторон (ч. 1 ст. 131 УПК).

Так же следует заметить, что: производство судебно-психиатрических экспертиз допускается только в государственных судебно-экспертных учреждениях, относящихся к ведению федерального органа исполнительной власти (ч. 5 ст. 11 "О государственной судебно-экспертной деятельности"); до назначения экспертизы вне экспертного учреждения следователь должен установить специальность, компетентность частного эксперта, отсутствие оснований для его отвода, разъяснить ему права и обязанности, в том числе предупредить об

[1] Большой юридический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. - М.: НОРМА-М, 2002. - С. 587.

уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения по ст. 307 УК РФ.

Исходя из вышеизложенного положения, можно сделать вывод о том, что преподаватель ВУЗа или школьный психолог, обладающий специальными знаниями необходимыми для проведения экспертизы, и отвечающий всем критериям установленным законодательством может быть назначен судом в качестве эксперта по данному делу.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕДАНИЯ СУДУ: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ[1]

Суслова Елена Владимировна,
студентка 5 курса факультета права
Национального исследовательского университета –
Высшая школа экономики (Нижегородский филиал)

Научный руководитель:
Ковтун Николай Николаевич,
д.ю.н., профессор кафедры
уголовного права и уголовного процесса
Национального исследовательского университета –
Высшая школа экономики (Нижегородский филиал)

Стадия предания суду (с момента принятия нового УПК РФ – стадия подготовки дела к судебному заседанию) – первая стадия уголовного судопроизводства России, в которой суд вступает в процесс со своей основной функцией и впервые знакомится со всеми представленными сторонами материалами и доказательствами.

Предметом проверки и оценки суда на данном этапе является решение вопроса о законности и обоснованности не только самого требования стороны обвинения о внесении уголовного дела в суд для его разрешения по существу, но также предшествующего производства по делу и ходатайств сторон, заявленных с целью обеспечения их прав и законных интересов.

Существующий на данный момент в России порядок реализации названных задач далеко не всегда позволяет достичь истинной цели стадии предания суду – исключить внесение на судебное разбирательство уголовных дел, не имеющих к тому достаточных юридических и фактических оснований; расследованных с существенным нарушением процессуальной формы, прав, свобод и законных интересов участников процесса[2].

Поэтому предметом нашего внимания стало изучение различных международных моделей предания обвиняемого суду с целью поиска оптимального пути для повышения эффективности деятельности суда на данной стадии судопроизводства.

[1] Работа подготовлена при содействии научно-исследовательского гранта Фонда научных исследований НИУ-ВШЭ № 10-04-0012 «Учитель – Ученики» 2010-2011 гг.

[2] См. напр.: Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Стадия подготовки уголовного дела к судебному разбирательству: проблемы нормативного регулирования и практической реализации: Учебное пособие. – Казань: ЗАО «Новое знание», 2005.

Например, предание суду в англосаксонском процессе происходит в форме предварительного слушания дела, которое осуществляется магистратом с участием сторон и имеет своей целью определение достаточности доказательств для поддержания обвинения в судебном разбирательстве. **В Англии** судья наделен правом прекратить уголовное дело, если не представлены доказательства виновности, «убедительные хотя бы на первый взгляд», т. е. если «обвинение не стоит ответа»[1]. Особенность этой модели состоит в том, что решение о предании суду принимается независимым судьей-магистратом, представляющим другую ветвь судебной власти (мировые суды).

В федеральных судах и судах некоторых штатов Америки вопрос о назначении судебного разбирательства решается особым составом присяжных заседателей (так называемое большое, или обвинительное, жюри). Большое жюри состоит из 16-23 граждан, которые «от имени общества» разрешают вопрос о допустимости предания суду его члена. Только после утверждения большим жюри обвинительного акта (true bill) дело передается в суд для разрешения его по существу. По сути, и здесь предметом проверки и оценки жюри выступает, прежде всего, обоснованность обвинения, внесенного в суд.

Практически аналогичной российской является модель, применяемая **в Германии**. Решение о предании обвиняемого суду здесь принимает та же судебная инстанция, которая в дальнейшем будет рассматривать уголовное дело по существу. Данная стадия носит в Германии название «Zwischenverfahren». В ней разрешается вопрос о необходимости рассмотрения дела по существу, но не о виновности обвиняемого. При этом суд предоставляет обвиняемому обвинительный акт (заключение) и разрешает поступившие возражения и заявления (§ 201 УПК ФРГ). Для лучшего выяснения обстоятельств дела суд может также самостоятельно истребовать доказательства (§ 202 УПК ФРГ) и совершенно не зависит от заявлений прокуратуры (§ 206 УПК ФРГ). Законом предусмотрено два возможных варианта исхода предварительного заседания: суд может отклонить принятие дела к своему производству, если отсутствуют достаточные законные основания для подозрения в совершении преступления (§ 204 УПК ФРГ); или суд принимает дело к своему производству и назначает его – с возможными изменениями – к судебному разбирательству (§ 207 УПК ФРГ). Отсутствие «Zwischenverfahren» допустимо только в так называемом «ускоренном производстве».

В Австрии, напротив, стадия предания суду имеет место, лишь если обвиняемый в установленный законом срок представит возражения против обвинительного акта прокурора и потребует предания суду.

[1] См. напр.: Смирнов А.В. Уголовный процесс: учебник / А.В.Смирнов, К.Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2008. – С. 483.

Обвинительный акт с материалами дела обычно направляется в суд для рассмотрения дела по существу прокурором, однако, если обвиняемый считает, что во время предварительного следствия были нарушены его права и законные интересы, он вправе обжаловать обвинительный акт в вышестоящую судебную инстанцию. В этом случае вопрос о предании суду разрешается обвинительной камерой при апелляционном суде.

Во Франции решение о предании суду по окончании дознания принимается по традиционной обвинительной модели, т.е. самим обвинителем (прокурором). Так, направление в суд материалов уголовного дела с обвинительным актом порождает обязанность суда принять дело к рассмотрению по существу. Однако с принятием закона от 15.06.2000 г. во Франции была сформирована новая модель данного процессуального института. С этого времени постановление о предании обвиняемого суду после проведения предварительного следствия по делам о преступлениях, подсудных суду ассизов (присяжных), здесь выносит следственный судья.

Являясь преемницей многих правовых институтов Франции, России, как представляется, и в плане предания суду следовало бы обратиться к опыту этой европейской страны. Причём не только в отношении дел, подсудных суду присяжных.

Полагаем, что функция подготовки дела к судебному разбирательству в целом должна быть возложена на **специализированного следственного судью**. Для этого следственный судья должен быть наделён достаточно широким кругом полномочий, что позволит ему оценивать не только юридическую, но и фактическую сторону внесённого в суд уголовного дела, фактическую обоснованность обвинения, поставленного перед судом. В то же время его независимость от суда, разрешающего дело по существу, позволит исключить возможность формирования «предрешённого» мнения о виновности подсудимого и наилучшим образом обеспечить соблюдение и защиту прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Секция

Криминалистика

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Богдановский Дмитрий Олегович,
студент 6 курса факультета предпринимательства и права
Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладошина

Научный руководитель:
Ястребова Татьяна Ивановна,
к.ю.н., доцент, кафедры уголовного права,
процесса и криминалистики
Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладошина

В настоящее время особую остроту приобретает проблема процессуального принуждения при получении образцов для сравнительного исследования. Поскольку образцами могут быть материальные объекты, происходящие от тела живого лица, в целях защиты конституционных прав подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего законодатель устанавливает особый процессуальный порядок его производства: получение образцов проводится на основании постановления следователя, не допускается применение методов, опасных для жизни и здоровья человека или унижающих его честь и достоинство (ч. ч. 2, 3 ст. 202 УПК России).

Однако зачастую, исходя из целей решения задач уголовного судопроизводства, возникает необходимость провести это следственное действие вопреки желанию лица, у которого должны быть получены образцы, т.е. принудительно, что, естественно, будет ущемлять права личности. В то же время практические работники предпочитают не получать образцы принудительно. Так, в материалах уголовных дел №19493 от 04.09.2008г, №18214 от 03.02.2008г. возбужденных в ЮУ ЛУВДТ МВД РФ по УрФО, появились однообразные заявления от подозреваемых и обвиняемых, где они, ссылаясь на то, что боятся заразиться болезнью ВИЧ, отказываются от забора крови для образцов.

Сотрудники органов предварительного расследования не настаивают на принудительном заборе крови, а составляют "Постановление о нецелесообразности проведения экспертизы". В качестве аргументации своего решения они указывают: "Согласно ст. 32 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан № 5487-1 от 22 июля 1993 г. "необходимым предварительным условием медицинского вмешательства является мотивированное добровольное согласие гражданина" и согласно ст. 33 того же нормативного акта "гражданин или его законный представитель имеют право отказаться от медицинского

вмешательства или потребовать его прекращения". В данном случае налицо неоправданно расширительное толкование законов Российской Федерации, которые действуют с определенными изъятиями при производстве по уголовному делу. При опросе сотрудников органов расследования по указанной проблеме они ссылались на противоречие УПК России в части, касающейся обязательности исполнения постановления следователя о получении образцов биологического происхождения, положениям ч. 2 ст. 202 УПК России, предусматривающим, что при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство. Теми же мотивами опрошенные аргументировали и невозможность получения смывов с рук и других участков тела обвиняемого и подозреваемого без их согласия[1].

При обобщении этой практики складывается впечатление, что процессуальное принуждение в уголовном судопроизводстве в современных условиях в ходе получения образцов для сравнительного исследования практически неприменимо. Придерживаясь такой позиции, невозможно осуществлять доказывание обстоятельств совершения убийств, изнасилований, причинения вреда здоровью и др. По данным категориям уголовных дел проведение судебно-биологических экспертиз является необходимым для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК России.

Следует обратить внимание, что вопрос о получении образцов для сравнительного исследования в принудительном порядке и до принятия УПК России носил дискуссионный характер. В работах некоторых криминалистов высказывалась точка зрения, согласно которой принудительное получение образцов невозможно[2]. Однако в литературе высказывалось и противоположное мнение, согласно которому изъятие образцов в исключительных случаях может осуществляться и принудительно[3]. Под исключительными нужно понимать такие ситуации, когда без образцов в процессе расследования невозможно решить задачи уголовного судопроизводства, т.е. когда образцы являются незаменимыми и их наличие имеет решающее значение в доказывании виновности лица и защиты прав и законных интересов потерпевших.

Представляется, что законодатель необоснованно распространяет положения ст. 21 Конституции Российской Федерации и Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан в

---

[1] Зайцева Е.А. Правовой институт судебной экспертизы в современных условиях. - Волгоград, 2007. - С. 104.

[2] Жбанков В.А. Получение образцов для сравнительного исследования. - М., 2009. - С. 10.

[3] Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / Под общ. ред. В.М. Лебедева. - М., 1995. - С. 265.

полной мере на обвиняемых и подозреваемых. Данные граждане чаще всего именно из-за своего противоправного поведения оказываются вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства в качестве лиц, права и свободы которых в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Таким образом, мы считаем, что закрепление в УПК России возможности принудительного получения образцов биологического происхождения от подозреваемых, обвиняемых в исключительных случаях не противоречит Конституции Российской Федерации.

Причиной возникновения указанной проблемы, по нашему мнению, является отсутствие в УПК России нормы, предусматривающей, что все постановления следователя, вынесенные в соответствии с законом по находящимся в его производстве уголовным делам, обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (как это было предусмотрено ст. 127 УПК РСФСР). Получается, что выполнение предписаний, содержащихся в постановлении о получении образцов для сравнительного исследования, отдается на усмотрение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

На наш взгляд, предлагаемое изменение в УПК России позволит разрешить существующие споры о возможности применения принуждения в отношении подозреваемых, обвиняемых и потерпевших при производстве различных следственных действий, производимых по постановлению следователя, в том числе и при получении образцов для сравнительного исследования. Предлагаемый алгоритм назначения и производства биологической экспертизы тканей и выделений человека обеспечит сокращение возможных случаев принудительного получения образцов для сравнительного исследования биологического происхождения и повысит экономическую эффективность данного вида исследования (экономия расходных материалов и рабочего времени эксперта).

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

Никифорова Дарья Федоровна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Иванова Инна Геннадьевна,
к.ю.н., доцент кафедры криминалистики
Юридического института
Сибирского федерального университета

1. На современном этапе демократического развития России, характеризующемся всесторонними преобразованиями жизни государства и общества, изменением политических, экономических, социальных, правовых приоритетов, особое место занимает борьба с преступностью во всех ее проявлениях. И наиболее важным аспектом борьбы с преступностью является борьба за жизнь человека во всех ее проявлениях. И если правоохранительным органам не удалось предотвратить совершения тяжкого преступления лишающего жизнь человека, то сама справедливость возлагает на правоохранительные органы полномочия по выявлению преступника и его наказанию.
2. В настоящий момент раскрытие преступлений связанных с лишением жизни человека занимает значительное место в работе следственных органов и вызывает огромный теоритический интерес в науки криминалистики.

Криминалистика одна из тех наук, которая рука об руку идет с практикой именно поэтому, методики раскрытия преступления, разработанные ученными так помогают следователям в раскрытии не только очевидных преступлений, но и неочевидных.

3. На примере одного из сложнейших дел за последние годы совершенного в городе Красноярске мы рассмотрим, как действуют криминалистические методы и как они помогают в расследовании тяжелых запутанных дел и тем самым облегчают практическую работу органам следствия.
4. Алгоритм расследования преступления:

a. Поступило сообщение.
b. Осмотр места происшествия (изъятие имеющихся следов).
c. Опрос очевидцев, заявителя.
d. Возбуждение уголовного дела.
e. Назначение судебно-медицинской экспертизы (для установления принадлежности фрагментов тела).

f. Анализ заявления отца пропавшей девушки «М».

g. Проведение следственного действия «опознание»- фрагменты тала неустановленной женщины опознаны как фрагменты тела, принадлежащие потерянной девушки «М», работающей в кафе быстрого питания «С-вей».

h. Назначение молекулярно-генетической судебной экспертизы устанавливающей родство фрагментов тела неустановленной женщины, предположительно «М»;

i. Поиск преступника (допрос свидетелей, анализ детализации номера погибшей «М»)

j. Осмотр места, где было совершено преступление (помещение кафе быстрого питания «С-вей»).

k. Изъятие предметов, имеющих отношение к делу (салфетки, кухонные приборы, их осмотр (анализ)).

l. Выдвижение основных версий.

m. Поиск места жительства предполагаемого преступника.

n. Допрос «Б» (вину признает).

o. Изъятие вещей подозреваемого «Б».

p. Назначение экспертиз: биологическую, молекулярно-генетическую, дактилоскопическую, медико-криминалистическую, психолого-психиатрическую.

q. Дополнительный допрос свидетелей.

r. Дополнительный допрос подозреваемого «Б». Уточнение способа совершения преступления, мотивов.

s. Привлечение в качестве обвиняемого.

t. Составление обвинительного заключения.

5. Из данного алгоритма мы можем сделать вывод, что «История одного убийства» показывает, как работает теория на практике, методика и тактика расследования неочевидных убийств, и как она помогла раскрыть такое сложное и запутанное дело.

Секция

Компаративистика

ЗАЩИТА ПРАВ ДОБРОСОВЕСТНОГО ПРИОБРЕТАТЕЛЯ ПРИ СОВЕРШЕНИИ СДЕЛКИ НЕУПРАВОМОЧЕННЫМ ОТЧУЖДАТЕЛЕМ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И ФРГ

Боженова Мария Владимировна,
студентка 4 курса,
Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шишмарева Татьяна Петровна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Правовое положение добросовестного приобретателя является одной из наиболее спорных проблем гражданского права, так как любое решение в данном случае предполагает защиту прав лишь одной стороны: либо добросовестного приобретателя, либо собственника имущества.

Истории известны два основных принципа разрешения конфликта между интересами собственника и интересами добросовестного приобретателя. Согласно римскому принципу «nemo plus iuris ad alium transferre potest quam ipse haberet»[1] (никто не может передать другому больше прав, чем сам имеет) никто не мог стать собственником в момент приобретения вещи у неуправомоченного отчуждателя, но при соблюдении ряда условий он мог приобрести право собственности по давности владения (usucapio). Германский принцип «Hand wahre Hand» предусматривал возможность виндицировать вещь только, если она украдена или по небрежности потеряна собственником[2].

Какой принцип воспринят сейчас и, как решается вопрос защиты прав добросовестного приобретателя в различных правовых системах, можно увидеть на примере российского и немецкого права.

Согласно абз. 2 § 932 BGB приобретатель является недобросовестным, если ему было известно или вследствие грубой неосторожности не было известно, что отчуждатель не является собственником. Из смысла ч.1 ст. 302 ГК РФ добросовестным приобретателем признается приобретатель, который не знал и не мог знать, что приобретает имущество у лица, не имевшего права его отчуждать. Между тем абз.1 § 932 BGB предполагает приобретение права собственности добросовестным приобретателем при соблюдении условий

[1] Ulpian, Digesta 50, 17, 54; Olzen. Zur Geschichte des gutglaubigen Erwerbs//Jura. – 1990. – S. 505.
[2] Olzen. – S. 506.

§ 929 BGB, а ст. 302 ГК РФ предполагает лишь невозможность истребовать имущество у приобретателя.

Возможность приобретения права собственности у добросовестного приобретателя по BGB основывается на 2 важнейших принципах немецкого права: Abstraktions- und Trennungsprinzip (принцип абстракции и разделения), которые предполагают наличие 2 независимых друг от друга сделок: обязательственной (Verpflichtungsgeschaft) и распорядительной (Verfugungsgeschaft). Обязательственная сделка является основой обязательства, устанавливающей права и обязанности сторон (например, договор купли-продажи), распорядительная сделка представляет собой распоряжение вещью, ее передачу. Распоряжаться вещью может тот, кто уполномочен на это, - чаще всего, это собственник. Отсутствие распорядительной власти приводит к недействительности традиции (передачи вещи) как распорядительной сделки[1]. Если договор купли-продажи, напротив, действителен, в то время как сделка по переходу собственности недействительна, то приобретатель может требовать на основе обязанности продавца из договора выполнения действительной передачи права собственности как исполнения. Для добросовестного приобретения права собственности по немецкому праву необходимо, чтобы выполнялись, прежде всего, условия приобретения права собственности через обязательственную сделку[2], а отсутствующее право на распоряжение вещью дополняется через добросовестность приобретателя[3], существующую до выполнения последнего акта приобретения. Согласно §929 S. 1 BGB право собственности на движимые вещи передается через соглашение (Einigung) и передачу вещи (Ubergabe), где соглашение – абстрактный вещный договор, через который должно быть выражено согласие сторон на передачу вещи, а передача вещи – реальный акт, не содержащий волеизъявления. Однако если вещь была украдена у собственника или лица, которому она была передана во владение, потеряна или как-то иначе выбыла из их владения помимо их воли (§ 935 BGB), то в этом случае она не может быть приобретена в собственность приобретателем. Аналогичное исключение предусматривает и ГК РФ.

Нормы, регулирующие приобретение права собственности добросовестным приобретателем, не ограничиваются только названными статьями BGB, они регулируют и приобретение залогового имущества, приобретение через уступку права требования, приобретения права собственности через опосредованное владение.

---

[1] Hau, Trennungs- und Abstraktionsprinzip, ungerechtfertigte Bereicherung. Die Vorlesung vom 12. November 2007. – Universitat Passau.; Musielak. Grundkurs BGB. – Munchen. – 2009. – Rn 224-225.

[2] Munchener Kommentar/Oechsler. – Munchen. – 2006. - § 932 Rn 6.

[3] Staudinger/Wiegand. Kommentar zum Burgerlichen Gesetzbuch. – Berlin. – 2004. - §932 Rn 10.

Российское законодательство не содержит прямого указания на возможность приобретения добросовестным приобретателем права собственности, поэтому в доктрине существует несколько мнений: одни считают, что право собственности у приобретателя возникает в силу сложного юридического состава, в числе элементов которого называют владение, титул, добросовестность, сделку, имеющую лишь один изъян - отсутствие распорядительной власти у отчуждателя, вещь не должна быть похищена или утеряна и, кроме этого, еще возмездность приобретения[1] (что касается последнего, то немецкое законодательство здесь не делает различий). Другие считают, что право собственности не возникает, в силу ст. 302 ГК РФ вещь лишь не может быть изъята у приобретателя, при этом считается, что такой приобретатель становится собственником лишь по давности владения (ст.234 ГК)[2], а собственник, хотя и не имеет возможности виндикации, сохраняет на тот же срок право собственности. Одно из очевидных следствий будет сопряжено с тем, что добросовестный и недобросовестный приобретатель окажутся, во всяком случае, в первые пятнадцать (для движимого – пять) лет, в одинаковом положении[3].

Абз.4 п.13 постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ №10/22 от 29.04.2010 г. поясняет, что правила абз.2 ст.223 ГК, касающиеся определения момента приобретения права собственности добросовестным приобретателем на недвижимые вещи, подлежат применению в силу п.1 ст.6 ГК (аналогия закона) при рассмотрении споров о правах на движимое имущество, т.е. право собственности на движимое имущество у добросовестного приобретателя возникает с момента возмездного приобретения имущества, за исключением предусмотренных ст. 302 ГК случаев[4]. Однако кроме как в толковании закона, это по-прежнему нигде законодательно не закреплено.

Подводя итог сказанному, отметим, что в немецком законодательстве проблема защиты прав добросовестного приобретателя и защиты прав собственника решена без какого-либо ущемления прав одной или другой стороны. Что же касается российского законодательства, то здесь вопрос защиты прав добросовестного приобретателя остается открытым. Стоит отметить, что, несмотря на все отмеченные недостатки в обосновании защиты прав добросовестного приобретателя российскими учеными, в принятых нормативных и судебных актах наметилась

---

[1] Тузов Д.О. Продажа чужой вещи и проблема защиты добросовестного приобретателя в российском гражданском праве//Вестник ВАС РФ. - №1. – 2007. – С.6.

[2] Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. – М. - 2002. – С. 298-339.

[3] Скловский К. Отношения собственника с незаконным владельцем и приобретательная давность // Хозяйство и право. - № 5. – 2001. – С. 118.

[4] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой собственности и других вещных прав: постановление Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 №10/22 //Вестник ВАС РФ. - №6. – 2010. – С. 85.

позитивная динамика совершенствования законодательства, дающего добросовестному приобретателю реальное право на защиту.

FORMATION OF GUBERNIYAS ADMINISTRATIVE UNITS OF THE RUSSIAN SOVIET FEDERATION REPUBLIC IN THE FIRST YEARS OF THE SOVIET RULE: THE CASE OF TSARITSYN GUBERNIYA

Бокова Олеся Николаевна,
старший преподаватель кафедры правоведения
Урюпинского филиала Волгоградского государственного
университета

Научные руководители:
Проценко Юрий Леонтьевич,
д.и.н., профессор;
Епифанов Александр Егорович,
д.ю.н., профессор кафедра конституционного и муниципального
права Волгоградского государственного университета

The October Revolution of 1917 had a great impact on the state structure of Russia, in the first months of the Soviet rule two important trends showed up: contraction of the state territory and formation of the Soviet federation. They made changes in the administrative and territorial structure inevitable. The general pattern of administrative division (guberniya – uyezd – volost) inherited from the Russian Empire was retained by the Soviet authorities in the first years of their rule. Guberniyas' borders were but slightly shifted, though some new guberniyas were also formed[1]. The formation of new guberniyas was apparently caused by three basic reasons: 1) the central authorities' propaganda for breaking larger administrative units into smaller ones in order to "make authorities closer to people"; 2) building new large industrial and transportation centers; 3) separatist attitudes among local elite trying to secure their autonomy. J.V. Stalin noted: "the struggle between two political movements has not yet ended: the nationalistic counterrevolution and the soviets"[2]. In certain guberniyas local governments craved for independence from the central control. Even in some smaller units – volosts, uyezds and in some towns so called "mini-republics" were formed (Kronshtadt, Pereyaslavl, Krasnoyarsk, Novorossiysk and several others[3]. It should be noted that separatist attitudes were fairly common, even in places where they had not be traditional. Thus, one of Tsaritsyn leaders S.K. Minin said at a meeting of the military district command: "We, the representatives of Red Tsaritsyn, say proudly that … we will never be under the thumb of the Center. Moscow needs us as much as we need Moscow.

[1] Some of newly formed administrative units proved unreasoned and soon disappeared.
[2] Сталин И.В. Сочинения. Т. 4. М., 1951. С. 33.
[3] Сенцов А.А. Национально-государственное устройство России накануне Октября 1917 г.//Советское государство и право. 1990. № 11. С. 120-124.

We need their support but they shall not think that they can buy us as slaves for it. Power in the provinces – that is our principle"[1].

Declared absolute power of the soviets implied that territorial borders were also under the jurisdiction of local authorities. "On 2 December 1917 the Council of People's Commissars explained that the new administrative division should be set by the interested soviets only"[2]. Later this instruction was legitimized by a decree "On the procedure of changing borders of guberniyas, uyezds and others" of 27 January 1918[3]. As the influence of the central authorities grew, they adopted more regulations aiming to restrict the rights of local soviets: "On the order of resolving issues concerning changes of borders of guberniyas, uyezds and volosts" of 15 July 1919[4]; "On cessation of transfer of uyezds and volosts from one guberniya to another and from one uyezd to another and on cessation of amalgamation and division of volosts" of 6 July 1922[5]; "On prohibition of changing borders of autonomous republics, oblasts, guberniyas, uyezds and volosts and on prohibition of forming new administrative units and renaming towns and villages without permission of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee of Soviet Russia" of 9 May 1923[6]; "Instruction on the order of joining territories to a new administrative unit or transfer of territories from one administrative unit to another" of 8 October 1923[7]; "On prohibition of changing borders without permission of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee" of 6 June 1924[8]; "On suspension till the autumn of 1932 of changing borders of administrative units"[9] and others. Besides, item "e" of Article 49 of the Soviet Russia Constitution of 10 July 1918[10] stated that "general administrative division of the Soviet Russia territory is exclusively within the competence of the All-Russian Congress of Soviets and the All-Russian Central Executive Committee".

Despite of the legislation many guberniyas (including that of Tsaritsyn) were formed differently. On 7 September 1918 according to an order of the Military Council of the North-Caucasus Military District Tsaritsyn Guberniya was formed. "The Guberniya must be temporarily a purely military unit"[11]. Nonetheless Tsaritsyn Guberniya had been mentioned in an order of the Military

[1] Пименов А.Ю. И.В. Сталин на фронтах гражданской войны. Царицынский период /лето – осень 1918 года/Отечественная историография. Дисс... к. и. н. М., 1994. С. 129.
[2] Краснов Ю.К. Государственное право России: История и современность. М., 2002. С. 312.
[3] Собрание Узаконений и Распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР (далее СУ РСФСР). 1918. № 21. Ст. 318.
[4] СУ РСФСР. 1919. № 36. Ст. 356.
[5] СУ РСФСР. 1922. № 44. Ст. 535.
[6] СУ РСФСР. 1923. № 41. Ст. 448.
[7] СУ РСФСР. 1923. № 80. Ст. 774.
[8] СУ РСФСР. 1924. № 51. Ст. 492.
[9] СУ РСФСР. 1932. № 17. Ст. 81.
[10] СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
[11] Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 105. Оп. 1. Д. 3. Л. 191.

Council of the North-Caucasus Military District of 11 August 1918 “On the state of siege”[1]. Some other sources of information also say about Tsaritsyn Guberniya as already existing in August of 1918[2].

The directions of the Russian Constitution were developed in a decree “On the order of solving issues of changing the borders of guberniyas, uyezds and volosts”[3] that was issued on 15 July 1919. According to the decree questions questions of changing the borders of guberniyas, uyezds and volosts must be solved by the NKVD on recommendation of the Councils of People’s Deputies of the guberniyas[4]. Definitive resolutions were usually adopted by: 1) the All-Russian Congress of Soviets in case of general issues of the administrative-territorial system of the state; 2) the All-Russian Central Executive Committee in case of particular changes in the administrative division caused by formation or alteration of the borders of guberniyas, uyezds, volosts, etc., by their renaming, etc. On 19 July 1919 in Order No. 1129 of the District Military Commissariat of the Urals Military District[5] and on 20 July 1920 in confidential telegram No. 2980 from the Astrakhan Guberniya Military Commissariat to the Tsaritsyn Guberniya Military Commissariat it was said about the abolition of the guberniya[6]. The chief official for organization of use of land in Volgograd Oblast points out that Tsaritsyn Guberniya was re-established in September 1919[7].

On the basis of the materials analyzed we can conclude that the date of Tsaritsyn Guberniya formation is still unclear and it can hardly be ever established. Though journalists started writing about Tsaritsyn Guberniya after the decree of the NKVD of 24 March 1919 “On determination of the borders of Tsaritsyn Guberniya”.

На материалах исследований, проведённых в рамках гранта РГНФ № 03-03-00589а/В; гранта юридического факультета ГОУ ВПО «Волгоградский государственный университет» (проект № 1-2007) и при финансовой поддержки стипендии Президента РФ для аспирантов, 2007-2008 (Приказ Федерального агентства по образованию № 1922 от 18.10.2007 г); администрации Волгоградской области (Постановление Главы Администрации Волгоградской области "О подготовке к празднованию 70-летия со дня образования Волгоградской (Сталинградской) области от 30.05.2006 № 637 и Положение о проведении конкурса "Молодые ученые - родному краю").

[1] ГАВО. Ф.105. Оп. 4. Д. 2. Л. 4.
[2] См.: Военные комиссариаты Волгоградской области: К 80-летию образования. Волгоград, 1998. С. 17; Кудряшова Р.И. Слово народное: Уч. пособие. Волгоград, 1997. С. 12.
[3] СУ РСФСР. 1919. № 36. Ст. 356.
[4] СУ РСФСР. 1919. № 36. Ст. 356.
[5] ГАВО. Ф.342. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.
[6] ГАВО. Ф. 342. Оп. 1. Д.14. Л. 30 (об), 39.
[7] Воробъев А.В. От Эльтона до Урюпинска (поселения Волгоградской области). Волгоград, 2004. С. 3.

DIE ORGANISATION DER VERWALTUNG IM BILDUNGSBEREICH IN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND

Gabow Alexander Alexeewitsch,
Student des Juristischen Instituts SFU

Wissenschaftliche Betreuerin:
Dr. Mitzkewitsch Ludmila Abramowna,
Dozentin am Lehrstuhl fur Verfassungs-, Verwaltungs- und Kommunalrecht SFU

Das Ziel dieser Arbeit ist die kurze Ubersicht der Gesetzgebung, die die Ausbildungssphare in Russland und Deutschland reguliert, sowie die Beleuchtung des Systems der Organe, die die staatliche Verwaltung der Bildung verwirklichen, ihrer Funktionen und Befugnisse.

Die vergleichende Analyse der gegebenen Vorschriften wird aufgrund des Systems der foderalen Organe Russlands und Deutschlands, sowie der Subjekte der Foderation - Region Krasnojarsk und Bundesland Bayern durchgefuhrt.

In der Russischen Foderation ist die foderale Gesetzgebung vor allem von den Foderalen Gesetzen «Uber die Bildung»[1], «Uber Hochschulausbildung und Berufsausbildung»[2], der Verordnung uber das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft der RF[3], den Erlass des Prasidenten der RF «Die Fragen des Ministeriums der Bildung und der Wissenschaft der RF»[4] vorgestellt, von anderem normative Rechtsakte. Auf dem regionalen Ebene, in Region Krasnojarsk gelten das Landesgesetz Region Krasnojarsk «Uber die Bildung»[5], die Verordnung uber das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft Region Krasnojarsk[6], sowie andere normative Rechtsakte.

In der Russischen Foderation zum System der foderalen Organe, die die staatliche Verwaltung in der Sphare der Bildung verwirklichen gehoren: das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft der RF, die sich in seiner Fuhrung den Foderalen Dienst nach dem intellektuellen Eigentum befindet, den Patenten und den Warenzeichen und der Foderale Dienst nach der Aufsicht in der Sphare der Bildung und der Wissenschaft (von der Verordnung des Prasidenten der RF vom 04.03.2010 № 271 waren die Foderalen Agenturen fur die Bildung und nach der Wissenschaft und den Innovationen aufgehoben).

In Region Krasnojarsk die staatliche Verwaltung in der Sphare der Bildung verwirklichen das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft

[1] Nachrichtenblatt des Rates der Volksabgeordnete und Oberster Sowjet, 30.07.1992, № 30, Art. 1797.
[2] Versammlung der Gesetzgebung RF, 26.08.1996, № 35, Art. 4135.
[3] Versammlung der Gesetzgebung RF, 24.05.2010, № 21, Art. 2603.
[4] Versammlung der Gesetzgebung RF, 08.03.2010, № 10, Art. 1057.
[5] Nachrichtenblatt oberste Staatsorgane Region Krasnojarsk, № 36, 28.12.2004.
[6] Nachrichtenblatt oberste Staatsorgane Region Krasnojarsk, № 42 (263), 01.09.2008.

Region Krasnojarsk und der sich in seine Fuhrung befindende Dienst nach der Kontrolle im Bereich der Bildung Region Krasnojarsk.

Das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft der RF - das foderale Organ der vollziehenden Gewalt, das die Funktionen nach der Leistung und die Realisierungen der staatlichen Politik und der normativen-rechtlichen Regulierung in der Sphare der Bildung verwirklicht, der wissenschaftlichen, wissenschaftlich-technischen Tatigkeit und der innovativen Tatigkeit in der wissenschaftlich-technischen Sphare, des intellektuellen Eigentums. In Zusammenhang mit der Aufhebung der Foderalen Agentur nach der Bildung dem angegebenen Ministerium sind seine Funktionen nach der Erweisung der staatlichen Dienstleistungen und der Verwaltung des staatlichen Eigentums in der Sphare der Bildung, der Erziehung, der wissenschaftlichen, wissenschaftlich-technischen und innovativen Tatigkeit ubergegangen. Das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft der Russischen Foderation verwirklicht die Koordination und die Kontrolle der Tatigkeit der sich in seine Fuhrung befindenden Dienste.

Das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft Region Krasnojarsk - das Organ der vollziehenden Gewalt Region Krasnojarsk, das die normative rechtliche Regulierung und die Ausarbeitung der Projekte normativ-rechtliche Akten verwirklicht in den Bereiche vorschulisch, anfangs-allgemein, haupt-allgemein, mittlere (voll) der allgemeinen Bildung, der Anfangs- und mittleren Berufsausbildung, der Wissenschaft; die Koordination und die Kontrolle der Tatigkeit des sich in sein Fuhrung befindenden Organes der vollziehenden Gewalt des Regions. Abgesondert wird in der Verordnung uber die Aufgaben und den Kompetenzbereich des Ministeriums gesagt.

In Deutschland das Hauptorgan des Bundes in der Sphare der Bildung ist *das Bundesministerium fur Bildung und Forschung* (weiter - BMBF). In bedeutendem Ma? BMBF - das verantwortliche Organ in der Bildung der gesetzgebenden Grundlage in vielen Spharen der Bildung. Hierher gehen vor allem die Sphare der nachschulische Berufsausbildung, die Erhohungen der Qualifikation und **der Unterstutzung** der Entwicklung des Systems der Bildung ein. Laut des Grundgesetzes der BRD gehort die Bildung zu den Gegenstanden der Fuhrung der Subjekte der Foderation - der Bundeslander(Art. 70 GG). Auf der offiziellen Seite BMBF wird gesagt, dass zu den Aufgaben des Ministeriums verschiedene Fragen gehoren: von der Unterstutzung der Anfangsbildung bis zur professionellen zweiten Bildung. Die Schulbildung, wie auch die Hochschulbildung, befindet sich im Gegenstand der Fuhrung der Lander.

In der BRD auf dem Bundesebene gelten die Gesetze: Hochschulrahmengesetz[1], Pofessorenbesoldungsgesetz[2], Bundesausbildungsforderungsgesetz[1], Berufsbildungsgesetz[2].

[1] Bundesgesetzblatt, 19 Januar 1999, I, S. 18.
[2] Bundesgesetzblatt Jahrgang 2002 Teil I Nr. 11, ausgegeben zu Bonn am 22. Februar 2002.

Im Bundesland Bayern mit den Fragen der Bildung beschaftigen sich zwei Ministerien: *das Ministerium fur Wissenschaft, Forschung und Kunst und das Ministerium fur Unterricht und Kultus.*

Dem Ministerium fur Wissenschaft, Forschung und Kunst sind alle bayerischen Hochschulen, Einrichtungen der Kunst und der Kultur, sowie die Forschungsorganisationen in Bayern unterstellt.

Gesetzliche Grundlage fur Bayerische Ministerium fur Wissenschaft, Forschung und Kunst sind folgenden normativen Akte: Bayerisches Hochschulgesetz[3], Hochschulzulassungsgesetz[4], Verordnung uber die Vorlesungszeit an den Universitaten[5], Verordnung uber die Erhebung von Gebuhren fur die Teilnahme von Studierenden an speziellen Angeboten des weiterbildenden Studiums und fur das Studium von Gaststudierenden an den staatlichen Hochschulen[6], Verordnung uber die Fuhrung auslandischer Grade[7].

Au?erdem dieses Ministerium ist fur die Sphare der Kunst und der Kultur verantwortlich. In dieser Sphare gelten folgende Akte: Gesetz zum Schutz und zur Pflege der Denkmaler[8], Bayerisches Archivgesetz[9], Bayerisches Stiftungsgesetz[10] und Verordnung zur Ausfuhrung des Bayerischen Stiftungsgesetzes[11].

Bayerisches Ministerium fur Unterricht und Kultus ist auch in den Fragen der Bildung kompetent, es richtet sich in der Arbeit nach den folgenden normative Rechtsakte: Bayerisches Gesetz uber das Erziehungs - und Unterrichtswesen[12], Bayerisches Schulfinanzierungsgesetz[13], Jugendschutzgesetz[14], Bayerisches Ausbildungsforderungsgesetz[15], Prufungsordnungen[16].

Ausgehend vom Vergleich der Gesetzgebung und Befugnisse der Organe, die die Verwaltung in der Sphare der Bildung verwirklichen, man kann zum Schluss kommen, dass die Hochschulbildung in Deutschland auf den Kompetenzbereich der Subjekte der Foderation, in Russland im Gegenteil zum Kompetenzbereich der Foderation gebracht ist. BMBF beschaftigt sich mit der Finanzierung der Entwicklung des Systems der Bildung, der Berufsausbildung.

---

[1] http://bmbf.de/pubRD/bundesausbildungsfoerderungsgesetz.pdf
[2] Bundesgesetzblatt Jahrgang 2005 Teil I, S. 931.
[3] Gesetz- und Verordnungsblatt (GVBl), 2006, S. 245.
[4] GVBl, 2007, S. 320.
[5] GVBl, 2000, S. 155.
[6] GVBl, 2007, S. 399.
[7] GVBl, 1989, S. 127.
[8] BayRS IV, S. 354. http://www.verwaltung.bayern.de
[9] GVBl, 1989, S. 710.
[10] GVBl, 2008, S. 834.
[11] GVBl, 2002, S. 23.
[12] GVBl, 2000, S. 414.
[13] GVBl, 2000, S. 455.
[14] http://www.gesetze-im-internet.de/juschg/index.html
[15] http://www.verwaltung.bayern.de/Titelsuche116.htm?purl=http%3A//by.juris.de/by/AfoeG_BY_rahmen.htm
[16] http://www.km.bayern.de

Russisches Ministerium hat die zahlreichen Befugnisse nicht nur in Bezug auf die Hochschulbildung, sondern auch in Bezug auf das intellektuelle Eigentum, der Patente und der Warenzeichen.

Das Ministerium der Bildung und der Wissenschaft Region Krasnojarsk beschaftigt sich vorschulische, mittlere, Professionell- und der Hochschulbildung, in Bayern fur die Schulbildung ist das Ministerium fur Unterricht und Kultus verantwortlich.

DIFFERENT EXTENTS OF LEGAL CAPACITY OF CORPORATIONS IN ENGLAND, THE USA AND THE RUSSIAN FEDERATION

Korolyeva Olga Evgenievna,
4-year student of the Siberian Federal University
Law Institute

Scientific supervisor:
Tereshkova Valentina Vladimirovna,
Candidate of legal science,
Assist. prof. for the Chair of International Law
of Siberian Federal University
Law Institute

Corporation concepts. We start our research by the process of studying different approaches to the term "a corporation" so that we could develop the universe concept of that to be implemented in several world legal systems.

We begin with the anglo-saxon legal system due to the fact that the notion of "a corporation" we use these days has appeared in England earlier than in the USA and Russia. However, England was not the first country where such concept appeared. It borrowed the main ideas of corporations from dutch law.

Within the framework of this system we detect three main corporation features which are a limited liability, a centralized direction, a permanent company's activity and summarize by the formation of a general concept which cannot be found in legislation but could be contemplated by taking all the features into account when reading the articles of legal documents.

By the examination of corporation concepts in the USA such as an artificial entity theory, a natural entity theory we detect the features as well. These features are an independent transmission of shares among the members of the companies, a limited liability for debts, a centralized direction, a perpetual existence.

Studying Russian law, comparing the two terms "a corporation" and "a legal entity", we come to a conclusion that these terms have similar meanings as they have similar characteristics.

The forms of corporations. There are diverse forms of corporations that is the result of the existence of different approaches to the legal term "a corporation" in several legal systems.

We have found several forms of corporations, but the universal ones are public, quasi-public, private and non-profit corporations. No matter how many classifications exist, all of them can be suitable for this one owing to the fact that it lies in foundation.

This can also be related to Russian corporations. But we do not have such approach as to legally incorporate this arrangement.

The legal regulation of the companies industry. Every state has its own legislation on corporate law which differ by reason of the existence of different approaches to this very terms.

The Corporate conduct code and judicial practice are also covered due to its specific position. Implementing corporate code norms is not obligatory but is recommended due to its moral value and principles of the best practice. In addition, every company is entitled to have its own corporate code the norms of which should comply with The Corporate conduct code.

J. Zamgba Browne, Amsterdam News Staff, writes that "A member of the Congressional Black Caucus (CBC) from Georgia has introduced a bill to establish strict guidelines for corporations who do business abroad". Cyntia McKinney stated that the Code was based on internationally-recognised standards.

These days there are many international corporations and the Corporate conduct code is widely used.

Different positions on referring to judicial practice (legal precedent) is also quite controversial. It depends on a legal system itself, whether it considers precedents as a source of law or not. In common law system it is obvious that precedents are the legal source of corporate law and it mainly developed due to judges' opinions on several issues. While other systems are not so certain of the point. So does Russian legal system. Certainly, we can see an inclination towards considering different legal cases before deciding a matter.

The content of the corporations legal capacity. The legal statuses of companies in several legal systems and their common features are presented in this chapter. For instance, in England companies can easily enter into contracts, have a corporation seal, be defendants in a court etc. Almost the same capacity is for companies in the USA and Russia but they are more detailed in laws.

Detailed information provided in American and Russian legal systems does not mean that they are more or less developed. It just highlights the necessity of such legal technique. The English government provides companies more freedom in passing their own rules within the corporation but on the basis of main principles provided by a legislator. Whereas in America and the Russian Federation the state regulation is stricter. Nonetheless, it tends to providing more and more liberty to companies.

The tendency is that the basic legal capacity prevails rather than a special one in almost all legal systems.

We all have to know that Russian law knew mainly special legal capacity for corporations (legal entities) which characterised our law. Nowadays the tendency in Russia is the same as in other countries that could be proved by examining article 49 of a Russian Civil Code.

Taking everything into consideration, we would outline that all legal systems not only have differences but also common feature. This mainly concerns the matter of adoption of legal norms, rules as well as concepts and doctrines. The acceptance of the very items plays a crucial role in forming universe legislation on corporate law. The example of that could be the European companies. The purpose of the corporations is executing the activity in compliance with common legislation passed for these very companies.

ЗАЩИТА ПРАВ МИНОРИТАРНЫХ АКЦИОНЕРОВ ПРИ ПУБЛИЧНЫХ ПОГЛОЩЕНИЯХ В АКЦИОНЕРНОМ ПРАВЕ СТРАН ЕС И РОССИИ

Красильников Михаил Викторович,
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственной классической академии им. Маймонида

Научный руководитель:
Мельникова Людмила Николаевна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственной классической академии им. Маймонида

Одним из видов реакции по А. Хиршману для участников организации (компании) в случае изменения ситуации является выход из компании (прекращение отношений)[1].

Применительно к миноритариям право на выход за счет продажи акций по справедливой цене в случаях публичных поглощений появилось у них в результате имплементации Тринадцатой Директивы ЕС о предложениях публичного поглощения («Директива»).

Вопросы поглощения в Великобритании регулируются Кодексом Сити и Комитетом по поглощениям. В качестве регулятора выступает Управление по финансовым услугам. Предложение о поглощении направляется компании-цели, зарегистрированной в Великобритании, акции которой обращаются на регулируемом рынке.

Всякий раз, когда акционер достиг определенной пороговой величины, он может направить уведомление тем акционерам, не принявших предложение, о намерении приобрести акции (Section 979 para 2.a,b)[2]. Совет директоров компании-цели должен выдать рекомендацию акционерам о принятии или отклонении предложения. Миноритарии могут обратиться в суд для предотвращения принудительного выкупа[3].

В Законе Великобритании о компаниях 2006 г. отмечено, что вся процедура должна соответствовать условиям предложения или таким условиям, которые были согласованы. Встречное возмещение оставляется на усмотрение оферента[4]. Права на принудительный выкуп могут быть осуществлены в течение четырех месяцев, начиная с даты предложения.

[1] Hirschman A. Exit, Voice and Loyalty. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.
[2] UK 2006 Companies Act URL http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents [Дата обращения 15.01.2011].
[3] Christoph Van der Elst, Lientje S. F. Van den Steen.Opportunities in the M&A Aftermarket: Squeezing Out and Selling Out. URL http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=933609 at 31 [Дата обращения 01.12.2010]
[4] Ibid at 33.

Права миноритариев на выкуп могут быть осуществлены в течение трех месяцев после окончания срока, в течение которого предложение может быть принято (Section 984 (2)[1].

В Германии в 2002 г. было принято регулирование поглощений и введена процедура вытеснения. В Закон об акционерных обществах (AktG) была введена новая глава о вытеснении миноритарных акционеров. Органом, контролирующим проведение поглощений, является Федеральное управление по контролю за финансовыми услугами (BaFin).

По Закону о торговле ценными бумагами любое лицо, которое приобрело права голоса эмитента из Германии, достигнув, превысив или имея менее указанной пороговой величины совокупных прав голоса компании, должно немедленно уведомить эмитента и BaFin[2]. По смыслу указанного Закона[3] зарегистрированными компаниями являются компании, находящиеся в Германии, акции которых допущены к обращению на фондовой бирже в стране-участнице ЕС. Оферент должен сделать заявление после того, как он достиг контроля (30%) над компанией-целью. У мажоритария имеются различные возможности для выкупа акций миноритариев: вытеснение по закону об акционерных обществах и процедуре в законе о вытеснении.

Процедура вытеснения по закону об акционерных обществах может быть инициирована мажоритарием (95% капитала). Мажоритарий определяет размер денежной компенсации, используя все документы и сведения, полученные от правления (§ 327b (1) AktG.). До созыва собрания мажоритарий должен передать правлению заявление кредитного учреждения о его гарантии выполнения обязательства мажоритария по уплате миноритариям денежной компенсации (§ 327b (3) AktG.). Процедура вытеснения по закону о вытеснении возможна для акционера, который прямо или косвенно владеет не менее 95% акций компании-цели.

Компенсация наличными средствами должна быть произведена по справедливой цене (полной стоимости акций), что подчеркнуто Конституционным судом Германии. Такая конституционная гарантия также важна с учетом оценки в Директиве[4].

Во Франции режим обязательного предложения о покупке был впервые введен законом о безопасности и прозрачности финансовых рынков[5], затем изменен последующими нормами. Наконец, он был

---

[1] UK 2006 Companies Act URL http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents [Дата обращения 15.01.2011].

[2] (art. 21(1)).URL http://www.iuscomp.org/gla/statutes/WpHG.htm#21 [Дата обращения 05.12.3010]

[3] Ibid Art. 21 (2).

[4] Christoph Van der Elst, Lientje S. F. Van den Steen.Opportunities in the M&A Aftermarket: Squeezing Out and Selling Out. URL http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=933609 at 34 [Дата обращения 01.12.2010].

[5] La loi (n°89-531) du 2 aout 1989 sur la Securite et transparence du marche financier. URL http://legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000000322093 [Дата обращения 01.12.2010].

дополнен правом, предоставляемым владельцу 95% акционерного капитала, о предложении принудительного выкупа, и правом миноритариев обратиться в орган по финансовым рынкам с требованием о выкупе мажоритарием всех остальных акций[1].

В 1993 г.[2] введена процедура принудительного выкупа. При имплементации Директивы о поглощениях в 2006 г. был принят закон о поглощениях, по которому положения Общего регламента Органа по финансовым рынкам (AMF) применяются к компании-цели, зарегистрированной во Франции, ЕЭЗ вне Франции.

Требования к раскрытию обращены к лицам, достигшим опороговых значений владения капиталом. Они представляют информацию компании и AMF для публикации. Закон о поглощении содержит требования к цене оферента, отчету об оценке независимым экспертом. AMF действует в случае конфликта интересов или нарушения принципа равного обращения с акционерами компании-цели.

В России по Федеральному закону «Об акционерных обществах» № 208-ФЗ от 26.12.1995 добровольное предложение выступает как единственное средство для приобретения более 30% акций. Такое предложение сделано всем владельцам акций после его поступления в общество. Акционер, достигший пороговой величины, обязан направить предложение другим акционерам о выкупе всех их акций. Лицо, приобретшее более 95% акций компании-цели, обязано сделать обязательное предложение ее миноритариям. К требованию о выкупе прилагается копия отчета независимого оценщика о рыночной стоимости акций. Закон содержит требования к цене акций при обязательном предложении. Предусмотрена материальная ответственность оценщика.

В отличие от Гуреева В.А. с его выводом о «неконституционном характере»[3] вытеснения миноритариев, Степанов Д., напротив, полагает, что данный институт «призван привести фактически складывающиеся реалии в правовые рамки и обеспечить минимум статутных гарантий миноритарным акционерам …»[4].

Имплементация принципов Директивы в странах-участниках, показывает их действие как для обеспечения эффективного рынка корпоративного контроля, так и для защиты прав миноритариев.

Акционерное право России восприняло, в основном, все ключевые принципы Директивы. Гомцян С.В. отмечает, что использование

[1] Reglement General AMF, art. 236-2 and 236-3. URL www.amf-france.org. [Дата обращения 22.01.2011]
[2] Loi n. 93-444 du 31 decembre 1993 www.legifrance.gouv.fr [Дата обращения 01.12.2010]
[3] Гуреев В.А. Проблемы защиты прав и интересов акционеров в Российской Федерации. - М.: Волтерс Клувер, 2007. - С. 107.
[4] Степанов Д. Поглощение, осуществляемое путем приобретения крупного пакета акций, и вытеснение миноритарных акционеров // Хозяйство и право. - 2006.- № 7. - С.19.

принципов нацелено на «стимулирование публичных поглощений и защиту прав и законных интересов миноритарных акционеров»[1].

[1] Гомцян С.В. Правила поглощения акционерных обществ: сравнительно-правовой анализ.- М.: Волтерс Клувер, 2010. - С. 149.

Секция

Актуальные проблемы международного права и международных отношений

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННОЙ КОДИФИКАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Баталова Марьяна Рашитовна,
аспирантка кафедры международного частного права
Национального исследовательского университета
«Высшая Школа Экономики»

Научный руководитель:
Гетьман-Павлова Ирина Викторовна,
к.ю.н., доцент кафедры международного частного права
Национального исследовательского университета
«Высшая Школа Экономики»

Понимаемая как упорядочение нормативных актов в целях обеспечения удобства пользования ими на практике, систематизация согласно общей теории права располагает тремя главными разновидностями: инкорпорацией, консолидацией и кодификацией. Нельзя не заметить, что в условиях XX столетия международное частное право в ряде стран познало всеобъемлющую кодификацию. Наряду с этим кодификация норм МЧП исторически осуществлялась государствами тремя путями: с помощью обобщения и систематизации соответствующих норм в определенных разделах общего материально-правового акта, в разделах отраслевых законодательных актах (гражданских, торговых, семейных, гражданско-процессуальных и иных кодексов и законов), в едином специальном акте. Последнее, пусть на данном этапе и не образует массового явления, заставляет все большее количество стран пристальнее изучать подобный опыт.

Стремление государств иметь единый акт, с той или иной степенью полноты вмещающий в себя основные правовые предписания, укладывающиеся в соответствии с доминирующими в данной стране концепциями в рамки международного частного права, и его фактическая и юридическая реализация в конечном итоге без преувеличений формируют современную тенденцию в развитии МЧП, которая получает выражение в мировом масштабе.

Пример Турецкой Республики в данной области является исключительно интересным ввиду принятия в 2007 году Кодекса международного частного права и международного гражданского процесса (далее – Кодекс 2007 года), заменившего собой Кодекс Международного частного права 1982 год (далее - Кодекс 1982 года). На сегодняшний день

Турецкая Республика является одной из четырех стран мира, принявшей закон об МЧП в форме Кодекса (наряду с Тунисом, Бельгией и Болгарией).

Кодекс 1982 года, который действовал в период с 20 ноября 1982 по 12 декабря 2007, был первым парламентским актом, кодифицировавшим международное частное право в Турции. До этого акта единственный существенный источник международного частного права в Турции была статья 4 «Временного Закона о правах и обязанностях иностранных граждан в Турецкой республике», которая первоначально относилась ко времени последней Османской империи[1]. Кодекс 1982 года представлял собой «компактный» закон, который регулировал только фундаментальные институты и проблемы международного частного права, устанавливал справедливый баланс между конкурирующими интересами, и согласовал теоретические и догматические принципы, основанные на понятии объективного правосудия.

Однако за эти более чем два десятилетия, начиная с введения в действие закона, появились новые различные потребности, на которые необходимо было обратить внимание. За это время были внесены существенные изменения в гражданское законодательство Турции, закон о компаниях, закон о конкуренции, закон о защите потребителей, закон о транспортировке, и закон о личном страховании. Эти изменения неминуемо, иногда и в корне изменили также и международное частное право. Также вступили в силу множество международных соглашений относительно международного частного права. Страны-члены Европейского Союза за это время внесли поправки в их собственные законы в пределах рамочных европейских соглашений, имеющих отношение к международному частному праву и процессуальному закону, также внося поправки непосредственно в сами соглашения. Самые яркий пример - это введение в действие Соглашения Рим ЕС I относительно закона о контрактах, регулирование ЕС относительно внеконтрактных обязательств. Турецкий Кодекс МЧП 1982 также должен был быть изменен, чтобы выйти на должный уровень развития.

Все эти события заставили преобразовывать Кодекс 1982 года. В результате в Турецкой Республике начался процесс «Европеизации», который проявился в интенсивных исследований, нацеленных на создание «Европеизированного частного права».

В данном контексте следует признать, что проектом Кодекса 2007 года был создан гармоничный текст, который может использоваться в решении проблем особой важности для Турецкой Республики, ввиду того, что кандидатура Турции для полного Членства в Европейском Союзе была

[1] Guloren Tekinalp: The 2007 Turkish Code concerning Private International Law and International Civil Procedure, Yearbook of Private International Law. Volume IX (2007). Edited by Petar Sarcevic, Paul Volken, Andrea Bonomi, The Swiss Institute of Comparative Law.

формально признана на Хельсинском Саммите на высшем уровне, и данный факт налагает обязательство включить *acquis communautaire* в турецкий закон[1].

Подготовка проекта и работа Комиссии Министерства юстиции.

Предварительный проект, названный «Проект Кодекса Международного частного права и Международного Гражданского процесса», был подготовлен в качестве поправок к Кодекс 1982 года в рамках систематического академического исследования и был представлен на обсуждение на комплексном симпозиуме в декабре 2002. Рассмотренный предварительный проект был закончен и представлен специально сформированной комиссии в Министерство Юстиции в апреле 2004. До конца 2004 года Комиссия встретилась на нескольких сессиях, завершив проект к концу года. Известный как «Проект Министерства Юстиции» («Проект Министерства»), этот документ был отослан для получения заключений «заинтересованных сторон» в соответствии с установленной практикой Министерства.

Проект Министерства был преобразован в последующий проект 2005 года («Проект 2005 года») - абсолютно новый закон, учитывающий мнения заинтересованных сторон, а также требования представителей Министерства Юстиции, а также многие фундаментальными концептуальными изменениями, внесенными Комиссией. Министерство юстиции направило Проект 2005 года в Премьер Министру для ассигнования Кабинетов, и затем он был направлен в Парламент.

Проект Кодекса МЧП был передан парламентской Генеральной Ассамблеей 21.11.2007 и стал законодательным актом. 12.12.2001 закон был опубликован в Официальной Газете (Official Gazette) и вступил в силу.

Цели кодификации международного частного права 2007 года.

Формулировка основных концепций и принципов, основанных на положениях международных конвенций. Одна из целей кодификации состоит в том, чтобы недавно принятые концепции и принципы международных конвенций в области международного частного права должным образом инкорпорировались в турецкий закон. Они включают, среди прочего, «Конвенцию о праве, применимом к алиментным обязательствам» (2 октября 1973), «Конвенцию о заключении и признании действительности браков» (14 марта 1978), «Конвенцию о праве, применимом к агентским соглашениям»(14 марта 1978), «Римскую Конвенцию о Праве, Применимом к Договорным обязательствам» (Рим I, 1980, вступившую в силу 1990), и «Конвенцию о Защите Детей и Сотрудничеству в отношении международного усыновления» (29 мая 1993).

[1] http://eulaw.ru/content/vstuplenie-v-es-tureckiy-vopros

Даже при том, что Турция не является стороной некоторых этих соглашений, они, тем не менее, представляют собой достояние, преимущества которых стоит использовать как достижение коллективного разума; так же как и тексты, в отношение которых существует общее взаимное соглашение; и проявление успешной, универсальной имплементации. Кроме того очевидно, что до того момента, когда Турция действительно станет стороной любой из этих Конвенций, их включение в МЧП и последующее воплощение в законе минимизировали бы риск противоречивых решений суда в будущем, заранее гарантируя соответствие между внутренними и внешними решениями суда.

Принципы и правила, соответствующие международным стандартам. Готовя Проект, основная преследуемая цель была отражена в недавних поправках к Конституции Турецкой Республики и в подготовке пересмотра проекта таких основных законов как Торговый кодекс, Кодекс Обязательств, и Кодекс Гражданского процесса. Данная цель была признанием того, что принципы, правила и механизмы, соответствующие международным стандартам, должны быть воплощены в законе страны, которая ведет активные действия, направленные на вступление в ряды членов международного сообщества. Наличие национальной правовой системы, которая основана на беспристрастности и объективном правосудии, а не упрощенном протекционизме, и которая включает универсальный подход уважения прав человека и верховенства закона - conditio sine qua non *(от лат. «необходимое условие»)*. Современная национальная правовая система может достигнуть своей цели и одержать успех только в том случае, если она будет соответствовать международным стандартам. Поэтому соединение современных представлений и подходов по всем вопросам: от защиты индивидов и семей в отношении наследования и права собственности, в отношении коммерческих, корпоративных, и экономических правоотношений до принципов, используемый в регулировании интеллектуальной собственностью, были привнесены в каждый элемент МЧП Турецкой Республики и заняли место среди самых высоких и самых важных приоритетов развития национальной правовой системы.

ЦЕНА – СУЩЕСТВЕННОЕ УСЛОВИЕ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ?

Бенецкая Вероника Викторовна,
студентка юридический факультет
Гродненского государственного университета
им. Янки Купалы

Научный руководитель:
Игнатик Марина Ивановна,
к.ю.н., доцент Гродненского государственного университета им.
Янки Купалы

Вопрос о том, относится ли цена к числу существенных условий договора, согласно Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года (далее – Конвенция ООН), является одним из наиболее дискуссионных. Это связано с тем, что в Конвенции ООН содержатся две нормы (ст.ст. 14 и 55), формулировки которых отличаются друг от друга.

Согласно ст. 14 Конвенции ООН, условием признания предложения о заключении договора офертой является прямое или косвенное установление в нем цены либо порядка ее определения.

В соответствии со ст. 55 Конвенции ООН, если договор был заключен юридически действительным образом, но в нём ни прямо, ни косвенно не устанавливается цена или не предусматривается порядок ее определения, действует (при отсутствии какого-либо упоминания об ином) презумпция о наличии соглашения сторон. При этом стороны должны подразумевать ссылку на цену, которая в момент заключения договора обычно взималась за такие товары, продавшиеся при сравнимых обстоятельствах в соответствующей области торговли. Таким образом, договор купли-продажи, заключенный юридически действительным образом, может и не содержать условия о цене.

В целях преодоления разногласий по данному поводу предлагались различные решения. Согласно одному из них, в данном случае следует применить ст. 6 Конвенции ООН, позволяющую отступить от любого из ее положений или изменить ее действие. При этом отсутствие в оферте условия о цене рассматривается как предложение оферента отступить от предписаний ст. 14 Конвенции, а акцепт такой оферты означает, что стороны договорились об отступлении от положения ст. 14 Конвенции ООН.

Высказывалось также мнение о том, что поскольку в ст.55 Конвенции ООН содержится указание на критерий «подразумеваемой»

цены, то отсутствие соответствующего условия о цене в самом договоре следует рассматривать как порядок ее определения. Соответственно, противоречий между ст. 14 и ст. 55 Конвенции ООН не устанавливается.

По нашему мнению, при анализе формулировки ст. 55 Конвенции ООН следует обратить внимание на то, что она рассчитана на договоры, заключенные «юридически действительным образом». В силу же п. «а» ст. 4 Конвенции ООН юридическая действительность договора определяется на основании норм подлежащего применению национального права.

Следовательно, вопрос о том, является ли условие о цене существенным, зависит от его решения согласно положениям национального права.

Например, согласно белорусскому законодательству, а именно ст. 425 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК), цена не является существенным условием договора купли-продажи товаров, поэтому договор будет считаться заключенным и при отсутствии в нем такого условия. Если же стороны не оговорили в соглашении условия о цене, то подлежит применению правило, предусмотренное ч.3 ст. 394 ГК Республики Беларусь: «в случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги». Таким образом, белорусскому законодательству применима ст. 55 Конвенции ООН, т.к. на основании норм отечественного права допускается заключение договора купли-продажи без указания цены.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ДОГОВОРА МЕЖДУНАРОДНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ПАССАЖИРА И БАГАЖА

Касаткина Александра Сергеевна,
аспирантка кафедры международного частного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Ерпылева Наталия Юрьевна,
д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой
международного частного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

1. Договор международной перевозки представляет собой особый вид международных коммерческих сделок и включает в себя как публично-правовой (определение статуса транспортной среды), так и частноправовой (непосредственная организация самой перевозки) аспекты.

2. В международных конвенциях, регулирующих перевозки пассажиров, понятию договора перевозки отведено мало внимания.

3. Отправной точкой в определении договора международной перевозки пассажира могут служить дефиниции, данные в национальных источниках, с включением в них иностранного элемента.

4. Ряд вопросов, касающихся договора перевозки, до настоящего времени не имеет единого решения, на что обращают внимание многие правоведы, занимающиеся изучением данной проблемы. Так, на сегодняшний день, высказывается предложение разграничить договор перевозки пассажира и договор перевозки багажа[1].

5. Основной аргумент сторонников идеи разграничения договора перевозки пассажира и договора перевозки багажа состоит в том, что пассажир непосредственно не связан со своим багажом: порой он отправляет свой багаж, не следуя на том же транспортном средстве, в частности при воздушной перевозки.

6. В качестве квалифицирующего признака в обосновании существования двух самостоятельных договоров следует указать на наличие у каждого из них своего предмета. Если предметом договора перевозки пассажира является услуга по доставке пассажира в пункт назначения, то предметом договора перевозки багажа – услуга по доставке багажа в пункт назначения и выдаче его уполномоченному лицу.

[1] См.: Гражданское право: Учебник / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1997. Ч. 2. С. 407 (авторы главы - Д.А. Медведев, В.Т. Смирнов).

7. Договор международной перевозки пассажира следует отнести к числу консенсуальных, взаимных и возмездных. Являясь консенсуальным договором, он считается заключенным с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям. Взаимный характер договора заключается в том, что на обе стороны возлагаются встречные обязательства. Что же касается возмездного характера договора, то он проявляется в оплате пассажиром международной перевозки.

8. Сторонами рассматриваемого договора являются перевозчик и пассажир. Появление третьего участника правоотношения, подобного грузополучателю при перевозке груза, в отношениях, связанных с перевозкой пассажира, исключено, однако данное положение не исключает права третьих лиц, не участвовавших в договоре, предъявить в случае гибели пассажира претензию к перевозчику[1]. Нередко одной из сторон международной перевозки пассажира выступает иностранное физическое лицо (пассажир) или юридическое лицо (в лице перевозчика).

9. Поскольку международная перевозка связана с пересечением государственной границы (границ), при ее осуществлении возникают определенные правовые моменты, которые связаны с вопросами получения пассажиром визы и ее предъявлении на границе, а также наличия у него заграничного паспорта. Без данных документов осуществление перевозки пассажира невозможно. Здесь обнаруживается накладывание публично-правовых международных институтов на частноправовые институты с вытекающими правовыми последствиями.

10. Предметом договора международной перевозки пассажира является услуга по доставке пассажира в пункт назначения. В некоторых конвенциях предмет договора конкретизируется.

11. Форма рассматриваемого договора специфична. Факт наличия договорных отношений между перевозчиком и пассажиром и факт внесения провозной платы удостоверяется проездным билетом, а при провозе багажа - багажной квитанцией.

12. Конвенции, регулируя вопрос о данных, которые должен содержать проездной билет[2], определяют следующие положения: указание места отправления и места назначения; название и адрес перевозчика; ссылки на то, что договор перевозки подпадает под действие соответствующей конвенции.

13. Билет пассажира относится к так называемым индивидуальным документам. Однако в международных перевозках пассажира получила

---

[1] См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР / Под ред. С.Н. Братуся, О.Н. Садикова. М., 1982. С. 446 (автор главы - Г.Б. Астановский).

[2] Наиболее подробно содержание проездного билета изложено в Соглашении о международном пассажирском сообщении (СМПС), в параграфе «Международные перевозки пассажира».

свое распространение и такая форма договора, как коллективный пассажирский билет.

14. Важный момент, которого нет в российском транспортном законодательстве, но который урегулирован международными конвенциями, - это положения о том, что отсутствие, неправильное оформление или потеря билета пассажира не затрагивают существования или действительности договора перевозки.

15. Таким образом, договор международной перевозки пассажира обладает рядом особенностей. Во-первых, ему присуще наличие иностранного элемента. Суть данной особенности заключается в том, что в основу нормативной базы, регулирующей данный договор, составляют международные правовые источники.

16. Другая особенность данного договора заключается в его документационном оформлении. Для осуществления международной перевозки пассажира одного билета недостаточно, поскольку также необходимо наличие визы и заграничного паспорта.

17. Международной перевозки пассажиров, характерны также отличия, связанные с пределами ответственности перевозчика по договору перевозки пассажира. В международных правовых источниках они конкретизируются с указанием предельных сумм возмещения в случае причинения ущерба, связанного со смертью, телесными повреждениями или нанесением другого вреда физическому здоровью пассажира.

ИСЛАМИЗМ ВО ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГОСУДАРСТВА

Матвеева Алёна Юрьевна,
студентка 1 курса Юридического института
Сибирского Федерального Университета

Научный руководитель:
Сидорова Татьяна Юрьевна,
к.ю.н., доцент кафедры международного права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В современных международных отношениях религиозные взгляды народов отдельных стран всё чаще играют значительную роль во внутриполитической жизни и во внешнеполитических связях. В последние десятилетия в разных странах усилилась религиозность мусульманского населения, активизировались религиозные движений. Вышли на мировую политическую арену исламские радикальные движения, пытающиеся создать в мусульманских, а иногда и в странах с другой религией, «подлинно исламское» государство и объявляющих «джихад» своим противникам. Среди существующих сейчас мировых проблем, влияние и распространение агрессивного исламизма, терроризма и национализма являются одними из самых актуальных, приводящих к дестабилизации, и даже военным конфликтам и войнам. Сейчас стало очевидным, что ислам, как религия является одним из важнейших факторов политики.

Ислам — это монотеистическая мировая религия. Основателем считается пророк Мухаммед, получивший сведения о новой, единственно верной религии, в виде Корана — священной книги ислама. Хотя ислам и сплачивал людей на основе общей религии, но культурно – бытовые противоречия в мусульманских странах не исчезли. Это отразилось в разных течениях мусульманской религии. Основные из них - суннизм, шиизм и хариджизм. Примерно 85 % мусульман мира составляют сунниты, около 15 % — шииты вместе с членами других исламских сект. Мусульманские общины имеются более чем в 120 странах мира и объединяют до полутора миллиарда человек.

Сейчас очевидно, что мировые аналитики недооценивали степень влияния ислама на широкие массы в мусульманских странах, потенциальных возможностей этой религии как мобилизующей и интегрирующей социальной силы. В настоящее время в мире наблюдается «исламский фундаментализм» — течение, декларирующее

необходимость возвращения мусульман к строгому соблюдению требований Корана и других священных в исламе книг, очищению от искажений и чуждых наслоений в религиозной и социально-политической сферах, а также освобождения мусульманских земель от колонизаторов. Антизападная направленность фундаменталистов приводит к отрицанию ими равенства полов, свободы совести, всеобщей грамотности и порождает стремления возродить мусульманское Средневековье. «Фундаменталистское» течение в исламе включает в себя разнонаправленные и даже враждующие друг с другом концепции «возвращения к истокам», а также принципиально разные понимания нежелательных «новшеств». Идеи исламского фундаментализма лежат в основе исламского радикализма и исламизма.

В политологии термин «исламизм», обозначает идеологию и практическую деятельность внутри исламского мира, создающих условия, при которых любые противоречия внутри общества и государства, где есть мусульманское население, а также межгосударственные отношения будут решаться на основе норм шариата. Исламизм в политике определяется такими важными для исламской религии принципами, как безусловное единобожие, абсолютная покорность Аллаху, беспрекословное подчинение верующих религиозной общине и религиозным авторитетам, а также делением всех людей на «правоверных» и «неверных». Существует мнение, что исламизм стоит рядом с такими политическими идеологиями, как социализм, коммунизм, либерализм, фашизм, глобализм, национализм. Следует разделять ислам как религию и радикальный ислам как политическую идеологию, обращающуюся к религии.

Единой классификации мусульманских политико-религиозных доктрин не существует из-за возможности различного толкования догматов ислама и отдельных терминов. К тому же исламистские концепции почти не встречаются в «чистом виде». Одна из классификаций подразделяет современные исламистские движения на реформаторские, секуляристские, фундаменталистские и традиционалистские.

Причины так называемого «исламского возрождения» - это глубокое разочарование тем, что мусульманское сообщество, как приверженец «единственно верного учения», оказалось в современном мире на обочине, переживает упадок, вынуждено бессильно смотреть, как «неверные» определяют судьбы человечества и правят миром. В первую очередь, это относится к арабским странам. Можно сравнить былую славу и могущество арабов с их теперешним положением. Провал национальных моделей развития западного и советского образца, медленная модернизация экономики, безработица, разрыв в уровне жизни между элитой и остальным обществом, культурное влияние извне — всё это

порождает у мусульман желание найти свой путь выхода из кризиса. Значительная часть населения видит этот выход в идее исламской альтернативы.

В отдельных государствах фундаменталистам удалось добиться принятия своей идеологии в качестве господствующей, например, в Исламской Республике Иран. В ряде других фундаменталистские движения действуют как оппозиция существующим светским или традиционным государственным институтам, в качестве метода борьбы с которыми отдельными группировками фундаменталистов используется терроризм. Исламизм нашел много сторонников в странах третьего мира – в Афганистане, Пакистане, в Африке и т.д. Исламизм, победив в Иране, быстро распространился по всему мусульманскому миру, ставшему ареной соперничества между шиитской революционной Исламской Республикой Иран и консервативной суннитской Саудовской Аравией. Отношения между шиитами и суннитами в последнее время всё более приобретают характер конфликтных, что усугубляется политикой США по реализации «шиитского проекта» в Ираке и подавлению антизападных шиитских политических сил в треугольнике Иран – Сирия – Ливан.

Следует различать успех ислама в самих исламских странах и в других государствах, например, во Франции, где живёт большая мусульманская община. В арабских странах с авторитарными режимами - Сирии, Саудовской Аравии, Египте - исламисты представляют собой протестную силу, притягивая к себе всех недовольных властью, играя роль оппозиции. Привлекательность исламизма в таких странах, как Франция, объясняется тем, что мусульмане с трудом интегрируются в западное общество. Исламизм же даёт им возможность самоидентифицироваться.

Внешнеполитический характер исламистских движений проявляется в том, что многие из них не ограничивают сферу деятельности территорией страны своего базирования, совершая операции и на территории соседних с нею стран, а также создают свои филиалы в других странах, в том числе и за пределами мусульманского мира. Как правило, они активно сотрудничают с исламистскими группировками вне своей страны. Чаще исламистские движения и организации пользуются поддержкой из-за границы, в том числе и государственных структур. Нередко само возникновение того или иного исламистского движения бывает вдохновлено каким-либо заинтересованным государством. Например, исламизм распространяется из главных центров (Саудовской Аравии и Ирана) в четырех основных организационных формах.

1.Путём внедрения в существующие объединения исламского духовенства (в стране распространения ислама) исламистских элементов или замены местного духовенства на духовенство исламистское

(направление проповедников, назначение имамов в мечети, построенные на ваххабитские или иранские деньги, обучение на территории Саудовской Аравии и Ирана или в исламистских образовательных центрах в других странах и т.п.).

2.Созданием массовой исламистской базы в странах распространения ислама (пропаганда, обращение в ислам конкретного направления - как мусульман других направлений ислама, так и не-мусульман).

3.Созданием религиозно-политических организаций исламистского характера, оппозиционных к политическим системам и ко всему местному исламскому духовенству, более или менее лояльному к секулярным режимам. Например, это «Джихад» и «Исламская группа» в Египте, «Вооруженная исламская группа» в Алжире и т.д.

4.Созданием исламистских плацдармов в зонах слабого государственного контроля за национальными территориями.

Таким образом, носителем исламизма являются социальные группы, заинтересованные в сохранении или установлении исламской (шариатской) формы власти в какой-либо стране и в создании соответствующих условий для экспансии этой формы власти за рубежом. Воздействие ислама на формирование идеологических концепций, на внутреннюю и внешнюю политику мусульманских стран будет сохраняться неопределённо длительное время.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ КОРРУПЦИИ

Мицкевич Александр Александрович,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Щербинина Ольга Евдокимовна,
к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой международного права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В современный период отличительной чертой исследований коррупции является междисциплинарный подход. Коррупция служит предметом исследований не только юристов, криминологов, социологов, но и экономистов, политологов, историков и философов. Коррупция – весьма сложно явление, оно проявляется сразу во многих сферах жизни общества. Это и обусловливает междисциплинарное ее изучение[1].

В настоящее время универсального определения коррупции ни в социологическом, ни в юридическом значении не выработано. Количество точек зрения достаточно велико, почти каждый автор предлагает свое определение коррупции в том или ином аспекте.

В самом широком, социологическом смысле под коррупцией понимают злоупотребление вверенной властью в личных интересах[2]. Таким же образом трактует понятие коррупции и международная неправительственная организация Transparency International[3]. Хотя в ряде публикаций[4] представлен несколько иной подход – так называемый этический. По мнению сторонников этого подхода, коррупция – следствие недостатка этических правил. Соответственно, принятие такие правил в бизнесе и других структурах общества приведет к сокращению коррупции.

В социологическом понимании коррупция – социальная болезнь, энтропийное состояние общества. Коррупция – пример социальной дисфункции, обусловленной противоречиями между индивидуальными целями членов социальной организации и самой социальной организации,

[1] Карпович О.Г. Коррупция в современной России. – М., 2007. С. 19.
[2] Hans Herbert von Arnim, Regina Heiny, Stefan Ittner. Korruption. Begriff, Bekampfungs- und Forschungslucken // Discussion Papers 33, Deutsches Forschungsinstitut fur offentliche Verwaltung Speyer 2006, С. 16 http://www.foev-speyer.de/publikationen/pubdb.asp?reihen_id=3
[3] Демидов Б.В., Панфилова Е.А. Что такое «Трансперенси Интернешнл»? // Организованная преступность и коррупция. 2001. №1. http://www.transparency.org.ru/CENTER/c_publications.asp
[4] Основы борьбы с коррупцией (системы общегосударственной этики поведения) / науч. ред. С.В. Максимов. С. 30-21, 54-55. http://www.transparency.org.ru/CENTER/c_book.asp

а также между формально-логической сущностью социальной организации и социальной природой[1].

В политологии исследователи подходят к коррупции прежде всего как к фактору, деформирующему политическую организацию общества. В центре внимания стоят такие формы коррупции, как незаконное финансирование политических партий, парламентские злоупотребления, торговля влиянием[2].

В социологии коррупцию понимают еще и как форму девиантного поведения. К представителям этой точки зрения относится К. Фридрих[3], который определяет коррупцию как вид поведения, которое отклоняется от превалирующих норм. Это девиантное поведение, ассоциированное с определенной мотивацией, в частности, с получением личной выгоды за общественный счет.

Другие социологи понимают коррупцию иначе: как систему отношений в обществе. Л.В. Гевелинг[4] определяет коррупцию в виде деструктивной по отношению к действующим на данной территории общественным нормам и господствующей морали системы социальных связей, которые характеризуются использованием должностных полномочий для получения материальной и (или) нематериальной выгоды.

В социологическом понимании коррупции некоторые исследователи[5] выделяют ее подвиды: должностной патронаж, автокоррупция (прямая и опосредованная).

Наиболее распространенным примером должностного патронажа может служить такой патронаж в партийно-политической сфере, когда представители определенных партий, занимая государственные должности, используют вверенные им полномочия не во благо общества и государства, а в интересах своей политической партии и патронируемого[6].

Исследователи в рамках экономического понимания коррупции раскрывают экономическую сущность коррупции и ее негативное воздействие на мировую экономическую систему. Среди экономических

---

[1] Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. - М., 1991. С. 14.

[2] Карпович О.Г. Коррупция в современной России. – М., 2007. С. 21.

[3] Friedrich C. Corruption Concepts in Historical Perspective // Political corruption. – A handbook / Ed. By A.J. Heidenmeier, V.T. LeVine. New Brunswick; N.J., 1989. P.15.
http://www.ccebook.org/preview/0887381634/Political-corruption-a-handbook

[4] Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными организациями власти. - М., 2001. С. 10.

[5] Hans Herbert von Arnim, Regina Heiny, Stefan Ittner. Korruption. Begriff, Bekampfungs- und Forschungslucken // Discussion Papers 33, Deutsches Forschungsinstitut fur offentliche Verwaltung Speyer 2006, C. 16-17 http://www.foev-speyer.de/publikationen/pubdb.asp?reihen_id=3

[6] Hans Herbert von Arnim, Regina Heiny, Stefan Ittner. Korruption. Begriff, Bekampfungs- und Forschungslucken // Discussion Papers 33, Deutsches Forschungsinstitut fur offentliche Verwaltung Speyer 2006, C. 16-17 http://www.foev-speyer.de/publikationen/pubdb.asp?reihen_id=3

теорий коррупции выделяют теорию коррупции как статусной ренты за монопольное положение чиновника[1], агентскую модель коррупции[2].

Основателем функционального подхода считается М. Вебер, который сделал вывод о функциональности и приемлемости коррупции при условии, что она усиливает позицию элит, гарантирующих ускорение происходящих в обществе изменений[3]. Сторонники функционального подхода считают, что, выполнив свои политические и экономические функции, коррупция исчезает[4].

Во взаимосвязи с функциональным подходом существует так называемая институциональная теория[5]. Наиболее развернуто эту теорию изложил Л.М. Тимофеев[6]. Суть теории заключается в том, что автор оправдывает существование коррупции, называя ее полезным общественным институтом, проявлением здравого смысла человека в экономической сфере. Г. Саратов и М. Левин[7] полагают, что коррупция является своеобразным «смазочным средством», компенсирующим недостатки государственного управления.

Представляется, что из изложенного невозможно сделать однозначный вывод о полезности коррупции, о ее положительной роли. Можно рассматривать коррупцию как неизбежное зло, хотя и выполняющее иногда некоторые позитивные функции. Все же «нормальным» состоянием общества должно считаться состояние либо полного отсутствия преступности (с точки зрения нормы как идеала) и, соответственно, коррупции, либо (реалистичный взгляд) преступность и коррупция остаются, однако удерживаются на минимальном уровне путем противодействия. Понимание коррупции как «нормального» явления смешивает закономерность явления и нормальность, а также создает условия для пассивного отношения к коррупции, ее оправдания, что, на наш взгляд, является нелогичным, опасным и недопустимым.

В юридической парадигме коррупцию чаще всего определяют через перечисление деяний[8], что оправдано с точки зрения правоприменения,

---

[1] Шихата И. Взятка как рента за монопольное положение чиновников // Чистые руки. 1999. № 1. С. 32-36

[2] Социология коррупции. Материалы научно-практической конференции. - М., 2003. С. 32-33.

[3] Цит. по: Гридякин Д.А. Противодействие коррупции в органах государственной власти в современной России: политологический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Краснодар, 2009. http://sartraccc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Disser/gridyakin.htm

[4] Делла Порта Д. Действующие лица в коррупции: политические бизнесмены в Италии // Международный журнал социальных наук. 1997. № 16. С. 55.

[5] Гилинский Я.И. Коррупция, теория, российская реальность, социальный контроль // http://narcom.ru/ideas/socio/84.html

[6] Тимофеев Л.М. Институциональная коррупция: очерки теории. - М., 2000. С. 7.

[7] Россия и коррупция: кто кого? - М., 1999. С. 19.

[8] См., например, Конвенцию ООН против коррупции 2003 г., Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Федеральный закон от 25.12.2008 N 273-ФЗ "О противодействии коррупции" и др.

однако делает невозможным осознание истинного значения, сути коррупции.

Таким образом, в научной среде нет единой концепции понимания коррупции. На наш взгляд, наиболее приемлемым является социологическое понимание коррупции, которое можно сформулировать как *использование должностного или служебного положения в личных интересах*. Представляется, что такое определение позволяет охватить весь спектр коррупционных деяний. Вместе с тем, ценность такого определения лежит в доктринальной плоскости, но для правоприменения необходимы конкретные нормы, закрепляющие коррупционные составы правонарушений.

НАСЛЕДОВАНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ УГОДИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Чебоксарова Мария Александровна,
студентка 1 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Шайхутдинов Евгений Маратович,
к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права
Юридического института
Сибирского федерального университета.

Тема наследования в международном частном праве никогда не перестает быть *актуальной*, тем более для сегодняшнего мира с развитым мировым рынком, когда приобретение собственности за границей становится достаточно частым явлением.

И, очевидно, что без участия земли как важнейшего объекта недвижимости в гражданском обороте невозможен переход к полноценному рынку.

Подходы, применяемые странами к регулированию прав иностранных лиц на землю, достаточно разнообразны. Сыродоев Н.А. в своей статье «Земля как объект гражданского оборота»[1] достаточно наглядно выделяет несколько видов стран по проводимым мерам относительно приобретения иностранными лицами сельскохозяйственных угодий. *Одни* страны, такие Испания, Бразилия, Латвия хоть и *разрешили* иностранцам покупать с/х угодья, но ввели *ограничения* (не более установленного процента земель каждого муниципалитета). *Другие* страны (Китай, Израиль, Эстония, Румыния, Албания, Таиланд и др.) вводят *полный запрет* на покупку любых земель. *Третья группа стран*, как отмечает Сыродоев Н.А., вводит некоторые *ограничения* для иностранных лиц, например, предоставляет иностранцам конкретной страны права на землю при условии, что эта страна взамен предоставляет равные права на землю их гражданам (Италия, Польша) – принцип взаимности, также большая группа стран использует установление запрещенных зон, в которых иностранцы не могут приобретать землю. Помимо этого существует достаточное количество и других ограничений.

Но приобрести собственность за границей можно и путем *наследования по закону*.

[1] Сыродоев Н.А. Земля как объект гражданского оборота// Государство и право. – 2003. - №8. – С. 49.

Цель моей работы состоит в раскрытие некоторых аспектов политики государств путем выявления подходов в нормативно-правовых методах урегулирования вопросов, связанных с приобретением вещных прав на земли сельскохозяйственного назначения путем наследования.

Анализ зарубежного законодательства показывает, что и в сфере наследования сельскохозяйственных угодий иностранными лицами страны применяют разные меры.

Наследование по закону, являясь для ряда стран *исключением* из правила невозможности приобретения земель сельскохозяйственного назначения, представляет благодаря этому особый интерес. Так закрепленное в статье 22 главы первой Конституции Болгарии положение о том, что иностранцы не могут приобретать землю сельскохозяйственного назначения, оказывается действующим только относительно иностранных юридических лиц. Иностранные физические лица могут приобретать землю сельскохозяйственного назначения как раз путем наследования по закону. Но в трехлетний срок после открытия наследства они обязаны передать её в собственность местным лицам.

В России по статье 3 главы I федерального закона 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» иностранные граждане, иностранные юридические лица, лица без гражданства, а также юридические лица, в уставном (складочном) капитале которых доля иностранных граждан, иностранных юридических лиц, лиц без гражданства составляет более чем 50 процентов, могут обладать земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения только на праве аренды. Наследник обязан произвести отчуждение земельного участка, относящегося к категории земель сельскохозяйственного назначения.

И во многих государствах практикуется подобная политика: право человека на наследование земли не отчуждается, даже если наследником является иностранный гражданин, но на это право накладывается обязательство в виде передаче этой земли физическим или юридическим лицам данной страны.

Сельскохозяйственные земли – особый объект недвижимости и гражданском мировом обороте. Являясь *залогом стабильности* государства в продовольственном и экономическом плане, они находятся под специальной защитой государства. Меры, принятые государством относительно *наследования по закону* иностранными лицами сельскохозяйственных угодий, будучи составным элементом политики, проводимой странами для регулирования прав иностранных лиц на эту землю, делают немаловажный вклад в отображение экономической и политической ситуации в той или иной стране.

Секция

Современные проблемы административной науки и практики

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КОАП РФ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

Белокобыльская Светлана Викторовна,
студентка 6 курса факультета предпринимательства и права
Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладошина

Научный руководитель:
Кузнецова Ирина Вильеновна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Челябинского института экономики и права им. М.В. Ладошина

Практика применения КоАП РФ выявила множество проблем практического применения положений, закрепленных в нем, требующих анализа и выработки единого механизма их разрешения.

Административные органы часто допускают процессуальные нарушения при производстве по делам об административных правонарушениях, такие, например, как ненадлежащее извещение лица, привлекаемого к административной ответственности, о времени и месте составления протокола, рассмотрения материалов административного дела и принятия постановления по делу; неправильное оформление процессуальных документов, а также других требований, установленных КоАП РФ.

Часть 2 статьи 28.4 КоАП РФ предусматривает, что о возбуждении дела об административном правонарушении прокурором выносится постановление, которое должно содержать сведения, предусмотренные статьей 28.2 КоАП РФ. Балакин В.Ю. пишет, что лицу, привлекаемому к административной ответственности, обеспечивается право непосредственного участия в составлении протокола по делу об административном правонарушении.[1]

Соблюдение положений ст. 28.2 КоАП РФ может быть достигнуто не только в случае присутствия физического лица или законного представителя юридического лица, привлекаемого к ответственности, но также и при его отсутствии - при условии их надлежащего извещения о времени и месте составления протокола об административном правонарушении [32, С. 12].[2]

Современная норма применяет такое понятие как «надлежащее извещение», не давая его точного определения. Эта ситуация поставила

[1] Кузякин Ю.П. Нужно создавать административно-процессуальный кодекс, в котором будет прописана четкая процедура: куда, как, в какие сроки // Административное право. - 2009. - №2. – С. 6.
[2] Там же. – С. 12.

перед должностными лицами проблему формирования практики разрешения данной проблемы.[1]

Указанное выше процессуальное нарушение имеет существенное значение, так как не позволяет рассмотреть дело всесторонне, полно и с учетом возможных возражений со стороны защитника заявителя. С учетом обстоятельств, установленных при рассмотрении настоящего дела, совпадает с правовой позицией, изложенной в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 3 августа 2004 г. № 5960/04.

Надлежащее извещение лица, привлекаемого к ответственности, имеет существенное значение при рассмотрении дела об административном правонарушении. Надлежащему извещению лица, привлекаемому к административной ответственности, уделяется большое внимание как со стороны административного органа, так и со стороны суда не только на стадии возбуждения дела об административном правонарушении, но и на стадии рассмотрения дела об административном правонарушении и принятия решения по данному делу.[2]

Основная проблема отделов внутренних дел заключается в принятии спешных, необъективных и, зачастую, необоснованных постановлений по делам об административных правонарушениях. Данная ситуация обусловлена, во многом, тем, что основная нагрузка по рассмотрению дел об административных правонарушениях приходится на руководителей ОВД и их заместителей. Спектр рассматриваемых ими правонарушений распространяется на все сферы общественных отношений, подведомственных ОВД.

В месяц, в среднем, на начальника ОВД в лице его заместителя - начальника МОБ - возлагается обязанность по рассмотрению 1600 дел об административных правонарушениях с учетом того, что за сутки он должен принять решения по 40 - 60 материалам. Подобным образом выглядит картина административной практики у руководителя ОВД на транспорте и его заместителей.

В результате мы предлагаем рассмотреть вопрос на законодательном уровне о:

1. Сокращении предметной компетенции начальника ОВД и его заместителей по рассмотрению дел об административных правонарушениях;

2. Расширении круга субъектов административной юрисдикции ОВД по рассмотрению дел об административных правонарушениях, а именно, наделить этим правом больший круг должностных лиц органов

---

[1] Балакин В. Проблема административной ответственности за хищение // Законность. - 1997. - №4. С. 5.

[2] Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. - СПб.: Издательство юридического института, 2002. – С.144.

внутренних дел. К ним можно отнести: начальников дежурных смен дежурных частей территориальных ОВД и линейных ОВД на транспорте; начальников медицинских вытрезвителей при ОВД и их заместителей; начальников подразделений по лицензионно-разрешительной работе и контролю за частной детективной и охранной деятельностью; начальников подразделений по делам несовершеннолетних и их заместителей; начальников подразделений по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства, инспекторов подразделений по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнению административного законодательства, а также начальников паспортно-визовых служб ОВД и их заместителей.

3. Закреплении права компетентного органа, в производстве которого находится на рассмотрении дело об административном правонарушении, принимать промежуточные решения в виде определения о:

- направлении материалов дела на доследование;
- об отложении рассмотрения дела;
- возобновлении сроков рассмотрения дела;
- об истребовании дополнительных сведений;
- назначении экспертизы (исследования);
- направлении материалов дела по подведомственности;
- об извещении о времени и месте рассмотрения дела и применении принудительного привода;
- приостановлении рассмотрения, а также вынесении на этапе подготовки дела к рассмотрению итогового постановления о прекращении дела производством при наличии обстоятельств, исключающих производство по делу.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Габов Александр Алексеевич,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Мицкевич Людмила Абрамовна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного,
административного и муниципального права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Целью настоящей работы является краткий обзор законодательства, регулирующего образовательную сферу в России и Германии, а также освещение системы органов, осуществляющих государственное управление образованием, их функций и полномочий.

Сравнительный анализ данных положений проводится на основе системы федеральных органов России и Германии, а также субъектов федерации – Красноярского края и федеральной земли Бавария.

В РФ федеральное законодательство представлено, прежде всего, Федеральными законами «Об образовании»[1], «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»[2], Положением о министерстве образования и науки РФ[3], Указом Президента РФ «Вопросы министерства образования и науки РФ»[4], другими нормативно-правовыми актами. На региональном уровне, в Красноярском крае действуют закон Красноярского края «Об образовании»[5], Положение о министерстве образования и науки Красноярского края[6], а также другие нормативно-правовые акты.

В РФ к системе федеральных органов, осуществляющих государственное управление в сфере образования относятся: Министерство образования и науки РФ, находящиеся в его ведении Федеральная служба по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам и Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Указом Президента РФ от 04.03.2010 № 271 были упразднены Федеральные агентства по образованию и по науке и инновациям).

[1] Ведомости СНД и ВС РФ, 30.07.1992, № 30, ст. 1797.
[2] Собрание законодательства РФ, 26.08.1996, № 35, ст. 4135.
[3] Собрание законодательства РФ, 24.05.2010, № 21, ст. 2603.
[4] Собрание законодательства РФ, 08.03.2010, № 10, ст. 1057.
[5] Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края, № 36, 28.12.2004.
[6] Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края, № 42 (263), 01.09.2008.

В Красноярском крае государственное управление в сфере образования осуществляют Министерство образования и науки Красноярского края и находящаяся в его ведении Служба по контролю в области образования Красноярского края.

Министерство образования и науки РФ – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере образования, научной, научно-технической деятельности и инновационной деятельности в научно-технической сфере, интеллектуальной собственности. В связи с упразднением Федерального агентства по образованию указанному Министерству перешли его функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере образования, воспитания, научной, научно-технической и инновационной деятельности. Министерство образования и науки Российской Федерации осуществляет координацию и контроль деятельности находящихся в его ведении служб.

Министерство образования и науки Красноярского края – орган исполнительной власти Красноярского края, который осуществляет нормативное правовое регулирование и разработку проектов нормативно-правовых в областях дошкольного, начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования, начального и среднего профессионального образования, науки; координацию и контроль деятельности находящегося в его ведении органа исполнительной власти края. Отдельно в Положении говорится о задачах и компетенции министерства.

В Германии основным органом Федерации в сфере образования является *Федеральное министерство по образованию и исследованиям* (далее - BMBF). В значительной степени BMBF – ответственный орган в формировании законодательной базы во многих сферах образования. Сюда входят прежде всего сфера послешкольного профессионального образования, повышения квалификации и **поддержки** развития системы образования. Согласно Основному закону ФРГ образование относится к предметам ведения субъектов федерации – федеральных земель (ст. 70 ОЗ). На официальной странице BMBF говорится, что в задачи министерства входят различные вопросы: от поддержки начального образования до профессионального второго образования. Школьное образование, также как и высшее образование, находится в предмете ведения федеральных земель.

В ФРГ на федеральном уровне действуют законы: Закон об общих принципах организации высшей школы (Hochschulrahmengesetz)[1], закон об

[1] Bundesgesetzblatt, 19 Januar 1999, I, S. 18.

оплате жалования профессорам (Pofessorenbesoldungsgesetz)[1], закон о содействии обучению (Bundesausbildungsforderungsgesetz)[2], закон о профессиональном обучении (Berufsbildungsgesetz)[3].

В федеральной земле Бавария вопросами образования занимаются два министерства: *Министерство по науке, исследованиям и искусству и Министерство по обучению и культам*.

Министерству по науке, исследованиям и искусству подведомственны все баварские высшие учебные заведения, учреждения искусства и культуры, а также исследовательские организации в Баварии.

Законодательной базой для министерства по науке, исследованиям и искусству являются следующие нормативные акты: Баварский закон о высших учебных заведениях (Bayerisches Hochschulgesetz)[4], Закон о приеме в высшие учебные заведения Баварии (Hochschulzulassungsgesetz)[5], Постановление о лекционном времени в баварских университетах (Verordnung uber die Vorlesungszeit an den Universitaten)[6], Постановление о взимании взносов для обучающихся, повышающих квалификацию в специальных программах по дальнейшему обучению, и иностранных студентов в государственных ВУЗах (Verordnung uber die Erhebung von Gebuhren fur die Teilnahme von Studierenden an speziellen Angeboten des weiterbildenden Studiums und fur das Studium von Gaststudierenden an den staatlichen Hochschulen)[7], Постановление о признании иностранных степеней (Verordnung uber die Fuhrung auslandischer Grade)[8].

Кроме того, это министерство ответственно за сферу искусства и культуры. Действуют следующие акты в этой сфере: Закон о защите и уходе за памятниками (Gesetz zum Schutz und zur Pflege der Denkmaler)[9], Баварский закон об архивах (Bayerisches Archivgesetz)[10], Баварский закон о фондах и постановление об исполнении данного закона (Bayerisches Stiftungsgesetz[11] und Verordnung zur Ausfuhrung des Bayerischen Stiftungsgesetzes[12]).

Баварское министерство по обучению и культам также компетентно в вопросах образования, оно руководствуется в своей работе следующими нормативно-правовыми актами: Баварский закон о воспитании и обучении

[1] Bundesgesetzblatt Jahrgang 2002 Teil I Nr. 11, ausgegeben zu Bonn am 22. Februar 2002.
[2] http://bmbf.de/pubRD/bundesausbildungsfoerderungsgesetz.pdf
[3] Bundesgesetzblatt Jahrgang 2005 Teil I, S. 931.
[4] Gesetz- und Verordnungsblatt (GVBl), 2006, S. 245.
[5] GVBl, 2007, S. 320.
[6] GVBl, 2000, S. 155.
[7] GVBl, 2007, S. 399.
[8] Gesetz- und Verordnungsblatt, 1989, S. 127.
[9] BayRS IV, S. 354. http://www.verwaltung.bayern.de
[10] GVBl, 1989, S. 710.
[11] GVBl, 2008, S. 834
[12] GVBl, 2002, S. 23.

(Bayerisches Gesetz uber das Erziehungs- und Unterrichtswesen)[1], Баварский закон о школьном финансировании (Bayerisches Schulfinanzierungsgesetz)[2], Баварский закон о защите молодежи (Jugendschutzgesetz)[3], Баварский закон закон о поддержке образования (Bayerisches Ausbildungsforderungsgesetz)[4], положения о проведении экзаменов (Prufungsordnungen).[5]

Исходя из сравнения законодательства и полномочий органов, осуществляющих управление в сфере образования, можно прийти к выводу, что высшее образование в Германии отнесено к компетенции субъектов федерации, в России же, наоборот, к компетенции федерации. BMBF занимается финансированием развития системы образования, профессионального образования. Российское министерство имеет многочисленные полномочия не только в отношении высшего образования, но и в отношении интеллектуальной собственности, патентов и товарных знаков.

Министерство образования и науки Красноярского края занимается дошкольным, средним, профессиональным и высшим образованием, в Баварии за школьное образование ответственно министерство по обучению и культам.

[1] GVBl, 2000, S. 414.
[2] GVBl, 2000, S. 455.
[3] http://www.gesetze-im-internet.de/juschg/index.html
[4] http://www.verwaltung.bayern.de/Titelsuche-.116.htm?purl=http%3A//by.juris.de/by/AfoeG_BY_rahmen.htm
[5] http://www.km.bayern.de

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА МУСОР (НА ПРИМЕРЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Леготина Наталья Александровна,
студентка 3 курса факультета истории и права
Шадринского государственного педагогического института

Научный руководитель:
Оплетаев Владислав Сергеевич,
старший преподаватель кафедры правовых дисциплин
Шадринского государственного педагогического института

В российском обществе на протяжении большого периода времени сложилось пагубная и антикультурная терпимость к мусору в общественных местах и на прилегающих к жилищу участках. Гражданам нашего государства необходимо прививать чувства ответственности за чистоту в тех местах, где они появляются.

Введение штрафов за выброс мусора в непредназначенных для этого местах практикуется во многих странах. Эта практика получила широкое распространение, поскольку с одной стороны – она делает граждан более культурными, поскольку «бьет» по их карману, а с другой – является эффективным средством пополнения бюджетов.

Например, в Великобритании брошенный на асфальт окурок обойдется нарушителю в 80 фунтов стерлингов (158 долларов), в Сингапуре - в 385 долларов, в Германии за выброшенный окурок гражданин обязан уплатить 20 евро, жвачку – 35 евро, а выбрасывание устаревшей мебели карается штрафом от 150 до 600 евро[1].

Но при введении штрафов за мусор в России возникают некоторые трудности, а именно:

А) определение ответственных лиц за эти штрафы определение вины конкретного человека в выбросе мусора.

Здесь возникает вопрос о том**,** кто будет следить за чистотой наших улиц. И полицейские, и участковые не собираются стоять на улицах и вылавливать правонарушителей. И тут нам поможет опыт зарубежных стран. Так, например, в Франкфурта-на-Майне работают мусорные детективы – работники частной фирмы, которую наняли городские власти, чтобы патрулировать наиболее замусоренные места[2]. В Риме такую

[1] См.: Поднимем штрафы на мусор? // [Электронный ресурс] URL: http://moneypoly.ru/news/rubbish_penalty.htm (дата обращения: 12.03.2011).

[2] См.: За чистотой улиц Германии следят мусорные детективы http:// [Электронный ресурс] URL: www.saga.ua/44_archives_news_11803.html (дата обращения: 12.03.2011).

функцию осуществляют специальная группа «противомусорных патрулей»[1].

Б) определение вины конкретного человека в выбросе мусора.

Проблема в том, что определить, кто именно выбросил мусор в неположенном для этого месте довольно сложно. Ведь все происходит очень быстро, а для штрафования лиц необходимы либо показания свидетелей, либо специальные фотографии, доказывающие его вину[2].

Для устранения данных трудностей можно ввести налоги или сборы, которые позволяли бы оплатить труд «специалистов» в уборке улиц. В Швейцарии, например, люди, которые не желает «пачкать руки», обязаны уплатить налог[3].

Следует отметить, что на уровне федерального и областного законодательства данная проблема слабо урегулирована. Существующая статья 6.1. Закона Курганской области «Об административных правонарушениях на территории Курганской области», касающаяся загрязнения улиц и других общественных мест, как представляется, является малоэффективной ввиду малых сумм штрафа и неполной ввиду отсутствия упоминания строительного мусора.

Между тем соседние регионы в этом направлении ведут активную законодательную работу. Так, например, принят Кодекс Томской области об административных правонарушениях, в котором содержатся отдельные статьи посвященные загрязнению общественных мест, а также других муниципальных территорий.

Думается, что положения их документа следовало бы реализовать и в законодательстве Курганской области. Поэтому в Закон Курганской области «Об административных правонарушениях на территории Курганской области» требуются следующие дополнения.

Статьи 6.1. и 25 необходимо изложить в следующей редакции:

«Статья 6.1. Сброс мусора, промышленных отходов, грунта в неустановленных местах.

1. Сброс бытового мусора, в том числе бумаг, окурков, использованных упаковок, бутылок в подъездах, во дворах жилых домов, на улицах, площадях, в парках, скверах, в общественном транспорте и других местах вне мест, предназначенных для сбора бытового мусора, если вышеперечисленные действия не охватываются составами правонарушений, предусмотренных федеральным законодательством, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 500

---

[1] См.: Бесконечное сражение с мусором // [Электронный ресурс] URL: http://100dorog.ru/guide/articles/9160/ (дата обращения: 13.03.2011).

[2] См.: Поднимем штрафы на мусор? // [Электронный ресурс] URL: http://moneypoly.ru/news/rubbish_penalty.htm (дата обращения: 12.03.2011).

[3] См.: Примеры систем раздельного сбора мусора за рубежом. 21/05/2010 Швейцария // [Электронный ресурс] URL: http://eco.rian.ru/documents/20100521/236953849.html (дата обращения: 12.03.2011).

до 2500 рублей, на должностных лиц – от 5000 до 20000 рублей, на юридических лиц – от 25000 до 250000 рублей.

2. Сброс строительного мусора, промышленных отходов, грунта вне мест, предназначенных для сбора мусора, складирования грунта, если вышеперечисленные действия не охватываются составами правонарушений, предусмотренных федеральным законодательством, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 1000 до 5000 рублей, на должностных лиц – от 25000 до 50000 рублей, на юридических лиц – от 50000 до 1000000 рублей».

«Статья 25. Мойка автотранспорта в непредназначенных для этого местах

Мойка автотранспорта в границах придомовой территории, на улицах, в парках, на берегах водоёмов и в других непредназначенных для этого местах, –

влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере 1000 рублей; на юридических лиц – от 10000 до 30000 рублей».

Право на составление протокола о совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1, должны иметь и уполномоченные должностные лица органов внутренних дел.

Также следует отметить, что необходимо привлекать к административной ответственности не только граждан и юридических лиц за выброс мусора в неположенных местах, но и лиц, которые должны предоставлять и оборудовать места для сбора отходов.

Так, ст. 6.2 можно изложить в следующей редакции:

«Статья 6.2. Непредоставление специальных мест для выброса мусора органами местного самоуправления и коммунальными службами»

1.Непредоставление специальных мест (мусорные баки, контейнеры) для выброса мусора в общественных местах, мест для сжигания промышленных отходов, мусора, листьев, обрезков деревьев, –

влечет предупреждение или наложение административного штрафа на органы местного самоуправления в размере от 10000 до 100000 тысяч рублей, на коммунальные службы – от 5000 до 50000 тысяч рублей.

В связи с этим, дополнения требует абзац третий ст. 26 Закона Курганской области «Об административных правонарушениях на территории Курганской области», который в окончательной редакции должен быть изложен в следующем виде: «– органов внутренних дел – о нарушении статей 1-4, 6.1, 7, 8, 9.1, 10, 10.1, 15, 18, 19, 20, 21.2-25, 25.1, 25.3, 25.4, 25.6».

Проблемы загрязнения населенных пунктов нашей страны мусором велики и требуют решения от властей. Вводя штрафы на граждан за мусор в неположенных местах, необходимо четко определить какой орган будет этим заниматься, и как будет проходить процесс привлечения граждан к

ответственности. На сборы от этих штрафов можно содержать специальный орган, который и будет следить за порядком в этой сфере по аналогу с европейскими странами. Кроме этого, необходимо ввести административную ответственность для лиц, отвечающих за предоставление и устройство специальных мест для выброса мусора и иных отходов. И тогда на улицах городов и поселков, несомненно, станет чище. Иногда людям просто лень тянуть мусор до урны, но если за это будет полагаться наказание и не малое – граждане будут прилежно выполнять эту норму.

БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ И ОБРЕМЕНЯЮЩИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

Магодеева Дарья Олеговна,
студентка 2 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Мицкевич Людмила Абрамовна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного,
административного и муниципального права
Юридического института
Сибирского федерального университета

В любой современной стране между государством и обществом существует взаимодействие, качество и уровень которого определяется эффективностью политики в сфере управления. Считается, что государственное управление успешно, если оно обеспечивает гражданам комфортные условия существования в соответствии с обещаниями, сделавшими это управление легитимным. Такое управление считается эффективным. Ярким примером проявления эффективности государственного управления являются страны Западной Европы (Германии, Франция, Швеция). Особое внимание в своей работе я хотела бы уделить опыту государственного управления в Германии. В Германии существует широкий спектр социальных законов, которые охватывают обеспечение по болезни, старости и в связи с несчастным случаем вплоть до пособия на детей, на частичную оплату жилья или по безработице. Тем самым можно сказать, что система предоставления публичных услуг в Германии сложилась за многие годы.

Основной правовой формой деятельности органов государственного управления является административно- правовой акт. Согласно §35 Административно- процессуального кодекса ФРГ (VwVfG) под административно- правовым актом понимают «каждое постановление, решение или иную высшую меру, которая относится к регулированию государственными органами отдельных случаев в сфере публичного права и направлена на внешнее непосредственное правовое воздействие».[1]

Другими словами, административно-правовой акт – это юридический акт, принимаемый органом государственного управления по

[1] Verwaltungsakt ist jede Verfugung, Entscheidung oder andere hoheitliche Ma?nahme, die eine Behorde zur Regelung eines Einzelfalls auf dem Gebiet des offentlichen Rechts trifft und die auf unmittelbare Rechtswirkung nach au?en gerichtet ist» (VwVfG § 35), Nomosgesetze (S. 370).

какому-либо конкретному случаю. В отличие от нормативного акта управления административно-правовой акт не создаёт правовых норм, но непосредственно порождает, прекращает или изменяет то или иное правоотношение, как правило, административно-правовое.[1]

В немецкой административно- правовой теории существуют различные критерии классификации административных актов. Для данной работы особый интерес представляет классификация административно-правовых актов по воздействию на граждан, на основе которой все акты делятся на обременяющие (отягчающие) и благоприятствующие. [2] Для того, чтобы объяснить важность такого деления, необходимо обратиться к истокам государственного управления. Под «управлением» понимается та государственная деятельность, которая не является законодательной и судебной властью, а является исполнительной властью, без осуществления при этом специфической деятельности государственных органов, связанной с решением государственных задач.[3] Особенность государственного управления в Германии в зависимости от способов государственно- управленческого воздействия на граждан заключается в её двойственной природе. С одной стороны государственное управление оказывает государственно-властное воздействие (вмешательство - Eingriffsverwaltung), при котором управление выступает как повелевающее, обязывающее, обременяющее; исполнение этих повелений в случае необходимости обеспечивается с помощью принуждения. Примером государственного-властного управления является начисление налогов, запрещение предпринимательской деятельности, конфискация и т.д. С другой стороны, государственное управление предоставляет гражданам права на различные блага и услуги, их правовое и фактическое социальное положение улучшается (так называемое позитивное управление - Leistungsverwaltung), реализуются имеющиеся права или предоставляются новые. Ярким примером позитивного управления являются различные субвенции, поддержка социального обеспечения, предоставление помощи муниципальным учреждениям, пособии по безработицы и т.д. [4]

Появление государственного управления по предоставлению государственных услуг показывает, что государство перестаёт быть только аппаратом принуждения и давления над человеком. В немецком административном праве каждому виду государственного управления соответствует определенный административный акт. Негативное государственное управление реализуется путем издания обременяющего

[1] Административное право: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова. – М.: Юристъ, 2002. С. 252-261.
[2] Мицкевич Л. А. Основы административного права Германии. Красноярск, 2002. С. 76.
[3] Vorlesungsbegleitendes Skript, Prof. Dr. Urs Kramer. Passau, 2011. S. 3.
[4] Васильева А. Ф. Зарубежный опыт правового регулирования публичных услуг//Журнал российского права. – 2007.-№12. С. 11-12.

административного акта, а позитивное государственное управление – путем принятия благоприятствующего административного акта.[1] Деление актов на обременяющие и благоприятствующие имеет не только теоретическое, но и существенное практическое значение, поскольку для каждого вида акта предусмотрены различные условия вступления их в законную силу, отмены и признания недействительными. Так, например, обременяющий (правомерный или противоречащий праву) административно-правовой акт легче отменить, чем правомерный либо противоречащий праву благоприятствующий акт. Это зависит от того, имеет ли этот акт денежную или вещную форму исполнения. Законодатель исходит из того, что сторона, получившая выгоду, предполагала постоянность, неизменность, законность административного акта, т. е. относилась с доверием к этому акту. В немецком праве эта ситуация называется «защита доверия» («Vertrauenschutz»). Этот принцип, конечно, не относится к тем случаям, когда административный акт был принят на основе подложных документов, под угрозой, давлением, подкупом или на основе фальшивых данных или «грубой неосторожности». [2]

Появление категории «публичные у слуги» в законодательстве РФ и отечественной управленческой практике свидетельствует о том, что концепция позитивного и негативного государственного управления воспринята и в России, следовательно, должна быть разработана конструкция «благоприятствующих» и «обременяющих» актов.

[1] Васильева А. Ф. Зарубежный опыт правового регулирования публичных услуг//Журнал российского права. – 2007.-№12. С. 8.
[2] Мицкевич Л. А. Основы административного права Германии. Красноярск, 2002. С. 90

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Червонная Юлия Александровна,
студентка 5 курса Юридического института
Сибирского Федерального университета

Научный руководитель:
Мицкевич Людмила Абрамовна,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного,
административного и муниципального права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Административные процедуры играют большую роль в организации деятельности органов исполнительной власти как в России, так и в Германии. Они призваны гарантировать принятие безупречных и целесообразных решений государственными органами[1]. Законодательно закрепленные административные процедуры являются одним из основных видов гарантий реализации административно-правового статуса граждан и организаций[2].

В науке российского административного права *административная процедура* представляет собой «нормативно установленный порядок осуществления уполномоченными субъектами права последовательно совершаемых действий в целях осуществления их компетенции и оказания публичных услуг»[3].

Словарь С.И. Ожегова определяет процедуру как «официальный порядок действий, выполнения, обсуждение чего-нибудь» [4].

Очевидно, что процедура есть некий порядок, последовательность действий, имеющих определенную цель.

Важнейшее значение при определении понятия административной процедуры имеет изучение другого понятия, не менее дискуссионного, - *административного процесса.*

Первым систематизированным исследованием проблем административного процесса стала монография Н.Г. Салищевой «Административный процесс в СССР»[5], которая представила третий вид

[1] Maurer Hartmut. Allgemeines Verwaltungsrecht. 17. Auflage. Munchen, 2009. С. 484.
[2] Лазарев И.М. Административные процедуры в сфере взаимоотношений граждан и их организаций с органами исполнительной власти в РФ: автореф. дисс. …канд. юрид. наук. М., 2002.
[3] Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс. Полный курс. 2-е издание. М., 2005. С. 607.
[4] Ожегов С.И. Словарь русского языка. Около 60 000 слов и фразеологических выражений. М., 2008. С. 617.
[5] Салищева Н. Г. Административный процесс в СССР. М., 1964.

процесса как своего рода «слепок» с процессов гражданского и уголовного одновременно[1]. Основоположники юрисдикционной концепции рассматривали административный процесс как регламентированную законом деятельность по разрешению споров, возникающих между сторонами административного правоотношения, не находящимися между собой в отношениях служебного подчинения, а также по применению мер административного принуждения»[2].

Позже появились сторонники более широкого подхода, которые стали включать в административный процесс, помимо юрисдикционной, и позитивную деятельность органов исполнительной власти и их должностных лиц, т.е. деятельность, связанную с разрешением индивидуально-конкретных административных дел с последующим принятием индивидуально-правового акта. Однако нет единства мнений в понимании позитивной деятельности: имеется ли в виду только правоприменение (И.М. Лазарев), или также нормотворчество, внутриорганизационная деятельность (Ю.А. Тихомиров) и др.

Преобладающей в российском административном праве является позиция еще более широкого понимания административного процесса, включающая как позитивную, административно-юрисдикционную деятельность, так и административную юстицию (судопроизводство).

Элементами административного процесса являются административные производства и административные процедуры. Под первыми понимается особый вид административной деятельности по разрешению дел определенной категории на основе общих и специальных процессуальных норм[3]. Как справедливо отметил С.И. Агафонов[4], «административными процедурами называется ряд *позитивных* административных производств».

Так, в науке российского административного права сложилось два подхода к понятию административной процедуры: узкий и широкий.

Узкий подход связывает административную процедуру лишь с рассмотрением конкретных дел, с принятием индивидуально-правовых актов или, иначе, с правоприменением. Согласно *широкому* подходу, который представляется наиболее верным, административная процедура не ограничивается правоприменением, она включает в себя еще и правотворчество, внутриорганизационную деятельность. Сторонники данного подхода определяют административную процедуру как порядок

[1] [http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=100]
[2] Салищева Н.Г. Указ. соч. С. 16.
[3] Бахрах Д.Н. Административное право России. 3-е изд. М., 2007. С.249.
[4] Агафонов С.И. Административные процедуры и их реализация в деятельности органов внутренних дел РФ: автореф. дисс. … канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2008.

осуществления органом исполнительной власти, должностным лицом установленных для него полномочий[1].

В русском законодательстве имеется легально закрепленное определение административной процедуры. Так, п. 30 постановления Правительства РФ от 11.11.2005 № 679 гласит, что это логически обособленные последовательности административных действий при исполнении государственной функции (предоставлении государственной услуги), имеющие конечный результат и выделяемые в рамках исполнения государственной функции (предоставления государственной услуги)[2].

В отличие от России, где специального *закона* еще нет, но используется сам термин, в Германии уже с 1976 года действует закон «Об административной процедуре» (Verwaltungsverfahrensgesetz, VwVfG[3]), в § 9 которого содержится определение административной процедуры как «направленной вовне деятельности органов государственного управления по выяснению предпосылок (условий), подготовке и принятию административного акта или заключению публично-правового договора»[4].

Встречается и иной перевод рассматриваемого термина, например, Бергманн Вильфрид применяет термин «административное производство»[5]. На наш взгляд, это лишь терминологическое несоответсвие, не представляющее большой проблемы при исследовании данного вопроса, хотя в России, как говорилось выше, разграничению указанных понятий уделяется особое внимание.

Профессор немецкого университета Г. Маурер[6] справедливо отмечает, что легальное определение административной процедуры ограничивается лишь малой долей действий органов государственного управления. Именно поэтому он предложил широкий подход к определению этого понятия. Административная процедура *в широком смысле* есть любая деятельность органа государственного управления, которая направлена на принятие решения, совершение любого другого действия или заключение договора.

В науке немецкого административно-процессуального права термин «административный процесс» (Verwaltungsprozess) используется для обозначения судопроизводства в административных судах, т.е. рассмотрения споров, стороной в которых является орган государственного управления.

---

[1] Марченко М.Н. Юридический энциклопедический словарь. М., 2006.

[2] Постановление Правительства РФ «О порядке разработки и утверждения административных регламентов исполнения государственных функций (предоставления государственных услуг)» от 11.11.2005 № 679 // Собрание законодательства РФ. 21.11.2005. № 47. Ст. 4933.

[3] Verwaltungsverfahrensgesetz от 25 мая 1976 г. BGBI I 1976, 1253.

[4] Мицкевич Л.А. Основы административного права Германии. Красноярск, 2008. С. 158.

[5] Бергманн В. Административно-процессуальное право Германии. 2007. С. 16.

[6] Maurer Hartmut. Указ. соч. С. 475.

Таким образом, и в России, и в Германии имеются схожие подходы к пониманию административной процедуры: широкий и узкий.

Секция

Финансовое право: актуальные проблемы и перспективы

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Безикова Екатерина Витальевна,
аспирантка кафедры финансового права
Томского государственного университета

Научный руководитель:
Зуев Виталий Михайлович,
к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой финансового права
Томского государственного университета

В соответствии со ст. 2 ФЗ от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»[1] особая экономическая зона (ОЭЗ) – это определяемая Правительством РФ часть территории России, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности. Под финансово-правовым режимом ОЭЗ понимается особый порядок финансово-правового регулирования отношений по организации системы и структуры государственных и муниципальных финансов, по их аккумуляции, распределению и использованию в особых экономических зонах, который предполагает установление комплекса стимулирующих средств для удовлетворения интересов субъектов правоотношений, действующих на указанной территории.

Анализ федерального закона позволяет выделить систему финансово-правовых средств ведения деятельности на территории ОЭЗ: 1) предоставление резидентам налоговых, таможенных льгот; 2) специальный льготный субсидиарный режим, выражающийся, например, в освобождении от платы за электроэнергию, снижении арендной платы; 3) особые гарантии, например, от неблагоприятного изменения законодательства о налогах и сборах (ст.38 ФЗ); 4) бюджетные ассигнования на бюджетные инвестиции в объекты государственной и муниципальной собственности (ст. 79 БК РФ)[2]; так, согласно положениям закона об ОЭЗ государство берет на себя обязательство создать инфраструктуру ОЭЗ: инженерную, транспортную и социальную; 5) лояльное валютное законодательство и отсутствие валютных ограничений; 6) льготный режим хозяйственной деятельности для иностранных

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Российская газета. – 2005. – 27 июля.
[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

инвестиций и предприятий с иностранным участием; 7) особенности уплаты страховых взносов.

Как отмечают многие исследователи, развитие ОЭЗ может эффективно реализовываться, только если оно будет подкреплено соответствующим финансированием. В целях привлечения дополнительных финансовых ресурсов в проекты резидентов ОЭЗ разрабатываются специальные механизмы взаимодействия различными финансовыми структурами: государственные фонды, банки, венчурное инвестирование,[1] а также разрабатывается льготная процедура для выделения средств резидентам ОЭЗ, в том числе банками и при получении государственных кредитов.

Основные проблемами, в рамках которых нам видится необходимость совершенствования существующего финансово-правового регулирования отношений в ОЭЗ РФ, остаются:

- нестабильность и неточность нормативно-правовой базы, предусматривающей рычаги стимулирования, льгот и управления долгосрочного воздействия;
- наличие существенных различий между теоретической, принципиальной схемой и реально созданными и действующими механизмами;
- отсутствие эффективной структуры административного управления ОЭЗ, и как следствие, отсутствие должного финансового контроля за деятельностью органов управления ОЭЗ.

Для деятельности резидентов ОЭЗ было заявлено о предоставлении ими финансовой отчетности по мировым, но упрощенным стандартам. Однако требования по ведению бухгалтерского учета, правилам аудита, финансовой отчетности существенно различаются в регионах. Поэтому данный стимул нуждается в корректировке.

Механизм функционирования контролирующих и управляющих органов часто становится лишь способом ухода от налогов и не способствует привлечению инвестиций, а лишь перераспределяет финансовые ресурсы в пользу уже зарекомендованных и крупных предприятий, с нежеланием сотрудничать с молодыми группами. Во избежание подобного следует закрепить как одну из мер в области финансирования резидентов ОЭЗ положение о предоставлении денежных средств или льгот на их получение только под реальные и новые инвестиционные проекты, в первую очередь для резидентов, которые только начинают свой предпринимательский опыт.

[1] Гавриленко Л.И., Зенкина З.В. Особые экономические зоны: проблемы становления и развития // Известия Томского политехнического университета. - 2007. - Т. 311, № 6. - С. 46-50.

Для координации деятельности управляющих органов власти по развитию ОЭЗ был создан наблюдательный совет.[1] В функциональные обязанности совета входят контроль за выполнением соглашения о создании ОЭЗ, за расходованием бюджетных средств, в первую очередь, выделяемых на обустройство территории ОЭЗ. Однако на практике уже не раз возникали споры о нецелевом использовании полученных денежных ресурсов. Решение сложившейся ситуации видится в создании строгой и отлаженной процедуре контроля наблюдательным советом таким образом, чтобы деятельность органа не допускала дублирования функций, затягивания принятия решений и иных барьеров.

Что касается косвенного финансирования из денежных фондов государства, по отношению к ОЭЗ чаще всего говорят о венчурном инвестировании как о виде предпринимательства. Его правовое поле уже регулируется гражданским законодательством, законодательством об инвестиционных фондах,[2] поэтому принятие федерального закона о венчурной деятельности, по мнению многих экспертов нецелесообразно, однако необходимо в рамках закона об ОЭЗ добавить положения о венчурном инвестировании, исходя из специфики деятельности ОЭЗ. Тем более, что Российская венчурная компания, также как и Фонд поддержки IT-технологий и Российский инвестиционный фонд информационно-коммуникационных технологий принадлежат государству. То есть в связи с тем, что прямыми потребителями венчурного инвестирования могут быть резиденты ОЭЗ, существует потребность отладить механизм их взаимодействия через законодательство об ОЭЗ, а также разработать систему стимулирования посредством предоставления налоговых отсрочек венчурным компаниям, которые ведут совместную деятельность с предприятиями-резидентами ОЭЗ.

Таким образом, модернизация финансово-правового режима ОЭЗ РФ, связанного с установлением принципиально нового финансирования, налогового стимулирования, новых условий организации и контроля невозможна без комплексного урегулирования правовых проблем и улучшения законодательной и финансовой сферы.

[1] Приказ Минэкономразвития РФ от 20.10.2010 № 502 «Об утверждении Положения о наблюдательном совете особой экономической зоны».

[2] Приказ от 20.05.2008 №08-19/ПЗ-Н «об утверждении положения о составе и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и активов паевых инвестиционных фондов» раздел VII Требования к составу и структуре активов акционерных инвестиционных фондов и закрытых паевых инвестиционных фондов, относящихся к категории фондов особо рисковых (венчурных) инвестиций.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «НЕРАВНОГО ЭФФЕКТА» ДЕЙСТВИЯ НОРМ НАЛОГОВОГО ПРАВА

Волкова Наталья Анатольевна,
студентка 5 курс Института права,
социального управления и безопасности
Удмуртского государственного университета

Научный руководитель:
Голдина Екатерина Владимировна,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права
Удмуртского государственного университета

Релевантность норм налогового права на сегодняшний день в России остаётся достаточно низкой, что обуславливает относительно невысокий уровень эффективности правового регулирования этой области общественных отношений. Данное явление имеет различные формы проявления и часто обнаруживается ретроспективно - по результатам правового воздействия на субъектов.

Институт «неравного эффекта» (disparate impact)[1], выработанный англосаксонской системой права, определяет дискриминационный характер действия определённых (нейтральных) норм на участников общественных отношений. Диспропорциональность последствий применения отдельных положений может иметь как обоснованный объективный характер (связанный с различным объёмом правомочий субъекта), так и косвенно дискриминационный (при равном объёме правомочий различные «глубина» и последствия воздействия норм на субъектов). Это явление, связанное в первую очередь с неотчуждаемыми правами человека, может быть транслировано и на правоотношения с участием юридических лиц. Здесь стоит подчеркнуть, что «неравный эффект» действия норм в отношении юридических лиц нужно отличать от мер, влекущих за собой монополизацию или ограничение конкуренции (нормы явно дискриминационного характера). Проблему неравного влияния нормы права на участников предпринимательской деятельности можно рассмотреть на примере применения п. 2 ст. 45 НК РФ[2].

При взыскании задолженности по налогам перед бюджетом с индивидуального предпринимателя и общества с ограниченной ответственностью видна диспропорциональность последствий применения одних и тех же норм в отношении различных субъектов. Так, налоговый

[1] Baldus D.C. And Cole J.W.L. Statistical Proff of Discrimination. Colorado Springs, Co: Shepard?s inc., of Colorado Springs, 1980. P.52.
[2] Налоговый кодекс Российской Федерации //Российская газета. – 1998. – 6 августа.

орган в случае отсутствия возможности взыскания задолженности перед бюджетом за счёт денежных средств и иного имущества индивидуального предпринимателя может поставить вопрос о погашении налоговой задолженности за счёт личного имущества. В свою очередь в отношении участников общества с ограниченной ответственностью по общему правилу использовать аналогичную процедуру не удастся. Тем самым нормы, регулирующие исполнение обязанности по уплате налоговой задолженности, (в совокупности с положениями иных отраслей) могут оказывать неравный эффект на различные группы налогоплательщиков.

Подобная диспропорция нормативного воздействия проявляется в практической невозможности осуществить взыскание налоговой задолженности дочернего общества с материнского (в том числе и в обратном порядке) (пп.2 п.2 ст. 45 НК РФ)[1], когда зависимые лица по несуществующим обязательствам друг перед другом реализуют возможность исполнения обязательств третьим лицом (ст. 313 ГК РФ)[2], которое выступает контрагентом лишь одного из обществ[3]. Использование формально легальной схемы ухода от уплаты налогов лицами, обладающими механизмами воздействия на принятие решений как зависимым обществом, так и опосредованно контрагентами, создаёт ситуацию, когда иные участники хозяйственных отношений (холдинги) оказываются в относительно неблагоприятном состоянии по существу[4], поскольку при прочих равных условиях несут большие налоговые издержки. Ещё одним примером «неравного эффекта» может явиться ситуация, когда унитарное предприятие не может быть признано основным по отношению к организации, в которой оно имеет преобладающее участие в уставном капитале, позволяющее определять принимаемые такой организацией решения, поскольку предприятие не является хозяйственным обществом/товариществом. А потому, при фактическом наличии отношений зависимости организаций к ним не может быть применён пп. 2 п. 2 ст. 45 НК РФ[5]. Иные же организационно-правовые формы юридических лиц подпадают под действие указанной нормы и «отвечают солидарно по долгам налогоплательщика»[6]. Выявление подобных последствий констатирует уже существующую диспропорциональность применения нормы. Зачастую реализация норм и

[1] Налоговый кодекс Российской Федерации // Российская газета. – 1998. – 6 августа.
[2] Гражданский кодекс Российской Федерации // Российская газета. – 1994. – 8 декабря.
[3] Постановление ФАС УО от 21 декабря 2010 г. № Ф09-6352/10-С2. - Режим доступа: http://arbitration.consultant.ru/aur/doc112826.html.- свободный. — Загл. с экрана.
[4] FG Dusseldorf, Urteil von 21.9.2010, 6 K 1271/08 K. – Режим доступа: http://www.fg-duesseldorf.nrw.de. - свободный. — Загл. с экрана.
[5] Налоговый кодекс Российской Федерации // Российская газета. – 1998. – 6 августа.
[6] Постановление ФАС Уральского округа от 05.10.2009 N Ф09-7534/2009-С2.

институтов одной отрасли права сводит к минимуму эффективность применения норм другой отрасли.

При этом может возникнуть вопрос при рассмотрении проблемы «неравного эффекта» о ступенчатом характере правового регулирования налоговых отношений, о невозможности достижения объективно равного результата для субъективно различных участников, о недопустимости исследования действия нормы права обособленно, имманентным методом. Как справедливо отмечает Д.И. Щёкин «система права представляет собой сложную социальную систему, в которой сталкиваются интересы различных социальных групп и образований. Борьба интересов при нормативном регулировании обуславливает наличие в системе права отдельных противоречий. Задача состоит в том, что бы создать эффективную систему контроля»[1], прежде всего законодательного и судебного, за соответствием нормы своему целевому характеру и адекватности правового воздействия на различных участников правоотношений.

«Неравный эффект» можно рассматривать и с позиций возможности использования субъектом нормы права, обладающей высокой степенью вариативности, с учётом собственных интересов (применение одним налогоплательщиком в совокупности актов, создающих возможность использования механизмов уклонения от уплаты налогов). Вопрос заключается не столько в недобросовестности налогоплательщика, сколько в способности нормы права предоставить субъекту формальные правомочию по совершению подобных действий, которые хотя и имеют легальный характер, но влекут причинение ущерба государству, системе налогового администрирования, эффективности регулирования нормами права общественных отношений. Дальнейшее развитие положений, закреплённых в пп. 2 п.2 ст. 45 НК РФ[2], видится в ведении института консолидированного налогоплательщика, использовании режима налоговой транспарентности как наиболее оптимальных механизмов с позиций правового регулирования основных и дочерних обществ.

Проблема «неравного эффекта» требует глубокого исследования и дальнейшей разработки. Учёт данного фактора на стадии разработки проекта регулирующего акта позволит прорабатывать ситуации воздействия нейтральных норм на различных участников налоговых правоотношений для предотвращения возможности дискриминационных, относительно неблагоприятных последствий их применения, учитывать и закреплять телеологические аспекты конкретной нормативной модели в

[1] Щекин Д.И. Юридические презумпции в налоговом праве: Учебное пособие /Д.М. Щекин; Под ред. С.Г. Пепеляева; Академический правовой университет. - М.: МЗ Пресс, 2002. - С. 86.
[2] Налоговый кодекс Российской Федерации // Российская газета. – 1998. – 6 августа.

целях соблюдения принципа всеобщности и равенства налогообложения в РФ.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОССИЙСКОГО И ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Шкурина Мария Александровна,
студент 3 курса факультета экономики
Санкт-Петербургского филиала
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Балашов Алексей Игоревич,
к.э.н., доцент,
Санкт-Петербургский филиал
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Проблематика и актуальность темы. Российское налоговое законодательство остается нестабильным, даже противоречивым. В связи с этим актуальным является оценка состояния налогового законодательства в современной России и определение дальнейших перспектив его кодификации.

Целью исследования является сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства и правоприменительной практики в сфере ответственности за налоговые правонарушения.

Задачами исследования выступают**:**

1. рассмотрение налоговых правонарушения как части юридической ответственности;
2. изучение особенностей зарубежного законодательства, регулирующего юридическую ответственность в налоговой сфере;
3. исследование видов административной и уголовной ответственности за налоговые правонарушения и преступления.

Согласно статье 106 НК РФ *налоговым правонарушением* признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ устанавливает ответственность. Теоретически налоговое правонарушение является разновидностью административных нарушений. Налоговые правоотношения в том виде, в котором они рассматриваются НК РФ, входят в число *административных.* Мерой ответственности за совершение налогового правонарушения является *налоговая санкция*, которая устанавливается и применяется в виде денежных взысканий (штрафов) в размерах, предусмотренных НК РФ. Иной меры налоговой ответственности, чем

штраф, НК РФ не предусматривает.

Особенности зарубежного законодательства, регулирующего юридическую ответственность в налоговой сфере. В большинстве государств *умышленное неисполнение налоговых обязанностей*, выражающееся в уклонении от уплаты налогов, расценивается как общественно опасное *уголовно* наказуемое деяние.

Дополнительными наказаниями, применяемыми к налоговым преступникам, в уголовном законодательстве зарубежных стран выступают: конфискация имущества, приобретенного на средства, сокрытые от налогообложения; лишение права на получение прибыли от сделки; запрет на участие в публичных торгах или на работу в государственных учреждениях; ограничение в избирательных правах; публичное оглашение факта совершения тем или иным лицом налогового преступления. При этом в странах англосаксонской системы права уголовная ответственность за налоговое мошенничество предусмотрена не только для *физических* лиц, но и для *юридических* лиц (корпораций).

Диспозиции статей, предусматривающих уголовную ответственность за налоговые преступления, в законодательствах зарубежных стран имеют различные юридические конструкции. Анализ зарубежного законодательства о налоговом мошенничестве показывает, что простая неуплата налога уголовной ответственности не влечет (в подобных ситуациях применяются административные штрафы), и только если она сопряжена с обманом, например наказуемым банкротством, организацией мнимой неплатежеспособности, возникает уголовная ответственность. В качестве основных критериев признания тех или иных незаконных действий уголовно наказуемыми рассматриваются их *умышленность и крупный размер неуплаченных налогов.*

На основе зарубежного опыта, целесообразным является включение в УК РФ новой статьи - *"Налоговое мошенничество"* (объединив ст.ст. 198 и 199, 194 и 199.1 УК РФ), под которым следует понимать действия, направленные на обман налоговых органов путем умышленного искажения сведений, необходимых для налогообложения.

Административная ответственность за налоговые правонарушения в РФ. Должностные лица организаций, в той или иной мере участвующие в налоговых правоотношениях (прежде всего, руководители и главные бухгалтеры), могут быть привлечены к административной ответственности в соответствии с КоАП РФ. Составы административных правонарушений, касающихся налогов и сборов, приведены в главе 15 КоАП РФ.

Субъект налогового правонарушения по КоАП РФ – это только *физические (должностные)* лица (юридические лица и ИП не являются субъектами). Согласно части 1 статьи 2.3 КоАП РФ административной

ответственности подлежит лицо, достигшее к моменту совершения административного правонарушения возраста *шестнадцати лет*.

КоАП предусматривает *смягчающие* обстоятельства (раскаяние лица, добровольное сообщение лицом о совершенном им административном правонарушении; совершение административного правонарушения несовершеннолетним; совершение административного правонарушения беременной женщиной и др.) при рассмотрении административного правонарушения. Учитывая часть 2 статьи 4.2 КоАП РФ, перечень обстоятельств, смягчающих ответственность, не исчерпывающий.

В соответствии с частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ постановление по делу об административном правонарушении за нарушение законодательства о налогах и сборах не может быть вынесено *по истечении одного года* со дня совершения административного правонарушения. В то же время согласно части 2 статьи 4.5 КоАП РФ при длящемся административном правонарушении сроки, предусмотренные частью 1 статьи 4.5 КоАП РФ, начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения.

Все составы административных правонарушений, связанные с налоговым законодательством, предусматривают неисполнение обязанности к определенному сроку. Существуют конкретные составы административных нарушений законодательства о налогах и сборах.

Во всех составах административных правонарушений санкция указана в виде штрафа. Следовательно, иные виды административного наказания, такие, как предупреждение, за совершение указанных нарушений назначаться не могут. Суд не вправе назначить наказание в виде штрафа в сумме, меньшей, чем минимальный размер штрафа, указанный в соответствующих статьях КоАП РФ.

Особенности уголовной ответственности за налоговые правонарушения в РФ. Составы преступлений, связанных с неисполнением налоговых обязанностей, содержатся в гл. 22 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Уголовную ответственность несут только *физические лица*. Уголовная ответственность установлена ст. ст. 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ за *умышленное* уклонение от уплаты налогов и сборов (в крупном или особо крупном размере), *умышленное* неисполнение налоговым агентом обязанностей по их исчислению, удержанию или перечислению в соответствующий бюджет (внебюджетный фонд), а также за сокрытие налогоплательщиком денежных средств либо имущества, необходимых для взыскания недоимки.

Необходимо разграничивать допустимые пределы налоговой оптимизации и налоговых правонарушений, отделять незаконное уклонение от уплаты налогов и легальное снижение налоговых выплат. К налоговой оптимизации относятся способы, при которых экономический

эффект в виде уменьшения налоговых платежей достигается путем квалифицированной организации дел по исчислению и уплате налогов, что исключает случаи их необоснованной переплаты.

Российская судебная практика указывает на то, что физические лица не освобождаются от налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения в случае освобождения их от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям.

Вывод. Из приведенного анализа видно, что отношения в сфере налогообложения в зарубежных государствах подвергаются более тщательному административному и уголовно-правовому регулированию.

Секция

Актуальные проблемы цивилистического процесса

АНАЛИЗ ПОЛОЖЕНИЙ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА РФ «ОБ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЕ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПОСРЕДНИКА (ПРОЦЕДУРЕ МЕДИАЦИИ)»: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Карманчук Александр Сергеевич,
студент 4 курса
Юридического института
Иркутского государственного университета

Научный руководитель:
Архипкина Анастасия Сергеевна,
к.э.н., доцент кафедры конституционного права
Иркутского государственного университета

Все больше стремясь к развитию существующих социальных связей, люди придумывают все более простые и оперативные виды регулирования возникающих разногласий. Одним из таких способов и является процесс медиации – разрешения конфликтов с помощью третьей стороны, беспристрастной и незаинтересованной в исходе спора. Подобная процедура урегулирования споров широко используется во всем мире. Наше государство, следуя тенденциям развития современного права, тоже не осталось в стороне от этого явления.

Самый весомый аргумент в пользу применения медиации – это, конечно, оперативность данного процесса. В соответствии с принятым законом стороны должны принимать все возможные меры для того, чтобы спор был разрешен не более, чем в шестидесятидневный срок[1]. В то время, как судебный процесс может продолжаться годами. Следует заметить, что процедура разрешения конфликтов при помощи медиатора по замыслу законодателя должна будет снизить нагрузку на судебную систему, которая перестает справляться с огромным потоком споров, одновременно утрачивая возможность качественно вершить правосудие.[2] К тому же, внесудебная форма разрешения споров – это отличная возможность для крупных корпораций сохранить свою репутацию.

Помимо всего прочего, процедура медиации имеет преимущество и перед разрешением споров в третейском суде. В статье 2 Закона процедура медиации определена как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения

[1]Ч.1 ст. 13 ФЗ от 27.06.2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Российская газета №5247 от 30 июля 2010 г.

[2] Цисана Шамликашвили, «Медиатор вместо судьи. Эффективный подход к разрешению споров для современного менеджера». «Российская Бизнес-газета» №756 (23) от 29 июня 2010 г.

ими взаимоприемлемого решения. Иначе говоря, посредник, в отличие от третейского судьи, не выносит решения. Он лишь способствует оптимальному выходу из конфликтной ситуации, устраивающему обе стороны. Согласно ст. 12 Закона достигнутая ими договоренность оформляется письменным медиативным соглашением, которое подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон.[1]

Однако, помимо столь существенных плюсов, принятый закон имеет и ряд недостатков.

Так, например, негодование вызывает существование категории медиаторов, осуществляющих деятельность на непрофессиональной основе. Статья 15 исследуемого закона гласит, что такой деятельностью может заниматься каждый дееспособный, достигший 18 лет и не имеющий судимости гражданин. Никаких требований к образованию не предъявляется. То есть в принципе непрофессиональным посредником может быть и неграмотный человек. Поэтому многие деятели ратуют за то, чтобы в закон были внесены некоторые поправки. В частности, статью вторую, которая говорит о принципах медиативного процесса, предлагается дополнить принципом профессионализма. Такая позиция представляется вполне оправданной, поскольку неграмотный специалист вряд ли поможет сторонам прийти к консенсусу в правовом споре.

При изучении положений представленного закона вытекает и другая проблема. Статья 15 гласит, что медиатор не вправе оказывать сторонам консультативную, юридическую или иную помощь. Часть 5 статьи 11 запрещает медиатору по своей воле вносить предложения с целью урегулирования спора. Эти положения наталкивают на мысль, что законодатель говорит скорее о фасилитации (процедуре организации переговоров), чем о медиации. Такой довод возникает в связи с тем, что в зарубежной практике медиаторы всегда непосредственно участвуют в проведении переговоров, убеждая стороны в том, что у них есть общие интересы. Наш же закон фактически оставляет медиатора за рамками процесса переговоров. Возможно, именно поэтому наш законодатель и разрешает вести медиаторскую деятельность на непрофессиональной основе. Ведь чтобы организовывать проведение переговоров, образование особо и не нужно.

Анализ положений закона позволяет выделить и другие погрешности. Однако, какие бы недостатки не содержал текущий закон, необходимость введения процедуры медиации, очевидна. Это один из наиболее прогрессивных и оперативных способов разрешения конфликтов, который позволит нашей правовой системе перейти на новый уровень

[1] А. Восковский. «Медиация в России: легализация и перспективы развития», интернет-еженедельник «Экономика и жизнь» №31,2010 г.

регулирования общественных отношений в сфере разрешения правовых споров.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Некрасова Евгения Николаевна,
студентка 2 курса юридического факультета
Казанского юридического института (филиала)
Российской правовой академии Минюста России,

Научный руководитель:
Юсупова Зульфия Габдуловна,
доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Казанского юридического института (филиала)
Российской правовой академии Минюста России

7 июля 2010 года Государственной Думой Российской Федерации принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1] (далее - Закон о медиации), вступивший в силу 1 января 2011 года.

Легальное определение медиации закреплено в ст. 2 Закона: это «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения (т. е. решения, которое устроит обе стороны)».

В Законе определены основные требования, предъявляемые к профессиональным и непрофессиональным медиаторам.

Осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе могут лица, достигшие двадцати пяти лет, имеющие высшее профобразование и прошедшие курс обучения по программе подготовки медиаторов.

Неоправданно низкие требования, на наш взгляд, предъявляются в Законе к непрофессиональному медиатору. Им может быть лицо, достигшее 18-летнего возраста, обладающее полной дееспособностью и не имеющее судимости. Никаких требований к образованию будущего медиатора не предъявляется. То есть в принципе непрофессиональным посредником может быть и неграмотный человек. Между тем Закон о медиации не исключает возможности оплаты его деятельности.[2] Соответственно, медиатором может быть кто угодно, тот, кому стороны доверяют и к чьему решению готовы прислушаться. Основное и

[1] Федеральный закон от 7 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. – 2010. - №5247 (168). - 30 июля.
[2] Медиация в России: легализация и перспективы развития // Экономика и жизнь. – 2010. - № 31. / http://www.akdi.ru/scripts/articles/smotri.php?z=3140

обязательное условие - это его независимость, а все остальные вопросы о выборе медиатора решаются сторонами самостоятельно.

С развитием рыночной экономики в России встает вопрос о сохранении деловых отношений в процессе урегулирования спора. Суду редко удается решить этот вопрос, так как в его вердикте заведомо одна из сторон является проигравшей. Тут на помощь может придти медиация. Цель медиации не выяснить кто прав, кто виноват, первоочередная цель - примирение сторон и сохранение хороших отношений между ними. Именно поэтому мы считаем, что первоначально медиация получит своё распространение именно среди деловых кругов.

Короткие сроки проведения процедуры медиации так же играют в пользу ее распространения среди деловых кругов. Судебные процессы, которые длятся по нескольку лет, заставляют терпеть бизнесменов большие убытки. В случае обращения к медиатору спор может быть решен в течении нескольких дней, в худшем случае – 3-х месяцев (это максимальный срок проведения процедуры). Соответственно для людей, которые дорожат своим временем, медиация – это хороший способ быстро решить конфликтную ситуацию, а значит, и сэкономить свои средства.

К тому же медиация – это конфиденциальная процедура, в отличии от публичного и гласного суда. Многие компании дорожат своим имиджем и в случае спорной ситуации им выгодней обратиться к медиатору и решить спор по «тихому», чем идти в суд. Судебные тяжбы между крупными и известными компаниями всегда становятся достоянием гласности. Это, несомненно, может отрицательно отразиться на репутации компании, привести к падению котировок ее акций, оттоку инвестиций. А ставшие известными детали спора и вовсе могут спровоцировать банкротство компании.

Еще одним преимуществом, которое способствует развитию медиации в России, эксперты называют низкую стоимость процедуры медиации по сравнению с судом. Однако с этим можно поспорить. Конечно если говорить о крупных корпоративных спорах, то затраты времени и средств на медиацию будут ниже. Но если рассмотреть, к примеру, процесс развода супругов экономия минимальная. Так оклад медиатора за час составляет минимум 3 тысячи рублей. Скорее всего, процесс примирения будет длиться несколько часов. Думаем, что не каждая пара готова заплатить за развод такие деньги.

Но, несмотря на все положительные стороны, в процессе внедрения медиации существуют свои минусы.

С появлением не чистых на руку медиаторов, растет угроза злоупотребления правами недобросовестными лицами. Вариантов злоупотреблений много, это может быть и затягивание судебного процесса, и приостановление срока исковой давности путем заключения

незаконного медиативного соглашения, а также манипуляция юридически неграмотными субъектами правоотношений.

В связи с этим встает вопрос об ответственности медиатора. В соответствии с Законом о медиации медиативная деятельность не является предпринимательской, а это значит, что для начала деятельности медиатору не придется регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица. В соответствии с этим, на отношения медиатора с гражданами Закон «О защите прав потребителей»[1] не распространяется. Существует общая фраза об ответственности, установленной гражданским законодательством (ст. 15 Гражданского Кодекса РФ)[2]. Но доказать в суде то что медиатор нарушил ваши права будет сложно, так как в соответствии с Законом о медиации стороны спора сами принимают решение, а медиатор не имеет права оказывать консультацию и предлагать способы решения конфликта. Соответственно медиатор не отвечает за содержание соглашения. Думаем, что на этом фоне законодателю необходимо проработать вопрос ответственности медиатора, а именно ввести реальную ответственность посредника и ужесточить требования к практикующим медиаторам.

Не смотря на это, полагаем, что полноценное распространение медиация получит только через 2-3 года. Этого времени будет достаточно для того чтобы общество познакомилось с этим институтом, увидело все его преимущества и пропиталось к нему доверием.

[1] Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I (с изм. от 23 ноября 2009 г. № 261-ФЗ) «О защите прав потребителей» // Российская газета. – 1992. - 7 апреля; 2009. - 27 ноября.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая / Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 27 июля 2010 г. № 194-ФЗ) // Российская газета. – 1994. - 8 декабря; 2010. - 30 июля.

ТИПИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТЦОВ ПРИ ОБРАЩЕНИИ С ИСКАМИ О ВЗЫСКАНИИ ДЕНЕЖНЫХ СУММ: ОБОБЩЕНИЕ ПРАКТИКИ ПО Г. КРАСНОЯРСКУ ЗА ОКТЯБРЬ 2010 – МАРТ 2011 Г.Г.

Сидоренко Кирилл Сергеевич,
юрист (г.Красноярск)

За последние 6 месяцев автору довелось представлять интересы истцов по 13 искам о взыскании денежных сумм у мировых судей и в судах общей юрисдикции г.Красноярска. При рассмотрении этих дел возникли проблемы процессуального характера, которые могут негативно повлиять на сроки и результаты рассмотрения дела. Вашему вниманию представляются шесть таких проблем, четыре из которых по мнению автора являются очевидными ошибками в правоприменении, а две являются дискуссионными:

1. Споры о территориальной подсудности исков физических лиц при наличии в кредитном договоре условия о подсудности споров суду по месту нахождения банка;
2. Передача дела мировым судьей в районный суд при увеличении исковых требований до суммы свыше 50 000 р.;
3. Обездвижение заявления об увеличении исковых требований, если не доплачена госпошлина;
4. Госпошлина не взыскивается с ответчика, если требование об этом не содержится в исковом заявлении;
5. Срок исковой давности по незаконным банковским комиссиям, уплаченным до 2008 года, исчисляется с даты их уплаты;
6. Сумма компенсации морального вреда не входит в цену иска.

1. При подаче иска на приёме у судьи в г.Красноярске истцу было указано на то, что обращение в суд по месту его жительства ошибочно, т.к. в кредитном договоре содержится условие о том, что все споры из кредитного договора разрешаются в суде по месту нахождения банка (г.Абакан). Этот подход не соответствует п.2 ст. 17 Закона РФ от 07.02.1992 N 2300-1"О защите прав потребителей", который устанавливает, что Иски о защите прав потребителей могут быть предъявлены по выбору истца в суд в т.ч. по месту его жительства. Договорная подсудность в соответствии с п.1 ст.16 Закона РФ "О защите прав потребителей" недействительна, как ущемляющая права потребителя. Впоследствии иск был направлен по почте с дополнительным пояснением правомерности обращения по месту жительства истца и до настоящего времени определения о возвращении иска не поступало.

2. Исковые требования были увеличены до суммы свыше 50 000

рублей, мировой судья вынес определение о передаче дело по подсудности в районный суд, со ссылкой на п.1 и п.3 ст.23 ГПК РФ.

Представляется, что в данном случае имеет место нарушение п.2 ст.33 ГПК РФ, который содержит закрытый перечень оснований для передачи дела на рассмотрение другого суда. При этом п.1 ст.33 ГПК РФ устанавливает императивное правило: «дело, принятое судом к своему производству с соблюдением правил подсудности**, должно быть разрешено им по существу, хотя бы в дальнейшем оно станет подсудным другому суду**». Автору удалось найти единственный документ ВС РФ в котором выражена **позиция по данной проблеме - Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 04.05.2005, 11.05.2005, 18.05.2005** ("Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2005 года"): «***По смыслу данной нормы (ч.1 ст.33 ГПК РФ) изменение обстоятельств, влияющих на определение подсудности дела, после принятия его к производству суда юридического значения не имеет»***. Ссылка же на п.3 ст.23 ГПК РФ представляется несостоятельной, поскольку данная норма предполагает возникновение процессуальной конкуренции между самостоятельными требованиями с разной подсудностью. В рассматриваемом же деле такой конкуренции нет, поскольку нового требования не возникло, изменился только его размер.

На определение мирового судьи была подана частная жалоба, которая на момент подготовки тезисов еще не была предметом рассмотрения районного суда.

3. В ходе рассмотрения иска о взыскании денежной суммы истцом было заявлено об увеличении исковых требований. Суд оставил данное заявление без движения, предложив истцу представить суду доказательство доплаты госпошлины на сумму, на которую были увеличены исковые требования. В качестве основания суд привел ч.2 ст.92 ГПК РФ: при увеличении размера исковых требований рассмотрение дела продолжается после предоставления истцом доказательств уплаты государственной пошлины.

Вопрос уплаты госпошлины регулируется главой 25.3 Налогового Кодекса РФ следующим образом **при увеличении истцом размера исковых требований недостающая сумма государственной пошлины доплачивается в десятидневный срок со дня вступления в законную силу решения суда.** В связи с этим ч.2 ст.92 ГПК РФ не подлежит применению.

На определение суда была подана частная жалоба, которая на момент подготовки тезисов еще не была предметом рассмотрения краевого суда.

4. По одному из дел требования истца были удовлетворены в полном

объеме, включая требование о взыскании с ответчика почтовых расходов. Однако при этом решение суда не содержало указание на взыскание с ответчика государственной пошлины. В телефонном разговоре с судьей был поставлен вопрос о причинах этого, на что был получен ответ: не взыскали, потому что вы этого не просили в исковом заявлении. В ходе короткой дискуссии автор выразил возражения, что требование взыскать госпошлину не является исковым, поэтому не могло быть заявлено в иске. Кроме того согласно ст.98 ГПК РФ, устанавливающая правило о распределении судебных расходов между сторонами, не предполагает подачу заявления или ходатайства об этом истцом. Такое требование установлено, в частности, в отношении расходов на услуги представителя. Ситуация пока не нашла разрешения, судья взял время на размышление ввиду нахождения в отпуске.

5. Физическое лицо обратилось к банку о взыскании комиссии за выдачу кредита, уплаченной в 2007 году. Банк заявил о пропуске истцом исковой давности, суд в иске отказал. Суд отклонил доводы истца о том, что согласно п.4. ст.12 ЗоЗПП необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги). Отсутствуют основания полагать, что незаконность комиссии за выдачу кредита была общеизвестным обстоятельством в 2007 году при том, что оценка данному вопросу была впервые дана на уровне ВАС РФ только в 2008 году (дело А73-1033/2007-3/11). В связи с этим справедливо считать моментом наступления осведомленности заемщика о нарушении его прав 01.10.2008 – дату принятия первого судебного акта на уровне ВАС РФ, который можно отнести к общеизвестным сведениями. Данная позиция не нашла поддержки в первой инстанции, попытки отстоять ее будут продолжены.

6. Истец предъявил в районный суд иск на сумму свыше 50 000 р., в т.ч. о компенсации морального вреда. На приёме судьей было указано, что данное требование не включается в цену иска, в связи с чем она составляет менее 50 000 р. и дело подсудно мировому судье.

В ГПК РФ и доступной практике ВС РФ отсутствуют какие-либо указания по данному вопросу. Удалось обнаружить обзоры практики Красноярского краевого суда за 2003 и 2008 годы (опубликовано в "Бюллетень Управления Судебного департамента", N 25, 2004 и в "Буква закона", №51, 2008, оба документа доступны в СПС «КонсультантПлюс»). Обзоры ориентируют суды на то, что моральный вред признается законом вредом неимущественным, несмотря на то, что он компенсируется в денежной форме, поэтому сумма компенсации не входит в цену иска.

Данную правовую позицию следует учитывать для верного расчета цены иска и определения подсудности.

Секция

Социальная защита и социальная работа

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДОЙ СЕМЬЁЙ

Алексеева Карина Алексеевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Жижко Елена Валерьевна,
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой
теории и методики социальной работы,
Юридического института
Сибирского федерального университета

В наше время существует множество разновидностей семей, но мы подробнее остановимся на молодой семье, ведь от того, как будет происходить развитие и становлении молодой семьи, на начальных этапах совместной жизни супругов, будет зависеть их дальнейшая семейная жизнь и развитие общества в целом.

Молодая семья – это семья на начальной стадии своего развития, когда только складываются внутрисемейные отношения, микроклимат семьи, групповая динамика её жизни, когда семья как система ещё только начинает свой путь[1].

На общем жизненном пути молодым супругам приходится сталкиваться с многочисленными проблемами и трудностями, многие из них молодая семья не в состоянии решить самостоятельно и ей просто необходима помощь квалифицированного специалиста. Поэтому в современных условиях развития общества проблема становления молодой семьи с каждым днем приобретает все большую актуальность, а роль социального работника в сохранении семьи и предоставлении ей необходимой помощи постоянно возрастает.

Из многочисленных проблем, связанных с современной семьёй, целесообразно выделить применительно к молодой семье, прежде всего проблемы, социально-бытовые и социально-экономические: именно их острота и сложность нахождения решения приводят в большинстве случаев к распаду браков в первые годы совместной жизни.

На основании этого, можно определить основные цели и задачи социальной работы с молодыми семьями:

- разработка и осуществление мер по укреплению молодой семьи, как репродуктивной социальной единицы;

[1] Манукян Э.А. Региональный опыт решения жилищных проблем молодых семей // Отечественный журнал социальной работы. - 2007. - № 2. - С. 58.

- адаптация молодой семьи в условиях переходной рыночной экономики;

- улучшение материального, нравственного и духовного состояния молодой семьи;

- создание и развитие системы служб социально-психологической помощи молодой семьи;

- создание благоприятных условий для сочетания социальной и семейно-бытовой функции молодой семьи;

- стимулирование деловой активности молодежи;

- организация семейного досуга и отдыха.

Для того чтобы молодая семья могла полноценно реализовать предписываемые обществом функции, социальная работа в ней должна быть направлена на решение повседневных семейных проблем, укрепление и развитие позитивных семейных отношений, восстановление внутренних ресурсов, стабилизацию достигнутых положительных результатов в социально-экономическом положении и ориентацию социализирующего потенциала.

Выделяются следующие функции социального работника:

- диагностическую (изучение особенностей семьи, выявление ее потенциалов);

- охранно-защитную (правовая поддержка семьи, обеспечение ее социальных гарантий, создание условий для реализации ее прав и свобод);

- организационно-коммуникативную (организация общения, инициирование совместной деятельности, совместного досуга, творчества);

- социально-психолого-педагогическую (психолого-педагогическое просвещение членов семьи, оказание неотложной психологической помощи, профилактическая поддержка и патронаж);

- прогностическую (моделирование ситуаций и разработка определенных программ адресной помощи);

- координационную (установление и поддержание связей, объединение усилий департаментов помощи семье и детству, социальной помощи населению, отделов семейного неблагополучия органов внутренних дел, реабилитационных центров и служб)[1].

Конкретное содержание социальной работы с семьей в каждом случае обусловлено ее индивидуальными особенностями: структурой, материальным положением, характером внутренних отношений, спецификой проблем, степенью их остроты, аспектом неблагополучия.

Социальная работа с молодыми семьями имеет и определенное экономическое содержание, которое также реализует в своей практической

[1] Социальная работа: Учебное пособие / Под ред. д.п.н., проф. Н.Ф. Басова. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2008. – С. 256.

деятельности социальный работник. Это – обеспечение жилищной и других видов субсидиарной помощи; предоставление льгот по оплате транспортных, коммунальных услуг, оказание медицинской, юридической и социальной помощи; льготное снабжение продовольствием и товарами первой необходимости; поддержка в сфере образовательных услуг, занятости, предпринимательства.

Таким образом, социальная работа в молодой семье направлена на решение многочисленных проблем, психологического, социального, нравственного, медицинского и педагогического характера с которыми семья сталкивается в повседневной жизни, и которые не в состоянии решить самостоятельно. Основная задача социальной работы с молодыми семьями в начале нового тысячелетия заключается в дальнейшем развитии и совершенствовании имеющихся форм, методов, способов и приемов деятельности, используемых специалистом для решения социальных проблем клиентов, стимулирование активизации их собственных сил для изменения неблагоприятной жизненной ситуации.

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Бузыкина Мария Сергеевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского Федерального Университета

Научный руководитель:
Хохлова Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры
теории и методики социальной работы
Юридического института
Сибирского Федерального Университета

Современная система социальной защиты населения представляет собой систему мер и гарантий, установленных действующим законодательством, которые обеспечивают удовлетворение базовых потребностей, создание оптимальных условий жизни тем гражданам, которые не могут самостоятельно справиться с наступлением социальных рисков. Меры социальной защиты носят профилактический характер деятельности, предупреждающий возникновение социальных рисков. Кроме того, социальная защита является социальным институтом общества, обеспечивающим поддержание жизнеобеспечения и деятельного существования личности, различных социальных категорий и групп. Данное определение наиболее полно отражает сущность социальной защиты населения в нашей стране.

С момента законодательного закрепления данной системы прошло недостаточно времени для ее полного становления. Тем не менее, система социальной защиты населения страны реализует положенные в ее основу функции по социальной поддержке социально-уязвимых категорий населения. Для более эффективного выполнения предписанных функций система нуждается в редактировании и доработке положений, которые не позволяют социальной защите населения в полной мере отвечать заданным, согласно определению, критериям.

Система социальной защиты населения в РФ имеет определенные недостатки, что порождает возникновение проблем. В первую очередь, к ним относится проблема определения степени нуждаемости и, следовательно, охвата всего населения, которым гарантированны меры социальной поддержки. Основным критерием отнесения лица к категории нуждающихся является величина среднедушевого дохода, установленная в регионе, что не позволяет в должной степени оценить состояние

нуждаемости. В этом вопросе должны учитываться не только количественные показатели уровня жизни, но и качественные.

По результатам проведенного автором исследования в УСЗН Ленинского района 33% респондентов отметили такую проблему как информированность населения. Существующие средства предоставления информации населению в настоящее время очень многообразны, но ориентированы они, прежде всего, на среднестатистического гражданина. Данное положение затрудняет получение информации людьми, находящимися в состоянии социальной незащищенности, которые по различным обстоятельствам не имеют доступа к информации о социальных выплатах. Необходимо постоянное информирование населения об изменениях в законодательстве, как через средства массовой информации, так и через консультирование специалистами по социальной работе и другими компетентными лицами. Информирование должно носить адресный характер. Очень важно проинформировать каждого клиента, при общении учитывать его личностные особенности и условия трудной жизненной ситуации, в которой он оказался. Решению данной проблемы может способствовать личное консультирование и по телефону.

Также по результатам проведенного исследования 50% опрошенных выделили проблему, связанную с оформлением документов. На сегодняшний день малообеспеченному гражданину регулярно приходится подтверждать данный статус, оформляя документы в различных инстанциях, что, как показало исследование, усложняет процесс получения мер социальной поддержки. Поэтому весьма актуальной становится проблема межведомственного взаимодействия, для решения которой предполагается внедрение в государственные учреждения единой межведомственной информационной сети, которая позволит специалисту быстро находить нужные сведения о клиенте и значительно упростит процедуру получения мер социальной поддержки лицом, нуждающимся в помощи. В Российской системе социальной защиты также присутствует проблема несоответствия специалистов, работающих в системе требованиям, предъявляемым к работникам социальной защиты. Сравнительно недавно появилась проблема укрупнения регионов страны, и в том числе органов социальной защиты населения, что предполагает сокращение этих учреждений в малых населенных пунктах. Также можно отметить недостаточную эффективность профилактических мер по предотвращению возникновения социальных рисков.

Поскольку большинство услуг и мероприятий по социальной защите на сегодняшний день находятся в ведении отдельных субъектов, то соответственно у каждой территории проблемы будут специфическими, но в той или иной степени вышеперечисленные проблемы присутствуют в каждом регионе с различной степенью выраженности. И для

эффективного их решения необходимы преобразования и дополнения в существующее законодательство по социальной защите населения на федеральном уровне. Система требует увеличения количества компетентных специалистов соответствующих строгим требованиям, введения дополнительных должностей в органы и учреждения социальной защиты населения. Система социальной защиты населения нуждается в эффективном межведомственном информационном взаимодействии, посредством единой межведомственной информационной сети. Данная сеть не только позволит значительно упростить процедуру получения мер социальной поддержки, но и облегчит работу специалистам органов социальной защиты населения.

Главное предназначение социальной защиты населения состоит в том, чтобы оказывать социальные услуги в области социальной поддержки и осуществлять профилактическую работу, с целью снижения показателей социальной незащищенности среди всего населения. Именно в профилактическом направлении необходимо совершенствование системы социальной защиты, которое позволит снизить количество социально-уязвимых граждан, показателей социальной напряженности в обществе. И от того, насколько будет велик вклад каждого гражданина в совершенствование существующей системы социальной защиты, будет зависеть дальнейшее будущее, к которому обращена российская система оказания помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ УСЫНОВЛЕННЫМИ И УСЫНОВИТЕЛЯМИ

Буракова Анастасия Андреевна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Жижко Елена Валерьевна,
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой
теории и методики социальной работы,
Юридического института
Сибирского федерального университета

Отношения внутри семьи – одна из наиболее острых проблем современности, на фоне таких негативных социальных явлений, как насилие по отношению к женщинам, детям, безнадзорность и преступность несовершеннолетних. Если климат в семьях, имеющих своих, родных детей, зачастую бывает неблагоприятным для подрастающего поколения, то наиболее остро можно наблюдать такое явление в семьях, где есть усыновленные дети.

В наши дни проблема детей, оставшихся без попечения родителей, является одной из наиболее острых и масштабных. Согласно данным, предоставленным Госкомстатом, в России в 2008 году выявлено и учтено 126095 таких подростков, но, сколько беспризорных осталось «за бортом» статистики, точно не может сказать никто[1].

В настоящее время существует множество форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, среди которых детские дома различных типов, приемные семьи и, конечно, усыновление, которое является оптимальной формой устройства ребенка, поскольку при этом между усыновителями и усыновляемым не только складываются близкие родственные отношения, но и происходит юридическое закрепление этих отношений, когда усыновленный ребенок в своих правах и обязанностях приравнивается к кровному, и усыновители принимают на себя все родительские права и обязанности.

К сожалению, число детей, отданных на усыновление ничтожно мало по сравнению с другими формами. О причинах можно судить из социологического опроса, проведенного Исследовательским центром портала SuperJob.ru, в июле 2008 года. Лишь 38% россиян рассматривают для себя возможность усыновления ребёнка. Малое число опрошенных

[1] Дети в России. 2009: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2009. – С. 108

уже имеет подобный опыт, всего 5%. Остальные респонденты обосновывали отрицательный ответ, как правило, недостаточным количеством материальных средств и проблемами с жилплощадью. Стоит отметить, что женщины чаще рассматривают возможность усыновления (48%), чем мужчины (29%).

Однако, судя по комментариям опрошенных, жилищная и финансовая проблемы – не самое главное препятствие на пути к усыновлению: среди 47% участников опроса, не готовых пойти на такой шаг, большинство признаётся, что они не готовы воспитывать чужого ребёнка. Других останавливает страх взять ребёнка с плохой наследственностью и непредсказуемым характером. Наши сограждане нередко рассматривают усыновление только как вынужденную меру в случае невозможности иметь собственных детей. По этой причине россияне, не состоящие в браке и не имеющие своих детей, чаще готовы взять ребёнка на воспитание, чем опрошенные, имеющие семью и родного ребёнка (детей). [1]

Отношения в такой семье напрямую зависят от нескольких факторов, которые нужно рассматривать в совокупности. Первый – это сохранение тайны усыновление, второй – наличие своих детей в семье, и третий – мотивы, по которым ребенок был усыновлен. Тайна усыновления охраняется законом, и все лица, принимавшие участие в этом процессе, обязаны ее сохранять. Но зачастую практика показывает, что ребенок, от которого скрывался этот факт, и впоследствии раскрылся (особенно в подростковом возрасте) вносит деструктив в семейные отношения, может нанести глубокий вред психике ребенка и сформировать комплекс «ненужности», обузы, постоянное ощущения того, что он не оправдал ожидания родителей. Следует ли говорить усыновленному с раннего возраста о его происхождении, или дожидаться сознательного возраста, а, возможно, пытаться сохранить эту тайну навсегда – решение родителей. Все зависит от того, как выстроены отношения в семье, и является сугубо индивидуальным, не подводимым под общее правило.

Следующий фактор, наличие в семье своих детей, тоже играет большую роль в формировании внутрисемейного климата. Здесь немаловажно морально подготовить родных детей к появлению брата или сестры, принять это решение вместе с ними, заверить, что любить меньше родного ребенка никто не станет, так как для детей это большой стресс, причем он усугубляется тем, что все происходит не закономерно, как при беременности матери с последующим появлением младенца. Для развития нормальных отношений в семье следует уделять всем детям внимание, не выделяя никого из них, поощрять и наказывать всех в равной степени. Не

[1] Об усыновлении ребёнка задумывались 38% россиян - Исследовательский центр портала SuperJob.ru – 2008 - (www.SuperJob.ru)

следует чрезмерно нагружать родного ребенка заботой о приемном, заставлять делиться чем-то, убирать за ним, или насильно навязывать совместные прогулки или игру. Так же следует тщательно следить за той моделью взаимоотношений, которая складывается между детьми, и вовремя ее корректировать.

Такой фактор, как мотивы усыновления, тоже играет весомую роль в отношениях внутри семьи. Если, например, ребенка усыновили из-за медицинских показателей родителей – неспособности иметь собственных детей, то родители на подсознательном уровне могут возлагать на него слишком большие надежды, и когда ребенок будет оступаться, его будет преследовать чувство неоправданных ожиданий. В связи с этим родителям, прежде всего, нужно понимать, что ребенок, несмотря на то, сколько ресурсов они в него вложили, иногда может ошибаться, и это нормально. Как мотив усыновления можно рассматривать и желание родителей реализовать свои педагогические способности, желание сделать из «трудного ребенка» полноценного члена общества. Такая установка изначально неверна, так как усыновленный – не экспериментальная площадка для испытания своих возможностей. Если, например, у родителей умер свой собственный ребенок, они, зачастую, усыновляют другого с целью восполнить потерю, заглушить горечь утраты. И тогда у усыновленного развиваются комплексы, так как родители невольно сравнивают его с умершим, пытаются сделать его похожим на потерянного ребенка. Нужно понимать, что каждый ребенок индивидуален, и не может быть копией другого, как бы не старались родители.

Тем самым, климат внутри семьи, между усыновителями и усыновленными, целиком и полностью зависит от родителей: их отношения к ребенку, осознанности решения и своих мотивов, выработки продуманной политики в отношении воспитания. Усыновителям нужно четко осознавать, что будет нелегко, и, возможно, что-то пойдет не так, как они задумывали, но, несмотря на это, любить усыновленного ребенка.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

Васягина Анастасия Александровна,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Плющ Ирина Владимировна,
к.г.н., доцент кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

Сам по себе факт осуждения и нахождения в закрытом режимном учреждении долгое время рассматривался как мера, достаточная для изменения социальной ориентированности осужденных. Однако в последнее время приходит понимание того, что и эта категория граждан нуждается в помощи и в первую очередь, если речь идет о несовершеннолетних преступниках. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2009 году в РФ число преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, достигло 94720 единиц[1]. МВД России отмечает, что в среднем в год 19,1 тыс. несовершеннолетних совершает преступление повторно[2]. Таким образом, около 20,2% в год составляет рецидивная преступность несовершеннолетних граждан.

Сам факт попадания лица в места лишения свободы указывает на то, что процесс его социализации прошел негативно: человек либо не усвоил социально необходимые знания и навыки, либо усвоил их в искаженном виде. Очевидно, что наряду с исправительной, воспитательной работой в отношении осужденных к лишению свободы, должна осуществляться целенаправленная деятельность по формированию социально значимых навыков, коррекции, замене старых моделей поведения новыми – социально приемлемыми. Эта деятельность носит название «ресоциализация осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы». Ресоциализация осужденных является основной задачей специалиста по социальной работе в пенитенциарной системе, однако на практике работа по ресоциализации ведется недостаточно эффективно.

[1] Федеральная служба государственной статистики. – (http://www.gks.ru).
[2] Министерство внутренних дел Российской Федерации. – (http://www.mvd.ru/press/release/4040/).

В качестве направлений ресоциализационных мероприятий можно выделить следующие: образование, труд, общественную деятельность, культуру и творчество, семью. Работа должна осуществляться по всем перечисленным направлениям в равной мере.

Получение осужденными общего и начального профессионального образования является обязательным. Сейчас воспитанники детских колоний имеют возможность получать также средне-специальное и высшее образование по заочной и дистанционной формам обучения. Немаловажным фактором является материально-техническое оснащение школ и ПТУ на территории воспитательной колонии. Воспитанник детской колонии имеет право получить образование такого же уровня, что и учащиеся любой другой школы, чтобы иметь те же шансы при получении профессионального образования, а в итоге быть конкурентоспособным на рынке труда.

От администрации колонии зависит многообразие форм труда, обеспечение возможности и создание соответствующих условий для трудовой деятельности воспитанников. В результате этого воздействия предполагается возникновение у воспитанников понимания необходимости трудовой деятельности, привычки трудиться, осознания ценности своего и чужого труда. Не менее важным является приобретение первичного трудового стажа, который будет иметь значение при трудоустройстве после освобождения.

Большое значение для вовлечения в общественную жизнь и формирования социальной ответственности, моделей гуманного, нравственного поведения имеет общественно-полезная деятельность воспитанников. Это даёт воспитанникам возможность взаимодействовать с людьми за пределами колонии, чувствовать себя полезными, ощущать благодарность других людей как результат полезной и позитивной деятельности. Для многих из них такой социальный опыт уникален.

Сравнительно новым и разнообразным по содержанию является опыт организации на территории пенитенциарных учреждений самодеятельных коллективов и творческой деятельности, открытие студий звукозаписи, фотомастерских. Ранее осужденные воспитательных колоний принимали участие в конкурсе «Калина красная» (ежегодный конкурс песни среди осужденных) наравне с осужденными исправительных колоний. Это способствовало приобщению подростков к субкультуре взрослых преступников. Сейчас для них организуют отдельный конкурс, который носит то же название и проходит в школе в с. Бражное Красноярского края совместно со школьниками. Это очень важный опыт для воспитанников, который сочетает в себе возможность реализовать себя в творчестве и соприкоснуться с другой культурой.

В последнее время ГУФСИН России по Красноярскому краю активно применяет практику проведения на территории пенитенциарных учреждений различных спортивных мероприятий, соревнований по различным видам спорта. В качестве поощрения, администрация Канской воспитательной колонии организует групповые выезды воспитанников за территорию колонии на различные спортивно-оздоровительные площадки, например на каток, на озеро.

Сегодня на территории многих исправительных учреждений действуют церковные приходы, куда может обратиться каждый желающий. Помимо служб священнослужители проводят разъяснительные беседы с осужденными, основная цель которых заключается в «обращении к вере», исправлении данной категории лиц.

Важнейшим направлением ресоциализации является работа с семьей воспитанника. Однако, воспитанники колонии - это, как правило, подростки из неполных, неблагополучных семей, сироты, воспитанники детских домов. Поэтому зачастую необходимо пробудить стремление к диалогу, наладить каналы общения между подростком и его семьей. Помимо установления связей с семьей, социальному работнику необходимо вести деятельность по подготовке семьи к возвращению подростка из воспитательной колонии. Необходимо научить родителей общаться с ребенком, помочь создать благоприятный климат в семье, пробудить у родителей заинтересованность и чувство ответственности за своего ребенка. Семья является основным институтом поддержки и помощи освободившемуся из мест лишения свободы несовершеннолетнему и должна быть готова к этому.

Таким образом, выделяют такие направления ресоциализации несовершеннолетних, как труд, образование, общественная деятельность, работа с семьей подростка, культура и творчество. Степень эффективности процесса ресоциализации каждого лица, осужденного к лишению свободы, зависит не только от ресоциализационных программ, но и от его индивидульных психологических установок, мировоззрения, характера конкретной ситуации. Поэтому, когда говорим о процессе ресоциализации, то акцентируем внимание, что этот процесс должен носить индивидуальный характер, так как направлен на человека с определенными свойственными только ему личностными качествами. Кроме того, процесс ресоциализации должен идти по всем вышеперечисленным направлениям, чтобы подросток развивался разносторонне и получил все социально необходимые знания и навыки.

ПРОБЛЕМА БЕСПЛОДИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ РЕПРОДУКТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КЛИЕНТА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

Вихор Екатерина Александровна,
студентка 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Жижко Елена Валерьевна,
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой
теории и методики социальной работы,
Юридического института
Сибирского федерального университета

Актуальность проблемы бесплодного брака не вызывает сомнения. По данным ВОЗ, частота бесплодных браков колеблется в широких пределах и не имеет тенденции к снижению во всех странах мира. Бесплодный брак значительно влияет на демографические показатели, в связи с чем данная проблема приобретает не только медико-биологическое, но и важное социальное значение. Характер изменения демографических показателей ставит проблему бесплодного брака в ряд наиболее важных в современной медицине.

По определению ВОЗ (1993), бесплодным считается брак, в котором, несмотря на регулярную половую жизнь в течение года без применения каких-либо контрацептивных средств, беременность не наступает, при условии, что супруги находятся в детородном возрасте.

Психическое неблагополучие у супружеских пар с бесплодием характеризуется повышением лабильности нервных процессов; заторможенностью, снижением интереса к окружающей среде, жизни и работе; формированием комплекса неполноценности; развитием тяжелых психосексуальных расстройств. Все эти ситуации лишь усиливают неустойчивость семейных отношений.

Физическое неблагополучие предполагает, прежде всего, у супружеской пары наличие заболеваний, влияющих на репродуктивное здоровье как единое целое. Это 200-250 млн. случаев сексуально-трансмиссивных заболеваний в год со всеми вытекающими для репродуктивной функции последствиями; это вероятность увеличения частоты опухолей репродуктивной системы у нерожавших женщин по сравнению с популяцией, и, наконец, это отдаленные последствия влияния эндокринных нарушений репродуктивной системы и длительной гормонотерапии на здоровье женщины.

Во многих исследованиях сообщается об увеличении частоты бесплодных браков вследствие влияния на генеративную многих факторов, в частности, химизации, радиации, вредного промышленного производства. Причиной возникновения бесплодия являются также вредные привычки, аборты, бесконтрольное применение контрацептивных средств. Подчеркивается роль современного города, как комплексного фактора роста численности бесплодных браков, особенно в странах с бурной урбанизацией, что обусловлено увеличением числа женщин, контактирующих с профессиональными вредностями.

Рассматривая вышеперечисленные проблемы, следует говорить об репродуктивной культуре клиента. Формирование репродуктивной культуры заключается в устранении причин возникновения бесплодия. А именно:

-аборты;

- ЗППП;

- вредные привычки;

- психологический окружающий климат;

- наследственные факторы;

- условия окружающей среды.

Нежелательная беременность возникает из-за неграмотности молодых пар относительно правил контрацепции. Следствием является аборт, затем – нарушение репродуктивной функции и как итог – бесплодие.

Беспорядочные половые связи, незнание партнера, пренебрежение правилами контрацепции – все это приводит к распространению венерических заболеваний и вновь, как следствие – бесплодие.

Современное состояние окружающей среды и так не идеально и негативно сказывается на состоянии здоровья. Но многие усугубляют этот фактор, вредными привычками (курение, употребление алкоголя, наркотиков). Все это очень сильно сказывается на здоровье и может привести к необратимым последствиям, в том числе – к бесплодию.

Нездоровый психологический окружающий климат, постоянные ссоры в семье, неудачи на работе и т.д. приводят к возникновению стрессовых ситуаций, что негативно сказывается на психике супругов. Результатом становится ухудшение их физического состояния и как последствие всего этого – возможность возникновения бесплодия.

Молодые пары, тем более пары создавшие семью, должны очень ответственно относиться к своему здоровью, к возможности иметь детей. И ни в коем случае не усугублять имеющиеся негативные факторы, влияющие на репродуктивную функцию их семьи. А наоборот, пытаться как своими силами, так и с помощью специалистов, в том числе социальных работников преодолевать свои проблемы, вовремя обращаться

к специалистам по планированию семьи, тем более, если возникают проблемы со здоровьем, конфликты в семье, стрессы и т.д. Специалисты же по социальной работе должны формировать у своих клиентов (членов семей, обращающихся за помощью) культуру внутрисемейных отношений, связанных с репродуктивной функцией.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ ПО ФОРМИРОВАНИЮ И СТИМУЛИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ

Дикалов Вадим Сергеевич,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Хохлова Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

Молодежь, как наиболее мобильная социально-демографическая группа, выбирает разные способы самореализации (творчество, спорт). Определенная часть молодежи отдает предпочтение общественной деятельности, что можно расценивать как проявление социальной активности.

Стимулирование социальной активности молодежи, может рассматриваться, как один из методов социальной работой с данной демографической группой. Социальная активность способствует снижению девиаций среди молодежи в возрасте до 20 лет, и осуществлению профилактики правонарушений среди несовершеннолетних. В рамках задач социальной работы с молодежью, профилактика девиантного поведения, пропаганда здорового образа жизни и успешная социальная адаптация и интеграция являются основополагающими.

Е.С. Ганич под социальной активностью понимает качество, отражающее уровень социальности личности, то есть ее связи с социальным целым, готовность действовать в интересах общества, глубина принятия общественных интересов.[1]

Таким образом, социальная активность рассматривается как способность личности к социально активному поведению и характеризуется альтруистичностью деятельности и ее общественной направленностью.

Выявление новых механизмов формирования и повышения уровня социальной активности, необходимо для социальной работы с молодежью.

[1] Ганич Е.С. Воспитание социальной активности студентов вузов в условиях Болонского процесса //Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете: труды 5-й международной научно-практической конференции. С-Петербург. 22-24 марта 2005 г./ отв. за выпуск В.П. Горюнов. – СПб: Изд-во Политехнического университета, 2005. – С.179.

Для эффективного осуществления социальной работы важно учитывать особенности социальной активности молодежи.

По мнению Ю.С. Андреевой, с одной стороны, социальная активность рассматривается в контексте протестных настроений и социальной нестабильности, при этом молодежь всегда выступала как социальная группа, излишняя активность которой должна быть купирована и взята под особый контроль. С другой стороны, молодежь обеспечивает трансмиссию общественных отношений и выступает как носитель социальных инноваций, поэтому повышение социальной активности молодежи в период кризиса становится одним из условий поиска новых форм общественного устройства.[1]

Таким образом, можно сказать, что социальная активность молодежи может носить как деструктивный (социально опасный) так и созидательный характер.

Исследования, проведенные в городе Красноярске, помогли выявить уровень социальной активности молодежи, а так же основные направления ее проявления. 50 % респондентов ответили, что принимали участие в различного рода акциях. Такой высокий показатель может быть связан, прежде всего, с особенностями подобного рода мероприятий. Можно сделать предположение, что такая форма мероприятий позволяет задействовать большое количество молодых людей в качестве исполнителей, наблюдателей, общей массы. Следующей по популярности формой проявления социальной активности являются различные проекты. 40 % респондентов, охарактеризовали проявление своей социальной активности, как «периодическое», а 37 % как «систематическое». При этом только 20% опрошенных ответили, что их участие в различных акциях и проектах носило «разовый» характер. Около половины всех опрошенных (47%) обозначили свою роль в различного рода мероприятиях как – «исполнитель». Для социальной работы прежде всего интересны причины проявления социальной активности среди молодежи в виде участия в различных мероприятиях: 39% принимают участие из-за собственного интереса, 28% -считают что опыт пригодится позже, и 21% расценивают этот способ проявления социальной активности, как возможность самореализации.

Изучив опыт деятельности субъектов социальной работы с молодежью (органы и учреждения молодежной политики, общественные организации), можно сделать вывод, что на данный момент отмечается положительная динамика уровня социальной активности молодежи в городе Красноярске и Красноярском крае. Работа специалистов в данный момент сконцентрирована на развитии существующих направлений

[1] Андреева Ю.С. В фокусе – молодежный активизм // Поколения.net: Хроники событий. – Ульяновск, Издательский центр Ульяновского государственного университета, 2009. – С. 76.

деятельности по формированию и стимулированию социальной активности молодежи. Наиболее приоритетными направлениями деятельности, являются творческая реализация, личностный рост, духовно нравственное воспитание, привитие основ гражданского общества и правового государства молодежи. Как наиболее предпочтительные формы работы с молодежью выделяются интерактивные формы. Так например на базе КГБУ «Дома культуры учащихся и работников профессионального образования Красноярского края» организуются интенсивные школы клуба инициативной молодежи «Лидер» в рамках которых проходят различные обучающие семинары:

1. Перспективы развития молодежного самоуправления в учебных заведениях НПО, СПО. Разработка положения о проведении Конкурса молодежного самоуправления.

2. Школа проектирования. Проектная деятельность как фактор социализации молодежи.

3. Тренинги на развитие лидерских качеств, формирование коммуникативных навыков и навыков командообразования.

Общественные организации так же стремятся повысить уровень социальной активности, так например Первичная профсоюзная организация студентов СФУ, на данный момент реализует 4 основных проекта, таких как «Бизнес инкубатор», «Профсоюзный лидер СФУ», «Школа профсоюзного актива», «Центр Толерантности». Так же существует еще несколько проектов цель, которых проведение ежегодных акций которые помогают привить единый корпоративный дух всем студентам СФУ, это такие акции, как: «Чистый Лес», Университет это Мы». Первичной Профсоюзной организацией так же учреждена ежегодная премия в области общественных инициатив «РУПор».

На сегодняшний день в городе Красноярске и Красноярском крае существует ряд государственных учреждений и общественных организаций, которые в своей деятельности осуществляют работу по формированию социальной активности молодежи, прежде всего для создания благоприятной окружающей среды для самих молодых людей и минимизации возможности появления негативных социальных конфликтов. Формирование социальной активности позволит молодежи выступать с гражданскими инициативами по решению проблем актуальных для этой демографической группы, то есть направить свою деятельность в социально позитивное русло. Наряду с деятельностью по формированию социальной активности учреждения и организации ведут работу по повышению и стимулированию ее уровня, данная деятельность необходима для аккумуляции инициативной молодежи прежде всего и для поддержания интереса со стороны молодежи к решению социальных

проблем современного общества. Все это способствует налаживанию субъект – субъектных связей в социальной работе с молодежью

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ - СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ О СЕМЬЕ И БРАКЕ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДОЙ СЕМЬЕЙ

Жижко Анастасия Викторовна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Жижко Елена Валерьевна,
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой
теории и методики социальной работы,
Юридического института
Сибирского федерального университета

Уже несколько десятилетий актуальным остается вопрос о современном состоянии института семьи. После сексуальной революции и развития рыночных отношений стереотипные представления о традиционной семье в современной России постепенно «сходят на нет». Число браков снижается, а число разводов растет. У современных молодых людей нет четкого представления о материнстве и отцовстве, о том, как создать полноценную семью и справиться со всеми ее кризисами.

В октябре 2010 г. автором было проведено анкетирование студентов, обучающихся по направлению «социальная работа» в Сибирском федеральном университете (г. Красноярск), для выявления отношения потенциальных социальных работников к институту семьи и брака.

Всего в анкетировании приняли участие 128 человек, 69% из которых – представители женского пола и 31% – мужского.

Прежде всего нас интересовали ***мотивы вступления в брак***. Из мотивов вступления в брак для 96% опрошенных на первом месте стоит «любовь», 59% выбрало «стабильность» и 48% отметило «финансовую обеспеченность». На «страсть» и «беременность» пришлось по 15%, «страх одиночества» отметили 11% (респонденты мужского пола в возрастной группе старше 22 лет и женского 19-20 лет). «Давление близких» отметило 2%. Свой вариант ответа предложили 5%: «в семье уютней жить», «комфорт», «социальный статус», «уверенность в себе». Интересно, что *«финансовая обеспеченность» – как мотив – появляется у респондентов-мужчин в 19-20, а у респондентов-женщин в 17-18 лет, то есть на два года раньше*.

При ***выборе будущего супруга*** опрошенные на первое место ставят «взаимные чувства» (80%), далее – «доверительное отношение друг к другу» (71%) и «сходство интересов» (43%). Так же многие мужчины

отмечали важность внешних данных и сексуального темперамента будущей супруги. Женщины же считают важным «работу и возможность карьерного роста мужа», что может говорить о традиционном представлении о семье, где «муж – кормилец».

Оптимальную разницу в возрасте брачующихся «2-4 года» (при условии, что мужчина старше) отметили 52%. Также были варианты ответов: «ровесники» (13%), «один год» (мужчина старше, 13%), 5-7 лет (мужчина старше, 19%). Варианты, где женщина должна быть старше не были выбраны, что опять говорит о традиционном взгляде на институт семьи.

Весьма интересен ***срок вступления в брак***. Большинство респондентов считают, что пара должна вступить в брак через 2-3 года с момента начала отношений (45%), с разницей в 15% следует ответ «1-2 года», то есть большинство подходит осознанно к вступлению в брачные отношения. Никто из респондентов не выбрал ответ «пара вообще не должна вступать в брак», что говорит о важности института брака для будущих социальных работников.

Вопрос об ***отношении родителей к выбору будущего супруга*** разделил респондентов на 2 группы: 1)выбор должен быть выполнен без учета мнений родителей (43%, большинство – мужчины) и 2)выбор должен быть выполнен самостоятельно и одобрен родителями (55%, большинство – женщины). 2% считают, что выбор должен быть осуществлен родителями.

Респонденты продемонстрировали специфическое отношение ***к количеству браков***, заключаемых в течение жизни. Большинство респондентов согласны с мнением, что брак должен быть «один на всю жизнь», такой ответ дали 63% (причем мужчины более склонны к такому ответу, нежели женщины). 34% считают, что в течение жизни человек может вступать в брак несколько раз. 18% считают, что можно ***изменять в браке*** (при условии, что супруг(а) не узнают об этом). Остальные 82% отмечают, что «не собираются изменять», что также свидетельствует о предпочтении создания семьи традиционного типа.

К «***гражданскому браку***» отношение более традиционное для современного общества: положительно относятся 77%, считая, что до брака необходимо «пожить вместе», 13% – «отрицательно» (не считают его браком). При этом почти все респонденты допускают добрачные сексуальные отношения (97%).

Изменения происходят и в восприятии ***ролевой доминанты в семье.*** Еще сильна традиционная доминирующая роль мужа (40%), но верх берет «равенство в семейных отношениях» (58%) за счет ответов женщин. Что касается разделения домашних дел, то здесь просматривается такая же

тенденция: «традиционное разделение домашних дел на мужские и женские» (41%) и «нет, это устаревший стереотип» (50%).

В целом потенциальные социальные работники в Сибирском федеральном университете демонстрируют более позитивное и ответственное отношение к институту семьи и брака, чем студенты, обучающиеся по другим направлениям этого же университета. Такое отношение формируется как довузовским внутрисемейным воспитанием, так и спецификой обучения по направлению «социальная работа»: студенты изучают учебные дисциплины «Семьеведение», «Феминология и гендерология», «Социальная психология», «Технология социальной работы» и многие другие. Все выше перечисленные дисциплины в той или иной форме постепенно формируют у студентов позитивно направленную «идеологию семьи».

Можно надеяться, что являясь носителями «идеологии семьи» будущие специалисты: *во-первых*, выстроят конструктивные взаимоотношения в своих собственных семьях; *во- вторых*, помогут своим клиентам создать и сохранить семьи, стать ответственными родителями. Таким образом, отношение потенциальных социальных работников к институту семьи и брака – это дополнительный ресурс социальной работы с молодой семьей.

ПЛАНИРОВАНИЕ СЕМЬИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лалетина Мария Витальевна,
студентка 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Жижко Елена Валерьевна,
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой
теории и методики социальной работы,
Юридического института
Сибирского федерального университета

Планирование семьи – это те виды деятельности, которые имеют целью помочь будущим, либо молодым супружеским парам достичь определенных результатов: вести гармоничные психологические и сексуальные отношения, избегать нежелательной беременности и ИППП, произвести на свет желанных и здоровых детей.

Помощь в планировании семьи молодым людям, будущим супругам оказывается в специализированных центрах планирования семьи и репродукции, через реализацию целевых программ по планированию семьи, как регионального, так и федерального уровня.

Международная федерация планирования семьи дает следующее определение: «планирование семьи - это обеспечение здоровья женщины для рождения желанных и здоровых детей».[1] Другими словами, планирование семьи - это дети по желанию, а не по случаю. Таким образом, планирование семьи является важной государственной, общественной и социально-медицинской проблемой, требующей к себе постоянного внимания.

Право на планирование семьи, на свободное и ответственное родительство является международно-признанным правом каждого человека. Планирование семьи помогает людям сознательно выбирать количество детей в семье и сроки их рождения, планировать свою жизнь, избегать ненужных тревог и волнений.

Необходимость планирования семьи - неоспоримый факт для поддержания социальной экологии в обществе. Потому что большинство людей хочет иметь здоровую и счастливую семью. Здоровые родители, реализовавшие или реализующие свои жизненные планы, желанные здоровые дети, хорошая эмоциональная обстановка в семье – примерный

[1] Планирование семьи. – М.: Международ. федерация планирования семьи. - 2002. – С. 5.

образ здоровой и счастливой семьи. Планирование семьи как раз и помогает людям создавать такие семьи.

Международная федерация планирования семьи выделяет необходимые медицинские, социальные, экологические аспекты планирования семьи:

1) помогает женщине регулировать наступление беременности в оптимальные сроки для сохранения своего здоровья и здоровья детей;

2) дает женщине возможность избежать беременности в период кормления ребенка грудью;

3) гарантирует рождение здорового ребенка;

4) дает возможность мужчине и женщине вести половую жизнь, не опасаясь нежелательной беременности;

5) помогает родителям обеспечить своих детей.[1]

Таким образом, планирование семьи помогает людям сохранить свое физическое и моральное здоровье, воспроизвести на свет здоровых и желанных детей, дать своим детям достойную жизнь, вести половую жизнь без каких- либо волнений. Планирование семьи дает человеку понимание того, что рождение детей это важный, ответственный шаг и к нему необходимо готовится заранее. Перед рождением ребенка нужно взвесить свои физические, материальные возможности не только на данный момент, но и предусмотреть их развитие на несколько лет вперед. Если присутствует неуверенность в своих возможностях – стоит повременить с рождением детей, потому что ни государство, ни общество не смогут дать ребенку все необходимое в той мере, в какой это сделали ли бы подготовленные родители.

Проблема планирования семьи, имеет ярко выраженный социальный характер, и зачастую проявляются как следствие нерешенных в обществе социальных проблем, а значит, является объектом социальной работы. Цель социальной работы в области планирования семьи - добиться того, чтобы каждый человек, пришедший на прием, стал сознательнее относиться к своему репродуктивному поведению: чтобы беременность перестала быть неожиданностью в жизни женщины, чтобы каждый ребенок был желанным в семье. Специалист по социальной работе должен быть всегда готов принять тех, кто нуждается в его помощи.

Основным методом социальной работы в службе планирования семьи является консультирование.

Григорьева Н.С. определяет социальное консультирование как квалифицированный совет, помощь лицам, испытывающим различные проблемы, с целью их социализации, восстановления и оптимизации их

[1] Планирование семьи. – М.: Международ. федерация планирования семьи. - 2002. – С. 19.

социальных функций, выработки социальных норм общения. [1] Стоит отметить, что в службе планирования семьи консультирование проходит по трем основным направлениям:

1. Консультирование по вопросам контрацепции (проходит индивидуально с женщиной).

2. Психологическая подготовка беременных женщин к рождению ребенка и сознательному родительству (используется преимущественно групповая работа).

3. Индивидуальное консультирование по вопросам преодоления супружеских конфликтов.

Консультирование по планированию семьи – это процесс двустороннего общения между специалистом и клиентом. Лучшая форма консультирования – беседа между двумя людьми. Такой разговор способствует повышению самоуважения клиента, формированию его ответственности за свое репродуктивное поведение. Консультирование является хорошим способом помочь отдельному человеку или партнерам в решении проблемы планирования семьи: выборе подходящего метода планирования семьи; принятии решения о применении наиболее благоприятного средства контрацепции; снятии всех вопросов о том, как пользоваться данным методом контрацепции.

Консультирование является базовым методом социальной работы, в том числе и в области планирования семьи. Помимо данного метода, активно используется метод профилактики. В данном случае подразумевается профилактика абортов. Профилактика абортов необходима, прежде всего, для сохранения репродуктивного здоровья девушек и женщин.

Обязательными компонентами профилактики абортов являются: сексуальное образование девочек-подростков по вопросам контрацепции; удовлетворение информационного голода у женщин по вопросам планирования семьи; индивидуальная работа с женщиной по вопросам контрацепции с учетом состояния ее здоровья, а также социального, экономического и интеллектуального статуса.

Основная роль социальной службы – быть посредником между тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации и социумом в целом, мобилизуя, насколько это возможно, ресурсную базу самого клиента. Специалист по социальной работе не решает проблем клиента, а содействует, с одной стороны, эффективной адаптации клиента в социуме, с другой, - процессу очеловечивания этого социума, преодолению его отчужденности от забот реальных людей.

---

[1] Григорьева Н.С. Путеводитель для социальных работников службы планирования семьи. - М.: Наука, 1997. – С. 76.

Планирование семьи – это рождение детей по желанию, а не по случаю. Благодаря планированию семьи чаще рождаются здоровые дети, потому что родители заранее готовятся к их появлению. Подготовка к появлению малыша затрагивает все жизненные сферы родителей и психологическую, и психическую, и материальную, и физическую. Поэтому «запланированные» дети получают достойное существование сразу после рождения, и родители могут гарантировать им такую же дальнейшую жизнь.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ МИГРАНТОВ

Мерзлякова Алена Владимировна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Рузанов Валерий Иванович,
к.ф.н., доцент кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

Миграция - социальный процесс, который, с одной стороны, является одним из механизмов перераспределения трудовых ресурсов, а с другой стороны - источником социальной напряженности. В настоящее время в этой связи одной из наиболее острых проблем является незаконная трудовая миграция. Она актуальна как для России в целом, так и для Красноярского края в частности. Наш регион - привлекательная территория для иностранных граждан, желающих заработать. Для привлечения трудовой силы предприниматели в большинстве случаев предпочитают выбирать иностранных граждан, которые оказываются вне конкуренции в вопросах трудоустройства для выполнения строительной, сельскохозяйственной и другой низкоквалифицированной работы. Это связано с тем, что работодатели экономят на оплате труда работников, делая выбор в пользу трудовых мигрантов, а не граждан Российской Федерации.

Незаконная трудовая миграция углубляет криминогенную, демографическую обстановку, способствует росту социальной напряженности. В этой связи необходима профилактика нелегальной миграции на территории Красноярского края, а также проведение эффективной социальной работы с мигрантами. Для разрешения данной проблемы в Красноярске, например, проводилось профилактическое мероприятие «Нелегальный мигрант», которое было призвано выявить и перекрыть возможные каналы незаконной миграции, привлечь к ответственности лиц, нарушающих требования миграционного законодательства, а также тех, кто незаконно оказывает посреднические услуги в данной сфере[1]. Также была создана Межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных граждан для

[1]Правоохранительные органы Красноярского края начали мероприятие «Нелегальный мигрант» // http://www.newslab.ru/news/329125.

осуществления трудовой деятельности на территории края[1]. Согласно ему, работодатели должны подавать заявку о потребности в рабочей силе для замещения вакантных и вновь создаваемых рабочих мест за счет привлечения иностранных граждан.

Одной из профилактических мер являлось и принятие с 1 июля 2010 года в России закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[2]. Согласно данному документу для осуществления трудовой деятельности по найму у физических лиц иностранные граждане должны приобретать в органах ФМС России патент, сроком действия от 1 до 3 месяцев. Он может неоднократно продлеваться на периоды не более 3 месяцев. Общий срок действия патента не может составлять более 12 месяцев, а его стоимость составляет 1000 рублей в месяц. Для продления срока необходимо ежемесячно вносить плату в размере стоимости выданного ему патента.

Роль социальной работы в минимизации негативных последствий миграции связана, прежде всего, с решением задачи адаптации мигрантов, принятия ими норм и правил проживания и поведения в нашей стране. Другим важным аспектом социальной работы с мигрантами является обеспечение их хотя бы минимального социального статуса, без чего неизбежно будет возрастать социально-психологическая напряженность как внутри миграционного сообщества, так и в обществе в целом. Важными шагами на пути решения этих проблем должны стать помощь мигрантам в разрешении проблемы обеспечения жильем (хотя бы временным), законное получение регистрации, легальное трудоустройство и т.д. Помимо этого в ряде случаев необходима помощь в устройстве детей в учреждения образования (для тех, кто приезжает с семьями), оказание психологической помощи, социально-бытовых, медицинских и иных услуг.

Одним из аспектов социальной работы в миграционной сфере является социальная защита мигрантов при соблюдении интересов местного населения. Данная мера позволит предупреждать совершение преступлений мигрантами, таких как, например, кражи или грабежи. В целях упорядочения и единообразия в организации социальной помощи мигрантам имеет смысл введение стандартов социальной помощи для мигрантов, которые могли бы включать медицинскую страховку, страховку от несчастного случая на производстве, правовую и психологическую помощь при защите от злоупотреблений со стороны работодателя.

---

[1] Межведомственная комиссия по вопросам привлечения и использования иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности // Отдел новостей ИА «Клерк.Ру».

[2] О правовом положении иностранных граждан: закон РФ от 25.07.2002. // Справочно-правовая система «Консультант плюс: законодательство».

Мигранты зачастую просто не знают, куда обратиться для получения миграционной карты, как получить разрешение на временное проживание. При консультировании, осуществляемом специалистами по социальной работе, эта процедура становится более доступной, мигрантам легче узаконить свое пребывание, возможным становится более точный учет миграционных процессов. Однако проблема состоит в том, что мигранты не всегда могут получить эту консультативную и правовую помощь в силу своего незаконного пребывания на территории РФ. Эффективной мерой в данной связи является создание единой информационной базы данных об иностранцах, находящихся на территории Красноярского края. Она поможет в деле упорядочения и легализации участия в трудовой деятельности иностранных граждан.

Необходима проверка мигрантов по санитарно-гигиеническим нормам. В наш регион приезжают молодые иностранцы с целью учёбы или работы. Среди них имеются представители групп риска с заболеваниями вирусного гепатита и ВИЧ-инфекцией. Обоснованность данной меры подтверждается тем, что затраты на организацию такой проверки гораздо меньше, чем затраты по борьбе с последствиями распространения заболеваний. Это подтверждает событие, недавно произошедшее в Красноярске: распространение кори, которая изначально была обнаружена у ребёнка, приехавшего в Красноярск из Узбекистана. Данное явление можно назвать «миграционной инфекцией».

Важной составляющей социальной работы в миграционной сфере является социальная адаптация детей мигрантов. Дети, мигрировавшие с семьями, пребывают в новую для них языковую и культурную среду, поэтому они сталкиваются с необходимостью этнокультурной адаптации, которая включает в себя овладение языком, усвоение традиций, норм и ценностей принимающего сообщества. Социальные и культурные аспекты адаптации таких детей входит в сферу деятельности специалистов социальной работы, где особое значение играет их деятельность в общеобразовательных учреждениях. На формирование отношения к детям мигрантов в школах оказывают влияние различные факторы: педагогический состав школы, особенности системы управления в школе, миграционная и образовательная политика России, общественное мнение о мигрантах в обществе. Общеобразовательные учебные заведения нередко самостоятельно определяют, что делать с возникающими проблемами у детей мигрантов, не учитывая специфику проблем данной категории детей, что может привести к социальной изоляции мигрантов в детских и подростковых коллективах. В этой связи необходима продуманная социальной работа в данной сфере.

В целом социальная работа в миграционной сфере включает следующие меры:

- регистрация мигрантов, постановка их на учет в органы социальной защиты населения;

- реализация социально-психологической адаптации;

- оказание помощи в решении социальных проблем мигрантов;

- организация санитарно-эпидемиологического надзора за условиями проживания мигрантов.

Определенное влияние на проблемы мигрантов оказывают и СМИ, так как проблема становится общественной тогда, когда она начинает широко обсуждаться, и роль СМИ в этом процессе значительна. В настоящее время образ «мигранта» у большинства граждан ассоциируется с негативными событиями, происходящими в нашей стране. Это связано с тем, что публикации и телевизионные программы о мигрантах чаще затрагивают такие темы, как криминал, беспорядки. Посредством СМИ создается стереотип мигрантов, который включается в себя такие аспекты, как неопрятный внешний вид; наличие опасных инфекционных заболеваний; отсутствие образования и профессиональной квалификации; плохое знание русского языка; выполнение самой тяжелой и грязной работы. Сложившийся стереотип мигрантов определяет отношение к ним принимающего общества, что затрудняет социальную адаптацию иностранных граждан.

Важным в разрешение проблем мигрантов является привлечение внимание общественности, которая выражается, в частности, в благотворительной деятельности. На территории России есть различные фонды, направленные на помощь мигрантам. Например, Калужский благотворительный фонд «Жизнь». Также в России стартовал проект «Благотворительная Россия», в котором наряду с государственными органами и некоммерческими организациями, активное участие принимают национальные общественные организации, активно помогающие мигрантам в их социальной адаптации.

Оценивая перспективы миграционной политики в РФ и проблемы социальной работы с мигрантами, необходимо отметить, что в настоящее время возможна одна из четырех моделей отношения к миграции и мигрантам. Первая основывается на том, что мигранты стране не нужны; вторая модель выступает за привлечение иностранной рабочей силы, обладающей квалификацией среднего уровня. Третья модель отстаивает за привлечение иностранных студентов, квалифицированных работников и их семей, развитие системы образования для мигрантов. Наконец, четвертая модель – за активное привлечение всех мигрантов и их семей к трудовой деятельности на территории РФ. В зависимости от того, какая из моделей будет реализована в России, будут определены и особенности социальной работы с мигрантами, ее основные принципы, направления. Вместе с тем, исходя из собственных принципов гуманизма и

универсальности социальной помощи, независимо от принятой модели, социальная работа всегда будет стремиться оказывать помощь тем, кто в ней нуждается – независимо от национальной принадлежности и наличия гражданства.

КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ?

Мурзина Дарья Васильевна,
студентка 3 курса факультета истории и права
Шадринского государственного педагогического института

Научный руководитель:
Булычева Елена Сергеевна,
преподаватель кафедры правовых дисциплин
Шадринского государственного педагогического института

Одной из основных проблем нашего общества является пристрастие к алкоголю и курению. Образ курящего и пьющего человека мы видим в кино, в музыке, в литературе. И практически всегда он притягателен. В популярном российском сериале "Универ" по ТНТ серии через одну завершаются распитием спиртных напитков. Все это происходит на фоне обширно декларируемой борьбы с алкоголизмом и табакокурением.

В России курит половина взрослых мужчин, пытаются догнать их и женщины. Что катастрофично - к этой вреднейшей привычке все чаще имеют пристрастие дети и подростки, даже в 10-12-летнем возрасте. Статистика свидетельствует: треть умерших от сердечно-сосудистых заболеваний - жертвы курения[1].

То, что курение вредно для здоровья, общепризнанно. Не случайно в США и во всех западноевропейских странах ведется упорная антиникотиновая пропаганда. И уже есть результаты - курение перестает быть модой.

Антитабачная агитация, рост благосостояния и заботы людей о своем здоровье привели к тому, что осведомленность о вреде курения в российском обществе выросла. Как посчитали аналитики TNS, за последние 10 лет число курящих горожан старше 18 лет в России снизилось на 2,4 млн. человек. Другое исследование компании Nielsen Россия свидетельствует о падении розничных продаж сигарет по итогам кризисного 2009 года на 5%. Однако, ситуация по-прежнему критичная[2].

Федеральный закон «Об ограничении курения табака», принятый 10 июля 2001 г. № 87-ФЗ, предусматривает достаточно либеральный подход в борьбе с курением, поэтому принимаемых мер явно недостаточно. Статья 6 данного Федерального закона запрещает курение на рабочих местах, в городском и пригородном транспорте, на воздушном транспорте при продолжительности полета менее трех часов, в закрытых спортивных

[1] Батищева Г. Выбираем смерть? // Сургутская трибуна. – 2011. – 19 января.
[2] Евстигнеева Е. Бороться с курением будут рублём [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.bigness.ru/articles/2010-07-09/kurenie/112532. Дата обращения 10.03.2011.

сооружениях, организациях здравоохранения и культуры, на территориях и в помещениях образовательных организаций, в помещениях, занимаемых органами государственной власти, за исключением курения в специально отведенных местах. На работодателя возлагается обязанность оборудовать такие места, в противном случае ему грозит административная ответственность.

Но если в европейских странах такой способ борьбы частично сработал, то россияне на него попросту не обратили внимания. Поэтому 31 августа 2006 г. в России была создана Национальная антитабачная коалиция «За присоединение России к Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака», целью которой выступило объединение усилий ведущих общественных организаций, ставящих своей задачей сохранение здоровья нации, и добиться присоединения России к вышеуказанной конвенции, принятой международным сообществом еще в 2003 г. Россия откладывала присоединение к Конвенции до апреля 2008 г., став 157-й страной - участницей договора[1]. Среди мер, оговоренных в документе - ограничение рекламы табачных изделий, более жесткие требования к их маркировке, запрет на курение в общественных местах, запрет продажи сигарет несовершеннолетним, увеличение табачных акцизов.

В декабре 2008 г. российские власти одобрили новый технический регламент на табачную продукцию[2], среди прочего обязывающий производителей с 26 июня 2010 г. писать на пачках большими буквами надписи в черной рамке «Курение убивает». Дополнительная надпись о вреде курения «Курение вызывает болезни сердца» или «Курение может вызвать бесплодие» (всего 12 возможных вариантов) должна занимать не менее половины площади обратной стороны пачки. Но и эти надписи на курильщиков почти не действуют.

Хотя в целом, антитабачные нормативы в нашей стране уже существенно приблизились к нормативам, введённым Евросоюзом и США, российский законодатель не принимает действительно жестких мер по борьбе с курением. Даже инициатива Минздрава печатать на сигаретных пачках вместе с надписями фотографии поражённых табаком органов, не была реализована.

Тем не менее было бы разумным рассмотреть опыт ряда зарубежных стран, борющихся с курением достаточно неожиданными средствами: так, в Чили на каждой пачке сигарет ровно половину занимает фотография заядлого курильщика дона Мигеля, который за 20 лет непрерывного употребления табака заработал дырку в горле. Шокирующие фотографии

[1] Рамочная конвенция Всемирной организации здравоохранения по борьбе против табака (Женева, 21 мая 2003 года)

[2] Федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 2008 г. N 268-ФЗ "Технический регламент на табачную продукцию" // Российская газета. –2008. – 26 декабря.

размещены на сигаретных пачках в Канаде: курильщик должен достать сигарету из гнилого рта, нарисованного на пачке.

Одним из пунктов первой в России концепции государственной антитабачной политики на 2010-2015 годы[1], разработанной в соответствии со статьей 5 Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака, является защита россиян от пассивного курения.

Одной из основополагающих мер, которые могут помочь искоренить курение является существенное повышение стоимости этого занятия.

Минфин России предложил ежегодное увеличение цен на сигареты в 2011-2013 годах на 30 процентов за счет увеличения акцизов. В 2010 г. акциз на сигареты с фильтром составлял 205 рублей за тысячу штук, а адвалорная (начисляемая на стоимость продукции) ставка акциза была равна 6,5 процента. Предполагается, что в 2011 г. аналогичные показатели составят соответственно 250 рублей и 7 процентов.

Например, в Евросоюзе действует минимальный налог - акцизы на табак должны быть не меньше 1,28 евро с пачки. В России нас акциз ниже в десять раз - 5 руб. с пачки. Получается, чтобы догнать остальные страны и вытянуть россиян из «никотиновой ловушки», надо повышать акцизы на 1000%, а акцизы повышаются ежегодно лишь на 20-30%.

Думается, что эти финансовые меры будут более эффективны в борьбе с табакокурением, а российская казна получит дополнительно 170 млрд. руб. в год.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что борьба с социально опасным злом в России, коим является курение, не может быть либеральной. Необходимы жесткие и императивные меры.

[1] Концепция осуществления государственной политики противодействия потреблению табака на 2010 — 2015 годы УТВЕРЖДЕНА распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2010 г. № 1563-р

ГРУППОВАЯ ПСИХОСОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА И ЕЕ ПОМОЩЬ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

Пролубникова Дарья Сергеевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Жижко Елена Валерьевна,
к.с.н., доцент, заведующая кафедрой
теории и методики социальной работы,
Юридического института
Сибирского федерального университета

На сегодняшний день проблема социализации женщин становится весьма актуальной. Женщины - это особая социально-демографическая группа. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., они составляют более 53,4% всего населения РФ[1]. Их жизнедеятельность отличается конкретными социальными функциями, включая все сферы отношений в обществе.

Женщины отличаются специфическими чертами характера, особым духовным обликом. Они выполняют роль и труженицы, и матери. В настоящее время растет число женщин, занятых в политической сфере и в сфере управления. Женщины испытывают на себе такие негативные явления со стороны окружающих, как жестокость; малая оплата труда; на них ложится сложность совмещения работы и ухода за детьми - двойная занятость.

На сложное положение женщин также влияет современная экономическая обстановка в стране. Сегодня женщины испытывают огромные трудности во время вхождения в социум, и им требуется комплексная социальная помощь. Следовательно, они становятся объектом социальной работы и находятся под пристальным вниманием социальных служб. Актуальность групповой работы с женщинами в сфере социальной защиты в условиях современной российской действительности не нуждается в аргументации. В ее основу сегодня берутся научно-теоретические подходы, методы и принципы, которые являются достоянием мирового практического опыта работы в сфере социальной защиты и политики. Создаётся и начинает приносить свои плоды широкая сеть социальных услуг, ориентированных на практическое разрешение социальных проблем женщин. Однако в этом деле новая роль отводится

[1] Зуйкова Е.М. Феминология и гендерная политика. – М., 2009. - С.80.

самим женщинам - тем, кто активно стремится осознавать ресурсы собственной личности, окружающую действительность и изменять условия своей жизнедеятельности таким образом, чтобы переживать чувство собственного достоинства и удовлетворенности жизнью.

Можно выделить даже некий тип современной активной российской женщины, отличающейся довольно высоким уровнем невротизации, но стремящейся к самоосуществлению вопреки сдерживающим ее развитие социально-бытовым и социально-психологическим условиям.

Прежде всего, она имеет следующие особенности: это женщина с высоким уровнем развития рефлексии; это женщина, владеющая элементарными навыками тайм-менеджмента, то есть способная планировать свою жизнь и выделять время на саморазвитие, оставаясь в одиночестве и посещая группу себе подобных; это женщина, заинтересованная в собственном благополучии и развитии; это женщина, способная и желающая вкладывать силы и средства в свое образование и самоосуществление;

Они нуждаются в социальной поддержке. Их легко поддержать, потому что они сами ищут условия своего развития и возможности завязать плодотворное сотрудничество. Общественные изменения российской действительности стимулируют их деятельность, которая носит многоаспектный характер: женщины создают группы по профессиональным, творческим, деловым, коммерческим, предпринимательским, благотворительным и другим признакам. Женские организации в России постепенно становятся органическими элементами социальной структуры.

Сегодня наиболее влиятельной организацией по-прежнему остается «Союз женщин России». Предполагается, что это общественное женское движение плюс государственная поддержка женщин в условиях института социальной работы в РФ позволят современным российским женщинам максимально совмещать домашнюю работу и профессиональную или общественную деятельность. Для этого в распоряжении женщин должен быть весь арсенал форм и методов социальной работы.

Отечественные специалисты социальной работы сегодня - это в основном женщины. Они обладают мощным побуждающим и просветительским потенциалом, необходимым для профессиональной деятельности по развитию самосознания своих клиенток. Особенно эффективной в этом отношении представляется групповая психосоциальная работа с женщинами.

Цель женской психотерапевтической группы - раскрытие, анализ, осознание и переработка проблем женщин, проявляющихся в их внутриличностных и межличностных конфликтах; коррекция неадекватных отношений, установок, эмоциональных и поведенческих

стереотипов на основе анализа и использования межличностного взаимодействия.

Учитывая три плоскости ожидаемых изменений (когнитивную, эмоциональную и поведенческую), более конкретные задачи, решаемые в ходе общения и взаимодействия в женской терапевтической группе, можно сформулировать следующим образом: 1. Познавательная сфера: - условия общения и взаимодействия должны быть таковы, чтобы женщина осознала: а) существующие разногласия между собственным образом «я» и восприятием себя другими; б) внутренние психологические проблемы и конфликты; в) более глубокие причины переживаний, способы реагирования, начиная с детства, а также условия и особенности формирования системы отношений; г) собственную роль, меру своего участия в возникновении и сохранении конфликтных и психотравмирующих ситуаций, а также то, каким путём можно было бы избежать их повторения в будущем. 2. Эмоциональная сфера: - группа помогает женщине: а) получить эмоциональную поддержку со стороны группы, что приводит к ощущению собственной ценности, ослаблению защитных механизмов, росту открытости, активности и спонтанности; б) пережить в группе те чувства, которые она часто испытывает в реальной жизни, воспроизвести те эмоциональные ситуации, которые были у неё в действительности и с которыми она не смогла справиться; в) научиться искренности в отношении к себе и другим людям; г)стать более свободной в выражении собственных негативных и позитивных чувств; д)раскрыть свои проблемы с соответствующими им переживаниями.

В целом задачи относительно гармонизации эмоциональной сферы женщины охватывают следующие основные аспекты: получение эмоциональной поддержки и формирование более благоприятного отношения к себе; непосредственное переживание и осознание нового опыта в группе и самой себя; точное распознавание и вербализация собственных эмоций; переживание и осознание прошлого эмоционального опыта и получение нового эмоционального опыта в группе для решения своих проблем.

3. Поведенческая сфера, находящая проявление и осмысление в условиях группового общения, способствует тому, что женщина может:

- увидеть собственные неадекватные поведенческие стереотипы; - приобрести навыки более искреннего, глубокого и свободного общения; - развивать формы поведения, связанные с сотрудничеством, взаимопомощью, ответственностью и самостоятельностью; - закрепить новые формы поведения, в частности те, которые будут способствовать адекватной адаптации и функционированию в реальной жизни.

Таким образом, усилия женской группы фокусируются на осмыслении и развитии трех составляющих самосознания:

- самопонимания (когнитивный аспект);
- отношения к себе (эмоциональный аспект);
- саморегуляции (поведенческий аспект).

Это позволяет определить общую цель групповой психосоциальной работы как расширение сферы самосознания женщины, позволяющей ей активно использовать свой потенциал для решения проблем различного характера.

Несмотря на разнообразие технологий, методик и форм социальной работы с женщинами, к сожалению, нельзя констатировать позитивные изменения их социальной ситуации. Поскольку социальные проблемы женщин ассоциированы с проблемами их семьи, детей, тесно переплетены с социальными проблемами других социально-демографических категорий населения, всего общества в целом, они не могут быть решены путем отдельного воздействия на каждую из этих категорий, тем самым возрастает необходимость активного использования групповой психосоциальной работы с женщинами как способа активизации их потенциала для решения проблем.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

Пузырева Татьяна Геннадьевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Рузанов Валерий Иванович,
к.ф.н., доцент кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

Начиная с конца 80-х годов, численность населения пожилого возраста в Российской Федерации неуклонно растет. Так в 1989 году число лиц в возрасте от 55 до 59 лет составило 8399 человек, а от 70 лет и более – 9646 человек, а в нынешнем 2010 году лица в возрасте от 55 до 59 лет составляют 9748 человек, а в возрасте от 70 лет и более – 13811 человек.[1] В настоящее время почти каждый восьмой россиянин, а это 12,9% жителей страны, находится в возрасте 65 лет и старше. Согласно международным критериям, население считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и более превышает 7%. Очевидно, что в ближайшие годы эти показатели будут неуклонно расти. При этом с каждым годом будет увеличиваться не только общая численность самих пожилых граждан на территории РФ, но и тех, кто нуждается в постоянной посторонней помощи и социальных услугах в целом.

Следует отметить, что наличие различного рода ограничений и проблем, связанных со старением и инвалидностью пожилых людей, нередко сопровождаются снижением уровня их социальной активности, потерей социальных связей, а в некоторых случаях, почти полной изоляцией от общества. Поэтому перед социальной работой стоит задача сделать жизнь пожилого человека достойной, насыщенной активной деятельностью и радостью, избавить его от чувства одиночества, отчуждённости, восполнить дефицит общения. Существующая система социальной защиты и социального обслуживания пожилых граждан отчасти снимает остроту данной проблемы. Однако предоставляемая социальная помощь и услуги носят преимущественно материальный, финансовый характер и реже – психологический или культурно-

[1] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru

досуговый. В то же время ослабление социальных связей пожилых людей, сужение круга общения делают очень острой проблему социально-культурной реабилитации пожилых людей.

Определенные мероприятия по социокультурной реабилитации граждан пожилого возраста в настоящее время осуществляются в различных социальных учреждениях г. Красноярска. К таким учреждениям относятся: комплексные центры социального обслуживания населения; центры социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов; центры (отделения) социальной помощи на дому; геронтологические центры; дома ночного пребывания; специальные дома для одиноких престарелых; дома-интернаты для престарелых и инвалидов. Отметим, что деятельность данных учреждений направлена в первую очередь на оказание социально-бытовой, медицинской, социально-реабилитационной помощи.

Во многих центрах существуют социально-реабилитационные отделения, функция которых заключается не только в поддержании у пожилых граждан возможностей реализации жизненно важных потребностей путем укрепления их здоровья, повышения физической активности, нормализации психического статуса. Среди функций этих отделений – организация досуга, проведение оздоровительно-реабилитационных мероприятий, санитарно-просветительской работы с целью решения вопроса возрастной адаптации.

Помимо социальных учреждений в городе Красноярске существует ряд культурных учреждений, которые осуществляют социокультурную реабилитацию и предоставляют социально-культурные услуги пожилым людям. Во-первых, это Городские Дворцы культуры, где существуют клубы здоровья, клубы прикладного искусства, собственные кинотеатры, различные группы здоровья, хоры, танцевальные кружки и многое другое. Во-вторых, Центральная городская библиотека им. А.М. Горького, при которой работают историко-патриотическое общество «Краевед» и историко-родословное общество (ИРО), участниками которых в том числе являются лица пожилого возраста.

В каждом районе города Красноярска существуют филиалы Центральной библиотеки им. А.М. Горького, которые оказывают социокультурные услуги лицам пожилого возраста. В библиотеке им. К.Г. Паустовского функционирует клуб «Золотая осень», в Железнодорожном районе в библиотеке им. А.Т. Черкасова – клуб для старшего поколения «Бегом от старости», в Свердловском районе, в библиотеке им. И.С. Тургенева – клуб «Здоровье», в Октябрьском районе, в библиотеке им. А.А. Блока – клубы «Дачники» и «Встреча», в Кировском районе, в библиотеке – клуб «Ветеран», в Ленинском районе в библиотеке им. А.С. Пушкина – клуб «Блокадник», в библиотеке им. Т.Г. Шевченко – клубы

«Ветеран» и «Зимняя вишня», в библиотеке им. А.А. Фадеева – клуб «Встреча», в библиотеке им. М.А. Булгакова – клуб «Ветеран», в Советском районе, в библиотеке им. М.А. Шолохова – клуб «Сударушка», в библиотеке им. М.А. Светлова – клуб «На огонек».

Исходя из вышеизложенного, хотелось бы отметить, что описанные учреждения нашего города предоставляют широкий спектр социально-культурных услуг, которые удовлетворяют потребности граждан пожилого возраста в социокультурной реабилитации. Однако в этой сфере остаются нерешенные острые проблемы. Во-первых, данных учреждений явно недостаточно и они не могут охватить всех нуждающихся пожилых граждан, число которых растет год от года. Во-вторых, существуют определенные сферы культурно-досуговой деятельности, от которых пожилые люди оказываются отчуждены.

Эти выводы подтверждаются данными исследования, проведенного автором. В процессе опроса, проведенного среди пожилых людей – жителей г. Красноярска, нами было выявлено, что большинство из них выбирают пассивные формы досуга, которые, к тому же, не инициируют общения. Так, большинство респондентов (98%), предпочитает просмотр телевизора и слушание радио, чтение литературы (75%), рукоделие (57%), просмотр видеофильмов, и лишь на последнем месте пожилые граждане указали занятие спортом (5%) и посещение кинотеатров (3%). Причин этому несколько. Во-первых, предпочитаемые ими виды досуга являются наиболее доступными и распространенными, во-вторых, занятия спортом нередко предполагают материальные затраты, а о существовании специальных групп здоровья, пожилые люди зачастую ничего не знают.

Всем знакома картина, как в европейских городах пожилые люди коротают время в небольших кафе и ресторанчиках, где они не просто обедают, или ужинают, но и общаются с другими людьми. У жителей же нашего города походы в кинотеатры, театры, кафе и рестораны сводятся к одному разу в год, либо к полному непосещению данных заведений вообще. Основную причину, которую называют пожилые – материальные трудности. Существующий позитивный опыт в данной сфере пока что недостаточно рекламируется и распространяется. Так, в Красноярске некоммерческий кинотеатр «Дом Кино» предлагает широкий репертуар, рассчитанный, в том числе и на старшее поколение. Здесь ежегодно осуществляются социальные проекты «Час народного кино» и «Золотая осень», а также показы, приуроченные к юбилейным датам. Но зачастую лица пожилого возраста не знают о проведении таких мероприятий. На вопрос: «Устраивает ли Вас репертуар в кино?» 88% респондентов ответили «не знаю». Это говорит о том, пожилые граждане мало информированы о предоставлении социально-культурных и досуговых услуг.

О существовании физкультурно-оздоровительных групп из числа опрошенных нами знают только 4% пожилых и лишь 18% занимаются спортивно-оздоровительными мероприятиями самостоятельно. 91% не участвуют в работе коллективов художественной самодеятельности. Это говорит не только о нехватке времени у лиц пожилого возраста, но и о недостаточной информированности самих пожилых людей и о недоступности информации о подобных услугах в целом.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, что пожилые люди, как особая группа населения, нуждаются в социокультурной реабилитации, поскольку условия для проявления их активности сведены к минимуму. Социально-культурная реабилитация граждан пожилого возраста представляет собой серьезную проблему. Ее решение должно строиться на основе взаимодействия социальных служб, учреждений культуры с различными общественными организациями, Советами ветеранов. Необходимо создать условия, когда каждый пожилой гражданин мог бы активно проявлять себя в различных видах социальной деятельности, включая культурно-досуговую сферу, которая для пожилых граждан становится ведущей в силу неучастия их в социально-трудовых отношениях.

ПРОБЛЕМА ЗАНЯТОСТИ МОЛОДЕЖИ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

Рипская Светлана Григорьевна,
студент 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Хохлова Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

В настоящее время одной из наиболее острых социальных проблем общества является проблема безработицы выпускников профессиональных учебных заведений. Молодежный рынок труда характеризуется негативными тенденциями: растут масштабы регистрируемой и скрытой безработицы среди молодежи, увеличивается ее продолжительность.

Трудоустройство молодежи является сложной и актуальной проблемой, так как спрос на молодую рабочую силу, не имеющего опыта работы, дополнительных навыков невелик. Так, все причины невозможности трудоустройства молодежи можно условно разделить на три группы. К первой группе можно отнести сложившиеся стереотипы у работодателей о молодом специалисте. В настоящее время отмечается несоответствие уровня квалификации выпускников требованиям работодателей – отсутствие опыта принятия самостоятельных решений, недостаток знаний, необходимых для работы в рыночных условиях, отсутствие практических навыков по полученной профессии.

Вторая группа характеризуется *необоснованными представлениями молодежи о путях адаптации в сфере труда и занятости*. Это проявляется в выборе будущей профессии, а в дальнейшем — в определении перспектив собственного трудоустройства. Выбор специальности, по которой будет осуществляться обучение, часто делается абитуриентом исходя из идеальных представлений о будущей работе, а не в результате анализа реальной ситуации на рынке труда.

К третьей группе относится причина *падение престижа производительного труда для значительной части молодых людей*. Наибольшим спросом у молодежи пользуются профессии гуманитарной направленности. Таким образом, происходит падение престижа профессий технической направленности.

Все эти причины ведут к невозможности трудоустройства молодежи. Решение проблемы трудоустройства ложатся на плечи не только самой

молодежи, как заинтересованного объекта в этом, но и на плечи государственных и негосударственных учреждений.

Рассматривая пути трудоустройства молодежи, нужно отметить деятельность Кадровых агентств. Основными отличительными чертами частных кадровых агентств от государственных Центров является то, что их деятельность осуществляется на платной основе, т.е. соискатели за подобранною работу платят определенную сумму. Но агентства также практикуют поиск специалистов по заказу предприятия, тогда плата берется с предприятия. Такая форма работы является более приемлемой, так как идет трудоустройство специалистов с высокой профессиональной квалификацией, а также гарантированное трудоустройство на постоянную работу.

Второй отличительной чертой кадрового агентства является работа по заявительному принципу без разработки каких-либо специальных программ. Поиск работы осуществляется для каждого клиента индивидуально.

В работе кадровых агентств появились новые методы трудоустройства граждан. Это трудоустройство на временную работу, а также на работу, где используется вахтовый метод. Данный вид работы является хорошей базой для получения опыта и стажа работы, что в современном мире очень актуально для молодых специалистов.

Одним из способов трудоустройства молодых специалистов является обращение в государственные Центры занятости населения (ЦЗН). Основными видами деятельности Службы занятости является поиск подходящей работы гражданам, состоящим на учете. Но также предоставляются другие виды услуг, а именно проведение частичного мониторинга рынка труда, информирование граждан о состоянии рынка труда, проведение профориентационной работы.

Для эффективного трудоустройства молодых граждан ЦЗН разрабатывает специальные программы. Одной из таких программ является «Первое рабочее место». Данная программа предполагает взаимодействие с работодателями для того, чтобы предприятие само могло формировать свой кадровый резерв. Существенными преимуществами для молодежи от реализации данной программы является то, что молодой человек получает практический опыт, а также может зарекомендовать себя как высококлассный специалист по полученной профессии, что в дальнейшем может послужить для трудоустройства молодого специалиста. Но данная программа не затрагивает такую категорию молодых, как выпускников ВУЗов.

В рамках профориентанционной работы данного направления ЦЗН организовывает ярмарки вакансий, которые содержат полную информацию о наличии вакантных рабочих мест. Таким образом,

происходит информирование населения о состоянии рынка труда. Также существуют периодически проводимые мероприятия в рамках профориентанционной работы (Краевой профориентационный фестиваль «ПрофYESиЯ: ориентиры молодым»).

Таким образом, Центр занятости населения реализует одно и главных направлений Государственной молодежной политики – профориентация, трудоустройство и занятость молодежи.

В работе районных Центров занятости можно выделить несколько проблем. Так, вся работа в районных Центрах занятости не разделяется на категории населения, т.е. все нуждающиеся получают помощь от одних и тех же специалистов. Но потребности у категорий населения различные, в том числе и в поиске работы, в условиях труда, а также и в уровне запрашиваемой заработной платы. В связи с этим в каждом районном отделении Центра занятости возможно специализация работы специалистов на конкретные категории граждан. Они будут четко изучать трудовые потребности различных категории граждан, что позволит более эффективно содействовать в поисках подходящей работы, в том числе и для молодого поколения.

Другой проблемой является то, что в обществе существует стереотип относительно деятельности Центров занятости: она расценивается как поиск низкоквалифицированной работы. Это связано с тем, что работодатели в поисках высококвалифицированного специалиста чаще обращаются в агентства по подбору персонала либо ищут через подачу объявления в СМИ. Таким образом, специалистам ЦЗН следует налаживать контакты с потенциальными работодателями, предоставлять им гарантии в том, что Центр найдет подходящего специалиста. Это поможет решить такую проблему, как нежелание обращения молодых людей за помощью в трудоустройстве в государственные ЦЗН.

Работа по эффективному трудоустройству молодых специалистов должна начинаться со школьных учреждений и продолжаться в средних специальных (СУЗах) и высших учебных заведениях (ВУЗах), т.е. должно вестись профессиональное сопровождение молодежи. Такая работа позволит правильно и быстро сориентироваться молодежи в выборе профессии по своим интересам и способностям. Профессиональное сопровождение молодежи осуществляется в два этапа: первый начинается в школе, где проводиться работа по выявлению способностей и интересов старшеклассников, знакомство с профессиями и их спецификой, а также помощь осуществляется в выборе дальнейшего учебного заведения и в поступлении туда. Второй этап осуществляется в ВУЗах и СУЗах в бизнес – Центрах: студентам дается возможность на практике прочувствовать выбранную специальность. Специалисты бизнес – Центров взаимодействуют с потенциальными работодателями и предлагают им

подобрать подходящего будущего работника. В данных Центрах должны работать различные специалисты, которые знакомы со спецификой различных факультетов своего учебного заведения.

В данном же направлении сможет осуществлять свою деятельность предложенный мною Центр мониторинга рынка труда и образовательных услуг. Данный Центр будет осуществлять мониторинг перспективных профессий, свободных вакансий и уровня заработной платы; вести рейтинг предприятий и учебных заведений региона, а также осуществлять всевозможные опросы населения на темы профориентации, занятости и трудоустройства. Вся полученная информация будет публиковаться на сайте, а также дублироваться в местных СМИ.

На мой взгляд, решение вышеуказанных проблем предложенными способами будет способствовать эффективному трудоустройству молодых специалистов.

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МОЛОДЕЖЬЮ

Филишкан Олеся Валерьевна,
студентка 5 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Хохлова Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

Решение проблем, которые в настоящее время волнуют все человечество неразрывно связано с молодежью. От того, как будет жить сегодняшняя молодежь, и та, которая придет ей на смену, зависят пути и формы развития всего мира. Вопросы о будущем и настоящем современной молодежи встает очень остро на сегодняшний день. Оградить человека от взаимодействия с факторами, неблагоприятно воздействующими на его психику и формирование ориентиров, невозможно. Необходимо создание у самой молодежи социального и культурного ресурса противодействия асоциальному влиянию. С этой целью было разработано такое направление как социальная работа с молодежью.

Е.Г. Слуцкий говорит о том, что социальная работа с молодежью – специфический вид профессиональной деятельности, направленной на улучшение качества молодежной популяции, осуществляемой государственными, муниципальными, коммерческими и общественными организациями, а также отдельными гражданами.[1] Роль социальной работы очень важна для молодежи, она направлена на непосредственное взаимодействие с сами представителями молодежи.

Основными целями социальной работы с молодежью являются:

- создание системы социального обслуживания молодежи как целостной государственно-общественной системы социально-психологического сопровождения человека;
- выявление факторов, обусловливающих развитие асоциального поведения несовершеннолетних и молодежи;
- оказание экстренной помощи несовершеннолетним и молодежи, оказавшимся в тяжелой жизненной ситуации;

[1] Ювенология и ювенальная политика в 21 в. / под. ред. Е.Г. Слуцкого.- СПб: Знание, 2004. - С. 536.

•увеличение степени самостоятельности клиентов, их способности контролировать свою жизнь и более эффективно разрешать возникающие проблемы.[1]

При достижении всех целей достигается конечный ожидаемый результат, когда у клиента отпадает необходимость в помощи социального работника, поэтому работник, осуществляя эти цели, должен помнить, что нужно помогать клиенту психологически, так что бы он впоследствии не зависел от посторонней помощи.

Сфера деятельности социальной работы обширна и разнообразна она включает в себя ряд смежных направлений одно из них это социальная защита - комплекс государственных мер социально-экономического и правового характера по обеспечению гарантированного государством минимального экономического норматива для различных категорий молодого поколения. Следующим является социальная помощь молодому поколению. Она заключается в заботе государства и общества о молодых гражданах, нуждающихся в помощи, содействие в связи с возрастом, состоянием здоровья, социальным положением. Социальная педагогика-третье смежное направление социальной работы с молодежью. Она охватывает не только сферу помощи нуждающимся молодым людям, но и процессы их социализации, социальной профилактики и воспитания.

Как известно, социальная работа с любой нуждающейся в ее помощи категорией осуществляется в различных учреждениях. Важную роль в социальной работе с молодежью играют Молодежные центры. Направления их деятельности можно рассмотреть на примере МУ «Молодежный центр Октябрьского района».

Молодежный центр - территория инициативной и активной молодежи. Это место, где молодые люди от 14 до 30 лет могут развивать свои творческие, организаторские, коммуникативные способности, включаться в жизнь Красноярска, отдыхать с пользой. Работа центра заключена в нескольких направлениях, а также в многочисленных проектах, которые реализует молодежь района и города. Целью данного учреждения является поддержка молодежных инициатив и предоставление молодежи разнообразных социальных практик.

Молодежный центр Октябрьского района является одной из самых перспективных и развитых площадок для самореализации молодежи в городе Красноярске. Приходящие в Центр студенты и школьники могут не только стать участником существующего направления деятельности, но и создать свое. Знания, навыки и умения, которые можно получить в данном учреждении, крайне необходимы для успешной жизни. Построение карьеры, ведение бизнеса, навыки организации и управления все это и не

[1] Социальная работа: теория и практика/под. ред. Е.И Холостовой.-М.: ИНФРА-М, 2001.-С. 230

только можно получить в процессе своей самореализации в интересных направлениях.

Данное учреждение имеет следующую структуру:

- Красноярский студенческий клуб (КСК) — молодежное объединение, позиционирующее себя как площадка для объединения инициативных студентов в возрасте от 16 до 30 лет для реализации их проектных идей.
- «Школа молодого предпринимателя» на постоянной основе осуществляет подготовку молодежи к предпринимательской деятельности, а так же информационную поддержку руководителей и сотрудников субъектов малого и среднего предпринимательства.
- Социально-правовой отдел «Стрит-индустрия» обеспечивает создание социально-правового, социально-психологического сопровождения несовершеннолетних и молодежи.
- Творческий отдел «Хип-хоп Лаборатория» развивает хип-хоп культуру в Красноярске.
- Трудовой отряд Главы города Красноярска в Октябрьском районе был создан с целью трудового воспитания и организации временной занятости несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет.
- Отдел по правовым и кадровым вопросам.[1]

Деятельность Молодежного центра является действительно востребованной, его помощь в самореализации молодых граждан охватывает различные сферы их жизнедеятельности.

При проведении опроса студентов, участников студенческого клуба Молодежного центра, было выявлено, что в Центре существуют множество проблем. Молодые люди отметили такие проблемы как отсутствие индивидуального подхода к участникам проекта, большинство проводимых мероприятий ориентировано на группу, а не на личность; недостаток квалифицированных специалистов, а именно по социальной работе с молодежью, большинство работников имеют педагогическое, психологическое образование и возникают проблемы оценки эффективности проведенной работы.

Студенты, участвовавшие в опросе, предложили способы совершенствования Центра. Одним из таких предложений было создание, на базе данного учреждения, школы подготовки к браку, в рамках которой проводились бы лекции и консультации по данному направлению. Проведение таких мероприятий уменьшило бы нагрузку на единственный в городе Центр планирования семьи.

[1] Молодежный центр Октябрьского района/www.KMForum.ru/directions/oct/

Так же, с целью совершенствования деятельность данного учреждения можно расширить круг лиц, которые могут получать помощь от молодежного Центра. Возможно проведение тренингов и консультаций для родителей трудных подростков, увеличения числа спортивных и творческих мероприятий для всей семьи, это способствовало бы улучшению взаимоотношений в ней. Ведь многие проблемы несовершеннолетних начинаются именно в семье. Актуальным направлением была бы помощь молодым инвалидам, проведение творческих конкурсов, размещение информации о реабилитации, помощь в получении образования и трудоустройстве, создание клубов по интересам для них. В реализации данного направления могли бы привлекаться студенты-волонтеры.

Таким образом, не смотря на проблемы в учреждениях осуществляющих социальную работу с молодежью, значимость социальной работы для современного общества велика, при ее продуктивной работе социум может получить перспективную, активную молодежь. Важно только создать необходимые условия для ее развития и помочь на этапе становления выбрать верный жизненный путь.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С МОЛОДЕЖЬЮ, ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩЕЙ С ДЕСТРУКТИВНЫМИ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ходоева Анна Сергеевна,
студентка 5 Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Хохлова Мария Михайловна,
старший преподаватель кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

В настоящее время молодые люди подвержены негативному воздействию со стороны деструктивных религиозных организаций; в итоге некоторые из них все-таки становятся жертвами сект. Исследователи в области сектоведения утверждают, что в наибольшей степени подвержены воздействию сект люди, которые психически не уравновешенные, погруженные в свои субъективные переживания; подростки, лица юношеского возраста. В таких случаях необходима помощь специалистов для вывода лица из секты и его последующей реабилитации, и адаптации в социуме. По состоянию на август 2008 года в России около 1 миллиона человек вовлечено в деструктивные и оккультные секты. К настоящему времени в России зарегистрировано более 20 тысяч религиозных организаций и около 60 различных теологических направлений[1]. Попав в секту, человек находится в состоянии эмоциональной зависимости от остальных адептов, безволия и зачастую теряет способность самостоятельного принятия решений.

Решение возникающих в молодежной сфере социальных проблем не может быть реализовано без организации социальной работы, разворачивания деятельности социальных служб для несовершеннолетних и молодежи. Одним из перспективных направлений социальной работы следует рассматривать профилактическую деятельность по предотвращению вступления молодежи в секты и непосредственно социальную работу по реабилитации лиц, ставших жертвами деструктивных культов. Данное направление социальной работы находится на этапе зарождения, хотя технологии и методы,

[1] Шишкина П.С. Секты: нет термина – нет проблемы. - http://www.sektoved.ru/news.

предусмотренные для оказания помощи и поддержки подобной категории, уже активно применяются на практике в рамках иных направлений профессиональной социальной работы.

Превентивная работа по предотвращению вовлечения молодежи в деструктивные религиозные организации состоит из следующих направлений: психопрофилактическое, внутрисемейное, правовое, информационное.

В рамках психопрофилактических мероприятий выявляются лица, в наибольшей степени подверженные психологическому давлению и воздействию; а также лица, страдающие психическими заболеваниями.

Е.Л. Мерзлякова и В.Э. Петухов полагают, что важным моментом в области профилактики психологической манипуляции является развитие у молодых людей навыков ассертивности (открытого конструктивного взаимодействия), рефлексии и критичности мышления[1]. Подобные навыки и умения совершенствуются при участии в тренинговых группах, выполнении специальных индивидуальных упражнений. Особенно эффективны групповые формы работы (тренинги) применяемые в комплексе.

Например, нами был составлен демонстрационный тренинг «Я уверен в себе», целевой аудиторией которого выступают старшие школьники (8-11 кл.), студенты ССУЗов, ВУЗов. В тренинге подобраны упражнения, направленные на формирование уверенного поведения участников тренинга посредством развития их коммуникативных навыков, построения конструктивных отношений с окружающими людьми для предотвращения вовлечения молодых людей в деструктивные религиозные культы. Данный комплекс упражнений позволяет участникам анализировать собственное поведение в группе, а также способствует успешному социальному функционированию личности и предотвращает развитие зависимого поведения. Тренинговое занятие состоит из 12 упражнений и 1 деловой игры, средняя продолжительность 3-4 часа. Количество участников тренинговой группы составляет 10-15 человек.

Внутрисемейное направление предполагает организацию и проведение тематических и психотерапевтических бесед с семьями в целях предотвращения внутрисемейных конфликтов. Одним из методов профилактики выступает разработка административных мер наказания, поскольку активная деятельность по распространению религиозных убеждений одних граждан влечет нарушение свободы вероисповедания и оскорбление религиозных чувств других граждан. Также актуален вопрос о необходимости разработки нормативно-правового акта федерального

[1] См.: Мерзлякова Е.Л., Петухов В.Э. Опыт профилактики культового влияния в национальной системе образования // Журнал практического психолога. – 2008. – №4. – С.62.

уровня, который бы ограничивал деятельность деструктивных религиозных организаций.

Информирование населения о существовании деструктивных сект, их воздействии на психоэмоциональное здоровье личности также является мерой превентивного характера. Молодежи следует знать, что может являться целью обращения в культ, и как суметь распознать деструктивную религиозную организацию уже при первом разговоре с вербовщиком на улице. Информирование молодежи должно осуществляться через средства массовой информации, издание информационных листовок, брошюр, проведение классных часов в общеобразовательных школах, а также лекций в средних и высших учебных заведениях. Нами был составлен образец информационной брошюры «Что такое СЕКТА?!». Данная брошюра освещает характерные признаки сект, особенности их деятельности и правила личной безопасности в случае встречи с вербовщиком секты. Информация, которая содержится в подобной брошюре, позволит распознать деструктивную религиозную организацию уже при первом разговоре с вербовщиком.

Также нами была разработана Программа профилактики вовлечения молодежи в деструктивные религиозные организации (для учащихся средних общеобразовательных школ) в г. Красноярске. Целью Программы является профилактика вовлечения учащихся средних общеобразовательных школ в секты. Программа предусматривает осуществление организационно-методических, образовательно-просветительских мероприятий, просветительской и консультационной работы с семьями молодых людей; а также мероприятия по обеспечению досуга и занятости молодежи и привлечение представителей общественности в процесс профилактики.

Социальная работа с молодежью, подвергшейся влиянию деструктивных культов, как направление деятельности окончательно не сформировалось. Не приняты единые правовые меры по ограничению деятельности тоталитарных культов, не разработана программа реабилитации жертв сект, не ведется учет лиц, нуждающихся в таком виде помощи. Активная деятельность в данной области ведется Православной Церковью. В епархиях, при монастырях действуют Центры реабилитации жертв нетрадиционных религий. Проблема становления такого направления профессиональной социальной работы связана с отсутствием единого федерального законодательства в области ограничения деятельности деструктивных религиозных организаций и с низким уровнем обращаемости лиц, подвергшихся воздействию деструктивных культов, в государственные центры социально-психологической помощи.

Основная цель профессиональной социальной работы в случае вовлечения человека в деструктивную религиозную организацию – это его полноценная интеграция в общество путем проведения комплекса реабилитационных мероприятий. Профессиональная социальная работа в перспективе позволит сохранить целостность культурных традиций, норм конкретного общества; молодежь избавится от части негативного воздействия, что будет способствовать успешному формированию жизненных ориентиров.

ПОНЯТИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Цепцова Дарья Сергеевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Кухаренко Анна Юрьевна,
к.ю.н., доцент кафедры трудового и экологического права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Определение понятия правоотношений в праве социального обеспечения является актуальным в связи с вопросом о месте ПСО в системе российского права. До сих пор не однозначна позиция авторов относительно того, является ли оно отраслью права, институтом или же комплексной отраслью. Характеристику категории «правоотношения» целесообразно проводить в сравнении с классическим общетеоретическим понятием правоотношений.

Согласно определению правоотношений, данному в теории государства и права, под правоотношениями следует понимать общественные отношения, участники которых имеют субъективные права и несут субъективные обязанности. Традиционно выделяют такие признаки правоотношений в теории государства и права как:

1. Правоотношения являются разновидностью общественных отношений;
2. Возникают на основе принципов и норм права;
3. Участники правоотношений имеют субъективные права и несут субъективные обязанности.;
4. Права и обязанности обеспечиваются обществом и государством.

Теперь проведем сравнительный анализ правоотношений в ПСО по признакам правоотношений в общей теории права. Правоотношения в ПСО, безусловно, являются видом общественных отношений, возникают на основе норм права (примером может служить Федеральный закон от 17.12.2001 N 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», Федеральный закон от 15.12.2001 N 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.07.1999 N 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» и многие другие акты), в соответствии с указанными нормативными актами участники этих правоотношений наделяются определенными правами, а в

случае использования потенциальной возможности обладать этими права, на них возлагаются определенные обязанности.

Таким образом, правоотношения в ПСО полностью отвечают признакам родового понятия правоотношений, данного в ТГП.

Что касается элементов правоотношений, то здесь вновь необходимо вернутся к общей теории права. Элементов любых правоотношений традиционно выделяют четыре: субъект, объект, юридические факты и содержание.

В теории государства и права **субъектов правоотношений** определяют как участников правоотношений. Субъектами правоотношения являются индивиды (физические лица) и организации. Указанные субъекты обладают правоспособностью, дееспособностью, деликтоспособностью. Субъекты в праве социального обеспечения полностью соответствуют понятию субъектов в ТГП, с единственной оговоркой – кроме физических лиц и организаций субъектами правоотношений в ПСО могут быть нетрадиционные субъекты, например, такие как семья. Этот субъект в частности появляется в таких правоотношениях как признание семьи малоимущей и выплата ей соответствующей компенсации.

Объект правоотношений. Согласно ТГП объект правоотношений - это то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности.

В юридической литературе существуют разные трактовки объекта правоотношения. Однако в ходе длительной дискуссии сложились в основном две концепции – монистическая (объектом выступают только действия субъектов, следовательно, у всех правоотношений единый, общий объект) и плюралистическая (объекты правоотношений столь же разнообразны, сколь многообразны регулируемые правом общественные отношения).

Объект правоотношений в ПСО различается в зависимости от принадлежности к тому или иному виду правоотношений в ПСО. Все отношения делятся на три вида: материальные, процессуальные и процедурные.

Объектом материальных правоотношений выступает реализация прав на данный вид обеспечения, т.е. получение его деньгами или в натуральной форме.

В процедурных правоотношениях объектом является юридическое действие по установлению права на данный вид обеспечения и назначение его или юридическое действие по установлению необходимого определенного юридического факта.

В процессуальных правоотношениях объектом является юридическое действие по рассмотрению спора в области социального обеспечения по поводу нарушенного права.

Следующий элемент это **юридические факты.** Юридические факты - это конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение и прекращение правоотношений.

Признаки юридического факта.

1. Это конкретные, индивидуальные обстоятельства;
2. Не всякие жизненные факты влияют на движение правоотношений, а лишь те, которые предусматриваются в нормах права и влекут за собой юридические последствия;
3. Зафиксированные в установленной законодательством процедурно-процессуальной форме;
4. Они вызывают предусмотренные законом правовые последствия.

Юридические факты в социальном обеспечении – конкретные жизненные факты, обстоятельства, закрепленные в законодательстве о социальном обеспечении как имеющие определенное правовое последствие для социального обеспечения по различным видам обеспечения. Факты-события в основном относятся к материальным правоотношениям, в то время как факты-действия в подавляющем большинстве случаев присутствуют в процессуальный и процедурных правоотношениях.

Кроме того, юридические факты в ПСО принято делить на три категории: правообразующие (обращение в уполномоченный орган за социальным обеспечением или за защитой), правоизменяющие (изменение сути обращения гражданина. Например, замена пенсии по старости на пенсию за выслугу лет) и правопрекращающие (рассмотрение обращения и принятие соответствующего решения).

Последний элемент правоотношений – **содержание**. Содержание правоотношения составляют субъективное право и субъективная обязанность. Содержание правоотношений в ПСО определяется в каждом конкретном случае индивидуально. За счет великого множества мер социального обеспечения вывести одно, подходящее ко всем видам, содержание не представляется возможным. Рассмотрение этого вопроса требует обращения к конкретному правоотношению.

Следует отметить, что для возникновения правоотношения необходимы некоторые предпосылки. В ПСО этих предпосылок три:

1. Юридические факты;
2. Норма права;
3. Правосубъектность.

Для возникновения правоотношения необходимо наличие всех трех предпосылок, исключение одной из них повлечет за собой невозможность реализовать свое право гражданину.

Подводя итог всему вышесказанному, можно вывести следующее определение правоотношений в праве социального обеспечения.

Правоотношения в праве социального обеспечения – это урегулированные нормами права фактические отношения по поводу предоставления денежных выплат, услуг, льгот, возникающие между государственными органами и физическими лицами, имеющими на них право.

ОПЛАТА ТРУДА РАБОТНИКОВ АППАРАТА СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА

Чекмарёва Полина Александровна,
аспирантка кафедры судебной и
правоохранительной деятельности
Костромского государственного университета
имени Н. А. Некрасова

Научный руководитель:
Шалумов Михаил Славович,
д.э.н., профессор, заведующий кафедрой судебной и
правоохранительной деятельности
Костромского государственного университета
имени Н. А. Некрасова

Научный подход к организации труда в аппарате судов общей юрисдикции позволяет соединить в процессе деятельности суда человеческие способности и технические возможности с организацией достижения целей правосудия уже имеющимися средствами системы судопроизводства с помощью существующих ресурсов (людей, денежных фондов, техники, информации и др.).

Одним из элементов научной организации труда является работа с аппаратом судов общей юрисдикции (подбор кадров, их расстановка, повышение квалификации) и стимулирование их мотивации к труду. При этом наряду с таким фактором, как оборудование и оснащение рабочего места всем необходимым для надлежащего выполнения должностных обязанностей, эффективность работы зависит от удовлетворенности служащих аппарата суда своим трудом, на которую влияет удовлетворенность материальным обеспечением и размером денежного содержания.

В настоящее время в системе федеральных судов сохраняется ситуация, когда уровень заработной платы работников аппарата суда, обеспечивающих судебную деятельность, не соответствует объему и сложности выполняемой ими работы. Это существенно снижает престиж работы в судебной системе, снижает авторитет органов судебной власти и приводит к оттоку квалифицированных кадров.

Поскольку работники аппарата судов общей юрисдикции относятся к государственным гражданским служащим, порядок оплаты их труда установлен Федеральным Законом «О государственной гражданской

службе Российской Федерации»[1]. При этом определено, что размеры должностных окладов и окладов за классный чин устанавливаются Указом Президента Российской Федерации[2], а порядок исчисления денежного содержания определяется Постановлением Правительства РФ[3].

Необходимо отметить, что заработная плата работников аппарата суда включает большое количество различных надбавок и поощрений (ежемесячная надбавка к должностному окладу за выслугу лет на гражданской службе, ежемесячная надбавка к должностному окладу за особые условия гражданской службы, ежемесячное денежное поощрение и др.), которые не лучшим образом сказываются на материальном положении служащих. Связано это в первую очередь со сложностью исчисления заработной платы и тем, что все выплаты не обеспечиваются гарантии социальной защиты работников аппаратов судов с учетом их специального правового статуса. Объем решаемых задач и служебная нагрузка не соответствуют уровню их материального обеспечения, заработная плата остается низкой.

В своих выступлениях на VII Всероссийском совете судей, состоявшемся 4 декабря 2008 года, Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, Председатель Верховного суда Российской Федерации В.М. Лебедев и Генеральный директор Судебного Департамента А.В. Гусев единогласно отмечали, что уровень оплаты труда помощников и других сотрудников аппарата суда не способствует повышению престижа данных должностей, и необходимо рассмотреть вопрос об увеличении оплаты их труда.

Результатом двухлетних трудов стал Указ Президента Российской Федерации от 26 января 2011 года №92[4], в соответствие с которым были повышены размеры должностных окладов некоторых служащих районных судов, а именно:

- помощник председателя суда – до 4811 рублей;
- помощник судьи – до 4435 рублей;
- секретарь судебного заседания – до 4209 рублей.

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2004 N 79-ФЗ "О государственной гражданской службе Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. – 2004. - № 31. - Ст. 3215.

[2] Указ Президента РФ от 25.07.2006 № 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих" // Собрание законодательства РФ. - 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3459.

[3] Постановление Правительства РФ от 06.09.2007 № 562 "Об утверждении Правил исчисления денежного содержания федеральных государственных гражданских служащих" // Российская газета. – 2007. – 12 сент.

[4] Указ Президента РФ от 26.01.2011 года № 92 «О внесении изменений в Реестр должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2005 г. № 1574, и в Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 г. № 763 «О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих» // Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 5. - Ст. 711.

Для сравнения до указанного повышения с учетом индексации должностной оклад помощника судьи составлял 4 360 рублей, а оклад секретаря судебного заседания – 3759 рублей.

Следует обратить внимание, что повышение должностных окладов коснулось только указанных категорий служащих суда, а оклады всех остальных работников аппарата суда остались без изменений, хотя их роль в обеспечении правосудия ни сколько не меньше.

Но даже с учетом внесенных изменений оклад секретаря судебного заседания (не говоря уже о специалистах и секретарях суда) остается на уровне ниже минимального размера оплаты труда, установленного Федеральный закон от 19.06.2000 N 82-ФЗ «О минимальном размере оплаты труда».

В соответствии с частью 11 статьи 50 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусмотрено ежегодное увеличение (индексация) размеров окладов денежного содержания по должностям государственной гражданской службы в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на соответствующий год с учетом уровня инфляции (потребительских). Такое решение принимается Президентом РФ по Представлению Правительства РФ.

С момента установления размеров должностных окладов (с июля 2006 года) индексация производилась 4 раза, при этом последнее повышение произошло с 1 октября 2008 года[1]. Благодаря такой индексации производилось хоть какое-то увеличение заработной платы всех государственных служащих, поскольку рост цен на отдельные товары потребления и услуги в несколько раз превышает уровень инфляции.

Однако Федеральным Законом от 13.12.2010 года №358-ФЗ «О внесении изменений в статью 31 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и приостановлении действий отдельных законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2011 год и плановый период 2012 и 2013 годов» действие ч.1 ст. 50 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» приостановлено до 1 января 2014 года. Ранее действие этой нормы уже было приостановлено[2].

Как усматривается, недостаточное финансирование работников аппарата суда превратилось в Российской Федерации в хроническую

[1] Указ Президента РФ от 21.09.2008г. №1394 «О повышении окладов месячного денежного содержания лиц, замещающих должности федеральной государственной гражданской службы» // Собрание законодательства РФ. -2008. - № 39. – Ст. 4422.

[2] Федеральный закон от 17.12.2009 № 313-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов» // Российская газета. – 2009. – 22 дек.

проблему, все принятые решения которой, не принесли соответствующего результата. Заработная плата работников аппарата суда по-прежнему остается в три-пять раз меньше заработной платы судьи, что доказывает необходимость кардинальных изменений, которые смогли бы обеспечить престиж государственной службы и повышение материального благосостояния работников аппарата суда.

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ

Шутова Анна Николаевна,
студентка 4 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Рузанов Валерий Иванович,
к.ф.н., доцент кафедры теории и
методики социальной работы
Юридического института
Сибирского федерального университета

Информатизация в социальной сфере является одним из важнейших направлений информатизации в России. Ее целью является повышение эффективности и качества обслуживания в социальной сфере и облегчение труда социальных работников, доведение социальной сферы до уровня международных образцов. Необходимость внедрения информационных технологий в социальной сфере страны представляется очевидной. Перспективы развития социальной сферы связаны с ее информатизацией и технологизацией, с использованием информационных технологий при решении задач социальной защиты различных слоев населения.

Информатизация социальной сферы – это процесс создания организационных, социально-экономических и научно-технических условий для удовлетворения и реализации информационных потребностей и прав граждан, субъектов управления социально-трудовой сферой, предприятий, учреждений, организаций, общественных объединений при разработке и реализации государственной политики в социально-трудовой сфере на основе формирования и использования информационных ресурсов и технологий[1].

Информатизация имеет решающее значение для повышения эффективности государственного управления и местного самоуправления, разработки и реализации государственной политики, в частности в социально-трудовой сфере.

В рамках понятия информатизации социальной сферы можно выделить основные направления ее реализации.

Во-первых, внедрение электронной системы информационного взаимодействия. Это позволит объединить существующие базы данных в органах здравоохранения, образования, занятости, социальной защиты и других структурных подразделениях социальной сферы. Разработка

[1] Информатизация социально-трудовой сферы Климов В.В. – (http://www.inesp.ru/directions/social/projects/realized/projects_detail.php?ID=457)

единой информационной системы требует интеграции на единой платформе всех существующих в первичном звене информационных систем. При этом в первую очередь необходимо создание адекватной законодательной базы и обеспечение технологическими ресурсами. Учреждения социальной сферы идут своим путем при сборе, обработке, хранении и использовании информации. Автор Квитченко Д.В. отмечает ее одностороннюю зависимость от профессиональной ориентации ведомства. Каждая организация решает проблемы информационного обеспечения своей отрасли самостоятельно, без взаимодействия с другими, что исключает возможность выявления фактора взаимовлияния, отражения динамики проблемных изменений в зависимости от времени [1]. Следовательно, информация не может быть полной и объективной, что затрудняет ее анализ и принятие управленческих решений.

Во-вторых, можно выделить такое направление как использование компьютерных информационных систем для создания единого банка данных лиц, имеющих право на предоставление мер социальной поддержки; автоматизации всех социальных выплат; предоставления актуальной и достоверной информации о различных социальных гарантиях и выплатах; улучшения качества приема населения по социальным вопросам; обеспечения территориальные отделы социальной защиты населения компьютерной техникой. Данные автоматизированные системы позволяют более оперативно вносить данные в базу данных о получателях мер социальной защиты, разработанные алгоритмы распределения социальной помощи, услуг, льгот, социальных выплат (пособия, субсидии, компенсации и пр.).

Таким образом, по данной проблеме было проведено исследование на примере Филиала № 7 (Центральный) государственного учреждения – Красноярского регионального отделения Фонда социального страхования РФ. В результате проведенного анкетирования клиентов и интервьюирования сотрудников можно сделать вывод, что использование информационных технологий в данном учреждении находится на достаточно высоком уровне, и при этом постоянно разрабатываются различные новые способы информационного взаимодействия и координирования деятельности Филиала. Так, например, посредством сети - Интернет клиентам Филиала предоставлена возможность производить расчет по начисленным и уплаченным страховым взносам на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством и по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, а также по расходам на выплату

[1] Квитченко, Д.В.. Информационные системы социальной защиты населения Приморского края / Д.В. Квитченко // Социальная работа. – 2008. - №6. – С.56.

страхового; прием отчета (Расчета), представляемого лицами, добровольно вступившими в правоотношения по обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством; также ведется виртуальный прием граждан по любым возникающим вопросам. То есть, в результате использования данной технологии значительно упрощается процесс взаимодействия Филиала и его клиентов, а это в свою очередь приводит к существенной экономии ресурсов.

Также стоит отметить, что для работодателей действует специально организованная Поисково-мониторинговая система Фонда социального страхования, посредством которой каждый клиент, пройдя процедуру регистрации, может производить все необходимые операции, получать информацию, производить расчеты непосредственно со своего рабочего места. Так, к примеру, для роддомов и консультаций предоставляется возможность ввода талонов родовых сертификатов и оформление реестров для сдачи в ФСС РФ; для всех медучреждений - просмотр расчетов с ФСС РФ по родовым сертификатам, диспансеризации и первичной медико-санитарной помощи; для страхователей - просмотр взаиморасчетов с ФСС РФ, результаты выездных документальных проверок, регистрационные данные, отчетные формы, возможность просмотра планируемых проверок ревизоров.

Далее стоит отметить, что в настоящее можно выделить такое перспективное направление информатизации социальной сферы как создание своего рода информационно-аналитических секторов межведомственного характера, в состав должны входить специалисты каждого отдела, отвечающие за информационную деятельность по своему направлению. Основными задачами информационно-аналитического сектора являются:

- планирование и организация работы специалистов с населением;
- разработка и проведение обучающих мероприятий для специалистов;
- анализ уже проведенных социально-значимых мероприятий и информационных акций;
- организация сотрудничества с СМИ;
- разработка и подготовка информационных материалов для различных групп населения (листовки, информационные стенды, брошюры);
- координирование действий, разработка алгоритма мероприятий для более оперативного и эффективного получения населения социальных услуг.

Таким образом, создание информационно-аналитических секторов позволяет концентрировать в его рамках всю информацию, поступающую из различных источников, анализировать ее и с учетом результатов распределять среди заинтересованных и нуждающихся в ней лиц и категорий населения.

Таким образом, информационная работа и информатизация деятельности социальных служб направлена на создание условий и механизмов формирования, развития и эффективного использования информационных ресурсов с целью качественного и результативного решения социальных задач. информатизация деятельности социальных служб, а также проведение систематической информационной работы в органах социальной сферы способствует повышению уровня организации деятельности, принятию эффективных управленческих решений, позволяет создать прямой коммуникационный канал с целевой аудиторией по принципу диалога, прогнозировать процессы, происходящие в социальной сфере.

Секция

Современные проблемы трудового и экологического права

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНЦЕПЦИИ ПЕРЕХОДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Горшов Егор Александрович,
студент 3 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Дицевич Ярослава Борисовна,
к.ю.н., доцент кафедры прокурорского надзора
и участия прокурора в арбитражном процессе
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Согласно многочисленным данным экологическую ситуацию в мире можно охарактеризовать как крайне нестабильную. Ситуация в России на порядок хуже и уже приближается к экологической катастрофе. Многие тревожные данные об экологической обстановке можно получить из Государственного доклада «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2009 году»[1].

Общее отношение к природе отчётливо потребительское. Концепция потребительского отношения к природе характеризуется неразумным использованием её ресурсов без восполнения, без апелляции к судьбам будущих поколений. Эта концепция, как и любая идеологическая конструкция, основана на определённой картине мира. Эту картину мира условно можно назвать Ньютоновской, или механистической. Основные постулаты данной картины мира нашли своё приложение в научных парадигмах естественных и общественных наук. После того, как утвердились соответствующие научные парадигмы, стало возможным на основе легитимированных наукой данных создать цельную идеологическую систему (механистический детерминизм).

В дальнейшем механистический детерминизм создал потребительскую культуру масс, в частности, потребительское отношение к природе. Соответственно, появилась возможность свести всё богатство отношений с матушкой-природой к простому отношению субъект-объект. Иными словами, человек должен относиться к природе как к обычному объекту своей деятельности. В свою очередь, хозяйствующие субъекты в своём поведении руководствуются простой экономической логикой. И она

[1] О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2009 году: государственный доклад. [Электронный ресурс]. – М.: Консультант Плюс: справочная правовая система [08.03.11]

прекрасно вписывается в общий потребительский характер современного общества. Поиски злого умысла, моральные обвинения, к которым прибегают разнообразные "зеленые" общественные организации, просто неуместны, если экономическая логика принимается в принципе обществом. Данная логика несовместима с логикой экологической, и это противоречие стало одной из причин общего кризиса индустриальной цивилизации не только в России, но и во всём мире.

Одним из самых острых проявлений кризиса цивилизации, считающей концепцию потребительского отношения к природе в качестве единственно возможной в данных условиях, стало признание природоразрушающего характера созданного этой цивилизацией типа хозяйства – так называемой рыночной экономики. Это признание стало итогом беспрецедентной Конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая проходила в бразильском городе Рио-де-Жанейро в 1992 году. Генеральный секретарь этой организации Морис Стронг подчеркнул в своей речи, обращённой к участникам конференции: «…западная модель развития более не подходит ни для кого. Единственная возможность решения глобальных проблем сегодняшнего дня - это устойчивое развитие». Незадолго до этого было предложено и понятие устойчивого развития. Под ним понимается такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Это условие накладывает на современную хозяйственную деятельность ограничение, можно сказать, идущее из будущего. Оно связано, прежде всего, с невозобновляемыми ресурсами, например, минеральными[1].

После принятия Декларации ООН по окружающей среде и развитию в 1992 году в РФ появились два Указа Президента: от 4 февраля 1994 года "О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития" и от 1 апреля 1996 г. "О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию". К сожалению, оба эти указа носят в большей степени декларативный характер, и повлиять на экологическую ситуацию оказались не в состоянии.

Последующее закрепление на уровне международного права идеи устойчивого развития нашли в Декларации ООН по окружающей среде и развитию, принятой в 2002 году на Всемирном саммите по окружающей среде и развитию в южноафриканском городе Йоханессбург. На основе документов, принятых на международном уровне, 31 августа 2002 года было принято распоряжение Правительства Российской Федерации №

[1] Кара-Мурза С.Г. Научная картина мира, экономика и экология. - М., 2000. - С. 3.

1225-р, которым была одобрена Экологическая доктрина России. Вышеназванным документом идея устойчивого развития признана одним из основных принципов, на которых базируется государственная политика в области экологии. Однако действительная возможность перехода Российской Федерации к устойчивому развитию представляется весьма проблематичной в силу комплекса социально-экономических и политических причин.

Необходимость изменения отношения к природе и перехода Российской Федерации к устойчивому развитию очевидна, однако, в условиях господства неолиберальной идеологии и рыночной экономики осуществить этот переход весьма проблематично. В рамках данной работы мы ограничимся предложением правовых преобразований в области охраны окружающей среды, хотя и принимаем во внимание тот факт, что исключительно изменениями в области права осуществить переход к устойчивому развитию не представляется возможным.

Изменениям должны быть подвергнуты как экономико-правовой, так и административно-правовой механизмы охраны окружающей среды. Представляется, что экономико-правовой механизм нуждается в следующих преобразованиях:

1) воссоздание Экологического фонда Российской Федерации и экологических фондов субъектов Российской Федерации;

2) обеспечение неотвратимости уголовной, административной и гражданско-правовой ответственности за правонарушения в области охраны окружающей среды;

3) повышение платы за специальное природопользование;

4) совершенствование системы льгот, предоставляемых хозяйствующим субъектам, деятельность которых в той или иной степени связана с охраной окружающей среды.

Среди изменений в административно-правовом механизме охраны окружающей среды можно выделить следующие:

1) воссоздание единого органа специальной компетенции в области охраны окружающей среды со статусом министерства;

2) повышение эффективности государственного экологического контроля и надзора;

3) возобновление деятельности органов муниципального экологического контроля;

4) дальнейшее развитие системы экологического образования и просвещения.

Представляется, что реализация вышеприведённых мер позволит Российской Федерации продолжить движение на пути к устойчивому развитию.

ОТКАЗ В ПРИЁМЕ НА РАБОТУ

Кудро Алёна Евгеньевна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Маргацкая Надежда Афанасьевна,
к.ю.н., доцент кафедры трудового и экологического права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Основной принцип, которым должен руководствоваться работодатель, - это запрещение дискриминации в сфере труда. Это значит, что никто не может быть ограничен в трудовых правах (и приеме на работу) в зависимости от пола, расы, национальности, языка, имущественного, должностного, социального положения, возраста, места жительства, отношения к религии, политических убеждений - т.е. всего того, что не связано с деловыми качествами соискателя.

В процессе отбора неизбежно возникают вопросы по поводу субъективных и объективных различий кандидатов на конкретную вакансию, исключений и предпочтений. Но однозначно ответить на вопрос, правомерно ли на их основании отказывать кандидату нельзя.

Часть 1 ст. 64 ТК РФ устанавливает императивный запрет на необоснованный отказ в заключении трудового договора (приеме на работу). А. Курушин предлагает классифицировать отказы на правомерные и неправомерные.[1]

По требованию лица, которому отказано в заключении трудового договора, работодатель обязан сообщить причину отказа в письменной форме. Отказ в заключении трудового договора может быть обжалован в суд.

К необоснованным причинам отказа в приеме на работу наиболее распространенными являются дисциплинарные проступки на прежней работе, плохие рекомендации от бывшего работодателя, наличие родственника, работающего в компании-конкуренте, пробелы в резюме (отсутствие постоянной работы в течение года), а также иные нарушения, напрямую не связанные с работой (невозврат кредита, нарушение визового режима при выезде за границу)[2].

Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) и Федеральная антимонопольная служба (ФАС) еще в 2007 г. собирались разработать

[1] Курушин А.А. Отказы в приеме на работу и некоторые проблемы его оспаривания // Юрист. 2000. N 6.
[2] Алеева Е. Служебная непроходимость // Деньги. 2008. 3 марта. № 8.

механизм запрета публикации объявлений о вакансиях с указанием возраста, пола, места проживания и гражданства. Нарушителей предполагалось в ряде случаев штрафовать за нарушение Закона о рекламе на сумму до 500 тыс. руб[1].

На сегодняшний день все еще встречаются ограничения, устанавливаемые работодателями при приеме на работу, которые не предусмотрены федеральными законами и не связаны с деловыми качествами соискателя. Заслуживают поддержки меры, предлагаемые Рострудом и ФАС, однако требуются и более детальное установление принципов определения критериев деловых качеств работников, а также четкое определение мер ответственности работодателя за необоснованный отказ работнику в приеме на работу. При этом не следует забывать и о принципе свободы договора: что это право работодателя, а не обязанность заключать трудовой договор с соискателем.

[1] Коммерсантъ. 2007. 28 сентября.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РАБОТОДАТЕЛЯ

Маркова Наталья Викторовна,
студентка 3 курса Юридического института
Сибирского федерального университета

Научный руководитель:
Маргацкая Надежда Афанасьевна,
к.ю.н., доцент кафедры трудового и экологического права
Юридического института
Сибирского федерального университета

Материальная ответственность одной из сторон трудового договора наступает, если ею причинен ущерб другой стороне в результате ее виновного противоправного поведения (действия или бездействия). Как известно, существуют две формы вины: умысел и неосторожность. Умысел характеризуется тем, что субъект осознает противоправность своих действий, предвидит их крайне вредные последствия и желает или сознательно допускает их наступление[1].

Основания возникновения материальной ответственности работодателя перед работником.

Первое основание – это "лишение возможности трудиться" (ст. 234 ТК РФ), которое подразумевает отстранение сотрудника от работы в результате незаконного увольнения, перевода и т.п. Обычно это происходит в следующих случаях.

При отказе работодателя от исполнения или несвоевременного исполнения решения органа по рассмотрению трудовых споров или государственного правового инспектора труда о восстановлении работника на прежней работе.

При задержке работодателем выдачи трудовой книжки или внесения в трудовую книжку неправильной или несоответствующей законодательству формулировки причины увольнения работника. В других случаях, предусмотренных федеральными законами и коллективным договором.

В прежнем Кодексе законов о труде предусматривался максимальный предел удовлетворения денежных требований работника при разрешении трудового спора — не более чем за три года. Действующий Трудовой кодекс не устанавливает максимального предела, это означает, что работодатель должен возместить работнику не полученный им

[1] Лищук В.В. Трудовое право / В.В. Лищук. М.: МФПА, 2004.

заработок во всех случаях незаконного лишения его возможности трудиться и в полном объеме[1].

Под незаконным отстранением работника от работы понимается его отстранение с нарушением требований ст. 76 ТК, а также требований, установленных иными федеральными законами. Как правило, отстранение от работы обусловлено виновным поведением работника. Однако в ряде случаев отстранение от работы может быть обусловлено другими основаниями и в других целях. Например, в целях обеспечения безопасности, охраны жизни и здоровья самих работников либо других граждан (ст. 33, 51 Федерального закона от 30 марта 1999 г. "О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения") (в ред. от 30 июня 2003 г.)). Отстранять работника от работы (должности) уполномочены различные государственные органы и должностные лица (следователи, государственные санитарные врачи, государственные инспекторы по охране труда и др.). Работодатель обязан возместить работнику не полученный им заработок во всех случаях, когда работник был лишен возможности трудиться по вине работодателя.

Под незаконным увольнением или переводом на другую работу понимается увольнение или перевод на другую работу работника, совершенные с нарушением требований законодательства (нарушение основания или порядка (процедуры) увольнения или перевода). Характер нарушения законодательства не имеет значения, но ответственность работодателя наступает только при условии причинения работнику материального ущерба (потери заработка полностью или частично). Таким образом, в случае незаконного перевода работника на другую работу без потери в оплате труда работодатель будет нести ответственность только за причинение работнику морального вреда[2].

Второе основание, по которому у работодателя возникает материальная ответственность перед работником, – это задержка выплаты заработной платы или иных денежных средств. Ст. 236 Трудового кодекса устанавливает, что при нарушении работодателем установленного срока выплаты заработной платы, оплаты отпуска, выплат при увольнении и других выплат, причитающихся работнику, работодатель обязан сделать их с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования ЦБ РФ от невыплаченных в срок сумм за каждый день задержки начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно. Размер указанной денежной компенсации может быть установлен коллективным договором выше, чем предусмотрено Трудовым кодексом.

---

[1] Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России / К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова. М.: Проспект, 2004.
[2] Куренной А.М. Трудовое право России / А.М. Куренной. – М.: Юристъ, 2004.

Однако законодатель не закрепил конкретный срок оплаты каждого проработанного месяца, установив только, что "заработная плата выплачивается не реже чем каждые полмесяца, в день, установленный правилами внутреннего трудового распорядка организаций, коллективным договором или трудовым договором".

Третьим основанием для материальной ответственности работодателя перед работником является причинение вреда имуществу последнего (ст. 235 ТК РФ).

Работник должен доказать возникновение у него ущерба в связи с повреждением или уничтожением принадлежащего ему имущества в процессе трудовой деятельности[1].

Трудовой кодекс впервые предусмотрел материальную ответственность работодателя за ущерб, причиненный имуществу работника. Тем самым закрепляется правовое средство, обеспечивающее защиту интересов работника. По данной статье Кодекса работодатель, причинивший ущерб имуществу работника, возмещает этот ущерб в полном объеме. Размер ущерба исчисляется по рыночным ценам, действующим в данной местности на момент возмещения ущерба. Тем самым законодатель защищает имущественные интересы работника от инфляции.

Кодекс предусматривает форму и порядок возмещения ущерба имуществу работника. Так, при согласии работника ущерб может быть возмещен в натуре.

Заявление работника о возмещении ущерба направляется им работодателю, который обязан рассмотреть это заявление и соответствующее решение в десятидневный срок со дня его поступления. Если работник не согласен с решением работодателя или не получил ответа в установленный срок, работник имеет право обратиться с иском в суд[2].

Четвертым основанием материальной ответственности работодателя является причинение морального вреда работнику (ст. 237 ТК РФ). Сразу заметим, что теперь закон позволяет сотруднику требовать компенсации морального вреда по любым основаниям, связанным с нарушением работодателем его прав. Работодатель и работник могут самостоятельно прийти к соглашению относительно размера и форм возмещения морального вреда. Если сторонам прийти к соглашению не удается, возмещение морального вреда производится через суд. В этом случае каждой из сторон нужно запастись аргументами в поддержку своих требований. Размер компенсации будет определен судом исходя из конкретных обстоятельств дела. Если работодатель откажется возместить

[1] Миронов В.И. Трудовое право России / В.И. Миронов. С-Пб.: Питер, 2009.
[2] Гусов К.Н., Толкунова В.Н. Трудовое право России / К.Н. Гусов, В.Н. Толкунова. М.: Проспект, 2004.

моральный вред по решению суда, то компенсация в пользу работника будет взыскана принудительно[1].

[1] Петрыкина Н. Материальная ответственность работодателя /Н. Петрыкина // Кадровый менеджмент. – .2005. – 11 июля.

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ГОРОДСКИХ ПАРКОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ОМСКА)

Солдатова Анастасия Евгеньевна,
студентка 3 курса юридического факультета
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Научный руководитель:
Седельникова Марина Геннадьевна,
к.ю.н., доцента, заведующая кафедрой социального права
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

Право на благоприятную окружающую среду - одно из важнейших прав, гарантированных каждому Конституцией РФ. Современное природоохранное законодательство содержит широкий перечень норм, закрепляющих его реализацию, но в век бурного развития промышленности это становится все более затруднительным. Проблемы экологии в таких крупных населенных пунктах, как города, с каждым днем стоят все острее. Ведь именно здесь сосредоточено значительное количество промышленных объектов и высока концентрация транспортных средств.

В этой связи особого внимания заслуживают проблемы городских парков, поскольку данные природные территории оказывают не только эстетическое и культурное воздействие, но и служат одними из главных средств восстановления городской природной среды.

Таким образом, целью моего исследования является обоснование необходимости регламентации на федеральном и региональном уровне правового статуса городских природных территорий.

Согласно ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» выделяются только две категории парков:

-национальные парки

-природные парки

Обе категории представляют экологическую ценность. Различие коренится лишь в том, что ценность национальных парков характеризуется в законе как особая, а природных парков - значительная.

Сходство данных двух видов природных территорий заключается в следующем. В зависимости от рекреационной и экологической ценности природных участков на территориях парков могут выделяться природо-охранные, рекреационные, агрохозяйственные и иные функциональные зоны, включая зоны охраны историко-культурных комплексов и объектов.

Но, как известно, далеко не все городские парки имеют статус особо охраняемых природных территорий. Это объясняется следующими факторами.

Во-первых, в законодательных актах городская природная территория не рассматривается, как особая категория, имеющая свои, присущие только ей, специфические особенности: как средство восстановления окружающей городской среды; как особый элемент городской структуры, требующей для своего сохранения особого правового режима; как участок городской территории, представляющий особую ценность для приобретения или использования в иных предпринимательских целях.

Во-вторых, анализ законодательства показывает, что ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» ставит под защиту, прежде всего, уникальные природные объекты, ту часть природы, которая представляла наибольшую ценность для общества, не учитывая, что для города любая природная территория имеет особую ценность.

В этой связи необходимо обозначить проблемы, типичные практически для всех городов России:

1) Отсутствует единая система управления природным комплексом города и контроля за его состоянием;

2) Отсутствует единый учёт зеленых насаждений в городе;

3) Происходит сокращение общей площади территорий природных комплексов и деградация природных и озелененных территорий городов;

4) Земли в границах охраняемых территорий изымаются под застройку;

5) Отсутствует финансирование и материально-техническое обеспечение необходимых для города природоохранных мероприятий;

6) На территории природных комплексов размещается большое количество сторонних объектов, что приводит к тому, что большие парковые территории исключаются из общего пользования.

Данная совокупность факторов указывает, на мой взгляд, на необходимость пересмотра положений ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» и внесения в него существенных изменений, касающихся регламентации правового статуса территорий, занимаемых городскими парками.

Не является и исключением и город Омск, которому обозначенные выше проблемы также присущи. Речь идет о правовом режиме природного парка «Птичья гавань» и проблемах его функционирования и дальнейшего развития. Также необходимо обратить внимание на сокращение общей численности насаждений в городе Омске в связи с их вырубкой, что

приводит к усилению антропогенной нагрузки на окружающую природную среду.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» направлен на сохранение природных комплексов и объектов, имеющих особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение. Вследствие этого, вне сферы его регулирования остаются все городские природные территории, которые не относятся к категории "особых", но имеют в городских условиях не менее важное значение для поддержания окружающей среды в состоянии, обеспечивающем безопасные и благоприятные условия жизнедеятельности. В связи с этим такие исследователи, как Л. П. Дехтерева отмечают, что закрепление в вышеупомянутом законе термина "особо охраняемая городская природная территория" позволило бы наиболее полно раскрыть содержание правового режима использования и особой охраны природных комплексов, находящихся на территории города.

Что же касается регионального законодательства, то, на мой взгляд, представляется целесообразным принятие на этом уровне закона «Об особо охраняемых природных территориях», где необходимо закрепить статус городских парков, придав им такие названия, как «особо охраняемая природная территория регионального значения» или «городская лесопарковая зона». Формирование таких зон следует производить, на мой взгляд, с учетом численности населения и показателей антропогенной нагрузки на окружающую среду в каждом конкретном субъекте федерации. Также в предмет регламентации данного закона следует включить регулирование отношений, связанных с проблемами установления режима использования, включая ограничения предоставления данных территорий под застройку и использования в предпринимательских и иных целях, содержания каждой конкретной особо охраняемой городской природной территории. Эти объекты следует относить к одним из основных элементов инфраструктуры городского поселения. Необходимо регламентировать на данном уровне и особенности финансирования содержания этих территорий и определение структур, обеспечивающих соблюдение режима их охраны.

Все это позволит восполнить пробел в существующем законодательстве об особо охраняемых природных территориях и будет способствовать сохранению и развитию городских природных территорий и поддержанию благоприятной окружающей среды для населения городов.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА. АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Тюкавкина Ксения Александровна,
студентка 2 курса прокурорско-следственного факультета
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Научный руководитель:
Фирсова Ольга Анатольевна,
к.ю.н., заведующая кафедрой прокурорского надзора и участия
прокурора в рассмотрении гражданских и арбитражных дел
Иркутского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Вопрос заключения трудового договора с каждым конкретным работником – очень серьезный, поскольку заключение договора ведет к началу трудовых отношений, трудовой деятельности, а соответственно, возможности получения заработной платы на данном конкретном поприще. Трудовая деятельность является важнейшим элементом жизни человека и гражданина, является для большинства граждан средством обеспечения жизни, финансового благополучия, социализации, культурного развития и воспитания. Трудовые отношения регулируются нормами закона в целях защиты интересов и конституционных прав как работника, так и работодателя.

Анализ действующих норм трудового законодательства, актуальной судебной и иной практики позволят выделить ряд проблемных аспектов заключения трудового договора.

Во-первых, *при рассмотрении дел данной категории в целях оптимального согласования интересов работодателя и лица, желающего заключить трудовой договор,* и с учетом того, что исходя из содержания ст. 8, ч. 1 ст. 34, ч. 1 и 2 ст. 35 Конституции РФ[1] и абз. 2 ч. 1ст. 22 ТК РФ[2] работодатель в целях эффективной экономической деятельности и рационального управления имуществом самостоятельно, под свою ответственность принимает необходимые кадровые решения (подбор, расстановка, увольнение персонала) и заключение трудового договора с конкретным лицом, ищущим работу, является правом, а не обязанностью

[1] Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 1993. - 25 декабря.
[2] Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1.

работодателя. Также необходимо учитывать и то, что *Кодекс не содержит норм, обязывающих работодателя заполнять вакантные должности или работы немедленно по мере их возникновения*, необходимо проверить, делалось ли работодателем предложение об имеющихся у него вакансиях (например, сообщение о вакансиях передано в органы службы занятости, помещено в газете, объявлено по радио, оглашено во время выступлений перед выпускниками учебных заведений, размещено на доске объявлений), велись ли переговоры о приеме на работу с данным лицом и по каким основаниям ему было отказано в заключении трудового договора.

Нельзя забывать и о том, что запрещается отказывать в заключении трудового договора по обстоятельствам, носящим дискриминационный характер, в том числе женщинам по мотивам, связанным с беременностью или наличием детей (ч. 2, 3 ст. 64 ТК РФ); работникам, приглашенным в письменной форме на работу в порядке перевода от другого работодателя, в течение одного месяца со дня увольнения с прежнего места работы (ч. 4 ст. 64 ТК РФ).

Во-вторых, *поскольку действующее законодательство содержит лишь примерный перечень причин, по которым работодатель не вправе отказать в приеме на работу лицу, ищущему работу, вопрос о том, имела ли место дискриминация при отказе в заключении трудового договора, решается судом при рассмотрении конкретного дела.* Поэтому если судом будет установлено, что работодатель отказал в приеме на работу по обстоятельствам, связанным с деловыми качествами данного работника, такой отказ является обоснованным[1].

В-третьих, *отказ работодателя в заключении трудового договора с лицом, являющимся гражданином Российской Федерации, по мотиву отсутствия у него регистрации по месту жительства*, пребывания или по месту нахождения работодателя является незаконным, поскольку нарушает право граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства, гарантированное ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, а также противоречит ч. 2 ст. 64 ТК РФ, запрещающей ограничивать права или устанавливать какие-либо преимущества при заключении трудового договора по указанному основанию.

В-четвертых, *если трудовой договор не был оформлен надлежащим образом, однако работник приступил к работе с ведома или по поручению работодателя или его уполномоченного представителя, то трудовой договор считается заключенным и работодатель или его уполномоченный представитель обязан не позднее трех дней со дня фактического допущения к работе оформить трудовой договор в письменной форме* (ч.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 "О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации" // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2004. - №6.

2 ст. 67 ТК РФ). При этом следует иметь в виду, что представителем работодателя в указанном случае является лицо, которое в соответствии с законом, иными нормативными правовыми актами, учредительными документами юридического лица (организации) либо локальными нормативными актами или в силу заключенного с этим лицом трудового договора наделено полномочиями по найму работников, поскольку именно в этом случае при фактическом допущении работника к работе с ведома или по поручению такого лица возникают трудовые отношения (ст. 16 ТК РФ) и на работодателя может быть возложена обязанность оформить трудовой договор с этим работником надлежащим образом.

Ещё одной практической проблемой является обоснованность заключения с работником срочного трудового договора. Следует учитывать, что такой договор заключается, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения, если иное не предусмотрено Трудовым кодексом РФ и иными федеральными законами (ст. 58 ТК РФ).

Предусматривая заключение с пенсионерами по возрасту срочного трудового договора, в то время как с другим лицом при прочих равных условиях трудовой договор заключается на неопределенный срок, положение абзаца 3 части 2 ст. 59 Трудового кодекса ставит пенсионеров в худшее положение по сравнению с другими гражданами, ограничивает равенство возможностей при реализации ими своих способностей к труду.

Положение ст. 59 Трудового кодекса, регламентирующее заключение срочного трудового договора с пенсионерами по возрасту, не соответствует ст. 2, 7, ч. 1, 4 ст. 15, ст. 19, 37 и 55 Конституции РФ, как предоставляющее работодателю возможность заключения срочного трудового договора с гражданином лишь по причине достижения им пенсионного возраста ограничивает трудовые права данной категории лиц, носит дискриминационный характер и нарушает принцип равенства. Поэтому, представляется необходимым исключить из абз. 3 ч. 2 ст. 59 ТК РФ слова «с поступающими на работу пенсионерами по возрасту».

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть, что социальное значение трудового договора сложно переоценить. Договор, как индивидуальный, так и коллективный, является регулятором социально-трудовых, и даже бытовых отношений. В условиях перехода к рыночным отношениям, когда появляется конкуренция и безработица, роль и значение трудового договора резко возросли, так как с его помощью осуществляется прием на работу, а работодатель стремится принимать на работу наиболее квалифицированных, опытных и производительных работников. Поэтому должен соблюдаться баланс интересов обеих сторон – работник должен быть уверенным, что не будет эксплуатироваться незаконно, работодатель,

принимая в штат человека, должен быть заинтересован прежде всего в надлежащем исполнении возложенных на него обязанностей.